

Учредитель: ООО «Русайнс»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-67801 выдано 28.11.2016
ISSN 2587-831X
Подписной индекс Роспечати 65001

Адрес редакции: 117218, Москва, ул.
Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: zakon.i.vlast@mail.ru
Сайт: <http://zakonivlast.ru/>

Журнал входит в Перечень ВАК ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., декан факультета анализа рисков и экономической безопасности им. проф. В.К. Сенчагова, Финансовый университет при Правительстве РФ

Баранов Николай Алексеевич, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры международных отношений, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Буренко Владимир Иванович, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет

Гончаров Петр Константинович, д-р социол. наук, проф., Юридический институт, Российский университет транспорта (МИИТ)

Гущин Василий Васильевич, д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Всероссийский государственный университет юстиции

Коньшев Валерий Николаевич, д-р полит. наук, проф., кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

Корконосенко Сергей Григорьевич, д-р полит. наук, проф., завкафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций, Санкт-Петербургский государственный университет

Косаренко Николай Николаевич, к.ю.н., доцент, доцент кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин РЭУ им. Г.В. Плеханова

Косов Геннадий Владимирович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой «Международные отношения и зарубежное регионоведение», Севастопольский государственный университет

Кошкин Андрей Петрович, д-р полит. наук, проф., завкафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Нурьшев Геннадий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Малько Александр Васильевич, д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции

Мартынов Борис Федорович, д-р полит. наук, кафедра международных отношений и внешней политики России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Нисневич Юлий Анатольевич, д-р полит. наук, проф., Департамент политической науки факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

Орлов Владислав Николаевич, д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры организации исполнения наказаний, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

Павликов Сергей Герасимович, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ

Шагиева Розалина Васильевна, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Сардарян Генри Тигранович, д-р полит. наук, декан факультета управления и политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ

Скитович Виктор Викторович, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»

Смоленский Михаил Борисович, д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф., заведующий кафедрой теории государства и права, Ростовский государственный университет путей сообщения

Чаннов Сергей Евгеньевич, д-р юрид. наук, проф., завкафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Главный редактор:

Авдийский Владимир Иванович, д-р юрид. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической безопасности и управления рисками, Финансовый университет при Правительстве РФ

Отпечатано в типографии

ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Подписано в печать: 30.04.2025 Цена свободная Тираж 300 экз. Формат: А4

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ, ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Методологическая база исследований эпохи Ибн Хаджара аль-Хайтами: политический, социальный, экономический, научный и культурный аспекты. Газимагомедов М.Ю., Аль Ляхам Бадиг аль Саид 4

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Использование нейросетей для анализа политических дебатов в социальных медиа. Ситникова И.А., Карпов И.А., Голубцов Н.П., Ламинина О.Г. 9
Влияние религиозных институтов на антикоррупционные инициативы. Рамазанов Р.О. 13
Типы, модели, формы взаимодействия государства и институтов гражданского общества. Шмидт Е.Б., Прудников Л.А. 15

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

Культурно-гуманитарное измерение публичной дипломатии России в Узбекистане. Черных Г.Е. 18
Современные исследования институтов гражданского общества в России. Шмидт Е.Б., Прудников Л.А. 22

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Председательство России в БРИКС в 2024 году: итоги и перспективы. Нарбут К.А. 26
Конвергентное развитие НБИКС-технологий как источник изменений проблематики безопасности. Никитина К.А. 31
Китай и США в эпоху нового этапа торговой войны 2025 года. Ярымова О.В. 35
Борьба за цифровой суверенитет: США, Китай и Россия в новой кибергонке. Ярымова О.В. 41

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

Сущность и правовая природа института кассации. Громов А.П. 47
Правовая политика и организационно-управленческая деятельность. Зацепин М.Н., Зацепин А.М. 51
Реализация конституционно-правовой политики на региональном уровне. Исаков Б.Т. 57
Некоторые аспекты правового статуса политических партий в избирательном процессе. Козлов С.С., Ласынов Р.Р. 61
Возможные перспективы развития механизма международно-правового признания государств. Пухаев Д.Э. 65
Цифровые валюты в РФ: судебная практика 2021-2024 годов. Усольцев А.Е., Шестеряков И.А. 68
Законодательство о культуре: к вопросу об определении понятия «культурные блага». Федотова А.В. 73

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Правовое регулирование и классификация объектов капитального/ некапитального строительства. Акимов А.Ф. 78
К вопросу об отмене контрольных (надзорных) мероприятий в сфере капитального строительства. Барышников Н.Э. 81
Перевод на другую работу: понятие, влияние цифровизации. Владимирова В.Д. 86
Допустимость и достоверность как наиболее формализованные критерии оценки доказательств в гражданском процессе. Дыбенко В.Б. 92

Современные правовые регуляторы в сфере электронной коммерции: на примере владельцев агрегатора информации о товаре. Камалетдинова А.В., Никитин Д.В., Сунгатуллина Л.А. 96
Публичное и частное право: от конвергенции к синергии. Королев П.П. 100
Защита деловой репутации как институт гражданского права в цифровую эпоху. Кузнецов Н.А. 104
Общественное восприятие деятельности Московской административной дорожной инспекции. Минович Д.О., Жигун Л.А. 108
Градостроительное законодательство России в контексте концепции «право на город». Тарасова М.С. 112
Правовые аспекты наследования супругом права на долю в ООО. Труханова В.В. 116
Факторы, влияющие на нарушение служебной дисциплины в таможенных органах. Шестакова Т.А. 120

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

К вопросу о понятии арктических морских путей. Орлов К.М. 124
Блокчейн и удаление персональных данных: технологические и регуляторные решения. Фарзалиев М.Р. 128
Использование программ для ЭВМ в юридической деятельности. Шахов А.А., Гайбатова К.Д. 132

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Особенности имплементации международных договоров в арбитражном судопроизводстве. Запросов А.А. 138
Понятие и формы судебного представительства. Карпов Г.А. 142
Цифровая трансформация системы правосудия Российской Федерации. Ковалев В.В. 146
Актуальные вопросы приостановления уголовного дела, привлекаемых к участию в специальной операции. Лазарева М.Б. 149
Взаимодействие искусственного интеллекта с принципами судопроизводства. Толстов А.С. 152
Понятие «разумные пределы» в нормах о судебных расходах Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Хрипунов А.С. 155

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Проблемы определения круга субъектов мошенничества в сфере предпринимательства. Бакланов А.Ю. 160
Разграничение уголовной и административной ответственности за хулиганство: теоретические и практические аспекты. Спирин А.В. 164

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Проблемы тактики допроса подозреваемого. Лоскутова К.В., Влезько Д.А. 167
Способы совершения мошенничества в сфере транспортного страхования. Шикун А.О. 220

Contents

THEORY AND PHILOSOPHY OF POLITICS, HISTORY AND METHODOLOGY OF POLITICAL SCIENCE

Methodological basis of research on the era of Ibn Hajar al-Haytami: political, social, economic, scientific and cultural aspects. Gazimagomedov M.Yu., Al Lakham Badig al Said. 4

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Using neural networks to analyze political debates in social media. Sitnikova I.A., Karpov I.A., Golubtsov N.P., Laminina O.G. 9
The influence of religious institutions on anti-corruption initiatives. Ramazanov R.O. 13
Types, models, forms of interaction between the state and civil society institutions. Schmidt E.B., Prudnikov L.A. 15

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGIES

The cultural and humanitarian dimension of Russia's public diplomacy in Uzbekistan. Chernykh G.E. 18
Modern studies of civil society institutions in Russia. Schmidt E.B., Prudnikov L.A. 22

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Russia's BRICS Chairmanship in 2024: Results and Prospects. Narbut K.A. 26
Convergent development of NBICS technologies as a source of changes in security issues. Nikitina K.A. 31
China and the United States in the era of a new stage of the trade war in 2025. Yarymova O.V. 35
The struggle for digital sovereignty: the United States, China and Russia in a new cyber race. Yarymova O.V. 41

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

The essence and legal nature of the cassation institute. Gromov A.P. 47
Legal policy and organizational and managerial activity. Zatsepin M.N., Zatsepin A.M. 51
Implementation of constitutional and legal policy at the regional level. Isakov B.T. 57
Some aspects of the legal status of political parties in the electoral process. Kozlov S.S., Lasynov R.R. 61
Possible prospects for the development of the mechanism of international legal recognition of states. Pukhaev D.E. 65
Digital currencies in the Russian Federation: judicial practice in 2021-2024. Usoltsev A.E., Shesteryakov I.A. 68
Legislation on culture: on the issue of defining the concept of "cultural goods". Fedotova A.V. 73

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES

Legal regulation and classification of capital/non-capital construction projects. Akimov A.F. 78
On the issue of abolition of control (supervisory) measures in the field of capital construction. Baryshnikov N.E. 81

Transfer to another job: concept, impact of digitalization. Vladimirova V.D. 86
Admissibility and reliability as the most formalized criteria for assessing evidence in civil proceedings. Dybenko V.B. 92
Modern legal regulators in the field of e-commerce: on the example of owners of an aggregator of information about a product. Kamaletdinova A.V., Nikitin D.V., Sungatullina L.A. 96
Public and private law: from convergence to synergy. Korolev P.P. 100
Protection of business reputation as an institution of civil law in the digital age. Kuznetsov N.A. 104
Public perception of the activities of the Moscow Administrative Road Inspection. Mirovich D.O., Zhigun L.A. 108
Urban planning legislation of Russia in the context of the concept of "right to the city". Tarasova M.S. 112
Legal aspects of inheritance by a spouse of the right to a share in an LLC. Trukhanova V.V. 116
Factors influencing the violation of official discipline in customs authorities. Shestakova T.A. 120

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

On the concept of Arctic sea routes. Orlov K.M. 124
Blockchain and deletion of personal data: technological and regulatory solutions. Farzaliev M.R. 128
Use of computer programs in legal activities. Shakhov A.A., Gaibatova K.D. 132

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Features of the implementation of international treaties in arbitration proceedings. Zaprosov A.A. 138
The concept and forms of legal representation. Karpov G.A. 142
Digital transformation of the justice system of the Russian Federation. Kovalev V.V. 146
Topical issues of suspension of criminal cases involved in a special operation. Lazareva M.B. 149
Interaction of artificial intelligence with the principles of legal proceedings. Tolstov A.S. 152
The concept of "reasonable limits" in the rules on legal costs of the Civil Procedure Code of the Russian Federation. Khripunov A.S. 155

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY. CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

Problems of defining the circle of subjects of fraud in the sphere of entrepreneurship. Baklanov A.Yu. 160
Distinction between criminal and administrative responsibility for hooliganism: theoretical and practical aspects. Spirin A.V. 164

CRIMINALISTICS. FORENSIC ACTIVITIES. OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES

Problems of tactics of interrogation of a suspect. Loskutova K.V., Vlezko D.A. 167

Методологическая база исследований эпохи Ибн Хаджара аль-Хайтами: политический, социальный, экономический, научный и культурный аспекты

Магомед Юсупович

докторант Болгарской исламской академии,
yusupovmuhammad1985@gmail.com

Аль Ляхам Бадиг аль Саид

доктор исламских наук, доцент кафедры Корана и хадисов шариатского факультета Дамасского университета, преподаватель кафедры религиозно-гуманитарных дисциплин Академии

Статья посвящена изучению эпохи, в которой родился и жил известный исламский ученый Имам Ибн Хаджар аль-Хайтами. Автор статьи, опираясь на исторические источники, анализирует политические, социальные, экономические и культурные события, происходившие в период с 909 по 974 год по хиджре (1504-1566 г.). Особое внимание уделяется двум ключевым периодам: Государство мамлюков (1250-1517 г.): характеризуется нестабильностью, борьбой за власть, экономическим ростом, а также расцветом науки и культуры; Государство Османов (1299-1922 г.): отмечено завоеваниями, расширением империи, периодами правления выдающихся султанов, таких как: Селим I и Сулейман Великолепный.

В работе исследуется социальная структура общества, классовое разделение и экономическую ситуацию в эпоху Ибн Хаджара. Рассмотрены причины упадка и деградации общества при мамлюках, а также особенности правящего класса в Османской империи. В статье подчеркивается, что, несмотря на политический упадок, научная и культурная жизнь в эпоху Ибн Хаджара процветала. Рассмотрены факторы, способствовавшие этому процветанию, а также влияние Ибн Хаджара на научную жизнь. Особое внимание уделено роли мечетей и медресе в распространении знаний.

Ключевые слова: Ибн Хаджар аль-Хайтами, мамлюки, Османская империя, классовое общество, наука, культура, эпоха

Введение

Несомненно, каждый исследователь, желающий изучить фикх определенного имама, его методологию или влияние в какой-либо области знаний, должен сначала обратиться к эпохе, в которую жил этот ученый.

Ученый — это зеркало своего времени, и было бы несправедливо исследовать его фикх, знания, методологию и влияние без обращения к его эпохе.

Поэтому кто хочет изучать личность или ученого, который оказал влияние на какую-либо область жизни, обязательно должен изучить среду, в которой он жил, и условия, в которых он находился. Это необходимо для того, чтобы понять факторы, влияния и причины, которые привели к его гениальности и сделали его ученым, на которого указывают с почтением.

Научное исследование показало, что человек — продукт своей среды. Он подвержен влиянию окружающей среды, которая шире, чем географическая среда. Она включает в себя идеи и знания, которые он получает, тип воспитания, которому он подвергается в доме и школе, а также влияние людей, с которыми он встречается. Все эти факторы важны для формирования личности человека.

Имам Ибн Хаджар аль-Хайтами жил в Каире с 909 по 940 год по хиджре, а также в Мекке с 940 по 974 год по хиджре.

Мекка и все остальные части Аравийского полуострова входили в состав Египта. В этот период в Египте сменились две важные власти, которые оказали самое большое влияние на изменение условий с политической, социальной, экономической и культурной точек зрения.

Эти две власти:

Государство мамлюков-бурджи или черкесов.

Государство турецких османов.

Имам Ибн Хаджар аль-Хайтами жил в конце периода, который историки называют «государством мамлюков», и в начале периода, который историки называют «государством османов». Таким образом, Ибн Хаджар пережил два периода правления: последний период мамлюков и первый период османов. Этот период был наполнен опасными и волнующими событиями в Восточном и Западном исламском мире.

Я рассмотрел эти два периода с трех сторон:

Во-первых, эпоха Ибн Хаджара с политической точки зрения.

Во-вторых, эпоха Ибн Хаджара с социальной и экономической точек зрения.

В-третьих, эпоха Ибн Хаджара с научной и культурной точек зрения.

Первая часть: Эпоха Ибн Хаджара с политической точки зрения

Государство мамлюков (1250-1517 г.)

Эпоха султанов мамлюков начинается с конца государства Айюбидов в Египте, с убийством короля Туран Шаха в 648 году по хиджре (1250 г.) наемными убийцами своего отца. Король Муазз Изз ад-Дин Айбак, туркман, считается первым султаном этого государства. Султаны мамлюков правили Египтом с 648 года по хиджре (1250 г.)

до османского завоевания в 923 году по хиджре (1517 г.) [1, с.241].

Мамлюки делятся на два государства:

Государство мамлюков моряков: они были куплены королем Нахм ад-Дином Айюбидом и поселились островке в крепости ар-Рауда на Ниле, поэтому их называли «морскими». Они правили с 648 года по хиджре (1250 г.) до 784 года по хиджре (1382 г.) [2, с. 22]. [3, с. 236].

Государство мамлюков-бурджи или черкесов: Большинство из них были рабами-черкесами, их называли «бурджи» потому, что они жили в башнях крепости в Каире. Они правили с 784 года по хиджре (1382 г.) до 923 года по хиджре (1517 г.) [2, с. 42]. [3, с. 241].

Эпоха мамлюков была эпохой упадка, нестабильности и беспорядков в истории исламской цивилизации. Это было ясно видно из-за постоянного конфликта мамлюков друг с другом за трон, а также из-за внутренних беспорядков и повторяющихся восстаний солдат. Солдаты распространяли страх и ужас среди людей и грабили рынки [4, с. 27].

Также, то, что сказал аль-Макризи, описывая эпоху мамлюков с политической точки зрения, где он говорит: «Тень справедливости сократилась, лица несправедливости открылись, и тирания обнажила свои клыки» [3, с. 221].

Ибн Хаджар аль-Хайтами был современником только одного из султанов мамлюков, а именно аль-Ашраф Кансuh аль-Гаури, который правил с 906 года по хиджре (1501 г.) до 922 года по хиджре (1516 г.). После того, как он вззошел на трон, он быстро погрузился в пучину предательства и неповиновения. Он делал то же самое, что и его предшественники, шпионил, преследовал, убивал и пытал всех, кто был с ним несогласен или даже просто дышал в его сторону. Он не только этим ограничился, но и обрушил свой гнев и насилие на подданных, подвергая их пыткам и жестокому обращению [4, с. 31].

Все это было частью причин падения государства мамлюков перед Османской империей.

Государство Османов (1299-1922 г.)

Государство Османов восходит к Осману ибн Эртурулу ибн Сулейману, дед которого Сулейман был вождем одного из тюркских племен, прибывших из Туркистана в 617 году по хиджре (1220 г. н.э.) в результате набегов татар на Сирию.

Его отец Эртурул оказал помощь сельджукам в борьбе против византийцев, и 'Ала ад-Дин Сельджукид в награду за это выделил ему часть своей земли, граничившей с Византией. Во время своих сражений против византийцев Эртурул смог расширить свои владения. Эртурул умер в 689 году по хиджре (1291 г.), и ему наследовал его сын Осман. Когда в 699 году по хиджре (1301 г.) умер 'Ала ад-Дин Сельджукид, в его государстве начались распри и беспорядки из-за отсутствия наследника. Осман воспользовался этим и захватил его государство, что положило начало становлению Османской империи [5, с. 95].

После него власть перешла к его преемникам, пока в 866 году по хиджре (1451 г.) после смерти своего отца трон не занял сын султана Мехмеда Завоевателя Беязид II [6, с. 127].

Затем на престол вззошел султан Селим I в 918 году по хиджре (1512 г.). Селим I внес коренные изменения в политику Османской империи. В его правление прекратилось продвижение османов на запад в Европу и начались завоевания на востоке исламского мира. В результате Османская империя положила конец существованию государства мамлюков и одержала победу над ними в битве при Мардж Дабике в 922 году по хиджре (1516 г.) и в битве при Ридании в Египте [7, с. 291].

Вот некоторые из основных причин поражения мамлюков и победы османов:

Военное превосходство османов.

Присоединение к армии султана Селима I группы ведущих эмиров мамлюков.

Приверженность Османской империи соблюдению шариата во всех сферах, в отличие от государства мамлюков.

Таким образом, был положен конец одной из страниц их истории. Саудовская Аравия входила в состав государства мамлюков, и когда правитель Мекки Баракат бин Мухаммад узнал о смерти султана аль-Гаури, он сразу же принес присягу верности султану Селиму I.

В правление султана Селима I Османская империя достигла своего апогея. Под его властью объединились мусульмане, и он стал лидером исламского мира [7, с. 309-314]. [8, с. 26].

Ибн Хаджар аль-Хайтами был современником следующих султанов османов:

Беязид II (866 год по хиджре – 918 год по хиджре): Его правление ознаменовалось началом дипломатических отношений с Европой, но его проблемы также возросли с востока из-за войны с государством мамлюков в Сирии и Египте, а также с государством Сефевидов в Иране. Кроме того, в семье начались распри и соперничество за престол, что привело к истощению сил государства в результате грабежей, разграблений и кровопролития. Это заставило принца Селима I потребовать от отца отречения от престола, и он отрекся от престола в пользу сына в 918 году по хиджре [6, с. 127].

Селим I (918 год по хиджре – 926 год по хиджре): в его правление завоевания Османской империи были направлены на арабские страны, и большая их часть была присоединена к Османской империи. Он был любителем абсолютной власти, поэтому он крепко держал империю в своих руках и правил некоторое время напрямую, даже без помощи великого визиря. Он расправился со своими оппонентами и договорился со своими соседями [9, с. 76].

Сулейман Великолепный (926 год по хиджре – 974 год по хиджре): в его правление империя достигла своего пика расширения и могущества в Европе и исламском мире. Она также была реорганизована внутри и административно, и были приняты законы. В этот период империя построила себя, быстро расширяясь в Европе, Азии и Африке. Она положила конец существованию Византийской империи и присоединила большую часть арабских стран, достигнув пика своего расширения [9, с. 61-98].

Вторая часть: Эпоха Ибн Хаджара аль-Хайтами с социальной и экономической точек зрения:

Общество в эпоху имама Ибн Хаджара аль-Хайтами во время правления мамлюков характеризовалось упадком, слабостью, деградацией и плохим состоянием.

Это связано с такими причинами, как:

Угнетение и тирания правителей и сборщиков налогов над крестьянами.

Назначение чиновников за деньги и получение платы за должности.

Состояние безразличия и лени, которое царило в то время. Строительство и возведение зданий было заброшено, а также ремонт мостов, каналов и водосток [10, с. 94]. [11, с. 880].

Правление некоторых малолетних султанов, которые назначались и сменялись по желанию и прихоти эмиров, которые укрепили свои позиции в то время [12, с. 53].

Проведение нескольких революций, причиной которых было неспособность государства выплачивать зарплаты работникам [13, с. 22].

Все это было важнейшими причинами упадка общества при мамлюках, его слабости и деградации. Более

того, упадок общества при мамлюках был одной из причин падения государства мамлюков и его конца.

Ибн Хальдун разделил общество на два класса, заявив, что власть — это султан и его подданные. Султан — это тот, у кого есть подданные, а подданный — это тот, у кого есть султан [14, с. 188].

1. Класс правителей: он включает в себя султанов, великих эмиров, наместников, солдат и других, которые занимают административные должности.

2. Класс подданных: он включает в себя все слои народа на разных уровнях, и в авангарде этого класса находятся ученые из числа преподавателей, судей, надзирателей и проповедников [1, с. 446].

Что касается Османской империи, то общество в ней делилось на классы:

1. Правящий класс: из турецкого происхождения, и в их руках была политическая, военная и административная власть [15, с. 27].

Правящий класс в абсолютный период Османской империи был из солдат, которых государство готовило к войне и сражениям, а затем превращало в инструмент правления. Этот класс имел привилегии, он был феодальным классом, который жил на процент, который народ предоставлял ему от производства своей земли. Большинство членов этого класса стремились к богатству и роскоши, и поскольку они всегда чувствовали себя под угрозой отстранения от власти султаном в любое время, они прибегали к сбору как можно большего количества денег в кратчайшие сроки, не обращая внимания на жалобы подданных и их трудности [16, с. 113-114].

2. Второй класс: это класс ученых. Эта группа стремилась защищать суннитский мазхаб в исламе и оказала влияние на историю арабского общества, что входит в сферу османского правления, сохранив исламскую общину единой и однородной в своем составе, независимо от различий нации.

Османское правительство поддержало эту категорию, поощряя ее деятельность, строя мечети, школы и текки (места обитания суфиев-дервишей), выделяя им обширные вакфы и создавая должность шейх-уль-ислама, а должность великого визиря пришла в упадок.

Эти ученые отличались многими особенностями, в том числе: их смелость критиковать султана и исправлять его ошибки. Известно, что османские султаны боялись влияния ученых и уважали их и поощряли суфиев из их числа [16, с. 119]. [15, с. 28].

3. Третий класс: это простые люди, из которых состоит Османская империя, и они состоят из разных категорий: арабских и неарабских [15, с. 30].

Часть 3: Эпоха Ибн Хаджара с научной и культурной точек зрения:

Несмотря на то, что политическая жизнь в эпоху мамлюков была в упадке и деградации в истории исламской цивилизации, и ситуация предвещала гибель государства, научная и культурная жизнь процветала.

Именно поэтому Ибн Хальдун в своей «Мукаддиме» говорит: «Нет сегодня более цивилизованного места, чем Египет. Она — мать всего мира, опора ислама и источник знаний» [14, с. 453].

Политическое движение часто идет по пути, отличающему от пути культурного и научного движения.

Следует отметить, что процветанию науки в Египте способствовал ряд факторов, важнейшими из которых являются:

1. Переселение ученых в Египет из других стран и родов. Джалалуддин ас-Суути говорит: «С тех пор, как Египет стал центром халифата, его значение возросло, и он стал местом жительства ученых и прибежищем для добродетельных людей» [17, с. 94].

2. Причастность мамлюков к политике и власти, что позволило ученым сосредоточиться на научной работе, образовании, сочинении и составлении книг. Мы видим, как имам Ибн Хаджар аль-Хейтами занимался сочинением и составлением книг, не достигнув даже двадцати лет, будучи вдали от дверей султанов и должностей кадий (судьи).

3. Научное возрождение, выразившееся в осознании учеными своего долга по распространению знаний и просвещения. Это стало компенсацией за деградацию и упадок, вызванные монгольским нашествием на исламский мир на востоке, испанской и крестоносной экспансией на западе, а также убийствами ученых, кровопролитием, уничтожением научной и культурной литературы.

4. Множество мечетей и медресе, существовавших ранее или построенных мамлюками. Мечети играли важную роль в распространении знаний. Их роль не ограничивалась богослужением и совершением молитв, но и включала преподавание и распространение религиозных знаний.

Что касается влияния имама Ибн Хаджара аль-Хайтами на научную жизнь, то стало ясно, что медресе и кружки по изучению знаний в мечетях сыграли важнейшую роль в становлении научного возрождения. Ибн Хаджар был одним из столпов мечети Аль-Азхар. Шейх Шамс ад-Дин аш-Шанаби перевел его из мавзолея шейха Ахмада аль-Бадави в мечеть Аль-Азхар, где он обучался до тех пор, пока не преуспел в различных науках. Ученые признали его знания, заслуги и превосходство [18, с. 391-392]. [19, с. 542].

В эпоху Османской империи научная и культурная жизнь также находилась на пике своего развития. Султан Баязид II, как его описывает Йылмаз Озтуна, был поэтом, ученым и каллиграфом. Он был самым ученым из потомков Османа после своего отца-завоевателя. Он получил образование у известных ученых своего времени, в совершенстве владел восточными языками и их литературой. Кроме того, он изучал математику, философию и религиозные науки у ведущих специалистов в этой области в его эпоху. Его смерть стала трагедией не только для Турции, но и для всего исламского мира. Когда в Каире узнали о его смерти, была совершена заупокойная молитва по отсутствующему покойному, которую возглавил султан Кансух аль-Гаури. Говорят, что он давал писателям вознаграждение, соответствующее ценности книги, как плату за ее написание. Он приглашал авторов ценных книг и встречался с ними [20, с. 211-212].

Султан Селим I также любил науку и ученых и понимал различные культуры, включая арабскую культуру.

После правления султана Селима I наступила эра его сына Сулеймана Великолепного, который создал свод законов вместе с шейх аль-исламом Абу ас-Саудом эфенди, автором известного толкования Корана «Иршад аль-акль ас-салим иля мазая аль-Куран аль-карим» которая оставалась действующей до начала 19 века, и некоторые ее статьи не были изменены до конца империи [20, с. 355].

Османские султаны всецело заботились о религиозных обрядах. Они строили множество мечетей, следуя примеру своих предшественников, мамлюкских султанов. Они также заботились о паломничестве и защите священных земель от разрушения и сноса [15, с. 34].

Они также заботились о религиозных школах, сохраняли их и строили много новых. Поэтому автор «аль-Минах ар-Рахмани» говорит о султани Сулеймане Великолепном: «Среди его деяний в этих местах — Мекке и Медине — четыре сулейманские школы» [21, с. 126].

Существует османский документ, датированный 1565 г. (973 г. хиджры) под номером 2803 в архиве дворца Топкапы в Стамбуле, в котором содержится список книг, распределенных среди учителей в османских школах.

В области исламской культуры, написанной на арабском языке, османские имена занимают важное место. Они известны как своим авторским мастерством, так и обилием и богатством своих произведений. Среди этих имен: то, что упоминает Ташкубра Заде в своей книге «Шакаи́к ан-Ну'мания» об ученых Османской империи. Его редактор говорит: «Подавляющее большинство этих личностей, включенных в эту книгу, оставили после себя множество трудов в области исламских наук, таких как фикх, тафсир, хадис, калям и литература. Это показывает нам силу, рост и развитие исламских наук на арабском языке на османской арене с 7 века по 10 век хиджры» [22, с. 429].

Материалы и методы исследования в статье "Методологическая база исследований эпохи Ибн Хаджара аль-Хайтами: политический, социальный, экономический, научный и культурный аспект" включают в себя комплексный анализ исторических источников, связанных с жизнью и научной деятельностью Ибн Хаджара аль-Хайтами. Основными материалами служат его труды, такие как "Тухфат аль-Мухтадж би шарх аль-Минхадж" и "Аль-Фатава аль-Кубра аль-Фикхия", которые являются фундаментальными для понимания шафиитского мазхаба. Методологический подход включает лингвистический анализ, критическую оценку аргументов и определение предпочтительного мнения в мазхабе. Кроме того, используются исторические документы и биографические данные, чтобы оценить политический, социальный, экономический, научный и культурный контекст эпохи Ибн Хаджара аль-Хайтами, что позволяет глубже понять его вклад в развитие исламских наук и его роль в обществе того времени.

Заключение:

В статье представлен комплексный анализ эпохи Ибн Хаджара аль-Хайтами, известного исламского ученого, с точки зрения политической, социальной, экономической, научной и культурной жизни. Исследование охватывает период правления мамлюков и Османской империи.

На основе анализа исторических источников мы пришли к следующим выводам:

1. Политическая нестабильность:

Эпоха мамлюков характеризовалась политической нестабильностью, внутренними конфликтами, тиранией. Борьба за трон и восстания солдат привели к упадку государства.

Османская империя, напротив, обладала военным превосходством и постепенно присоединила к себе арабские страны, достигнув пика своего могущества под руководством Сулеймана Великолепного.

2. Социально-экономические проблемы:

Общество мамлюков переживало упадок, деградацию и слабость. Угнетение крестьян, неспособность государства выполнять свои функции и другие факторы обусловили его упадок.

Османская империя имела классовое деление, где правящий класс, ученые и простые люди играли разные роли. Особая роль отводилась ученым.

3. Научное и культурное процветание:

Несмотря на политическую нестабильность, эпоха мамлюков стала периодом научного и культурного процветания. Мечети и медресе играли важную роль в распространении знаний. Ибн Хаджар аль-Хайтами внес значительный вклад в развитие науки.

Османские султаны, такие как Баязид II, Селим I и Сулейман Великолепный, активно поддерживали науку и культуру. Расцвет исламской культуры стал одним из главных достижений этого периода.

Литература

1. Шакир Мустафа. Ад-Далил фи ат-тарих аль-араби аль-ислами. Т. 2. Кувейт: Муассаса аль-кувейт ли ат-такаддум аль-'илми; 1986. 528 с. (На араб. яз.)
2. Махмуд Ризк Селим. 'Аср салатин аль-мамалик. Т. 1. Мактаба аль-адаб; 1955. 290 с. (На араб. яз.)
3. Ахмад ибн 'Али аль-Макризи. Аль-Хутат аль-макризи. Т. 2. Бейрут: Дар Садир; 1979. 614 с. (На араб. яз.)
4. Бади' Ас-Сайид Ал-Ляххам. Аль-Имам аль-хафиз Джалал ад-дин ас-Суюти ва джухудуху фи аль-хадис ва 'улумух. Дамаск: Дар Кутайб; 1994. 554 с. (На араб. яз.)
5. 'Абд аль-'Азиз аль-Хумайди. Ат-Тарих аль-ислам мавакиф ва 'ибар. Т. 13. Каир: Дар Ад-Да'ва; 1998. 416 с. (На араб. яз.)
6. Халаф ибн Даблан аль-Вузайнан. Ад-Давла аль-усмани ва аль-газв аль-фикри. Мекка: Джамии'а умм аль-кура; 2003. 679 с. (На араб. яз.)
7. 'Али Мухаммад ас-Салаби, Ад-Давла 'Усмани. Бейрут: Дар аль-Баярик; 1999. 903 с. (На араб. яз.)
8. Мухаммад Харб. Аль-Усманийуна фи ат-тарих ва аль-хазарат. Каир: Силсила дираса усмани; 1994. 330. (На араб. яз.)
9. Лейла ас-Саббах. Тарих аль-араб аль-хадис ва аль-му'асир. Дамаск: Матба'а дар аль-китаб; 1988-1989. 444 с. (На араб. яз.)
10. Мухаммад Халил аль-Асади. Ат-Тайсир ва аль-и'тибар ва ат-тахрир ва аль-ихтибар. Т. 3. Бейрут: Дар аль-Фикр аль-араби; 1968. 221 с. (На араб. яз.)
11. 'Умар Фаррух. Тарих адаб аль-араби. Т. 3. Бейрут: Дар аль-'Алам ли аль-малайин; 1981. 997 с.
12. Мухаммад Джамал ад-дин Сарур. Давла бани Калавун фи Миср. Каир: Дар аль-Фикр аль-араби; 1947. 412 с. (На араб. яз.)
13. 'Абд аль-Карим Рафик. Дираса фи Тарих аль-араб аль-хадис. Дамаск: 1968. 480 с. (На араб. яз.)
14. Ибн Халдун. Мукаддима ибн Халдун. Бейрут: дар Ихя' ат-турас аль-араб; 1900. 588 с. (На араб. яз.)
15. 'Умар Муса Баша. Тарих аль-адаб аль-араби аль-'аср аль-усмани. Дамаск: Дар аль-Фикр; 1989. 688 с. (На араб. яз.)
16. Лейла Саббах. Аль-Муджтама' аль-араби ас-сури фи матла' аль-'ахди аль-усмани. Дамаск: Маншура визара ас-сакафа; 1973. 273 с. (На араб. яз.)
17. Джалал ад-дин ас-Суюти. Хусн аль-Мухазара фи тарихи Миср ва аль-Каира. Т. 2. Каир: Дар Ихя' аль-кутуб аль-араби; 1967. 656 с. (На араб. яз.)
18. 'Абд аль-Кадир аль-'Айдарус. Ан-Нуру ас-Сафир 'ан ахбари аль-карн аль-'ашир. Бейрут: Дар Садир; 2001. 663 с. (На араб. яз.)
19. Ибн 'Имад Шихаб ад-дин ад-Димашки. Шазарат аз-захаб фи ахбар ман захаб. Т. 10. Дамаск: Дар Ибн касир; 1993. 712 с. (На араб. яз.)
20. Ялмаз Узутуна. Тарих ад-давла аль-усмани. Т. 1. Станбул: Маншурат муассаса файсал; 1988. 680 с. (На араб. яз.)
21. Мухаммад ибн абу ас-Сурур ас-Сиддики. Аль-Минах ар-Рахман фи ад-давла аль-усмани. Дамаск: Дар аль-Башаир; 1995. 769 с. (На араб. яз.)
22. Таш Кубра Задах. Аш-Шакаи́к ан-ну'мани фи 'уламаи ад-давла аль-усмани. Бейрут: Дар Аль-Китаб аль-араби; 1975. 520 с. (На араб. яз.)

The era of Ibn hAjar al-Haytami: political, social, economic, scientific and cultural aspect

Gazimagomedov M.Yu., Al Lyakham Badig Al Saeed

Bulgarian Islamic Academy, Religious and Humanitarian Disciplines of the Academy (Islamic Law, Hadith Studies);

This article examines the era in which the renowned Islamic scholar Imam Ibn Hajar al-Haytami was born and lived. The author, relying on historical sources, analyzes the political, social, economic, and cultural events that took place between 909 and 974 AH (1504-1566). Particular attention is paid to two key periods: The Mamluk State (1250-1517): characterized by

instability, power struggles, economic growth, and a flourishing of science and culture. The Ottoman State (1299-1922): marked by conquests, expansion of the empire, and periods of rule by outstanding sultans, such as Selim I and Suleiman the Magnificent.

The author investigates the social structure of society, class divisions, and the economic situation during the era of Ibn Hajar. The reasons for the decline and degradation of society under the Mamluks are examined, as well as the characteristics of the ruling class in the Ottoman Empire. The article emphasizes that despite the political decline, scientific and cultural life flourished during the era of Ibn Hajar. The factors that contributed to this flourishing are examined, as well as the influence of Ibn Hajar on scientific life. Particular attention is paid to the role of mosques and madrasas in the dissemination of knowledge.

Keywords: Ibn Hajar al-Haytami, mamluks, Ottoman Empire, class society, science, culture, era

References

1. Shakir Mustafa. Ad-Dalil fi at-tarikh al-arabi al-islami. T. 2. Kuveyt: Muassasa al-Kuveyt li at-takaddum al-'ilmi; 1986. 528 s. (in Arabic)
2. Makhmud Rizk Salim. 'Asr salatin al-mamalik. T. 1. Maktaba al-adab; 1955. 290 s. (in Arabic)
3. Ahmad ibn 'Ali al-Makrizi. Al-Khutat al-Makrizi. T. 2. Beyrut: Dar Sadir; 1979. 614 s. (in Arabic)
4. Badi' As-Sayid Al-Lakhhkam. Al-Imam al-hafiz Jalal ad-din as-Suyuti va juhuduhu fi al-hadis va 'ulumuh. Damask: Dar Kutayib; 1994. 554 s. (in Arabic)
5. 'Abd al-'Aziz al-Khumaydi. At-Tarikh al-Islam mawakif va 'ibar. T. 13. Kair: Dar Ad-Da'va; 1998. 416 s. (in Arabic)
6. Khalaf ibn Dablan al-Wuzaynan. Ad-Dawla al-usmani va al-ghazv al-fikri. Mekka: Jami'a umm al-kura; 2003. 679 s. (in Arabic)
7. 'Ali Muhammad as-Salabi, Ad-Dawla 'Usmani. Beyrut: Dar al-Bayarik; 1999. 903 s. (in Arabic)
8. Muhammad Harb. Al-Usmaniyuna fi at-tarikh va al-khazarat. Kair: Silsilat dirasa Usmani; 1994. 330 s. (in Arabic)
9. Leila as-Sabbah. Tarikh al-arab al-hadis va al-mu'asir. Damask: Matba'a dar al-kitab; 1988-1989. 444 s. (in Arabic)
10. Muhammad Khalil al-Asadi. At-Taysir va al-i'tibar va at-tahrir va al-ihtibar. T. 3. Beyrut: Dar al-Fikr al-arabi; 1968. 221 s. (in Arabic)
11. 'Umar Farrukh. Tarikh adab al-arabi. T. 3. Beyrut: Dar al-'Alam li al-malayin; 1981. 997 s. (in Arabic)
12. Muhammad Jamal ad-din Sarur. Dawla bani Kalawun fi Misr. Kair: Dar al-Fikr al-arabi; 1947. 412 s. (in Arabic)
13. 'Abd al-Karim Rafik. Dirasa fi Tarikh al-arab al-hadis. Damask: 1968. 480 s. (in Arabic)
14. Ibn Khaldun. Muqaddima ibn Khaldun. Beyrut: dar Ihya' at-turas al-arab; 1900. 588 s. (in Arabic)
15. 'Umar Musa Basha. Tarikh al-adab al-arabi al-'asr al-usmani. Damask: Dar al-Fikr; 1989. 688 s. (in Arabic)
16. Leila Sabbah. Al-Mujtama' al-arabi as-suri fi matla' al-'ahdi al-usmani. Damask: Manshura vizara as-sakafa; 1973. 273 s. (in Arabic)
17. Jalal ad-din as-Suyuti. Husn al-Muhazara fi tarikh Misr va al-Kaira. T. 2. Kair: Dar Ihya' al-kutub al-arabi; 1967. 656 s. (in Arabic)
18. 'Abd al-Kadir al-'Aydarus. An-Nuru as-Safir 'an ahbari al-karn al-'ashir. Beyrut: Dar Sadir; 2001. 663 s.
19. Ibn 'Imad Shihab ad-din ad-Dimashki. Shazarat az-zahab fi ahbar man zahab. T. 10. Damask: Dar Ibn Kasir; 1993. 712 s. (in Arabic)
20. Yalmaz Uzutuna. Tarikh ad-dawla al-usmani. T. 1. Istanbul: Manshurat muassasa Faysal; 1988. 680 s. (in Arabic)
21. Muhammad ibn abu as-Surur as-Siddiqi. Al-Minah ar-Rahman fi ad-dawla al-usmani. Damask: Dar al-Bashair; 1995. 769 s. (in Arabic)
22. Tash Kubra Zadah. Ash-Shakaiq an-numani fi 'ulamai ad-dawla al-usmani. Beyrut: Dar Al-Kitab al-arabi; 1975. 520 s. (in Arabic)

Использование нейросетей для анализа политических дебатов в социальных медиа

Ситникова Ирина Александровна

аспирант, кафедра «Информационная аналитика и политические технологии», Национальный исследовательский университет Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, irina.sitnikova.a@gmail.com

Карпов Иван Александрович

аспирант, кафедра «Информационная аналитика и политические технологии», Национальный исследовательский университет Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, ivan.karpov.a@yandex.ru

Голубцов Никита Павлович

аспирант, кафедра «Информационная аналитика и политические технологии», Национальный исследовательский университет Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, golubcov03@mail.ru

Ламинина Ольга Глебовна

кандидат философских наук, доцент, кафедра «Информационная аналитика и политические технологии», Национальный исследовательский университет Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, olga.laminina@gmail.com

В данной статье рассматривается применение нейросетевых технологий и методов обработки естественного языка (NLP) для анализа политических дебатов в социальных медиа. Социальные платформы играют ключевую роль в формировании общественного мнения, предоставляя огромные объемы данных, которые требуют эффективных инструментов анализа. В работе подробно исследуются современные нейросетевые архитектуры, такие как рекуррентные нейросети (RNN), включая LSTM и GRU, а также трансформеры (BERT, GPT), которые позволяют выявлять ключевые темы, оценивать тональность сообщений и прогнозировать общественную реакцию. Особое внимание уделяется проблемам интерпретации сложных высказываний, таких как сарказм и ирония, а также этическим вопросам, связанным с использованием пользовательских данных. Статья демонстрирует, как нейросети могут быть использованы для анализа политических трендов, обнаружения манипуляций, таких как фейковые новости и пропаганда, и прогнозирования результатов выборов на основе данных из социальных сетей. Рассматриваются практические примеры, включая анализ предвыборных кампаний в США, Великобритании и Франции, где нейросетевые модели успешно применялись для мониторинга общественного мнения и корректировки стратегий.

Ключевые слова: Методы обработки естественного языка (NLP), нейросетевые технологии, анализ политических дебатов, обнаружение скрытых паттернов, анализ настроений, тональность, контекстуальный анализ, адаптивные модели.

Введение

Политические дебаты в социальных медиа стали ключевым фактором формирования общественного мнения, отражая не только позиции лидеров, но и актуальные настроения общества. С развитием цифровых технологий дискуссии переносятся в онлайн-пространство, где каждый может выразить свою точку зрения, а исследователи — собирать массивы данных. Такие платформы не только распространяют информацию, но и становятся площадками для интенсивных обсуждений и формирования общественного мнения.

Мгновенная реакция пользователей в соцсетях позволяет выявлять преобладающие настроения, предсказывать возможные изменения в политической среде и оценивать, как заявления политиков влияют на электорат [5]. Однако огромный объем данных усложняет ручной анализ. Здесь на помощь приходят нейросетевые технологии, включая трансформеры: они выявляют ключевые темы, определяют тональность сообщений и прогнозируют пользовательскую реакцию. Таким образом, нейросети открывают новые горизонты политической аналитики, давая возможность эффективно обрабатывать большие объемы данных и формировать обоснованные прогнозы в режиме реального времени.

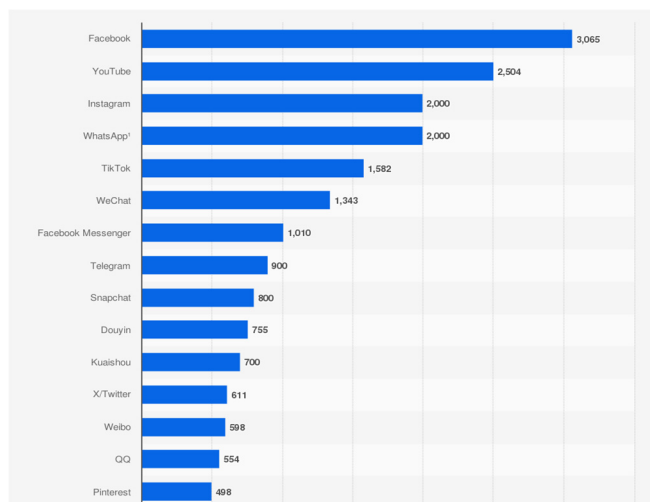

Рис. 1 Самые популярные социальные сети в мире по состоянию на апрель 2024 г. по количеству активных пользователей в месяц (в миллионах)

Нейросети в анализе текста: обзор технологий

Современные методы обработки текстовых данных всё чаще опираются на нейросетевые архитектуры, каждая из которых имеет свои преимущества и особенности. В сфере анализа политических дебатов в социальных медиа наиболее востребованы рекуррентные нейросети (RNN) и трансформеры (BERT, GPT). Эти модели помогают выявлять ключевые темы, оценивать тональность сообщений и прогнозировать реакцию общества, эффективно обрабатывая большие объёмы данных.

Рекуррентные нейросети (RNN) работают с последовательными данными, учитывая контекст каждого слова, что особенно важно в политических дискуссиях, где значимы лексические и эмоциональные связи. Они способны

фиксировать аргументацию спикеров и динамику диалога, однако при очень длинных текстах сталкиваются с проблемой затухания градиента, снижающей эффективности обучения. Архитектуры LSTM и GRU смягчают это ограничение, позволяя моделям удерживать информацию о прошлых шагах на протяжении более продолжительных последовательностей.

Более современный подход к анализу текстовых данных представляют трансформеры, среди которых выделяются BERT (Bidirectional Encoder Representations from Transformers) и GPT (Generative Pre-trained Transformer). Трансформер — это тип нейросетевой архитектуры, использующий механизм самовнимания для преобразования входной последовательности в выходную, отслеживая отношения внутри последовательных данных, таких как слова в предложении, и формируя на этой основе контекст [1]. BERT эффективен в задачах выявления тональности, скрытых смыслов и политической направленности текстов, а GPT полезен для генерации различных сценариев, моделирования дискуссий и прогнозирования поведения аудитории.

Ключевым этапом при работе с текстовыми данными является их подготовка. Токенизация разбивает текст на слова, фразы или символы, лемматизация приводит их к начальному виду, снижая избыточность. Извлечение лингвистических признаков (частотность, эмоциональный окрас и т. д.) помогает нейросетям точнее интерпретировать содержание. При анализе неструктурированных данных, например постов и комментариев с опечатками и сленгом, применяют алгоритмы очистки и предобучение на больших корпусах, устраняя шум и повышая точность.

В контексте политических дебатов эти методы позволяют выделять значимые темы, фильтровать релевантные сообщения и понимать, как публика реагирует на заявления лидеров. BERT может анализировать тональность твитов и комментариев, а GPT — моделировать развитие споров, создавая прогнозы по дальнейшему ходу дискуссии. Дополнительно такие подходы помогают выявлять манипулятивные практики, включая фейковые новости и пропаганду, способствуя более раннему обнаружению искажённых нарративов.

Таким образом, нейросетевые технологии стали мощным инструментом в политической аналитике, обеспечивая выявление трендов, анализ настроений разных аудиторий и формирование более точных прогнозов политической ситуации. Благодаря этим решениям исследователи и политические кампании могут эффективнее понимать реакцию электората, корректировать коммуникационные стратегии и принимать более взвешенные решения на основе комплексного анализа данных.

Применение нейросетей для анализа политических дебатов

Нейросетевые технологии активно используются для анализа политических дебатов, выявления ключевых тем, оценки реакции аудитории и обнаружения манипуляций. Они позволяют исследовать политические события в реальном времени, отслеживать их последствия и уточнять восприятие дебатов в социальных медиа.

Нейросети способны выделять основные обсуждаемые вопросы и заявления политиков, определять, какие аспекты (социальная, экономическая, внешняя политика) привлекают наибольшее внимание, а также анализировать динамику реакции участников и зрителей [9]. Например, во время предвыборных кампаний модели BERT и GPT оценивают высказывания кандидатов, определяют самые востребованные темы и прогнозируют их влияние на общественное мнение.

Эти технологии также оценивают тональность сообщений, что позволяет классифицировать высказывания как

положительные, отрицательные или нейтральные и выявлять более точные эмоции вроде гнева или поддержки. Это важно при анализе резонансных тем, связанных с миграцией или социальной политикой, где сильные чувства влияют на популярность кандидатов и результаты выборов.

Кроме того, нейросети помогают прогнозировать падение или рост общественного восприятия политиков, анализируя мнения о конкретных тезисах. Если политическое заявление вызывает много негативных эмоций, это может служить сигналом ухудшения рейтинга. Таким образом, оценка тональности позволяет не только понять текущие настроения, но и предвидеть дальнейшее развитие ситуации.

Еще одна важная функция нейросетей — обнаружение манипуляций и искажений. При большом количестве фейковых новостей и пропагандистских материалов в социальных медиа такие модели выделяют признаки искажений, например преувеличения, поляризующие заголовки или скрытую пропаганду. Выявление подобных паттернов дает возможность вовремя отреагировать и предотвратить распространение дезинформации.

Таким образом, применение нейросетей в политических дебатах расширяет возможности изучения общественного мнения, ключевых тем и трендов, а также анализа эмоций и манипуляций в реальном времени. Это позволяет глубже понимать политические процессы и улучшать качество политической аналитики в современной информационной среде.

Прогнозирование будущих политических событий с помощью нейросетей

Нейросети широко применяются в политической аналитике для прогнозирования событий, реакций на политические шаги и анализа предвыборных дебатов. Они помогают выявлять важные изменения и оценивать общественное восприятие текущих событий.

Одна из ключевых задач нейросетей — предсказывать реакцию на будущие события, обрабатывая в реальном времени большие данные из соцсетей, новостей и других источников. Анализируя дебаты и дискуссии, модели выявляют новые тенденции, определяют темы, которые окажутся в фокусе, и оценивают, что станет наиболее актуальным в политической повестке. Если в ходе дебатов особое внимание уделяется экономической политике, нейросеть может спрогнозировать, что именно экономика будет в центре будущих обсуждений.

Для повышения точности модели используют исторические данные, позволяющие заметить закономерности в политической динамике. Анализируя результаты прошлых выборов или реакцию на кризисы, нейросети предсказывают, какие темы окажутся наиболее значимы в будущем. Кроме того, они могут прогнозировать протесты или общественные волнения, фиксируя рост недовольства в соцсетях среди различных групп.

Нейросети также помогают определить исход дебатов и выборов: они анализируют отклики пользователей в режиме реального времени, классифицируют их как положительные, отрицательные или нейтральные и учитывают уровень вовлеченности (лайки, комментарии, репосты). Это даёт целостное представление о том, как воспринимаются кандидаты и их заявления, и как это может отразиться на результатах выборов. Если кандидат вызывает многочисленные позитивные отклики, модель предполагает высокие шансы на успех.

Для более точного прогнозирования оценивается динамика общественного мнения: если во время дебатов неожиданно улучшается настроение среди сторонников одного из кандидатов, нейросеть указывает на возможное

укрепление его позиций в опросах и рост шансов на победу. Таким образом, эти модели не только отражают текущее состояние, но и указывают, как события влияют на будущее.

В результате использование нейросетей значительно расширяет возможности политической аналитики, позволяя предсказывать итоги выборов, прогнозировать реакции общества и отслеживать динамику изменений с высокой точностью. Эти технологии помогают глубже понимать политическую картину и предоставляют новые инструменты для оценки грядущих событий.

Практические примеры применения нейросетей в политических дебатах

Современные нейросетевые технологии активно применяются в политическом анализе для мониторинга кампаний, отслеживания изменений общественного мнения и разработки стратегий. Они позволяют быстро реагировать на текущие события и эффективно использовать данные для прогнозирования политических тенденций.

Ярким примером такого применения стали президентские выборы в США в 2016 и 2020 годах. Во время дебатов между Дональдом Трампом и Хиллари Клинтон, а затем Трампом и Джо Байденом, нейросети оценивали тональность реакций пользователей в социальных сетях, выявляли наиболее обсуждаемые темы и предсказывали возможные исходы. Подобные технологии использовались и на парламентских выборах в Великобритании, в том числе в ходе дебатов о Брексите, а также во Франции — нейросети помогали анализировать высказывания партий и прогнозировать поведение избирателей [2].

Нейросетевые модели также применяются для мониторинга общественного мнения в реальном времени: они анализируют реакции избирателей на заявления кандидатов, выясняя, какие темы вызывают наибольшее внимание [6]. Это даёт возможность политическим кампаниям оперативно корректировать стратегии, усиливая акцент на темах, которые находят положительный отклик у аудитории. Например, если среди электората растёт поддержка более прогрессивных экологических инициатив, можно перераспределить ресурсы и сообщения в пользу этих тем.

Прогнозирование успеха политических кампаний на основе анализа данных о реакции избирателей, дебатах и общественных событиях стало важной частью стратегического планирования. Если нейросеть показывает, что определённые предложения получают много положительных откликов, кампания усиливает внимание к этим темам. Таким образом, применение нейросетей даёт точные инструменты для анализа мнений, адаптации стратегий и своевременной реакции на изменения политической ситуации.

Проблемы и ограничения нейросетевого анализа политических дебатов

Использование нейросетей для анализа политических дебатов — мощный инструмент изучения общественного мнения и прогнозирования политических тенденций, однако сопровождается рядом ограничений. Во-первых, нейросети затрудняются с интерпретацией многозначных и контекстуально сложных высказываний (сарказм, ирония, культурные отсылки). Это может приводить к неверной классификации эмоций и снижать точность результатов, особенно если учесть, что модели зачастую не анализируют невербальные сигналы (жесты, интонацию) и исторический контекст.

Во-вторых, возникают этические и юридические вопросы: конфиденциальность данных, поскольку для анализа используются массивы пользовательской информа-

ции, и риск манипуляции общественным мнением (создание фейковых новостей, пропаганды) [3]. Дополнительную проблему создаёт непрозрачность алгоритмов, когда сложно понять, как именно нейросеть пришла к тем или иным выводам [4]. Предвзятость данных при обучении также может исказить результаты, формируя несправедливые выводы о политических взглядах и реакциях избирателей. Подобные опасения так или иначе фигурируют практически во всех научных публикациях связанных с этой темой, а также отражены в государственной политике разных стран. Например в Китае в 2021 году были приняты «Этические руководящие принципы для искусственного интеллекта» (AI Ethics Guidelines), разработанные Министерством науки и технологий КНР [8]. Эти принципы включают положения о необходимости обеспечения прозрачности, ответственности, справедливости и контролируемости алгоритмических решений. В США подобные вопросы обсуждались на государственном уровне ещё Барак Обама, при котором был создан список приоритетов в области ИИ, в числе которых «Выявление этических, правовых и социальных последствий использования ИИ и снижение негативного эффекта (в том числе посредством создания систем ИИ, учитывающих эти моменты в своей работе)» [7, с. 146].

Наконец, злоупотребление нейросетями в политических целях способно подорвать доверие к демократическим процессам, используя дезинформацию и настраиваемые сообщения против оппонентов. Несмотря на значительные преимущества нейросетевого анализа дебатов, необходимы дополнительные исследования, чтобы повысить точность интерпретации, обеспечить прозрачность алгоритмов и соблюдать этические стандарты в политическом анализе.

Заключение

В ходе исследования проанализировано применение методов обработки естественного языка (NLP) и нейросетевых технологий для анализа политических дебатов и общественного мнения. Эти инструменты позволяют извлекать информацию из огромных объемов текстовых данных (социальные сети, новостные статьи, форумы), выявлять ключевые темы, эмоции и тональность, а также прогнозировать политические тенденции и результаты выборов.

Нейросетевые модели особенно эффективны для предсказания реакций на политические события и обнаружения скрытых паттернов, в том числе влияния фейковых новостей и пропаганды. По мере развития технологий в области NLP можно ожидать более глубокий анализ сложных высказываний (сарказм, ирония) и повышение точности прогнозов. Улучшение алгоритмов в реальном времени позволит быстрее реагировать на перемены в настроениях избирателей и адаптировать политические стратегии.

В будущем NLP может играть ключевую роль в комплексном анализе кампаний, прогнозировании выборов и персонализации сообщений. Это поможет создавать более точные прогнозы реакции на конкретные заявления и обеспечит более эффективное взаимодействие с электоратом. Таким образом, сочетание NLP и нейросетей открывает широкие перспективы для политической аналитики, содействуя более точным прогнозам, повышению эффективности кампаний и поддержанию информированного общественного обсуждения.

Литература

1. Utkarsh Ankit, Transformer Neural Networks: A Step-by-Step Breakdown // Brennan Whitfield. 24.05.2024.

2. Бажанов В.А., Искусственный интеллект, технологии Big Data (больших данных) и особенности современного политического процесса // Философия. Журнал высшей школы экономики. — 2023. — Т. 7, № 3. — С. 193–210.

3. Воронцов С.А., Мамычев А.Ю., «Искусственный интеллект» в современной политической и правовой жизнедеятельности общества: проблемы и противоречия цифровой трансформации // Территория новых возможностей. 2019. №4.

4. Лаптев В.А., Искусственный интеллект в системе правовых инструментов стабилизации политических режимов мировых держав // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2023. №4.

5. Попова Е. А. Роль политических элит в развитии институтов гражданского общества в условиях цифровизации / Е. А. Попова, З. С. Мартемьянова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2019. № 4. С. 177-180.

6. Победин П.К., Формирование политических институтов и процессов с помощью цифровых технологий и искусственного интеллекта // Постсоветский материк. 2024. №2 (42).

7. Селянин Я.В., Государственная политика США в области искусственного интеллекта: цели, задачи, перспективы реализации // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 4. С. 140–163.

8. Филипова И.А., Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт Китая // Journal of Digital Technologies and Law. 2024; 2(1):46–73.

9. Яманова О.А., Применение искусственного интеллекта в политике: кейс-анализ в различных странах // Социально-гуманитарные знания. 2024. №10.

Using neural networks to analyze political debates in social media

Sitnikova I.A., Karpov I.A., Golubtsov N.P., Laminina O.G.

National Research University Moscow State Technical University them. N.E. Bauman

This article examines the application of neural network technologies and natural language processing (NLP) methods to analyze political debates in social media. Social platforms play a key role in shaping public opinion by providing huge amounts of data that require effective analysis tools. The paper examines in detail modern neural network architectures such as recurrent neural networks (RNNs), including LSTM and GRU, as well as transformers (BERT, GPT), which allow identifying key topics, evaluating the tone of messages and predicting public reaction. Special attention is paid to the problems of interpreting complex statements such as sarcasm and irony, as well as ethical issues related to the use of user data. The article demonstrates how neural networks can be used to analyze political trends, detect manipulations such as fake news and propaganda, and predict election results based on data from social networks. Practical examples are considered, including the analysis of election campaigns in the USA, Great Britain and France, where neural network models were successfully used to monitor public opinion and adjust strategies.

Keywords: Natural language processing (NLP) methods, neural network technologies, analysis of political debates, detection of hidden patterns, sentiment analysis, tonality, contextual analysis, adaptive models.

References

1. Utkarsh Ankit, Transformer Neural Networks: A Step-by-Step Breakdown // Brennan Whitfield. 24.05.2024.
2. Bazhanov V.A., Artificial Intelligence, Big Data Technologies and Features of the Modern Political Process // Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. - 2023. - Vol. 7, No. 3. - P. 193-210.
3. Vorontsov S.A., Mamychev A.Yu., "Artificial Intelligence" in the Modern Political and Legal Life of Society: Problems and Contradictions of Digital Transformation // Territory of New Opportunities. 2019. No. 4.
4. Laptev V.A., Artificial Intelligence in the System of Legal Instruments for Stabilizing Political Regimes of World Powers // Bulletin of RUDN University. Series: Political Science. 2023. No. 4.
5. Popova E. A. The Role of Political Elites in the Development of Civil Society Institutions in the Context of Digitalization / E. A. Popova, Z. S. Martemyanova // Public and Municipal Administration. Scientific Notes of SKAGS. 2019. No. 4. P. 177-180.
6. Pobedin P.K., Formation of Political Institutions and Processes with the Help of Digital Technologies and Artificial Intelligence // Post-Soviet Continent. 2024. No. 2 (42).
7. Selyanin Ya.V., US Public Policy in the Field of Artificial Intelligence: Goals, Objectives, and Implementation Prospects // Problems of National Strategy. 2020. No. 4. P. 140–163.
8. Filipova I.A., Legal Regulation of Artificial Intelligence: The Experience of China // Journal of Digital Technologies and Law. 2024; 2(1):46–73.
9. Yamanova O.A., Application of artificial intelligence in politics: case analysis in different countries // Social and humanitarian knowledge. 2024. No. 10.

Влияние религиозных институтов на антикоррупционные инициативы

Рамазанов Рашид Омариевич

кандидат политических наук, старший научный сотрудник, отдел социологии, Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, gashram@yandex.ru

Данная статья исследует влияние религиозных институтов на антикоррупционные инициативы и оценку роли неформальной экономики в современном обществе. На основе социологических данных анализируются взгляды респондентов на возможность религиозных организаций способствовать снижению коррупции. Результаты показывают разрозненные мнения: часть населения считает, что религиозные институты могут быть важным инструментом в борьбе с коррупцией, в то время как другие сомневаются в их эффективности. В вопросе о неформальной экономике также представлено множество мнений, где мнения варьируются от положительных до негативных. Статья подводит итоги и выстраивает общую картину влияния религии и неформальной экономики на современное общество.

Ключевые слова: религиозные институты, антикоррупционные инициативы, неформальная экономика, коррупция, моральные нормы, общественное мнение, социальное развитие

Коррупция является одной из самых острых проблем современного общества, и она затрагивает все сферы жизни. Религиозные институты, обладая большим авторитетом и влиянием на общественные настроения, могут сыграть значительную роль в борьбе с этой социальной болезнью.

Религиозные организации и их лидеры обладают уникальным потенциалом для позитивного влияния на антикоррупционные инициативы. С точки зрения опроса, лишь 12.8% респондентов считают, что религиозные институты могут значительно способствовать снижению коррупции, в то время как 28.2% уверены в том, что это невозможно, а 26.5% респондентов ответили что скорее нет, чем да, учитывая высокую религиозность людей в регионе.

Таблица 1
Распределение ответов на вопрос «Как Вы думаете, могут ли религиозные институты и религиозные лидеры влиять на снижение коррупции?» (%)

Всего	Да	Скорее да, чем нет	Нет	Скорее нет, чем да	Затрудняюсь ответить
600	12.8%	7.7%	28.2%	26.5%	26.5%

Религиозные лидеры часто обладают высоким уровнем доверия со стороны населения, что позволяет им влиять на общественное мнение и поведение. Они могут призывать к честности и прозрачности, а также вовлекать свои приходы в антикоррупционные инициативы, что, в свою очередь, может способствовать созданию более открытого и честного общества.

1. Моральное воспитание: Религиозные институты могут использовать свои платформы для обучения и воспитания граждан в области этики и морали, что способствует формированию антикоррупционного сознания.

2. Работа с правительством: Многие религиозные организации сотрудничают с государством в реализации социальных программ, что может быть использовано для борьбы с коррупцией.

3. Социальная активность: Религиозные группы могут организовывать кампании и мероприятия, направленные на повышение осведомленности о коррупции и ее последствиях.

Что касается неформальной экономической деятельности, результаты опроса показывают разрозненные мнения:

- 15.4% респондентов считают, что она приносит больше пользы,
- 30.8% — что больше вреда,
- 53.8% видят её влияние как равновесное между пользой и вредом.

Таблица 2
Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, в целом неформальная (официально не зарегистрированная) экономическая деятельность приносит обществу сейчас больше пользы или вреда?» (%)

Всего	Больше пользы	Больше вреда	Пользу и вред в равной мере
600	15.4%	30.8%	53.8%

Неформальная экономика, безусловно, имеет свои плюсы и минусы. С одной стороны, она может создать дополнительные рабочие места и обеспечить доход для людей, которые по каким-либо причинам не могут найти работу в формальном секторе. С другой стороны, она может привести к уклонению от налогов, отсутствию социальной защиты и регулирования, что увеличивает уязвимость большинства работников.

Таким образом, религиозные институты могут оказать влияние на антикоррупционные инициативы, стимулируя моральные и этические нормы в обществе. Однако их влияние не всегда однозначно, и общественная позиция по этому вопросу остается разрозненной. Что касается неформальной экономики, балансирование между ее позитивным и негативным влиянием также требует дальнейшего изучения и понимания. В конечном итоге, важно рассматривать взаимодействие различных факторов в борьбе с коррупцией и для поддержки устойчивого экономического развития.

В целом, влияние религиозных институтов на антикоррупционные инициативы представляется значительным, хотя и неоднозначным. Религиозные лидеры обладают потенциалом для формирования этических стандартов и повышения уровня доверия к антикоррупционным усилиям, тем не менее, количество скептически настроенных людей свидетельствует о необходимости дополнительной работы в этой области. Вопрос о влиянии неформальной экономики также требует внимательного анализа, так как мнения общества остаются разделенными. Важно продолжать исследовать способы максимизации положительных аспектов неформальной экономики, а также укреплять роль религиозных институтов в борьбе с коррупцией для достижения более справедливого и прогрессивного общества.

Литература

1. Гайдаенко, Шер Н.И. Формирование системы альтернативных механизмов разрешения споров: бесконфликтное общество как основа противодействия коррупции: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н.Г. Семилютин. – М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. – 176 с.
2. Братановский, С.Н. Виды и особенности мер по противодействию коррупции на государственной и муниципальной службе // Государственная власть и местное самоуправление. – 2016. – N 2. – С. 34 – 39.
3. Цирин, А.М. Предупреждение коррупции: проблемы и перспективы // Журнал российского права. – 2016. – N 12. – С. 106 – 114.
4. Доклад по результатам социологического исследования на тему: «Оценка восприятия населением уровня распространенности коррупции в городе Махачкале» 2023/2024 год
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. - 04.08.2014. - № 31. - ст. 4398.

The Impact of Religious Institutions on Anti-Corruption Initiatives Ramazanov R.O.

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

This article examines the impact of religious institutions on anti-corruption initiatives and the assessment of the role of the informal economy in modern society. Based on sociological data, the views of respondents on the ability of religious organizations to help reduce corruption are analyzed. The results show disparate opinions: part of the population believes that religious institutions can be an important tool in the fight against corruption, while others doubt their effectiveness. The issue of the informal economy also presents a variety of opinions, where opinions range from positive to negative. The article summarizes and builds a general picture of the impact of religion and the informal economy on modern society.

Keywords: religious institutions, anti-corruption initiatives, informal economy, corruption, moral norms, public opinion, social development

References

1. Gaidenko, Sher N.I. Formation of a system of alternative dispute resolution mechanisms: a conflict-free society as a basis for combating corruption: scientific and practical manual / ed. N.G. Semilyutina. - M.: IZISP, INFRA-M, 2015. -- 176 p.
2. Bratanovsky, S.N. Types and features of measures to combat corruption in the state and municipal service // State power and local self-government. - 2016. - N 2. - P. 34 - 39.
3. Tsirin, A.M. Prevention of corruption: problems and prospects // Journal of Russian Law. - 2016. - N 12. - P. 106 - 114.
4. Report on the results of a sociological study on the topic: "Assessment of the population's perception of the level of prevalence of corruption in the city of Makhachkala" 2023/2024
5. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of 21.07.2014 No. 11-FKZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 04.08.2014. - No. 31. - Art. 4398.

Типы, модели, формы взаимодействия государства и институтов гражданского общества

Шмидт Евгений Борисович

аспирант, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Es517@mail.ru

Прудников Лев Алексеевич

профессор кафедры политического анализа и социально политических процессов, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Pla.Patriot@yandex.ru

В основе большинства концепций гражданского общества заложены идеи обеспечения прав и свобод человека, возможность реализации личных интересов членов общества и т.д. Важное значение, в данном случае, имеет структура гражданского общества, предполагающая наличие в ней институтов, члены которых объединены едиными интересами. Формируя институты гражданского общества, люди вступают в группы и сообщества, действуя в единой социальной среде. Информирова государство и общество о своих интересах и проблемах, реализуя социально значимые виды деятельности, эти структуры выступают своеобразными медиаторами, примиряя интересы государства и общества.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, ресурсы, институты, проблемы, социальная сфера.

Введение. Взаимодействуя между собой, общественные институты и институты государственной власти формируют основу стабильного социально-экономического и политического развития страны, снижения в обществе социальной напряжённости, эффективной реализации государственной политики. Вопрос взаимодействия государства и гражданского общества остаётся достаточно актуальным для исследователей в этой области.

Российские учёные рассматривают данный вопрос с нескольких позиций. Так, Г.Н. Вайнштейн выделяет следующие модели подобного рода взаимодействия [1]:

- модель противоборства, характерная для авторитарного политического режима;
- демократизация общества, основанная на поиске компромисса и консенсуса между субъектами взаимодействия;
- устойчивые партнерские связи между государством и гражданским обществом.

Российский экономист, доктор экономических наук А.А. Аузан выделяет следующие формы взаимодействия гражданского общества с государством[2]:

- гражданское общество выступает помощником власти, защищающим интересы населения в тех случаях, когда государство само не может выявить внешние эффекты;
- гражданское общество выявляет внешние эффекты, осуществляет интернализацию и решает их самостоятельно, без участия государства;
- гражданское общество воздействует на вторичные эффекты, вызванные попыткой государства интернализировать внешние эффекты, возникающее в ходе их противостояния.

Изучая взаимодействие государства и гражданского общества в России, председатель комиссии Общественной палаты Российской Федерации по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений И. Е. Дискин выделяет три исторические традиции такого взаимодействия[3].

Первая базируется на противостоянии гражданского общества государству. По мнению Е.И. Дискина, эта традиция присутствовала в российском обществе на разных этапах его развития и при разных режимах политической власти[3].

В рамках второй традиции государство осуществляет контроль за гражданским обществом, так как рассматривает его как конкурента, а его институты – как возможные подрывные элементы.

Третья традиция состоит в том, что современное российское общество выстраивает новые взаимоотношения между государством и гражданским обществом, отличные от предыдущих исторических периодов.

По мнению исследователя, развитие этих взаимоотношений основывается на наличии в современном обществе некоторых социальных регуляторов, характерных для определённых слоёв и групп, составляющих структуру гражданского общества.

В рамках данного исследования наибольший интерес представляет научный подход, предложенный российским политологом, профессором А.Ю. Сунгуров. Он выделяет следующие возможные варианты взаимодействия

органов государственной власти и институтов гражданского общества: сотрудничество, отсутствие сотрудничества (игнорирование) и конфронтацию [4].

Партнёрские отношения в данном случае понимаются как построенные на равенстве, но предполагающие доминирование одной из сторон. По мнению исследователя, в современном обществе такой доминирующей стороной является преимущественно государство.

К партнёрскому взаимодействию А.Ю. Сунгуров относит следующие модели:

- «модель садовника», основанная на поддержке и развитии некоммерческого сектора;

- партнёрская модель, реализуемая в форме диалога с институтами гражданского общества, предполагающая осуществление общественного контроля;

- «модель архитектора» - влияние общества, через свои институты на решение отдельных проблем, участие институтов гражданского общества в реформе органов государственной власти.

К другому типу партнёрского взаимодействия А.Ю. Сунгуров относит сотрудничество государства и институтов гражданского общества, основанное на доминировании власти. Здесь он выделяет две основные модели: патерналистскую и «приводных ремней» [4].

Патерналистская модель заключается в предоставлении неправительственным организациям определённой самостоятельности в обмен на лояльное отношение к деятельности органов власти. Такое лояльное отношение может достигаться при помощи оказания разных видов поддержки некоммерческому сектору: финансовой, информационной, методической и т.д.

Модель «приводных ремней» исследователь относит к советскому периоду развития общества. Как противоположность моделям взаимодействия А.Ю. Сунгуров рассматривает модели игнорирования и конфронтации. Модель игнорирования предполагает, прежде всего, отсутствие поддержки некоммерческого сектора со стороны государства, тогда как модель конфронтации основывается на использовании гражданским обществом тактики неповиновения, проявляющуюся в проведении несанкционированных митингов, пикетов и т.д.

Обозначенные выше модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества на практике осуществляются в сочетании нескольких видов, однако, не смотря на это, в зависимости от политического уклада общества, какая-либо из моделей может преобладать.

Интересен подход, предложенный Д. Волковым в построении моделей взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества. На примере сотрудничества государства и некоммерческого сектора он выделяет несколько моделей такого взаимодействия. В зависимости от того, чьи интересы будут преобладать в ходе такого взаимодействия, некоммерческие организации могут выполнять следующие роли: обслуживание интересов власти, исполнение делегированных властью социальных обязательств или решение острых социальных проблем.

Модель «обслуживание интересов власти» предполагает, что некоммерческие организации (НКО) реализуют властные инициативы, напрямую не связанные с исполнением социальных обязательств государства. В этом случае практически не представлены общественные интересы. Данная модель предполагает организацию некоммерческим сектором различных праздничных или политически ориентированных мероприятий, запрос на которые сформирован органами власти. В рамках этой модели самостоятельно целеполагание своей деятельности со стороны НКО невозможно. Преимущество других двух ролей заключается в том, что в этом случае деятель-

ность НКО ориентируется не только на запрос от государства, но и на общественные инициативы, исходящие от различных групп населения.

В рамках модели «исполнение делегированных властью социальных обязательств» государство выступает «нанимателем» некоммерческой организации, делегирует ей решение отдельных социальных задач. Модель «решение острых социальных проблем» предполагает вступление некоммерческих организаций в диалог с государством, выступая от имени различных социальных групп и отстаивая их интересы. Именно последняя модель дает гражданским активистам больше возможностей для самостоятельного целеполагания своей деятельности. Проведенный анализ показывает, что государство и гражданское общество находятся в состоянии постоянного поиска новых форм взаимодействия и ведущая роль в этом процессе отводится государству.

Так, Л.Ю. Грудина отмечает, что «государство является необходимым фактором существования гражданского общества. Только государственная власть - государство, управляемое посредством легитимной верховной власти, с помощью действующего в стране законодательства, может стать эффективной защитой от несправедливостей в том числе и самого гражданского общества и синтезировать его частные интересы во всеобщее политическое сообщество» [5].

Таким образом, проведённый анализ показал, что в настоящее время в Российской Федерации имеются благоприятные условия, позволяющие гражданскому обществу развиваться, формировать диалоговые площадки для осуществления взаимодействия государства с его институтами. Подтверждением тому служит создание при Президенте Российской Федерации, при органах государственной власти профильных общественных советов и комиссий, иных институтов гражданского общества. Формы взаимодействия государства и институтов гражданского общества достаточно разнообразны.

Государственные органы власти оказывают им финансовую, информационную, методическую и иную поддержку, привлекают к участию в разработке и проведению общественной экспертизы нормативно-правовых актов, организуют публичные слушания и дебаты, круглые столы, другие мероприятия с участием общественности.

В свою очередь, институты гражданского общества осуществляют общественный контроль за деятельностью органов государственной власти, за соблюдением принципа открытости их деятельности, информируют государство о возникновении в обществе различных социальных проблем.

Важную роль в осуществлении взаимодействия государства и институтов гражданского общества играют Общественная палата Российской Федерации и Общественные палаты регионов, ставшие консолидирующим центром в своих территориях.

Взаимодействие государственных органов власти и институтов гражданского общества реализуется через модели сотрудничества, отсутствия сотрудничества (игнорирование) и конфронтации. При выстраивании взаимодействия как партнёрских отношений предполагается равенство сторон, допускающее доминирование одной из них. Как правило, такой доминирующей стороной выступает преимущественно государство.

Вывод. Сотрудничество государственных органов власти и институтов гражданского общества, представленное его некоммерческим сектором, позволяет выделить три модели взаимодействия: обслуживание интересов власти, исполнение делегированных властью социальных обязательств и решение острых социальных проблем. Зрелость гражданского общества напрямую связана с

участием общественных институтов в формировании государственной политики. Именно от степени взаимосвязи между государством и гражданским обществом зависит не только уровень демократии, но и качество жизни общества в целом.

Литература

1. Вайнштейн Г.И. Гражданское общество и власть. Проблемы концептуализации // Проблемы становления гражданского общества в России. Материалы научного семинара. М: Фонд развития политического централизма, 2023. Т. 2. С. 95-108.

2. Авдалян, А. В. Механизмы взаимодействия государства и гражданского общества в современной России / А. В. Авдалян // Успехи современной науки и образования. – 2021. – Т. 2, № 7. – С. 6-11. – EDN WHNAHP.

3. Зенкин А.И. Актуальные вопросы межрелигиозных и межконфессиональных отношений в современной России // Научный журнал. 2019. №4 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-mezhreligioznyh-i-mezhkonfessionalnyh-otnosheniy-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 27.03.2025).

4. Государственная политика и управление. Концепции и проблемы : учебник для вузов / под редакцией Л. В. Сморгунова. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 395 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-06730-9. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/562638> (дата обращения: 27.03.2025).

5. Грудцына Л. Ю. Народ, гражданское общество и государство: конституционно правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2023. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narod-grazhdanskoe-obschestvo-i-gosudarstvo-konstitutsionnopravovoy-aspekt> (дата обращения: 27.03.2025).

Types, models, and forms of interaction between the state and civil society institutions

Shmidt E.B., Prudnikov L.A.

REU im. G.V. Plekhanov

Most concepts of civil society are based on the ideas of ensuring human rights and freedoms, the possibility of realizing the personal interests of members of society, etc. In this case, the structure of civil society is important, assuming the presence of institutions in it, whose members are united by common interests. By forming institutions of civil society, people join groups and communities, acting in a single social environment. By informing the state and society about their interests and problems, and implementing socially significant activities, these structures act as a kind of mediator, reconciling the interests of the state and society.

Keywords: state, civil society, resources, institutions, problems, social sphere.

References

1. Weinstein G.I. Civil society and power. Problems of conceptualization // Problems of the formation of civil society in Russia. Proceedings of a scientific seminar. M: Foundation for the Development of Political Centrism, 2023. Vol. 2. Pp. 95-108.

2. Avdalyan, A.V. Mechanisms of interaction between the state and civil society in modern Russia / A.V. Avdalyan // Successes of modern science and education. - 2021. - Vol. 2, No. 7. - Pp. 6-11. - EDN WHNAHP.

3. Zenkin A.I. Actual issues of interreligious and interfaith relations in modern Russia // Scientific journal. 2019. No. 4 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-mezhreligioznyh-i-mezhkonfessionalnyh-otnosheniy-v-sovremennoy-rossii> (date of access: 27.03.2025).

4. Public policy and management. Concepts and problems: textbook for universities / edited by L. V. Smorgunov. - 2nd ed., corrected. and add. - Moscow: Publishing house Yurait, 2025. - 395 p. - (Higher education). - ISBN 978-5-534-06730-9. - Text: electronic // Educational platform Yurait [website]. - URL: <https://urait.ru/bcode/562638> (date of access: 27.03.2025).

5. Grudtsyna L. Yu. People, civil society and state: constitutional and legal aspect // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narod-grazhdanskoe-obschestvo-i-gosudarstvo-konstitutsionnopravovoy-aspekt> (date of access: 03/27/2025).

Культурно-гуманитарное измерение публичной дипломатии России в Узбекистане

Черных Георгий Евгеньевич

независимый исследователь, george_chernykh@mail.ru

Современный вектор российско-узбекских отношений характеризуется интенсивным развитием культурно-гуманитарных инициатив, которые интенсивно встраиваются в более широкий контекст публичной дипломатии. Актуальность соответствующей темы аргументируется отчётливо проявляющейся необходимостью выработки устойчивых и локально релевантных стратегий «мягкой силы», способных адаптироваться к социокультурной специфике Узбекистана. При этом выявляется очевидное расхождение между декларативным уровнем официальных программ и их реальной воспринимаемостью в локальных сообществах. Исследование в рамках данной статьи нацелено на анализ содержательных и организационных аспектов культурно-гуманитарного измерения публичной дипломатии РФ в Узбекистане — с акцентом на действующие институции, механизмы влияния, проявляющиеся структурные ограничения. Автор выделяет несколько принципиальных противоречий: между инерционным экспортом культурных форматов и требованием к их адаптации; между институциональной активностью и отсутствием качественной обратной связи от целевых аудиторий. Выводы касаются необходимости переосмысления архитектуры гуманитарного присутствия: автор предлагает концептуально обновить подходы, делая упор на большей гибкости, цифровизации, регионализации, а также двустороннем культурном обмене. Новизна заключается в попытке соединить институциональный и коммуникативный уровни анализа, а также в формулировке конкретных рекомендаций, которые базируются на синтезе содержательных ограничений и потенциальных точек роста. Излагаемые материалы будут полезны специалистам в области международных отношений, культурной политики, публичной дипломатии, а также практикам, вовлечённым в гуманитарные проекты России за рубежом.

Ключевые слова: гуманитарное сотрудничество, культурная сфера, «мягкая сила», публичная дипломатия, Россия, Узбекистан, Центральная Азия

Введение

Актуальность изучения культурно-гуманитарного измерения публичной дипломатии России в Узбекистане обуславливается возрастанием роли «мягкой силы» (soft power) в формировании точек соприкосновения между обществами.

Несмотря на интенсивность официального взаимодействия, отсутствует системное представление о конкретном векторе культурных и гуманитарных инициатив, а также об их реальном вкладе в укрепление межгосударственного доверия.

Проблема исследования состоит в том, что существующие публикации зачастую ограничиваются описанием отдельных программ без анализа их синергетического эффекта, количественных, качественных параметров воздействия на общественность. В увязке с этим весьма значимым становится выявление характеристик и оценка влияния основных инструментов культурно-гуманитарной публичной дипломатии, определение путей повышения их эффективности.

Материалы и методы

Публикации, посвящённые культурно-гуманитарному взаимодействию России и Узбекистана, условно целесообразно подразделить на несколько групп: исследования, сосредоточенные на институциональных механизмах и практиках; работы, раскрывающие историко-культурный контекст сотрудничества; статьи, в которых авторы акцентируют внимание на библиотечно-информационной сфере как инструменте «мягкой силы»; источники, освещающие конкретные формы взаимодействия, включая народную дипломатию и деятельность Россотрудничества.

В частности, Ш.М. Рахматуллаев предлагает типологию парадигм культурной дипломатии и выделяет особенности её функционирования в Центральной Азии. Автор подчёркивает важность институционального выстраивания гуманитарных связей и называет политико-идеологический контекст ключевым фактором в определении форм взаимодействия [5]. Схожую проблематику затрагивает И.Р. Томберг, анализирующий концепт «Русского мира» как компонента стратегии «мягкой силы» России в регионе. Он обращает внимание на трансформацию этой модели и её восприятие в государствах ЦА, в том числе, стремление адаптировать дискурс к новым вызовам идентичности и межкультурного общения [8].

Работы, сфокусированные на культурно-историческом фундаменте, представлены, к примеру, публикацией А.В. Посадского и С.В. Посадского. Авторы рассматривают культурное сотрудничество через призму наследия среднеазиатского возрождения, акцентируя внимание на необходимости диахронического подхода к гуманитарным связям между Россией и Узбекистаном [4]. В этом контексте статья Д.Б. Малышевой содержит более политологическое измерение, охватывая дипломатические аспекты гуманитарного партнёрства и подчеркивая его роль в стратегическом диалоге между странами [3].

В трудах Н.И. Гендиной и Е.В. Косолаповой анализируются практики продвижения информационной культуры и медиаграмотности в рамках двусторонних программ. Они рассматривают библиотеки не только как хранилища

знаний, но и как активные агенты трансграничного взаимодействия, особенно в образовательной и молодёжной среде [1, 2].

Эмпирически насыщенные публикации, освещающие современные практики гуманитарного взаимодействия, отражены в материалах С.Б. Султанова, А.А. Усмановой. Оба автора поднимают вопрос о прагматизации соответствующих связей, связывая их с экономическим сотрудничеством, миграцией, а также со стремлением к выстраиванию доверия на уровне гражданских обществ [7, 10]. В свою очередь, сведения, размещённые на официальных и информационных ресурсах, например, сайт Россотрудничества [6] и портал Sputnik Узбекистан [9], отражают институциональную точку зрения и фиксируют активизацию программ по линии народной дипломатии, особенно через российские культурные центры.

Международную перспективу представляет в своей работе Г.Р. Мирзаев, где культурно-гуманитарное сотрудничество Узбекистана с соседними странами, включая Россию, рассматривается в сравнительном контексте. Автор высвечивает значимость регионального подхода, позволяющего интегрировать гуманитарную дипломатию в контуры центральноазиатской идентичности [11].

Анализ источников помогает обозначить несколько противоречий в литературе. Во-первых, сохраняется дисбаланс между институционально-нормативным анализом (характерным для российских авторов) и эмпирико-региональной интерпретацией, часто представленной узбекскими или зарубежными исследователями. Во-вторых, несмотря на очевидное разнообразие подтем, недостаточно внимания уделяется восприятию характеризующего измерения со стороны целевых аудиторий — молодежи, местных сообществ, профессиональных групп. Фактически не рассматриваются проблемы эффективности и устойчивости программ. В дополнение к отмеченному, отсутствует комплексный анализ цифровых инструментов в описываемой области.

При подготовке данной статьи применены аналитико-описательные методы, компаративный подход, систематизация, кейс-стади, а также элементы дискурсивного анализа и институциональной теории.

Результаты и обсуждение

Публичная дипломатия трактуется как деятельность государства по налаживанию прямого диалога с зарубежными аудиториями посредством культуры, образования, СМИ, социальных проектов [2, 5, 7].

Культурно-гуманитарное измерение в этой парадигме обозначает совокупность мероприятий, которые ориентированы, в первую очередь, на обмен ценностными установками, историческими референсами, идеями через бесконфликтную форму взаимодействия (рис. 1).

Сеть Российских центров науки и культуры (РЦНК) в Ташкенте и Самарканде служит «локомотивом» культурно-гуманитарных усилий. В 2023 году Ташкентский РЦНК организовал более 120 мероприятий — театральные постановки по произведениям Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, мастер-классы по традиционным ремёслам Русского Севера, выставки архивных фотодокументов лагерей Беломорканала [9]. Спектр программ варьируется от научно-практических конференций («Россия и Средняя Азия: историко-культурный диалог») до интенсивов по русскому языку для государственных служащих Узбекистана [6].

Целесообразно обратить особо пристальное внимание на образовательные проекты.

Так, «Тотальный диктант» — ежегодная акция повышения грамотности, которую в Ташкенте курируют преподаватели Российского государственного университета гуманитарных наук. В 2024 г. в ней приняли участие свыше

3 000 человек, включая сотрудников министерств, преподавателей вузов [9].

Рис. 1. Элементы культурно-гуманитарного измерения публичной дипломатии (составлено автором на основе [1-3, 7, 10])

Что касается стипендий Правительства РФ, то в 2022-2024 гг. число узбекских студентов, обучающихся в российских университетах по программам бакалавриата и магистратуры, возросло на 18% [9].

Достаточно содержательными являются культурно-просветительские инициативы:

- фестиваль «Литературные мосты» в Самарканде, посвящённый творчеству А.С. Пушкина и А. Навои, сессии за круглым столом проводятся в здании Медресе Шердор;
- проект «Театр на колёсах», когда русские труппы выезжают в регионы Ферганской долины, дают постановки, а также проводят форум местных драматургов.

Помимо культурных мероприятий, значимым компонентом являются гуманитарные проекты: медицинские миссии, восстановление исторических зданий, совместные благотворительные программы.

Межправительственная комиссия по гуманитарному сотрудничеству учреждена в 2018 г., её работа сфокусирована на поддержке детских интернатов в Бухаре и Намангане. За последние годы российские специалисты организовали мобильные стоматологические кабинеты и закупили учебные пособия на русском языке для ряда учреждений.

Предусматривается восстановление памятников — финансирование реставрации Мадрасе Кукельдаш в Ташкенте, где российские реставраторы внедрились методику лазерного сканирования и воссоздания исходной облицовки мозаикой.

Хотя в количественном измерении объём мероприятий растёт, некоторые индикаторы говорят о наличии существенных проблем. Они систематизированы в таблице 1.

Так, комментируя содержание таблицы, целесообразно подчеркнуть, что унифицированный формат мероприятий затрудняет установление подлинного диалога и снижает эмоциональный отклик аудитории. Акцент на центральных площадках создаёт «географическое нера-

венство» доступа к культурно-гуманитарным инициативам. При отсутствии паритетного обмена культурными ценностями развивается лишь одностороннее восприятие, что не содействует глубокому взаимопониманию. Без целостной цифровой стратегии проекты не достигают молодых и мобильных групп, которые, в первую очередь, потребляют контент онлайн. Наконец, без тщательно продуманных инструментов оценки и аналитики сложно выявлять уязвимые места и своевременно адаптировать программы.

Таблица 1
Проблемы культурно-гуманитарной публичной дипломатии России в Узбекистане (составлено автором на основе [2-5, 8, 11])

Проблема	Описание
Недостаточная адаптация форматов	Мероприятия зачастую спроектированы по единому шаблону; при этом не всегда учитываются культурные, языковые, региональные особенности Узбекистана
Географическая сконцентрированность	Основной фокус — столица и крупные города, тогда как провинциальные районы получают значительно меньше инициатив.
Односторонний характер обмена	Преобладает экспорт российских культурных и образовательных программ без опоры на продвижение узбекских инициатив в России.
Ограниченная цифровая стратегия	Использование соцсетей и мультимедийных платформ остаётся фрагментарным, что снижает вовлечённость молодых аудиторий.
Отсутствие системного мониторинга и оценки	Нет единой методики сбора данных о восприятии и влиянии программ, что затрудняет оперативную корректировку деятельности.

В целях повышения результативности культурно-гуманитарной публичной дипломатии сформулирован ряд рекомендаций (рис. 2):

Рис. 2. Предложения по повышению результативности культурно-гуманитарной публичной дипломатии России в Узбекистане (составлено автором)

Так, для повышения результативности необходимо, в первую очередь, перейти от универсальных к гибким форматам, в рамках которых принимаются во внимание языковые, этнокультурные, исторические особенности каждого региона Узбекистана. Это должно опираться на разработку сценариев мероприятий с акцентом на местное художественное наследие, коллаборации с региональными художниками и учёными, а также адаптацию контента под привычные формы досуга целевых аудиторий.

Параллельно важно расширять присутствие за пределами Ташкента и Самарканда, открывая выездные филиалы центров или организуя регулярные выездные программы в Ферганской долине, Хорезме, Каракалпакстане и других областях. При этом негосударственные площадки — библиотеки, молодёжные клубы, спортивные арены — могут стать удобной основой для проведения фестивалей, выставок, различных по тематике мастер-классов.

В цифровой плоскости рекомендуется создать единую мультимедийную экосистему — платформа, где будут сочетаться видео- и аудиоконтент, виртуальные туры, интерактивные курсы, мобильные приложения для изучения языка. При этом уместно активнее использовать соцсети локальных лидеров мнений и партнёрские каналы, а также внедрять геймификацию в целях увеличения вовлечённости молодёжной аудитории.

Системный мониторинг и оценка эффективности станут базисом для адаптивного управления программами — внедрение количественных и качественных KPI (число участников, уровень удовлетворённости, медиапокрытие, индикаторы вовлечённости) в сочетании с периодическими опросами и анализом упоминаний в открытых источниках позволит оперативно корректировать стратегии, ресурсную базу.

Укрепление партнёрства с узбекскими вузами, НКО, культурными учреждениями создаст долгосрочную инфраструктуру взаимодействия. Совместные исследовательские гранты, программы стажировок, творческие резиденции будут содействовать профессиональному обмену и формированию сообщества специалистов, которые работают на стыке культур.

Наконец, ключевым ресурсом остаётся молодёжь и диаспора. Целенаправленные проекты (от студенческих форумов до молодёжных хакатонов, волонтёрских кампаний) помогут формировать «амбассадоров» российско-узбекского диалога, способных поддерживать и развивать контакты в долгосрочной перспективе.

Выводы

Культурно-гуманитарное измерение публичной дипломатии России в Узбекистане демонстрирует ряд успешных практик — от разветвлённой сети РЦНК до инновационных цифровых проектов. Вместе с тем, аналитический срез позволяет выделить необходимость гибких адаптивных стратегий, ориентированных на локальные предпочтения и новые медиаформаты, а также более интенсивного двустороннего обмена.

Главные проблемы связаны с унификацией форматов, неравномерным географическим охватом, характером обмена, недостаточной цифровой проработкой, отсутствием системного мониторинга. Весьма значима разработка гибких, локально ориентированных программ.

Как представляется, решение обозначенных в статье задач потребует в будущем не только расширения финансовых и кадровых ресурсов, но и внедрения комплексных методик оценки результативности «мягкой силы», что обеспечит устойчивую траекторию межкультурного диалога и взаимопонимания.

Литература

- Гендина Н.И., Косолапова Е.В. Культурная дипломатия и библиотеки: опыт России и Узбекистана // Библиотекословедение. — 2022. — Т. 71. — № 4. — С. 375-385.
- Гендина Н.И., Косолапова Е.В. Продвижение медиаинформационной грамотности и информационной культуры как одна из форм культурной дипломатии: опыт России и Узбекистана // INFOLIB: информационно-библиотечный вестник. — 2023. — № 4. — С. 22-29.

3. Малышева Д.Б. Партнерство России и Узбекистана // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2021. – № 2 (28). – С. 121-131.

4. Посадский А.В., Посадский С.В. Культурное сотрудничество России и Узбекистана в свете наследия среднеазиатского возрождения. Часть 1 // Журнал института наследия. – 2021. – № 3 (26).

5. Рахматуллаев Ш.М. Теоретические парадигмы культурной дипломатии и ее практические особенности на постсоветском пространстве // Международные отношения и общество. – 2023. – Т. 5. – № 3. – С. 40-52.

6. Россотрудничество наращивает присутствие в Узбекистане // URL: <https://rs.gov.ru/news/rossotrudnichestvo-narashhivaet-prisutstvie-v-uzbekistane/> (дата обращения: 21.04.2025).

7. Султанов Ш.Б. Русско-узбекские отношения на современном этапе // Актуальные вопросы современной науки и образования. Сборник статей XVI Международной научно-практической конференции. – Пенза: 2022. – С. 266-268.

8. Томберг И.Р. Русский мир как элемент «мягкой силы» России в странах Центральной Азии / И.Р. Томберг // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2023. – № 1 (35). – С. 91-104.

9. Узбекистан и Россия активно сотрудничают через центры народной дипломатии // URL: <https://uz.sputniknews.ru/20250226/uzbekistan-rossiya-sotrudnichestvo-narodnaya-diplomatiya-48129857.html> (дата обращения: 21.04.2025).

10. Усманова А.А. Развитие узбекско-российских отношений в культурно-гуманитарной сфере // Гуманитарные Губкинские чтения. Социальные вызовы и новые тенденции в образовании XXI века. Материалы VII международной научной конференции. – Москва: 2023. – С. 283-287.

11. Mirzaev G.R. Trends in the development of cultural and humanitarian cooperation of Uzbekistan with the countries of Central Asia // EPRA International Journal of Research & Development (IJRD). – 2021. – Pp. 165-172. – URL: https://eprajournals.com/jpanel/upload/1051pm_32..EPRA%20JOURNALS%20-6612.pdf (дата обращения: 21.04.2025).

The Cultural and Humanitarian Dimension of Russia's Public Diplomacy in Uzbekistan

Chernykh G.E.

The current trajectory of Russian-Uzbek relations is marked by the dynamic expansion of cultural and humanitarian initiatives, which are increasingly embedded in the broader framework of public diplomacy. The relevance of this topic stems from the growing need to develop sustainable and locally appropriate "soft power" strategies capable of adapting to the socio-cultural context of Uzbekistan. A discernible gap emerges between the declarative level of official programs and their actual reception within local communities. This study aims to analyze both the substantive and organizational dimensions of Russia's public diplomacy in Uzbekistan, with particular emphasis on existing institutions, mechanisms of influence, and structural constraints. The author identifies a series of fundamental contradictions: between the inertial export of cultural formats and the demand for their contextual adaptation; between institutional activity and the lack of meaningful feedback from target audiences. The conclusions underscore the necessity of rethinking the architecture of Russia's humanitarian presence abroad. A conceptual renewal is proposed, focusing on greater flexibility, digitalization, regional differentiation, and mutual cultural exchange. The novelty of this research lies in its integrative approach, combining institutional and communicative levels of analysis, and in the articulation of specific recommendations based on a synthesis of systemic limitations and potential points of growth. The article will be of interest to scholars of international relations, cultural policy, and public diplomacy, as well as to practitioners involved in Russia's humanitarian projects abroad.

Keywords: Central Asia, cultural sphere, humanitarian cooperation, public diplomacy, Russia, soft power, Uzbekistan

References

- Gendina N.I., Kosolapova E.V. Cultural diplomacy and libraries: the experience of Russia and Uzbekistan // Library Science. – 2022. – Vol. 71. – No. 4. – Pp. 375-385.
- Gendina N.I., Kosolapova E.V. Promotion of media and information literacy and information culture as one of the forms of cultural diplomacy: the experience of Russia and Uzbekistan // INFOLIB: information and library bulletin. – 2023. – No. 4. – Pp. 22-29.
- Malyшева D.B. Partnership between Russia and Uzbekistan // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the world. – 2021. – No. 2 (28). – Pp. 121-131.
- Posadsky A.V., Posadsky S.V. Cultural cooperation between Russia and Uzbekistan in the light of the legacy of the Central Asian Renaissance. Part 1 // Journal of the Heritage Institute. – 2021. – No. 3 (26).
- Rakhmatullaev S.M. Theoretical paradigms of cultural diplomacy and its practical features in the post-Soviet space // International Relations and Society. – 2023. – Vol. 5. – No. 3. – Pp. 40-52.
- Rossotrudnichestvo is increasing its presence in Uzbekistan // URL: <https://rs.gov.ru/news/rossotrudnichestvo-narashhivaet-prisutstvie-v-uzbekistane/> (date of access: 04/21/2025).
- Sultanov Sh.B. Russian-Uzbek relations at the present stage // Actual issues of modern science and education. Collection of articles of the XVI International Scientific and Practical Conference. – Penza: 2022. – Pp. 266-268.
- Tomberg I.R. The Russian world as an element of Russia's "soft power" in the countries of Central Asia / I.R. Tomberg // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the world. – 2023. – No. 1 (35). – Pp. 91-104.
- Uzbekistan and Russia actively cooperate through the centers of public diplomacy // URL: <https://uz.sputniknews.ru/20250226/uzbekistan-rossiya-sotrudnichestvo-narodnaya-diplomatiya-48129857.html> (date of access: 04/21/2025).
- Usmanova A.A. Development of Uzbek-Russian relations in the cultural and humanitarian sphere // Humanitarian Gubkin readings. Social challenges and new trends in education of the 21st century. Proceedings of the VII International Scientific Conference. – Moscow: 2023. – Pp. 283-287.
- Mirzaev G.R. Trends in the development of cultural and humanitarian cooperation of Uzbekistan with the countries of Central Asia // EPRA International Journal of Research & Development (IJRD). – 2021. – Pp. 165-172. – URL: https://eprajournals.com/jpanel/upload/1051pm_32..EPRA%20JOURNALS%20-6612.pdf (date of access: 04/21/2025).

Современные исследования институтов гражданского общества в России

Шмидт Евгений Борисович

аспирант, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Es517@mail.ru

Прудников Лев Алексеевич

профессор кафедры политического анализа и социально политических процессов, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Pla.Patriot@yandex.ru

С развитием гражданского общества в государствах мира происходило непрерывное повышение научно-исследовательской активности по вопросам, связанным с проблематикой деятельности и развития его различных институтов. Определение ключевого понятия «гражданское общество» за период развития указанного феномена претерпело ряд существенных трансформаций: от философской теории до воплощения в реальное состояние общественной жизни. Специфика исследования различной проблематики в рамках феномена гражданского общества заключается в том, что соответствующие изыскания получили виток развития в относительно недавнем прошлом.

Ключевые слова: гражданское общество, Россия, отрасль, институты, политика, теория.

Введение. В советский период указанная отрасль не получала соответствующего внимания со стороны исследователей социальных вопросов вследствие расхождения государственной идеологии, основанной на четкой иерархии, с сущностью гражданского общества в целом. Тем не менее, в последние десятилетия наблюдается возрастающий интерес к теме гражданского общества в научном и политическом дискурсе.

Еще 20–25 лет назад данная проблематика не занимала столь значительного места в социальных исследованиях, основное внимание уделялось роли государства и бизнеса в жизни социума. Однако в ходе этих дискуссий постепенно стали вырисовываться контуры "третьего сектора" и его участия в решении актуальных задач, стоящих перед обществом[2].

Традиционно научные статьи посвящены также и различным аспектам деятельности институтов гражданского общества, включая работу некоммерческих организаций (НКО) и их влияние на социально-экономическое развитие России и крупных мировых регионов.

Зачастую исследователями подробно рассматривается роль НКО в гражданском обществе, их взаимодействие с правительством, а также проблемы и возможности, с которыми они сталкиваются при получении государственной поддержки[10].

На современном этапе ключевые темы соответствующих статей зачастую включают важность поддержки волонтерства и филантропии в государственном развитии, поощрении расширения структурных элементов гражданского общества, акцент на государственную поддержку социально ориентированных НКО и организационную инфраструктуру, поддерживающую НКО в сфере услуг (в основном, социальных).

В исследованиях также изучается взаимосвязь между НКО и городским развитием, социальные инновации в рамках НКО и влияние предполагаемой организационной поддержки и организационных достоинств на эффективность работы НКО и благополучие сотрудников в постпандемический период. Кроме того, в статьях обсуждаются подотчетность и прозрачность стандартов финансовой отчетности для НКО и институтов гражданского общества, подчеркивается необходимость соответствующего государственного регулирования указанных вопросов[1].

Так, например, в докладе «Волонтерство и благотворительность в России и задачи национального развития» к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества в 2019 году В.Б. Беневоленский, В.А. Иванов, Н.В. Иванова подчеркивают, что Общий вектор господдержки направлен на активизацию потенциала благотворительности и добровольчества как ресурса развития общества, способствующего формированию и распространению инновационной практики социальной деятельности, позволяющего дополнить бюджетные источники для решения социальных проблем внебюджетными средствами и привлечь в социальную сферу трудовые ресурсы добровольцев[6].

Доклад подготовлен на основе данных мониторинга состояния гражданского общества, упомянутого ранее в обосновании теоретико-методологических основ, с привлечением материалов по истории добровольчества и

благотворительности в России, сведений о соответствующем опыте отечественных и зарубежных НКО[12].

В свою очередь, Д.В. Харченко в работе «Некоммерческие организации как структурные элементы гражданского общества» в 2021 году уделила внимание анализу взаимодействия некоммерческих организаций с государством в части грантовой поддержки и субсидий. Помимо этого, было изучено аспекты информационной и методической поддержки некоммерческих организаций государством. Автор рассматривает некоммерческие организации как активных субъектов российского общественно-политического процесса не потому, что они осуществляют политическую деятельность, а в связи с тем, что способствуют формированию российского гражданского общества и укреплению российской идентичности[9].

Также в 2021 году М.Б. Поляков в рамках статьи «Особенности и проблемы мер государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в России» реализовал задачу анализа особенностей государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций. В качестве основных особенностей государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в России выделены: многоуровневость поддержки (федеральный, региональный, местный); многообразие форм и видов деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, которые могут рассчитывать на получение государственной поддержки; адресность государственной поддержки; преобладание комплексных мер государственной поддержки[1].

В.Ю. Кулькова в статье «Организация инфраструктурной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций сферы услуг в государственном управлении в РФ» ставит перед собой цель дать комплексной характеристики этапов развития инфраструктурной поддержки СО НКО в РФ с описанием организационной структуры[8].

В соответствии с этим, применяются такие методы как сравнительный анализ этапов развития инфраструктурной поддержки СО НКО в РФ по временному горизонту, целям, объектам, институтам развития. Характеристика институтов развития направлена на описание организационной структуры инфраструктурной поддержки СО НКО, базируется на исследовании сайтов и анализе документов (уставов) организаций, что позволило выделить признаки для сравнительного анализа: организационно-правовая форма, цели и направления деятельности[7].

На основе ретроспективной оценки становления инфраструктурной поддержки СО НКО в РФ выделены ее этапы, дополненные: описанием сложившихся практик в субъектах РФ по формированию организационных моделей инфраструктурной поддержки НКО; сравнительной характеристикой институтов развития инфраструктурной поддержки, что позволило выявить организационные эффекты и риски формирования инфраструктуры некоммерческого сектора.

Помимо этого, указанным выше автором выявлена мультисубъектная модель организации инфраструктурной поддержки СО НКО в РФ, отличающаяся имманентными характеристиками дублирования функций и отсутствием, в отличие от зарубежных практик, самостоятельного органа координирующего деятельность НКО в РФ, что снижает потенциал управления и принятий стратегических решений по развитию НКО в государственном управлении[6].

В рамках работы доказано, что формирование инфраструктурной поддержки СО НКО в РФ характеризуется фрагментарностью и отсутствием единой логической концепции и последовательности организации в государственном управлении как на федеральном уровне, так и в

практиках отдельных субъектов РФ, на нивелирование которых целесообразно направить государственную политику в сфере некоммерческого сектора[4].

Статья «Некоммерческий сектор в оценках населения региона: социально-демографический аспект» Ю.В. Ухановой и К.Е. Косыгиной демонстрирует, каким образом можно проследить корреляцию между уровнем развития некоммерческого сектора и социально-демографическими характеристиками региона. В частности, интересен факторный анализ -гендерный, образовательный, возрастной, т. д.

В статье подробно описывается, каким образом эти факторы могут влиять на развитие институтов гражданского общества в регионе[2].

Высокое значение имеют и зарубежные научно-практические исследования. Заслуживает внимания работа Choto P., Iwu C. G., Tengeh R. K. «Non-profit organizations and socio-economic development in South Africa: A literature analysis» в журнале «Humanities & Social Sciences Reviews»[1]. Данная работа представляет собой анализ роли НКО в решении проблем общества и сообществ, в которых они работают. Это осуществляется для того, чтобы понять ценность некоммерческих организаций для любого общества и их значительный вклад в социально-экономическое развитие[3].

Дано определение некоммерческой организации в международном (и южноафриканском) представлении, роль некоммерческих организаций в социально-экономическом развитии макрорегионов на примере Южной Африки. Из данных указанной статьи следует, что на современном этапе может быть выдвинута гипотеза о положительном влиянии государственной политики в сфере развития НКО на иные сектора экономики: создание рабочих мест, борьба с бедностью, повышение качества предоставляемых государственных услуг.

Prostova D., Istomina N., Jalilov E. В работе «Urban development: Do Non-profit organizations help achieve its goals?» в 2023 году ставят своей целью проанализировать возможное положительное влияние некоммерческих организаций на городское развитие. Из данной статьи существует возможность позаимствовать конкретные примеры влияния конкретных НКО (они называются) на городское развитие, управление городскими процессами[6].

Обзор «Social innovation in the Non-profit organization framework: A review» под авторством Blanco-Ariza A.B. основан на анализе литературы и текстовом майнинге по темам «некоммерческие организации» и «социальные инновации» с целью проведения библиометрического анализа теоретической базы этих исследовательских областей в контекстах специализированного знания.

Можно проследить, каким образом социальные инновации связаны с деятельностью некоммерческих организаций, что государство может сделать в части внедрения социальных инноваций в некоммерческий сектор, побуждения этих организаций к внедрению инноваций в собственную повседневную деятельность с различными категориями населения.

Таким образом, изучение гражданского общества, его структуры, функций и механизмов взаимодействия с государством и бизнесом является актуальной задачей современной социальной науки. Решение этой задачи позволит лучше понять процессы, происходящие в современном обществе, и разработать эффективные механизмы взаимодействия различных социальных акторов для достижения общественного благополучия.

Вывод. Гражданское общество - это добровольное объединение граждан, представленное такими его институтами, как общественные организации, политические

партии, органы местного самоуправления, семья, творческие, спортивные, профессиональные, конфессиональные и другие объединения.

Гражданское общество независимо от государства, но активно с ним взаимодействует. Наличие гражданского общества предполагает обязательное разграничение политической и не политической сфер жизни общества, не исключая их взаимозависимости.

К основным признакам гражданского общества относятся такие, как обеспечение прав и свобод человека и гражданина, самоуправляемость, свободно формирующееся общественное мнение и плюрализм, осуществление права человека на информацию, наличие правового государства, легитимность и демократический характер власти и т.д.

Гражданское общество предполагает наличие в своей структуре системы общественных институтов, реализующих, не зависимо от государства, деятельность по удовлетворению повседневных индивидуальных и коллективных потребностей граждан. Государство же, как политическая организация общества, осуществляет управление делами общества, гарантирует права и свободы его членов.

На современном этапе роль государства в жизни общества постоянно возрастает. Предпосылками тому организующая деятельность государства, распространяемая на все сферы общественной жизни. Можно сказать, что сегодня именно государство является интегрирующим и консолидирующим фактором, объединяющим политическую и гражданскую сферы общества.

Государство, как социальная организация, решает разнообразные социальные проблемы, примеряет интересы различных социальных групп общества, в качестве органа управляющего общественными делами государство посредством своего аппарата сохраняет целостность политической системы, обеспечивает правопорядок.

Литература

1. Choto, P., Iwu, C. G., & Tengeh, R. K. (2020). Non-Profit Organizations and Socio-economic Development in South Africa: A literature Analysis. 8(2), 589–600. URL: <https://giapjournals.com/hssr/article/view/2462> (дата обращения: 27.03.2025).

2. Hovhannisyan H. The Idea and Models of Civil Society: Development Tendencies, Arguments Pro and Con // Bulletin of Yerevan University E: Philosophy, Psychology. –2022. –Т. 8.–С. 3–13.

3. Болотин, А.В., Лунегова, А.А. Динамика изменения численности людей в сфере деятельности некоммерческих организаций // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-izmeneniya-chislenNesti-lyudey-v-sfere-deyatelNesti-nekommercheskih-organizatsiy> (дата обращения: 27.03.2025).

4. Волонтерство и благотворительность в России и задачи национального развития : Доклад к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества / В. Б. Беневоленский, В. А. Иванов, Н. В. Иванова [и др.]. –Москва : Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2022. –72 с.

5. Дмитриев, А. С. Некоммерческие организации в Волгоградской области: современные реалии и пути развития // Вестник ВолГУ. Экономика. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekommercheskie-organizatsii-v-volgogradskoy-oblasti-sovremennye-realii-i-puti-razvitiya> (дата обращения: 27.03.2025).

6. Дмитриев, А. С. Финансовое состояние некоммерческого сектора экономики Волгоградской области / А. С.

Дмитриев // Статистический анализ социально-экономического развития федеральных округов Российской Федерации: опыт, реалии, перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 10-летию образования Северо-Кавказского федерального округа, Ставрополь, 07–08 апреля 2020 года / Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный медицинский университет» Минздрава России. –Ставрополь: Управление федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу, 2020. –С. 216 – 218.

7. Дунамалиева, Д. Р. Роль общественных объединений в формировании гражданского общества (на примере Волгоградского региона) // Студенческий электронный журнал СтРИЖ. –2021. –№. 3. –С. 33–36

8. Колесникова, Н. А. Гражданское общество в современной России / Н. А. Колесникова, Е. Л. Рябова. –Москва : Международное издание «Этносоциум и межнациональная культура», 2022. –266 с.

9. Косыгина, К. Е. Формирование институтов развития третьего сектора: региональные практики / К. Е. Косыгина // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений : Материалы VII международной научно-практической интернет-конференции, Вологда, 28 марта 2022 года. –Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2022. –С. 638–643.

10. Минюст прогнозирует рост новых НКО в России – Министерство юстиции Российской Федерации (официальный интернет-портал). URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49871/> (дата обращения: 27.03.2025).

11. Некоммерческий сектор России: инструменты анализа и развития – Аналитическое агентство RAEX. URL: https://raex-rr.com/files/presentation/HKO_RF_k_22_03_2023.pdf (дата обращения: 27.03.2025).

12. Панкратов, С. А. Институты власти и гражданского общества в публичном пространстве регионов РФ: проектный подход к разрешению социальных проблем (на примере Волгоградской области) // С69. –2020. –С. 178–179.

Modern research on civil society institutions in Russia Shmidt E.B., Prudnikov L.A.

REU im. G.V. Plekhanov

With the development of civil society in the countries of the world, there has been a continuous increase in research activity on issues related to the activities and development of its various institutions. The definition of the key concept of "civil society" has undergone a number of significant transformations over the period of development of this phenomenon: from philosophical theory to implementation in the real state of public life. The specificity of the study of various issues within the framework of the phenomenon of civil society lies in the fact that the relevant research has received a round of development in the relatively recent past.

Keywords: civil society, Russia, industry, institutions, politics, theory.

References

1. Choto, P., Iwu, C. G., & Tengeh, R. K. (2020). Non-Profit Organizations and Socio-economic Development in South Africa: A Literature Analysis. 8(2), 589–600. URL: <https://giapjournals.com/hssr/article/view/2462> (accessed: 27.03.2025).
2. Hovhannisyan H. The Idea and Models of Civil Society: Development Tendencies, Arguments Pro and Con // Bulletin of Yerevan University E: Philosophy, Psychology. –2022. – Т. 8.– P. 3–13.
3. Bolotin, A.V., Lunegova, A.A. Dynamics of Changes in the Number of People in the Sphere of Activity of Non-Profit Organizations // Bulletin of PNRPU. Social and Economic Sciences. 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-izmeneniya-chislenNesti-lyudey-v-sfere-deyatelNesti-nekommercheskih-organizatsiy> (date of access: 27.03.2025).
4. Volunteering and charity in Russia and the tasks of national development: Report to the XX April international scientific conference on the problems of economic and social development / VB Benevolensky, VA Ivanov, NV Ivanova [et al.]. - Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2022. - 72 p.

5. Dmitriev, A. S. Non-profit organizations in the Volgograd region: modern realities and development paths // Bulletin of VolSU. Economics. 2020. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekommercheskie-organizatsii-v-volgogradskoy-oblasti-sovremennye-realii-i-puti-razvitiya> (date accessed: 27.03.2025).
6. Dmitriev, A. S. Financial condition of the non-profit sector of the economy of the Volgograd region / A. S. Dmitriev // Statistical analysis of the socio-economic development of the federal districts of the Russian Federation: experience, realities, prospects: materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 10th anniversary of the formation of the North Caucasian Federal District, Stavropol, April 7-8, 2020 / Office of the Federal State Statistics Service for the North Caucasian Federal District, FSBEI HE "North Caucasian Federal University", FSBEI HE "Stavropol State Medical University" of the Ministry of Health of Russia. – Stavropol: Office of the Federal State Statistics Service for the North Caucasian Federal District, 2020. – P. 216 –218.
7. Duniyalieva, D. R. The role of public associations in the formation of civil society (on the example of the Volgograd region) // Student electronic journal StrZh. – 2021. – No. 3. – P. 33–36
8. Kolesnikova, N. A. Civil society in modern Russia / N. A. Kolesnikova, E. L. Ryabova. – Moscow: International publication "Ethnosociety and interethnic culture", 2022. – 266 p.
9. Kosygina, K. E. Formation of institutions for the development of the third sector: regional practices / K. E. Kosygina // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements: Proceedings of the VII international scientific and practical Internet conference, Vologda, March 28, 2022. - Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2022. - P. 638-643.
10. The Ministry of Justice predicts the growth of new NPOs in Russia - Ministry of Justice of the Russian Federation (official Internet portal). URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49871/> (date of access: 03/27/2025).
11. The non-profit sector of Russia: tools for analysis and development - Analytical agency RAEX. URL: https://raex-rr.com/files/presentation/HKO_PФ_к_22_03_2023.pdf (date of access: 27.03.2025).
12. Pankratov, S. A. Institutions of power and civil society in the public space of the regions of the Russian Federation: a project approach to resolving social problems (on the example of the Volgograd region) // P.69. -2020. - P. 178-179.

Председательство России в БРИКС в 2024 году: итоги и перспективы

Нарбут Кирилл Андреевич

аспирант Дипломатической академии МИД России,
kirill.narbut@mail.ru

В статье анализируются результаты председательства России в БРИКС в 2024 году, освещаются ключевые достижения и перспективы дальнейшего развития организации. Основное внимание уделяется XVI саммиту БРИКС, прошедшему в Казани, где были приняты важные решения по укреплению многостороннего сотрудничества и интеграции новых членов. Рассматриваются институциональные преобразования, включая создание новых механизмов консультаций и рабочих групп, а также определение приоритетных направлений взаимодействия в области цифровых технологий, искусственного интеллекта и устойчивого развития. В том числе обзореваются инициативы и мероприятия, направленные на укрепление сотрудничества в области спорта и культуры.

Особое внимание уделяется анализу проблем и вызовов, стоящих перед организацией, в частности, влиянию геополитической ситуации и попыток внешнего вмешательства в деятельность БРИКС. Оцениваются перспективы расширения влияния организации в глобальном масштабе и её роль как платформы для равноправного экономического сотрудничества.

Ключевые слова: БРИКС, саммит, Россия, многосторонность, экономическое сотрудничество, институциональные преобразования, геополитика, интеграция.

Введение

Председательство России в БРИКС в 2024 году представляет собой важный этап в укреплении международного сотрудничества между странами-участниками этой организации. В условиях глобальных вызовов и изменений мировой политической и экономической системы, роль группировки БРИКС приобретает всё большую значимость. Россия, находясь в центре этих процессов, имеет возможность продвигать инициативы, направленные на развитие многостороннего взаимодействия, устойчивого развития и укрепление позиций стран БРИКС на международной арене. Москва выделила следующие официальные приоритеты в период своего председательства в БРИКС в 2024:

- Сотрудничество в сферах политики и обеспечения безопасности
- Сотрудничество в сферах экономики и финансов
- Сотрудничество в гуманитарной и культурной сферах.

Данное исследование направлено на анализ вклада России и ее инициатив в развитие организации и её влияния на глобальные процессы в период своего председательства в 2024 году.

Важным направлением председательства России в БРИКС в 2024 году стала инициатива по созданию единой цифровой платформы для стран-участниц. Эта платформа призвана улучшить координацию между государствами, обеспечивая оперативный обмен информацией и данными. В условиях стремительного развития цифровых технологий создание такой платформы способствует укреплению взаимодействия между странами БРИКС и повышает их конкурентоспособность на глобальном уровне. При этом данная инициатива открывает возможности для интеграции цифровых решений в различные сферы экономики и управления, что является важным шагом на пути к цифровой трансформации. Ряд российских специалистов отмечают что БРИКС постепенно принимает на себя роль оператора межстранового цифрового платформенного комплекса (МЦПК), в рамках которого ускоряются, упрощаются и удешевляются процессы взаимодействия между странами¹.

Другим проектом, предложенным Россией в рамках председательства, стало развитие сети зелёной энергетики. Этот проект направлен на снижение углеродного следа и поддержку использования возобновляемых источников энергии. В условиях глобальных изменений климата и растущей потребности в экологически чистых технологиях данная инициатива подчеркивает стремление стран БРИКС к устойчивому развитию. Развитие зелёной энергетики способствует не только экологической, но и экономической стабильности, предоставляя новые рабочие места и снижая зависимость от традиционных источников энергии.

Россия в 2024 году инициировала программу совместных научных исследований в области искусственного интеллекта. Эта программа укрепила позиции стран БРИКС как ведущих игроков в области высоких технологий. Сов-

¹ Буданов В.Г., Олескин А.В., Румянцев В.Ю., Шохов А.С. Роль БРИКС в развитии мировой экономики // Экономические стратегии. — 2024. — № 2(194). — С. 16–23. DOI: <https://doi.org/10.33917/es-2.194.2024.16-23>.

местные исследования в данной сфере открывают возможности для разработки инновационных решений, которые могут быть применены в различных отраслях, включая здравоохранение, транспорт и образование. Кроме того, сотрудничество в области искусственного интеллекта способствует обмену знаниями и опытом между учеными из стран-участниц, что усиливает научный потенциал региона в целом.

Одним из ключевых направлений деятельности России в рамках председательства стало развитие совместных инвестиционных проектов. В 2024 году было подписано соглашение о создании совместного инвестиционного фонда стран БРИКС с капиталом в 10 миллиардов долларов США. Этот фонд ориентирован на поддержку инфраструктурных проектов, что открывает новые возможности для экономического роста и развития региона. Россия инициировала обсуждение приоритетных направлений инвестиций, таких как транспортная инфраструктура, энергетический сектор и развитие технологий, что позволило странам-участницам сосредоточиться на решении наиболее актуальных задач. Важным событием в этом контексте стал VI Международный муниципальный форум стран БРИКС, который прошел в Москве на площадке Центрального выставочного комплекса «Экспо-центр» 27-28 августа. В форуме приняли участие представители 89 регионов России и делегации из 126 стран, что составило более 5 тысяч человек из 500 городов мира².

Содействие финансовой интеграции и разработка альтернативных платежных систем стали ключевыми аспектами председательства России в БРИКС в 2024 году. В рамках этого процесса Россия предложила инициативу по созданию общей цифровой валюты БРИКС, которая может стать эффективным инструментом для повышения независимости стран-участниц от международных финансовых систем. Аносов Е.Д. в своей работе подчеркивает, что «Единая наднациональная цифровая валюта БРИКС как фактор независимости от доллароцентричной международной валютно-финансовой системы»³. Эта инициатива направлена на укрепление экономического суверенитета стран БРИКС и обеспечение стабильности финансовых операций в условиях глобальной неопределенности. Совместные усилия в данной области способствуют формированию более устойчивой и независимой финансовой архитектуры. Более того, в Казанской декларации по итогам саммита отмечается, что государства указали на необходимость реформирования нынешней международной финансовой архитектуры для решения финансовых проблем, а также о том, что страны БРИКС договорились изучить возможность создания независимой трансграничной расчетно-депозитарной инфраструктуры BRICS Clear⁴, что в свою очередь при имплементации подобных проектов значительно упростит взаимную торговлю икратно увеличит товарооборот как в рамках участников БРИКС+, так и с другими акторами международной торговли.

В 2024 году Россия в рамках председательства в БРИКС выдвинула ряд инициатив, направленных на

укрепление международной безопасности. Одной из ключевых инициатив стало предложение о создании совместного центра анализа киберугроз для стран-участниц. Этот центр, предполагающий объединение усилий специалистов из государств БРИКС, направлен на мониторинг, выявление и предотвращение кибератак, что особенно актуально в условиях нарастающих угроз в цифровом пространстве. Данная инициатива подчеркивает значимость коллективного подхода к обеспечению кибербезопасности и демонстрирует стремление России к укреплению безопасности в рамках многостороннего сотрудничества.

В Казанской декларации в части международной безопасности подчеркивается важность недопущения гонки вооружений в космосе, скорейшее урегулирование конфликтов на Ближнем Востоке, совместную борьбу с международным терроризмом, в том числе и в киберпространстве⁵.

Важным достижением председательства России в 2024 году стала организация конференции по вопросам борьбы с международным терроризмом. Это мероприятие объединило экспертов и представителей стран БРИКС для обсуждения и выработки совместных стратегий противодействия террористическим угрозам. Конференция способствовала обмену опытом и укреплению взаимодействия между странами-участницами в области обеспечения безопасности. Подобные инициативы подчеркивают значимость роли России как координатора усилий в борьбе с глобальными вызовами и угрозами.

Культурное сотрудничество в рамках БРИКС продолжает играть важную роль в укреплении взаимопонимания и доверия между странами-участницами. В 2024 году состоялся фестиваль искусств, который вновь объединил представителей всех пяти стран — Бразилии, России, Индии, Китая и Южноафриканской Республики. Это мероприятие продемонстрировало богатство и разнообразие культурного наследия стран БРИКС, способствуя обмену идеями и творческим подходам.

Фестиваль искусств проходил в нескольких городах, включая Москву, Пекин и Бразилию, и включал в себя широкий спектр мероприятий: выставки, театральные постановки, музыкальные концерты и мастер-классы. Участники могли насладиться традиционными и современными формами искусства, включая живопись, скульптуру, танцы и музыку. Важной частью фестиваля стали панельные дискуссии, на которых обсуждались актуальные вопросы культурного взаимодействия, сохранения культурного наследия и роли искусства в современном обществе.

Вместе с тем в рамках сотрудничества в научной сфере в 2024 году впервые состоялся Форум ректоров университетов БРИКС, который прошел в Москве на площадке МГУ им. М.В. Ломоносова, как инициатора данного Форума⁶. Примечательно, что это первое мероприятие подобного формата, которое состоялось именно в период председательства России в объединении, что говорит о значительной роли и стремлении Москвы к углублению уровней сотрудничества в том числе и на уровне ректоров ведущих университетов стран БРИКС, что в свою очередь

² Москва примет VI Международный муниципальный форум стран БРИКС // ТАСС URL: <https://tass.ru/ekonomika/21693867>

³ Аносов, Е.Д. Единая наднациональная цифровая валюта БРИКС как фактор независимости от доллароцентричной международной валютно-финансовой системы / Е. Д. Аносов // Финансы и кредит. — Москва, 2024 — N 7. Том 30. — С. 1660-1682.

⁴ XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Казань, Российская Федерация 23 октября 2024 года // Кремлин.ру URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 21.02.2025).

⁵ XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Казань, Российская Федерация 23 октября 2024 года // Кремлин.ру URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 21.02.2025).

⁶ Форум ректоров университетов стран БРИКС стартовал в МГУ // Сайт МГУ URL: <https://msu.ru/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-glavnye-temy/forum-rektorov-universitetov-stran-briks-startoval-v-mgu.html> (дата обращения: 21.02.2025).

должно позволить упрощенному обмену между студентами стран-членов и партнеров БРИКС+, сближению научных сообществ для более тесного диалога и обмена знаниями, что положительно скажется на развитии международного сотрудничества. Также состоялись «9-й Форум молодых ученых стран БРИКС» и Научная конференция «Будущее дипломатии и дипломатических служб» с привлечением научного сообщества стран-участниц БРИКС. Невозможно переоценить роль и вклад подобного рода мероприятий для консолидации научных подходов разных стран, поиска совместных решений и предложений на новые вызовы в международных отношениях.

Спортивные игры БРИКС, прошедшие в Казани в 2024 году, стали значимым событием для укрепления дружбы и сотрудничества между странами-участницами. Эти игры собрали спортсменов из пяти стран — Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР — и предложили соревнования в различных видах спорта, включая легкую атлетику, футбол, баскетбол и боевые искусства. Спортивные игры БРИКС в Казани имели большое значение не только для развития спортивного духа и здорового образа жизни, но и для формирования позитивного имиджа России на международной арене. Организация такого масштабного мероприятия подчеркнула способность России принимать и проводить международные события, что способствовало улучшению ее репутации и укреплению позиций в глобальном сообществе. Кроме того, игры стали символом единства и взаимопонимания между народами. В рамках спортивных мероприятий прошли культурные программы, которые позволили участникам познакомиться с традициями и обычаями друг друга. Это создало атмосферу дружбы и сотрудничества, что было особенно важно в условиях современных глобальных вызовов. Подобные спортивные мероприятия также представляют собой платформу для укрепления связей между странами-участницами, что особенно важно в условиях попыток западных стран изолировать Россию, в том числе и от участия в международных спортивных событиях. В соревнованиях приняли участие более 800 спортсменов, что стало значительным шагом в развитии спортивного взаимодействия. Эти игры не только популяризируют спорт, но и способствуют формированию дружеских отношений между участниками, что в свою очередь может привести к дальнейшему сотрудничеству в различных областях.

Таким образом, спортивные игры БРИКС в Казани в 2024 году стали важным шагом на пути к углублению культурного и спортивного сотрудничества между странами, подчеркивая значимость взаимодействия в глобальном контексте. Это мероприятие не только укрепило культурные связи, но и способствовало развитию экономических и социальных отношений, что является важным аспектом для всех участников.

Россия играет ключевую роль в укреплении связей с развивающимися странами в рамках БРИКС, продвигая многополярность и равноправное сотрудничество. В

условиях глобальной трансформации международных отношений она активно поддерживает повестку, направленную на развитие стран Глобального Юга. Это проявляется в поддержке инициатив, способствующих экономическому росту и устойчивому развитию, что укрепляет позиции БРИКС как платформы для диалога и взаимодействия. В частности, «в рамках БРИКС наиболее активно развивается валютное сотрудничество между Россией и Китаем»⁷. Россия не только способствует экономическому взаимодействию, но и формирует новые финансовые механизмы, что, в свою очередь, усиливает интеграцию стран-участниц.

Россия, выступая в качестве председателя БРИКС в 2024 году, предложила ряд инициатив, направленных на развитие сотрудничества с развивающимися странами. Одной из таких инициатив является поддержка альтернативных финансовых механизмов, включая Новый банк развития, который предоставляет возможности для финансирования инфраструктурных проектов в странах-участниках. Эти меры способствуют укреплению экономической интеграции и снижению зависимости от традиционных финансовых институтов. Сотрудничество между странами БРИКС обладает значительным потенциалом и может привести к созданию новых возможностей для развития не только участников блока, но и многих других стран.

Экономические и политические результаты взаимодействия России с развивающимися странами в рамках БРИКС становятся всё более заметными. В 2022 году экспорт России в страны БРИКС увеличился на 15%⁸, что свидетельствует о росте взаимной торговли. В этом контексте активная торговля энергоносителями с государствами БРИКС играет ключевую роль⁹. Укрепление связей между странами также содействует формированию новых политических альянсов, поддерживающих многополярность и устойчивое развитие, что делает БРИКС важным игроком на мировой арене.

В 2024 году председательство России в БРИКС привлекло значительное внимание западных стран, особенно в свете предложенной инициативы по созданию общего механизма расчетов в национальных валютах участников. Этот шаг рассматривается как попытка ослабить доминирование доллара США в международной торговле, что вызвало критику со стороны ряда западных финансовых институтов. В том числе и от лица 47-го президента США Д. Трампа, который пригрозил введением 100% пошлин против стран БРИКС в случае, если они будут пытаться создать альтернативную доллару валюту для международных расчетов. Трамп пригрозил БРИКС тарифами 150% за попытки создать альтернативу доллару¹⁰. Вместе с тем, вопросы углубления интеграции стран БРИКС в финансовой сфере по мнению Пилипенко И.В. «вышли на первый план только в последние два года, после резкого ужесточения западных санкций против России»¹¹. Кроме того, рост совокупного ВВП стран БРИКС, который впервые превзошел аналогичный показатель G7 в 2023 году¹²,

⁷ БРИКС для Китая: подрыв гегемонии Запада или нечто иное? // ТАСС URL: <https://tass.ru/opinions/17007809> (дата обращения: 21.02.2025).

⁸ Н.Я. Жанжаров, И.В. Гомон. Внешнеторговая деятельность России со странами группы БРИКС // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №4-2 (91). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnetorgovaya-deyatelnost-rossii-so-stranami-gruppy-briks> (дата обращения: 21.02.2025).

⁹ Ковалева Елена Ивановна, Растопчина Юлия Леонидовна, Божков Юрий Николаевич, Брежнев Алексей Николаевич. Оценка взаимной торговли России со странами БРИКС // Индустриальная экономика. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-vzaimnoy-torgovli-rossii-so-stranami-briks> (дата обращения: 21.02.2025).

¹⁰ Трамп пригрозил БРИКС тарифами 150% за попытки создать альтернативу доллару // ТАСС URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23203835> (дата обращения: 21.02.2025).

¹¹ Пилипенко И.В. Проблемы перехода к расчетам в национальных валютах в рамках БРИКС и проект новой расчетной единицы uniclear-БРИКС-9 // Экономика. — 2024. — № 3. — С. 52–79. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-3-52-79.

¹² Лавров: ВВП государств-основателей БРИКС давно выше ВВП G7 // Российская Газета URL: <https://rg.ru/2024/05/31/lavrov-vvp-gosudarstv-osnovatelej-briks-davno-vyshe-vvp-g7.html> (дата обращения: 21.02.2025).

усилил обеспокоенность западных экономистов по поводу перераспределения глобального экономического влияния.

Другим значимым событием в рамках российского председательства в БРИКС в 2024 году стал визит генерального секретаря ООН на саммит БРИКС в Казани стал важным событием, подчеркивающим растущее влияние этой группы на международной арене¹³. Присутствие высокопоставленного представителя ООН на мероприятии свидетельствует о признании значимости БРИКС как платформы для диалога и сотрудничества между развивающимися странами. Для России этот визит имеет особое значение, так как он укрепляет её статус как одного из ведущих игроков в международной политике и экономике. Кроме того, это событие демонстрирует готовность ООН к более тесному взаимодействию с БРИКС, что может способствовать более эффективному решению глобальных вызовов, таких как изменение климата, бедность и неравенство. Для БРИКС визит генерального секретаря также является возможностью продемонстрировать единство и солидарность среди своих членов, а также подтвердить свою роль в формировании альтернативных подходов к глобальному управлению, что особенно актуально в условиях текущих геополитических изменений.

Несмотря на успехи, деятельность БРИКС под председательством России сталкивается с вызовами, связанными с противоречиями в отношениях с западными странами. Инициативы группы, направленные на укрепление экономической независимости её участников, воспринимаются Западом как угроза существующим финансовым и политическим структурам. Эти противоречия могут привести к усилению санкционного давления или попыткам ослабить влияние БРИКС на международной арене, что потребует от России и её партнёров дополнительных усилий для защиты интересов группы.

Расширение политического влияния является важной составляющей стратегии БРИКС. Организация стремится укрепить свои позиции на международной арене, выступая за многополярный миропорядок. В 2024 году Россия, как председатель, инициировала дискуссии о расширении сотрудничества в области международной безопасности и прав человека, а также об усилении роли БРИКС в глобальных институтах, таких как ООН¹⁴. Эти усилия направлены на повышение авторитета БРИКС и укрепление его способности влиять на глобальные политические процессы.

Инновации и устойчивое развитие становятся всё более важными направлениями для БРИКС. В 2023 году страны-участницы приняли совместное заявление о необходимости усиления технологического сотрудничества, что демонстрирует их стремление к прогрессу в данной области. Председательство России в 2024 году может стать платформой для продвижения инициатив, связанных с зелёной экономикой и цифровыми технологиями. Эти усилия способствуют не только экономическому росту, но и обеспечивают устойчивое развитие, что особенно актуально в условиях глобальных экологических вызовов. При этом «обеспечение транспортной безопасности имеет одно из ключевых значений в системе национальной безопасности, в связи с чем приобретает черты и существенные характеристики самостоятельного вида государственной политики»¹⁵. Это подчеркивает значимость

комплексного подхода к развитию, который учитывает, как экономические, так и экологические аспекты.

Одним из ключевых внутренних вызовов для БРИКС является значительная экономическая неоднородность между странами-участницами. Эта неоднородность проявляется в различиях уровня ВВП на душу населения, который в 2023 году варьировался от 2,5 тысяч долларов в Индии до 12 тысяч долларов в России. Такое различие создает сложности в формировании единых экономических стратегий, поскольку каждая страна сталкивается с уникальными социально-экономическими проблемами. Для России, как председателя БРИКС в 2024 году, важно учитывать эти различия при разработке инициатив, направленных на укрепление интеграции и координации между участниками организации. Эффективное управление этими вызовами потребует от России гибкости и способности учитывать интересы всех членов БРИКС.

Среди внешних вызовов, с которыми сталкиваются БРИКС и Россия, особое значение имеет санкционное давление, усилившееся в 2022 году. Эти меры ограничивают возможности России в международном сотрудничестве и создают дополнительные барьеры для реализации совместных проектов в рамках БРИКС. Влияние санкций ощущается не только на российской экономике, но и на уровне взаимодействия с другими странами-участницами, поскольку они требуют адаптации общих стратегий к новым условиям. Для преодоления этих вызовов России потребуются активно развивать альтернативные экономические и политические механизмы, способные минимизировать воздействие внешних факторов.

Заключение

Председательство России в БРИКС в 2024 году стало важным этапом в развитии организации, подчеркивая её роль в глобальных экономических и политических процессах. Проведённый анализ показал, что ключевые инициативы, такие как создание цифровой платформы, развитие зелёной энергетики и укрепление сотрудничества в науке и технологиях, способствовали укреплению взаимодействия между странами-участницами и повышению их конкурентоспособности на мировой арене. Кроме того, значительные успехи были достигнуты в области экономического сотрудничества, включая развитие торгово-экономических связей, запуск совместных инвестиционных проектов и продвижение альтернативных финансовых механизмов. В международной безопасности Россия инициировала важные проекты, направленные на противодействие киберугрозам и борьбу с терроризмом, что укрепило коллективную безопасность стран БРИКС.

Для дальнейшего развития БРИКС важно сосредоточиться на укреплении экономического сотрудничества, расширении политического влияния и поддержке инновационных проектов. Необходимо учитывать внутренние и внешние вызовы, такие как экономическая неоднородность стран-участниц и международное давление, чтобы выработать устойчивые стратегии развития. Россия, как активный участник БРИКС, должна продолжать инициировать проекты, направленные на укрепление взаимного доверия и сотрудничества. Это позволит не только усилить позиции организации на мировой арене, но и создать условия для более справедливого и устойчивого международного порядка.

¹³ Генсек ООН прибыл в Казань для участия в саммите БРИКС // Коммерсантъ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7249121> (дата обращения: 21.02.2025).

¹⁴ XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Казань, Российская Федерация 23 октября 2024 года // Кремлин.ру URL:

<http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 21.02.2025).

¹⁵ Безопасность как стратегический национальный приоритет России в условиях современности // Материалы Шестого международного транспортно-правового форума / под редакцией А. А. Чеботаревой, В. Е. Чеботарева, Л. М. Малёшиной. — Москва : Изд-во Юридического института РУТ (МИИТ), 2024. — 372 с.

Литература

1. Аносов, Е.Д. Единая наднациональная цифровая валюта БРИКС как фактор независимости от доллароцентричной международной валютно-финансовой системы / Е. Д. Аносов // Финансы и кредит. — Москва, 2024 — N 7. Том 30. — С.1660-1682.
 2. Актуальные проблемы экономики, управления, учета и аудита в цифровой индустрии: Сборник научных статей. В 2 томах. Том, включающий 2 – 5 секции / ред. кол. — И.Е. Мизиковский, Э.С. Дружиловская, Т.В. Савицкая. — Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2025. — 271 с.
 3. Безопасность как стратегический национальный приоритет России в условиях современности // Материалы Шестого международного транспортно-правового форума / под редакцией А. А. Чеботаревой, В. Е. Чеботарева, Л. М. Малёшиной. — Москва : Изд-во Юридического института РУТ (МИИТ), 2024. — 372 с.
 4. Бодрунов С. Д. Интеграция как фактор глобальной трансформации общественного устройства // Экономическое возрождение России. — 2024. — № 2(80). — С. 5–6.
 5. Буданов В.Г., Олескин А.В., Румянцев В.Ю., Шохов А.С. Роль БРИКС в развитии мировой экономики // Экономические стратегии. — 2024. — № 2(194). — С. 16–23. DOI: <https://doi.org/10.33917/es-2.194.2024.16-23>.
 6. Лавров: ВВП государств-основателей БРИКС давно выше ВВП G7 // Российская Газета URL: <https://rg.ru/2024/05/31/lavrov-vvp-gosudarstv-osnovatelej-briks-davno-vyshe-vvp-g7.html> (дата обращения: 21.02.2025).
 7. Москва примет VI Международный муниципальный форум стран БРИКС // ТАСС URL: <https://tass.ru/ekonomika/21693867> (дата обращения: 21.02.2025).
 8. Пилипенко И.В. Проблемы перехода к расчетам в национальных валютах в рамках БРИКС и проект новой расчетной единицы uniclear-БРИКС-9 // Экономика. — 2024. — № 3. — С. 52–79. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-3-52-79.
 9. Савченко Е.С. Лучшие научные статьи 2024: XVII-ой международной очно-заочной научно-практической конференции, в 2 т., том 1 / Е.С. Савченко. — Москва: Издательство НИЦ «Издание», 2024. — 196 с.
 10. Современные научные исследования: гуманитарные и технические науки: сборник материалов LVI-ой международной очно-заочной научно-практической конференции, в 2 т., том 2 / под ред. Бурмистрова Н. В. — Москва: Издательство НИЦ «Империя», 2024. — 231 с.
 11. Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы сотрудничества в изменяющемся мире: материалы Второй международной научно-практической конференции (5–7 июня 2024 года): в 2-х ч. Ч. 2 / отв. ред. М.А. Булавина, В.И. Герасимов. — Москва: Издательский дом УМЦ, 2024. — 590 с.
 12. Стратегическое развитие отечественной науки: национальное самосознание, скрытые конкурентные преимущества: сборник статей / Коллектив авторов. — Уфа: Аэтерна, 2024. — 110 с.
 13. БРИКС для Китая: подрыв гегемонии Запада или нечто иное? // ТАСС URL: <https://tass.ru/opinions/17007809> (дата обращения: 21.02.2025).
 14. XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Казань, Российская Федерация 23 октября 2024 года // Кремлин.ру URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWdG0QRs3xfmUICAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 21.02.2025).
 15. Трамп пригрозил БРИКС тарифами 150% за попытки создать альтернативу доллару // ТАСС URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23203835> (дата обращения: 21.02.2025).
 16. Форум ректоров университетов стран БРИКС стартовал в МГУ // Сайт МГУ URL: <https://msu.ru/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-glavnye-temy/forum-rektorov-universitetov-stran-briks-startoval-v-mgu.html> (дата обращения: 21.02.2025).
- Russia's BRICS Presidency in 2024: results and prospects**
Narbut K.A.
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
The article examines the outcomes of Russia's chairmanship in BRICS in 2024, highlighting key achievements and prospects for the organization's further development. The focus is on the XVI BRICS Summit held in Kazan, where crucial decisions were made to strengthen multilateral cooperation and integrate new members. Institutional transformations are discussed, including the establishment of new consultation mechanisms and working groups, as well as defining priority areas of interaction in digital technologies, artificial intelligence, and sustainable development. Initiatives and events aimed at enhancing cooperation in sports and culture are also reviewed.
- Particular attention is paid to analyzing the challenges and obstacles facing the organization, specifically the impact of the geopolitical situation and external interference attempts in BRICS activities. The prospects for expanding the organization's global influence and its role as a platform for equitable economic cooperation are assessed.
- Keywords: BRICS, summit, Russia, multilateralism, economic cooperation, institutional transformations, geopolitics, integration.
- References**
1. Anosov, E. D. The BRICS single supranational digital currency as a factor of independence from the dollar-centric international monetary and financial system / E. D. Anosov // Finance and credit.— Moscow, 2024—No. 7. Volume 30. pp. 1660-1682.
 2. Actual problems of economics, management, accounting and auditing in the digital industry: collection of scientific articles. In 2 volumes. Volume, including 2 – 5 sections / edited by I. E. Mizikovskiy, E. S. Druzhilovskaya, T. V. Savitskaya. - Novgorod: N.I. Lobachevsky National Research University, 2025. - 271 p.
 3. Security as a strategic national priority of Russia in modern conditions // Proceedings of the sixth International Transport and Legal Forum / edited by A. A. Chebotareva, V. E. Chebotareva, L. M. mialeshina. Moscow: Publishing House of the Law Institute of the Russian Academy of Sciences (MIIT), 2024. 372 p.
 4. Bodrunov S. D. integration as a factor of global transformation of social structure // The economic revival of Russia. — 2024. — № 2(80). - P. 5-6.
 5. Budanov V. G., oleskin A.V., Rumyantsev V. Yu., Shokhov A. S. the role of BRICS in the development of the world economy // Economic strategies. — 2024. — № 2(194). - Pp. 16-23. DOI: <https://doi.org/10.33917/es-2.194.2024.16-23>. Lavrov: The GDP of the BRICS founding countries is significantly higher than the GDP of the G7 // Rossiyskaya Gazeta <https://rg.ru/2024/05/31/lavrov-vvp-gosudarstv-osnovatelej-briks-davno-vyshe-vvp-g7.html> (date of reference: 02/21/2025).
 7. Moscow will host the VI BRICS International Economic Forum // TASS <https://tass.ru/ekonomika/21693867> (date of request: 02/21/2025).
 8. Pilipenko I. V. problems of transition to settlements in national currencies within the framework of BRICS and the draft of a new uniclear unit of account-BRICS-9 // Economy. - 2024. — No. 3. - pp. 52-79. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-3-52-79.
 9. Savchenko E. S. the best scientific articles of 2024: the XVII International full-time scientific and practical conference, in 2 volumes, Volume 1 / E. S. Savchenko. - Moscow: Publishing House of SIC "Publishing House", 2024. - 196 P.
 10. Burmistrova N. V.-Moscow: publishing house of SIC "empire", 2024. - 231 p.
 11. BRICS countries: development strategies and mechanisms of cooperation in a changing world: proceedings of the Second International Scientific and Practical Conference (June 5-7, 2024): in 2 hours, part 2 / ed. by V. A. BRICS. edited by M. A. Bulavin, V. I. Gerasimov. - Moscow: UMTS Publishing House, 2024. - 590 p.
 12. Strategic development of Russian science: national identity, hidden competitive advantages: collection of articles / team of authors. Ufa: Aeroflot, 2024. 110 P.
 13. BRICS for China: undermining the hegemony of the West or something else? // TASS / <https://tass.ru/opinions/17007809> (date of request: 02/21/2025).
 14. The XVI BRICS Summit. The Kazan Declaration. Strengthening multilateralism for equitable global development and security. Kazan, Russian Federation, October 23, 2024 // Kremlin.<url>: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWdG0QRs3xfmUICAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (date of appeal: 02/21/2025).
 15. Trump threatened BRICS with tariffs of 150% for trying to create an alternative to the dollar // TASS <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23203835> (date of request: 02/21/2025).
 16. The Forum of Rectors of BRICS Universities has started at Moscow State University // MSU website <https://msu.ru/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-glavnye-temy/forum-rektorov-universitetov-stran-briks-startoval-v-mgu.html> (date of request: 02/21/2025).

Конвергентное развитие НБИКС-технологий как источник изменений проблематики безопасности

Никитина Ксения Андреевна

аспирант факультета международных отношений, Санкт-Петербургского государственного университета,
st085748@student.spbu.ru

Динамика международных отношений и возникновение международных конфликтов тесно связаны с развитием технологий. Международная и государственная безопасность подвержена растущему влиянию научно-технического прогресса, поскольку смена технологического уклада формирует новую модель экономического развития, новые социально-политические реалии. В условиях, когда конвергентные НБИКС-технологии Четвертой промышленной революции становятся не только вспомогательным инструментом, но и средством существования человека, определяющего его образ жизни и мышления, понимание современных социально-политических процессов невозможно без анализа этих технологий. Технологии представляют собой не только источник изменений образа жизни общества, но и являются фактором переосмысления базовых понятий политического существования человека, в том числе безопасности, которая является одной из наиболее важных при анализе международных отношений. В статье раскрыто понятие и суть НБИКС-конвергенции, определены тенденции социально-политических преобразований и изменений проблематики безопасности, обусловленных НБИКС-конвергенцией, указано влияние когнитивных наук как ядра НБИКС-конвергенции на исследования в области безопасности.

Ключевые слова: НБИКС-технологии, НБИКС-конвергенция, безопасность, нейротехнологии, когнитивные технологии

Введение. Проблематика безопасности играет критически важную роль в международных отношениях, развитие которых подвержено влиянию современных технологий. Современные угрозы безопасности и возможности ответа на них преобразуются в зависимости от научно-технического прогресса, который является катализатором общественно-политических изменений. На современном этапе развития науки и техники происходит конвергенция наук и технологий (НБИКС-конвергенция), которые выступают источником угроз безопасности и одновременно служат альтернативным инструментом для решения вопросов безопасности. Более того, современные технологии оказывают влияние на мировоззренческие установки, лежащие в основе политического существования человека. В политической мысли возникают идеи, источником которых являются технические инновации и тенденции общественной жизни, спровоцированные их применением. Под влиянием этих идей происходят изменения в трактовках различных феноменов и процессов мировой политики, включая процессы, связанные с обеспечением международной и государственной безопасности. Это свидетельствует об актуальности проблематики безопасности в контексте НБИКС-конвергенции. Цель исследования – определить изменения в представлениях о безопасности в международных отношениях, происходящие с учетом контекста НБИКС-конвергенции.

НБИКС-конвергенция: понятие и сущность. В условиях, когда технологии Четвертой промышленной революции становятся не только вспомогательным инструментом, но и средством существования человека, определяющего его образ жизни и мышления, понимание современных социально-политических процессов невозможно без анализа этих технологий. Технологии представляют собой не только источник изменений образа жизни общества, но и являются фактором переосмысления базовых понятий политического существования человека, в том числе концепции безопасности, которая является одной из наиболее важных при анализе международных отношений. Чтобы понять, каким образом технологии влияют на политическую сферу, необходимо обратиться к понятиям Четвертой промышленной революции и НБИКС-технологий.

Термин «Четвертая промышленная революция» (Индустрия 4.0) был впервые представлен в Германии. В 2011 г. во время Ганноверской промышленной ярмарки были предложены способы организации производства, способствующие повышению конкурентоспособности. Основная идея технологического развития в рамках Индустрии 4.0 заключается в сетевом объединении ручного и машинного труда при помощи информационно-коммуникационных технологий. В результате такого объединения производственный процесс представляет собой совокупность взаимосвязанных автоматизированных систем – киберфизическую систему. Понятие киберфизической системы синонимично понятиям «цифровое производство», «умное производство». В 2014 г. эта идея получила стратегическое воплощение в программе технологического развития Германии, одним из приоритетов которой стало развитие цифровой среды обитания [13]. В стратегии экономического развития Германии до 2030 г. Индустрия 4.0 представляет собой целостный подход к формированию

«цифровых экосистем», построенных на принципах автономности, совместимости с другими системами и принципах устойчивого развития [12].

Популяризатором этой идеи считается Клаус Шваб, изложивший основы и вероятные последствия Четвертой промышленной революции в своей одноименной работе [10]. В качестве основных последствий Четвертой промышленной революции для проблематики безопасности К. Шваб выделяет изменение характера угроз, перераспределение власти между государственными и негосударственными структурами, нарастание раздробленности общества, превращение цифрового пространства в театр военных действий.

По его мнению, изменятся также источники опасности: новые технологии позволяют создавать новые виды оружия. В частности, речь идет о нанотехнологиях, биотехнологиях, социальных сетях и нейротехнологиях [10, с. 69]. Особую опасность представляет милитаризация нейротехнологий (когнитивных разработок). Устройства воздействия на ткани мозга можно имплантировать человеку, чтобы стирать и создавать воспоминания. Подключение мозга к компьютерным системам дает возможности управлять боевыми единицами (будь это биоробот или обычный солдат), независимо от места боевых действий [10, с. 71]. Также ареной боевых действий станет мозг человека, помимо уже знакомых пространств ведения войны (суша, воздушное, космическое и водное пространства), которые опосредованы цифровым пространством [14].

Все эти технологии сливаются воедино и образуют динамику, вызывающую непредсказуемые последствия. Этот процесс получил название НБИКС-конвергенции. Известно, что аббревиатура «НБИКС-технологии», обозначающая нано-, био-, инфо-, когно-, социотехнологии, употребляется с 2002 г. Термин введен М. Роко и У. Бэйнбриджем [17]. Группа ученых, собравшихся в Национальном научном фонде США для обсуждения технологической революции в мае 2001 г., пришла к выводу, что новые знания в областях нанотехнологий, биомедицины, информационных технологий, когнитивных и социальных наук будут применяться для радикального улучшения форм существования человека и функций человеческого тела. Благодаря новым технологиям человек станет более устойчивым к всевозможным угрозам. Уже тогда высказывалось предположение о том, что в результате соединения новых технологий можно будет повысить уровень национальной безопасности путем внедрения «боевых систем, насыщенных информацией» [16].

В российской науке НБИКС-конвергенция обозначает переход к шестому технологическому укладу, что по смыслу равнозначно Четвертой технологической революции [7, с. 45]. Под технологическим укладом понимается совокупность технических и организационных инноваций, которые являются движущей силой экономического развития [9]. Смена технологических укладов происходит не только в результате научно-технического прогресса, но и вследствие изменений в мышлении общества, поскольку массовое использование технологий происходит гораздо позже, чем их создание. Иными словами, технологические уклады – это волны инноваций или смена экономических парадигм, происходящая за счет развития новых технологий. Каждый из укладов характеризуется составляющими основу производства ресурсами, наиболее перспективными для инвестиций отраслями, факторами производства и гуманитарными преимуществами, достигаемыми в результате массового освоения доминирующего в рамках уклада вида технологий.

Основой шестого технологического уклада становятся интеллектуальные силы человека, направленные на конвергенцию НБИКС-технологий, которые одновременно

являются источником угроз и ответом на вызовы безопасности. Конвергенция включает в себя процессы, прохождение которых достигается взаимодействием, конкуренцией, синергизмом различных дисциплин и технологий путем интегрирования и применения знаний на всех уровнях размерности (молекулярном, атомном, нано-уровнях), времени и сложностей [3]. Основное гуманитарное преимущество, которое несет конвергентное развитие НБИКС-технологий, – увеличение продолжительности и качества жизни, изменение форм жизни человека, технологическое улучшение человека [2].

Существуют разные мнения относительно того, что является наиболее влиятельной для общества отраслью НБИКС-конвергенции. Особую роль в НБИКС-конвергенции играют технологии «больших данных» (информационная сфера), поскольку при помощи данных происходит преобразование ресурсов и интеллектуализация производства. Шестой уклад характеризуется конкуренцией за знания и инновации, а не финансовый ресурс. Происходит технологическая гонка, поскольку доминирующее положение в мировой политике обеспечивается не финансовыми средствами, а освоением НБИКС-технологий. В таких условиях необходимы механизмы, которые исключают злонамеренное использование высоких технологий и обеспечивают их безопасное развитие.

К основным принципам НБИКС-конвергенции относятся:

- единство (междисциплинарное сближение различных областей наук, стирание границ между технологиями и сферами их применения);
- нелинейность развития и самоорганизация (сфера инноваций – это самоорганизующаяся система, с трудом поддающаяся регуляции);
- сетевизация (основной средой и средством существования становится пространство, насыщенное информацией и пронизанное каналами коммуникации);
- синергия (эффективность достигается за счет интеграции технологий в единую компактную систему без информационных потерь) [11, с. 38–40].

Несмотря на то, что НБИКС-конвергенция началась с нанотехнологий, наиболее перспективной считается именно сфера информационных технологий, поскольку она является поставщиком инструментов для развития других отраслей [5]. Без внимания не следует оставлять когнитивные технологии, поскольку процессы, связанные с обработкой информации, осуществляются по аналогии с тем, как эти процессы происходят в мозге человека. Утверждается, что мозг человека (или когносфера) – это сфера, в которой реализуется НБИКС-конвергенция [11, с. 317], поскольку развитие инноваций начинается с идеи – продукта мышления человека.

Тенденции общественно-политического развития и проблемы безопасности с учетом НБИКС-конвергенции. Развитие когнитивных технологий связано со стиранием границы между человеком и технологиями, в результате чего меняется культура и формы коммуникации, а расширение когнитивных способностей человека при помощи технологий приводит к новым типам мышления и поведения. Стирание границ между технологиями, сферами их применения, научными дисциплинами – это интеллектуальное слияние в единую область всех уровней организации материи, которое порождает мета-область знаний и идеи мета-вселенной, где обмен знаниями упрощается. Именно поэтому можно считать, что когнитивные и информационные технологии – ядро НБИКС-конвергенции. В результате НБИКС-конвергенции инновационно-технологическая деятельность становится ценностным ориентиром цивилизационного развития. Существуют два пути этого развития: гуманистически ноосферная цивилизация (гармоничная параллельная эволюция

человека и технологий) или техногенная цивилизация (постгуманистическое общество как результат биотехнологической революции) [11, с. 244].

Независимо от того, по какому пути пойдет развитие, воздействие НБИКС-технологий на человека и среду его обитания обозначает биоинформационное и когнитивное воздействие, реализуемое на наноуровне [4, с. 660]. НБИКС-конвергенция ставит в том числе мировоззренческие проблемы, поскольку, наряду с технологическим сближением, происходит конвергенция знаний. НБИКС-технологии направлены не только на улучшение жизни человека, но и на познание человека и общества, поэтому они оказывают влияние на мировоззрение и формирование ценностей. Мировоззрение человека меняется в соответствии с принципами НБИКС-конвергенции, что способствует поиску новых мировоззренческих ориентиров. Предполагается, что инновационно-технологическая деятельность станет ценностным ориентиром развития общества.

Технологическая конвергенция потребует реализации новых принципов управления и формирования новых организационных структур в соответствии с ценностями общества нового технологического уклада. Именно по этой причине новая индустриальная революция провоцирует геополитическую революцию. Исторически смена технологических укладов сопровождается войнами [8, с. 141]. Особенности НБИКС-конвергенции, которые качественно выделяют ее среди предыдущих индустриальных революций, включают в себя нелинейное развитие; масштабность и широкий охват всех сфер жизни; риски, связанные с изменением природы человека; смешение технологий и размытие границ между материальным и виртуальным пространствами [8, с. 143].

Эти характеристики сопряжены с развитием политических трендов, к которым относятся: снижение доверия общества к государствам и международным организациям, стремление государств обеспечить технологический суверенитет и установить правила игры в цифровом пространстве, изменение форм участия человека в политической жизни общества. Данные тренды тесно связаны с обеспечением безопасности. Например, в результате смешения виртуального и физического происходит гибридизация угроз безопасности: внутривнутриполитические и внешнеполитические угрозы приобретают размытый характер. Международные конфликты также носят гибридный характер: современные конфликты начинаются в киберпространстве в рамках информационно-психологического противостояния и перетекают в физический мир в виде конфликтов с применением оружия.

В дополнение к гибридным угрозам государства решают проблему, связанную с «цифровой властью», источником которой являются технологические корпорации. Обладание цифровыми данными обеспечивает эффективный контроль над гражданами. Часть исследователей утверждает, что формируется общество «надзорного капитализма», при котором государство «выключается» из экономических процессов, а крупные компании захватывают контроль над пользовательскими данными для максимального извлечения прибыли [6]. В этом смысле ставится вопрос интернационализации интернета и регулирования контроля над этими данными. Государства стремятся подчинить технологическое развитие своим внешнеполитическим интересам, однако правовое регулирование происходит с заметным опозданием: технологии развиваются быстрее, чем государства внедряют нормы, регламентирующие их применение. Перераспределение власти от государств в сторону больших компаний является способом создания барьеров для информационного обмена между государственными структурами, что также является угрозой государственной безопасности.

Наращивая технологическую мощь, государства вовлекаются в геополитическую конкуренцию. Гибридный характер современных конфликтов отражается на поиске со стороны государств таких стратегий и тактик, которые затрудняют распознавание угроз со стороны противника за счет информационных манипуляций. В качестве военной тактики применяется вепонизация общественного мнения, используется внешнее влияние на институты государства, ответственные за принятие решений [15]. Подобная тенденция влияет на переосмысление понятия войны и концепции безопасности.

Особое место при решении вопроса о милитаризации новых технологий необходимо уделить общественному контролю деструктивных последствий внедрения технологий и социальной ответственности ученых, разрабатывающих эти технологии. В рамках НБИКС-конвергенции основной угрозой для государств является упущение технологических возможностей для управления гражданами и для защиты процесса принятия решений. С точки зрения безопасности как процесса поиска угроз и моделирования ответов на них (что относится к сфере работы с информацией) процесс обеспечения безопасности связан со степенью освоения государством информационных и когнитивных технологий, поскольку эти технологии играют интегральную роль в НБИКС-конвергенции.

Существует стратегические предпосылки, которые свидетельствуют о том, что внедрение НБИКС-технологий (особенно когнитивных технологий) в военную сферу неизбежно. Поскольку развитие науки обеспечивает более глубокое понимание когнитивных, эмоциональных и поведенческих аспектов деятельности человека, государства активно субсидируют проекты по исследованию когнитивной сферы с целью более эффективного управления обществом. Существование таких проектов, как Human Brain Project (ЕС), BRAIN Initiative (США), MINDS (Япония), China Brain Project (Китай) позволяет утверждать, что ведется гонка за лидерство в освоении когнитивных технологий [1]. Тот, кто первым овладеет технологиями, которые являются ядром НБИКС-конвергенции, будет претендовать на гегемонию ввиду приобретения значительных преимуществ во многих сферах. В результате нейротехнологической гонки наращивание военного потенциала НБИКС-технологий позволяет получить стратегические преимущества. Важным аспектом безопасности становится исследование механизмов работы сознания и способов его защиты, то есть когнитивные аспекты безопасности.

Выводы. НБИКС-конвергенция служит одновременно источником угроз безопасности и ответом на вызовы безопасности, а также фактором определенных социально-политических тенденций, под влиянием которых меняется понимание безопасности. Поскольку ядром НБИКС-конвергенции являются когнитивные технологии, усиленные информационно-коммуникационными технологиями, можно предположить, что источником концептуальных изменений безопасности будут служить именно эти сферы. Неизбежно использование результатов нейробиологических исследований для обоснования природы человека и его стремления к безопасности, что порождает следующие тенденции в сфере безопасности: формирование когнитивного измерения военных конфликтов, смещение фокуса исследования от обеспечения государственной безопасности к безопасности человека.

Формирование так называемой когносферы, в которой реализуется НБИКС-конвергенция, ускоряет развитие технологий, что стимулирует государства разрабатывать механизмы, регулирующие безопасность развития технологий. Происходит технологическая гонка, поскольку до-

минирующее положение в мировой политике будет занимать государство, которое наиболее эффективно освоит НБИКС-технологии, сможет диктовать правила их применения и определять сценарии развития.

В частности, прогнозируются два возможных пути. Во-первых, это движение к гуманистически ноосферной цивилизации, в которой разумная деятельность человека с помощью технологий создает общее поле для обмена знаниями и гармоничного международного развития. Во-вторых, это движение к техногенной цивилизации, в которой применение технологий вносит радикальные изменения. Иными словами, версии развития зависят от того, какая сфера жизни общества будет влиять больше – когносфера или техносфера. Когнитивное и технологическое измерения безопасности выдвигаются на первый план.

Литература

1. Выходец Р.С., Руцин Д.А. Роль Большой науки о мозге в технологическом лидерстве в области искусственного интеллекта // Общество. Среда. Развитие. 2021. № 3(60). С. 11-16.
2. Горохов В.Г. Проблема технонауки – связь науки и современных технологий // Философские науки. 2008. №1. С. 33-58.
3. Кричевский Г.Е. Введение в НБИКС-технологии // НБИКС: Наука. Технологии. 2017. Т.1, № 1. С. 27-54.
4. Орехов А.М. История, философия и методология социально-гуманитарных наук. М.: ИНФРА-М, 2022. 692 с.
5. Прайд В.В., Медведев Д.А. Феномен NBIC-конвергенции. Реальность и ожидания. Философские науки. 2008. №1. С. 97-116.
6. Сафронов Э.Е. Трансформации капитализма в XXI веке: концепция «надзорного капитализма» Шошаны Зубофф // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 165-172.
7. Смирнов А.И. Современные информационные технологии в международных отношениях. М.: МГИМО-Университет, 2017. 334 с.
8. Сучков М.А. «Геополитика технологий»: международные отношения в эпоху Четвертой промышленной революции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 2. С. 138-157.
9. Убушиев Э.В. Экономическая безопасность в различных технологических укладах // Теоретическая и прикладная экономика. 2018. № 3. С. 1-21.
10. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 138 с.
11. NBIC-технологии: инновационная цивилизация XXI века: монография / А.К. Казанцев, В.Н. Киселев, Д.А. Рубальтер, О.В. Руденский; под ред. А. К. Казанцева и Д. А. Рубальтера. М.: ИНФРА-М, 2023. 384 с.
12. 2030 Vision for Industrie 4.0 [Электронный ресурс] // Plattform Industrie 4.0. URL: <https://www.plattform-i40.de/IP/Navigation/EN/Industrie40/Vision/vision.html> (дата обращения: 02.05.2025)
13. Aktueller Begriff Industrie 4.0 [Электронный ресурс] // Deutscher Bundestag. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/474528/cae2bfac57f1bf797c8a6e13394b5e70/industrie-4-0-data.pdf> (дата обращения: 02.05.2025)
14. Giordano J. Battlescape brain: Engaging neuroscience in defense operations // The Journal of the Homeland Defense & Security Information Analysis Center. 2017. №3 (4). P. 13-16.
15. Hansen F.S. The weaponization of information: News from the cognitive domain [Электронный ресурс] // Dansk Institut for Internationale Studier. DIIS Policy Brief. 2017 No. December. URL:

https://pure.diis.dk/ws/files/1273572/Weaponisation_of_information_WEB.pdf (дата обращения: 02.05.2025)

16. Khushf G. The Ethics of NBIC Convergence // Journal of Medicine and Philosophy. 2007. № 32. P. 185-196.

17. Roco M., Bainbridge W. Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology, and Cognitive Science. Dordrecht, Boston: Kluwer Academic Publishers, 2003. 496 p.

Convergent development of NBICS technologies as a source of changes in security issues

Nikitina K.A.

Saint Petersburg State University

The dynamics of international relations and the emergence of conflicts are connected to technological advancement. International and national security is influenced by the rising science and technology development since the change of the technological order shapes a new model for economic development as well as social and political reality. Given that converging NBICS technologies of the 4th Industrial Revolution serve not only as auxiliary tool, but also as means of human existence that defines our way of thinking and living, the understanding of the social and political processes is impossible without the analysis of such technologies. These technologies provoke social and political changes, they are also a driver for revising the basic political concepts of human being, including security, which is of utmost importance in international relations. The article defines the term and essences of NBIC-Convergence. The trends of social and political changes and security problems attributed to NBIC-Convergence are identified. The article also points out to the effect of cognitive technologies, which are the core of NBIC-Convergence, on security studies.

Keywords: NBICS technologies, NBIC-Convergence, security, neurotechnologies, cognitive technologies

References

1. Vyhodets R.S., Ruschin D.A. The Role of Big Brain Science in Technological Leadership in Artificial Intelligence // Society. Environment. Development. 2021. No. 3 (60). P. 11-16.
2. Gorokhov V.G. The Problem of Technoscience - the Connection between Science and Modern Technologies // Philosophical Sciences. 2008. No. 1. P. 33-58.
3. Krichevsky G.E. Introduction to NBICS Technologies // NBICS: Science. Technologies. 2017. Vol. 1, No. 1. P. 27-54.
4. Orekhov A.M. History, Philosophy and Methodology of Social and Humanitarian Sciences. Moscow: INFRA-M, 2022. 692 p.
5. Pride V.V., Medvedev D.A. The Phenomenon of NBIC Convergence. Reality and Expectations. Philosophical Sciences. 2008. No. 1. P. 97-116.
6. Safronov E.E. Transformations of Capitalism in the 21st Century: Shoshana Zuboff's Concept of "Supervisory Capitalism" // Sociological Research. 2021. No. 4. P. 165-172.
7. Smirnov A.I. Modern Information Technologies in International Relations. Moscow: MGIMO-University, 2017. 334 p.
8. Suchkov M.A. "Geopolitics of Technology": International Relations in the Era of the Fourth Industrial Revolution // Bulletin of St. Petersburg University. International Relations. 2022. Vol. 15. Issue 2. P. 138-157.
9. Ubushiev E.V. Economic security in various technological paradigms // Theoretical and applied economics. 2018. No. 3. Pp. 1-21.
10. Schwab K. The fourth industrial revolution. Moscow: Eksmo, 2016. 138 p.
11. NBIC technologies: innovative civilization of the 21st century: monograph / A.K. Kazantsev, V.N. Kiselev, D.A. Rubvalter, O.V. Rudensky; edited by A.K. Kazantsev and D.A. Rubvalter. Moscow: INFRA-M, 2023. 384 p.
12. 2030 Vision for Industrie 4.0 [Electronic resource] // Plattform Industrie 4.0. URL: <https://www.plattform-i40.de/IP/Navigation/EN/Industrie40/Vision/vision.html> (accessed: 02.05.2025)
13. Aktueller Begriff Industrie 4.0 [Electronic resource] // Deutscher Bundestag. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/474528/cae2bfac57f1bf797c8a6e13394b5e70/industrie-4-0-data.pdf> (accessed: 02.05.2025)
14. Giordano J. Battlescape brain: Engaging neuroscience in defense operations // The Journal of the Homeland Defense & Security Information Analysis Center. 2017. No. 3 (4). P. 13-16.
15. Hansen F.S. The weaponization of information: News from the cognitive domain [Electronic resource] // Dansk Institut for Internationale Studier. DIIS Policy Brief. 2017 No. December. URL: https://pure.diis.dk/ws/files/1273572/Weaponisation_of_information_WEB.pdf (access date: 05/02/2025)
16. Khushf G. The Ethics of NBIC Convergence // Journal of Medicine and Philosophy. 2007. No. 32. P. 185-196.
17. Roco M., Bainbridge W. Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology, and Cognitive Science. Dordrecht, Boston: Kluwer Academic Publishers, 2003. 496 p.

Китай и США в эпоху нового этапа торговой войны 2025 года

Ярымова Ольга Вячеславовна

Аспирант Дипломатической академии МИД России,
aspirantura@dipacademy.ru

Статья посвящена теме торговой войны между США и Китаем, которая началась в 2018 году и оказала значительное влияние на глобальную экономику и международные отношения. Особое внимание уделяется анализу исторических предпосылок конфликта, включая торговый дисбаланс и меры, предпринятые администрацией Дональда Трампа, а также эволюцию этих мер при администрации Джо Байдена. Цель исследования заключается в выявлении причин и последствий торговой войны, а также в оценке ее влияния на международные торговые и политические отношения. Методы включают анализ официальных документов, отчетов международных организаций, а также текущих политических и экономических тенденций в контексте глобальной экономической фрагментации. Результаты исследования показывают, что торговая война привела к перераспределению производственных мощностей, изменениям в международных цепочках поставок и усилению политических и экономических барьеров. В результате этих изменений наблюдается рост экономической нестабильности и снижение темпов глобального роста. Выводы исследования подчеркивают важность долгосрочного анализа торговых конфликтов для понимания их воздействия на международные отношения и глобальную экономику.

Ключевые слова: торговая война, Китай, США, стратегия, геоэкономика, санкции, политическое давление, мировая система, экспорт, импорт.

Введение

Эволюция американо-китайских отношений в контексте глобального перераспределения силы демонстрирует отход от парадигмы конструктивного взаимодействия к устойчивому структурному конфликту, укоренённому в несовместимости стратегических установок и моделей развития. Постлиберальный этап международной системы, характеризующийся фрагментацией глобального регулирования и возрождением элементов реальной политики, обусловил трансформацию торгово-экономического дискурса в инструмент принудительной дипломатии и политико-экономического давления. В этом контексте торговая война между Соединёнными Штатами Америки и Китайской Народной Республикой выступает не столько как следствие конъюнктурных противоречий, сколько как выражение системного антагонизма между гегемоном и претендентом в условиях полицентричной миропорядковой архитектуры [1; 2].

Инициированная ещё в 2018 году, торговая конфронтация приобрела в 2025 году институционализированный и межсекторный характер, став составной частью стратегии экстерриториального нормотворчества и санкционного правопорядка США, направленного на сдерживание технологического, нормативного и геоэкономического экспансионизма КНР. Внешнеэкономическая политика США базируется на принципах ограничения доступа Китая к критическим технологиям, включая полупроводники, квантовые вычисления и ИИ-секторы [3, с. 12–14]. Разноуровневая система экспортного контроля, рестрикций в сфере трансграничного инвестирования и сдерживания научно-технологического трансфера оформлена как элемент защиты «национальной и глобальной устойчивости» в риторике Белого дома и USTR [4].

Ответные меры Китая, в свою очередь, реализуются в парадигме суверенного экономического ревизионизма, предполагающего институциональное переосмысление зависимости от западноцентричных логистических, финансовых и технологических контуров. В условиях блокировки критически значимых технологий, Пекин активизирует процесс нормативной автономизации и наращивает участие в альтернативных интеграционных проектах (RCEP, BRICS+, инициативы глобального юга). Стратегия «двойной циркуляции» предполагает усиление внутреннего потребления при одновременной переориентации внешнеторговых связей на Юго-Восточную Азию, Ближний Восток и Африку [5; 6]. Таким образом, торговое противостояние выходит за рамки двустороннего диспута, отражая фундаментальные изменения в глобальной конфигурации власти и верифицируя тезис о наступлении эры нормативной и экономической полярности [7].

Материалы и методы

Для выполнения данного исследования использовалась комплексная методология, включающая как качественные, так и количественные методы анализа. В качестве материалов исследования были использованы различные источники первичных и вторичных данных, которые дают полное представление о торговой войне между США и Китаем, её экономических и политических аспектах. К числу ключевых источников можно отнести официальные отчёты международных организаций, таких как Всемирная торговая организация (ВТО), Международный валютный фонд (МВФ) и ЮНКТАД, а также многочисленные аналитические публикации ведущих исследователей в области международной экономики и геополитики.

Например, работы Закарии (2023) и Боун (2020) предоставляют глубокое понимание причин конфликта, динамики его развития и влияния на глобальную экономику [1; 2]. Дополнительно использовались данные о внешней торговле, пошлинах и экономических показателях, опубликованные правительствами США и Китая, которые играют ключевую роль в анализе торговых стратегий двух стран и их влияния на мировую торговую систему. Этот набор материалов позволяет всесторонне исследовать последствия торговой войны не только для США и Китая, но и для глобальной экономики в целом [3; 5; 6].

Методологическая база исследования включает в себя два основных подхода: контент-анализ и сравнительный анализ. Контент-анализ был использован для систематизации огромного объема информации, полученной из официальных источников, таких как отчеты Министерства коммерции КНР, публикации Офиса торгового представителя США (USTR) и материалы международных организаций [3; 4]. Этот метод позволяет выявить ключевые тенденции и подходы, которые лежат в основе торговой политики двух стран, а также проанализировать, как эти подходы влияют на экономические стратегии в других странах. Важно отметить, что контент-анализ в данном исследовании направлен не только на выделение основных экономических и политических факторов, но и на выявление стратегических и идеологических мотивов, которые влияли на развитие торговой войны. Использование сравнительного анализа позволяет выделить различные этапы эскалации конфликта, проанализировать, как эти этапы соотносятся с глобальными экономическими трендами и оценить, как они изменяют архитектуру международной торговли [7; 8].

Количественный анализ был основан на использовании эконометрических методов, включая регрессионный и корреляционный анализ, для оценки влияния тарифных мер на экономические показатели США, Китая и других стран. Для более точного прогноза был применен мультифакторный эконометрический анализ, который позволяет учитывать множество факторов, влияющих на мировую экономику, такие как изменения в тарифах, международные инвестиционные потоки, объемы внешней торговли и изменения в глобальной цепочке поставок. Эти методы позволяют не только количественно оценить взаимосвязь между торговыми мерами и экономическими показателями, но и сделать прогнозы относительно долгосрочных последствий для мировой экономики, в том числе для стран, находящихся на периферии международной торговли. Такой подход даёт возможность детально анализировать, как торговая война между США и Китаем влияет на экономику стран, зависимых от внешней торговли, а также на международные финансовые потоки, что является важным для понимания глобальных изменений в экономической системе [9; 10].

Литературный обзор

Актуальная волна торгового противостояния между США и Китаем в 2025 году анализируется в контексте расширяющейся геоэкономической фрагментации, росту которой способствуют как внутренние политические стратегии, так и глобальные экономические риски. Согласно докладу Фонда Росконгресс [1], напряжённость в мировой торговле остаётся одним из ключевых рисков международной системы, особенно в условиях усиления протекционистских мер.

Одним из наиболее полных научных разборов предшествующих этапов конфликта является работа Боун Ч. П. [2], в которой он рассматривает «Фазу один» соглашения между США и КНР как временную дезэскалацию, не затронувшую корневые противоречия между сторонами.

Этот вывод подтверждается и в материалах Офиса торгового представителя США [3], где подчёркивается неизменность приоритетов американской торговой политики, в том числе в отношении стратегической конкуренции с Китаем.

Последние события 2025 года нашли отражение в оперативной аналитике новостных и официальных источников. Так, в публикации Reuters [4] сообщается о готовности Пекина к новым переговорам, что подтверждается и пресс-релизом Министерства коммерции КНР [5], в котором подчёркивается прагматичный подход Китая к снижению тарифной напряжённости. Вместе с тем, международные экономические организации обращают внимание на глубинные последствия конфликта: ЮНКТАД [6] фиксирует снижение глобальных инвестиций в страны с неопределённой торговой позицией, а МВФ [7] отмечает замедление темпов роста мировой экономики как прямое следствие нарастающей нестабильности.

В отечественной научной литературе особое внимание уделяется стратегическому измерению торговой войны. Кузьмин и Портанский [8] рассматривают конфликт как элемент формирования нового витка геоэкономической фрагментации, где экономическая безопасность становится центральным элементом политики обеих держав. Михайлов [9], в свою очередь, анализирует реформирование мирового порядка в условиях 2025 года, уделяя внимание месту России в этой трансформации.

Дополнительную ценность представляет ежегодный обзор Всемирной торговой организации [10], где системно обобщаются макроэкономические последствия протекционизма, а также фиксируются изменения в глобальной торговой архитектуре, обусловленные действиями крупнейших экономик.

Результаты

Результаты исследования показывают, что торговая война между США и Китаем продолжает оказывать значительное влияние на структуру мировой экономики, способствуя её фрагментации. Усиление тарифных барьеров и санкций, особенно в области технологий, ведет к снижению объемов международной торговли, а также к перераспределению производственных мощностей. Страны, способные наладить альтернативные каналы поставок и диверсифицировать экономические отношения, получают конкурентные преимущества, в то время как многие развивающиеся страны сталкиваются с ограничениями доступа к внешнему капиталу и технологиям. Эти изменения приводят к углублению технологического разрыва между ведущими экономиками и остальным миром. В долгосрочной перспективе торговая война, с учетом растущих барьеров, может вызвать перераспределение глобальных торговых и инвестиционных потоков, что окажет глубокое воздействие на международные экономические отношения.

Обсуждение

1. Исторические предпосылки нового этапа. Торговая война между США и Китаем, развернувшаяся в 2018 году, является кульминацией многолетнего накопления экономических дисбалансов, политических трений и стратегических амбиций, выражавшихся в растущем противостоянии двух крупнейших мировых экономик. Одной из важнейших причин начала конфликта стал рекордный торговый дефицит США с Китаем, который к 2017 году достиг \$375 миллиардов. Этот дисбаланс, олицетворявший структурную зависимость американской экономики от китайского производства, стал поводом для радикальных шагов администрации Дональда Трампа, направленных на переосмысление и перераспределение глобальных

производственных цепочек в пользу США. Идея о необходимости «выведения» производства из Китая и возвращения его на американскую территорию или в менее зависимые от Китая страны получила яркое выражение в экономической риторике Трампа, акцентировавшего внимание на сохранении рабочих мест в США и снижении негативных последствий для американской промышленности. Введение тарифов на китайский импорт на сумму \$370 миллиардов стало центральным элементом этой стратегии, отражая стремление Вашингтона не только сбалансировать торговый баланс, но и ослабить роль Китая как доминирующего производителя в глобальных цепочках поставок, а также ограничить его способность к доминированию в высокотехнологичных секторах мировой экономики [3; 4].

Конфликт в торговой сфере приобрёл характер не только экономической борьбы, но и геополитического противостояния. В условиях быстро развивающейся китайской технологической индустрии, США всё больше осознавали угрозу утраты технологического лидерства, что стало важным мотивом для активного применения торговых и санкционных мер. Трамп и его администрация акцентировали внимание на необходимости ограничить влияние Китая в таких стратегических областях, как искусственный интеллект, телекоммуникации и информационные технологии. Одним из ярких проявлений этого подхода стал конфликт вокруг китайской компании Huawei, которая, по мнению Вашингтона, представляла угрозу национальной безопасности США. В ответ на претензии США китайские власти начали вводить контрмеры, что привело к полноценному обострению торговых и экономических отношений. Введение тарифов на китайские товары стало частью более широкой стратегии экономического сдерживания Китая, включавшей в себя не только санкции в сфере технологий, но и ограничения на китайские инвестиции в США, а также попытки наращивания экономической автономности [5].

Первая волна тарифных мер, введённых Трампом, оставалась в значительной степени сохранена и при администрации Джо Байдена, что демонстрирует преемственность курса Вашингтона на экономическое давление на Китай, несмотря на смену политического руководства. Однако если Трамп ориентировался преимущественно на использование тарифных инструментов, то Байден акцентировал внимание на более целенаправленных санкциях в области технологий и инвестиционных ограничениях, направленных на защиту американских высокотехнологичных отраслей. Администрация Байдена также продолжила проводить политику сдерживания Китая, но уже в рамках более комплексной стратегии, включающей элементы технологической и кибербезопасности. Одним из ключевых направлений стали ограничения на китайские инвестиции в чувствительные технологические сектора, что отражало стремление США удерживать мировое лидерство в таких стратегических областях, как полупроводники и высокоскоростные сети связи. Преемственность стратегического курса и переход от тарифной политики к более специфическим санкционным мерам стали важным этапом в развитии торгового конфликта, наглядно демонстрируя эволюцию подходов США к геэкономическим вызовам, исходящим от Китая [6].

2. Современное состояние торговой войны и ее динамика. На текущем этапе торговая война между США и Китаем продолжает развиваться, принимая более сложные и многогранные формы, которые выходят за рамки обычной тарифной политики и включают в себя более изощрённые механизмы экономического сдерживания. Важным индикатором продолжения конфликта является сохранение тарифов, введённых администрацией Трампа, которые в значительной степени были подтверждены и

продолжены при Джо Байдене. Эти меры, хотя и утратили свой первоначальный радикализм, продолжали оставаться важным инструментом давления на китайскую экономику. Однако на фоне этого произошёл значительный сдвиг акцентов в стратегическом подходе США: если раньше ставка делалась на прямые торговые барьеры в виде тарифов, то в последние годы особое внимание уделяется технологическим санкциям и ограничению китайских инвестиций в ключевые американские отрасли, такие как полупроводниковая промышленность и телекоммуникации. Данный подход имеет глубокие стратегические корни, направленные на минимизацию технологического и экономического влияния Китая в таких критически важных областях, как высокие технологии, кибербезопасность и оборона [6].

Одним из самых ярких примеров современных мер стало усиление контроля над китайскими компаниями, такими как Huawei и TikTok, которые оказывают значительное влияние на глобальные технологические рынки. Эти компании столкнулись с жесткими санкциями, направленными на ограничение их доступа к американским технологиям и рынкам. Например, Huawei была исключена из списка поставщиков для крупных американских телекоммуникационных операторов, что значительно ухудшило её положение на международной арене. Эти шаги были подкреплены рядом федеральных законов, регламентирующих использование китайских технологий в государственных и частных учреждениях США. Кроме того, введение ограничения на экспорт критически важных технологий, таких как чипы и программное обеспечение для обработки данных, стало одной из важнейших частей политики сдерживания. Подобные меры, в свою очередь, стимулировали Китай к поиску альтернативных путей развития, включая активное инвестирование в отечественные технологии и снижение зависимости от зарубежных поставок. В ответ на санкции Пекин разработал ряд своих стратегий, направленных на укрепление внутреннего рынка и стимулирование национальной технологической независимости [5].

С изменением фокуса в торговой войне на технологические санкции и инвестиционные ограничения также произошёл значительный сдвиг в характере международных отношений и политической стратегии. США больше не рассматривают торговый дефицит как единственную угрозу, а акцентируют внимание на рисках, связанных с возможным утратой контроля над ключевыми технологическими рынками. Этот подход может быть объяснён более широкими геополитическими и экономическими трансформациями, происходящими на мировом рынке. Протекционистская политика в отношении Китая стала частью более широкого контекста борьбы за доминирование в мировой экономике, где не только экономические, но и политические и идеологические соображения играют важную роль. Байден, несмотря на сохранение тарифных мер, пытается более сбалансированно подходить к переговорам с Китаем, акцентируя внимание на важности кооперации в таких глобальных вопросах, как изменение климата и борьба с пандемиями, что свидетельствует о стремлении США к многополярности в международных отношениях. Тем не менее, несмотря на попытки диалога, напряжённость в отношениях между двумя державами сохраняется, что делает торговую войну не локальной проблемой, а элементом глобальной борьбы за экономическое и политическое влияние в 21 веке [7].

Текущая ситуация в рамках торговой войны между США и Китаем представляет собой сложный переплет экономических, политических и стратегических факторов, где действия каждой стороны подчиняются не только экономическим соображениям, но и глобальной борьбе за власть и влияние. В отличие от первого этапа, который

характеризовался ярко выраженной риторикой о торговом дефиците и необходимости возвращения производства в США, современный этап более сосредоточен на технологической конкуренции и стратегическом сдерживании Китая в сферах, которые ключевым образом определяют будущее мировой экономики, таких как искусственный интеллект, полупроводниковая промышленность и кибербезопасность. Протекционизм и тарифы, хотя и продолжают играть важную роль, уже не являются главными инструментами давления, уступая место более специализированным мерам, направленным на блокирование китайских технологий и предотвращение утраты контроля над критически важными отраслевыми сегментами.

Важно отметить, что, несмотря на продолжение тарифной войны, США в значительной степени изменили стратегический подход. Администрация Байдена, продолжая сохранять тарифы, в первую очередь на китайские товары, всё больше сосредотачивает внимание на ограничениях, касающихся китайских инвестиций в высокотехнологичные отрасли. Это свидетельствует о глубоких изменениях в восприятии угрозы, исходящей от Китая, и отражает растущую обеспокоенность США не только по поводу экономической зависимости от китайских товаров, но и по поводу безопасности своих технологических инноваций. Возвращение к национальным интересам в технологической сфере является логичным шагом, учитывая возрастающее влияние Китая на мировые рынки и его стратегическое стремление к технологической независимости. Китай в ответ на действия США активно укрепляет свои внутренние отрасли, поддерживая разработку и внедрение инновационных решений, что, в свою очередь, стимулирует процессы технологической диверсификации и снижения зависимости от западных технологий [6].

Ключевым элементом второй фазы торгового конфликта является переход от откровенного экономического противостояния к более гибким и многоплановым стратегиям, основанным на технологическом сдерживании. Это имеет не только экономические последствия, но и влияет на глобальные отношения между государствами, где Китай и США продолжают бороться за лидерство на фоне растущих глобальных вызовов, таких как климатические изменения, пандемии и изменения в мировом финансовом порядке. Геополитическая конкуренция, выражающаяся в торговой войне, сопровождается также и идеологической борьбой за доминирование в сфере мирового порядка. Важно отметить, что торговая война затрагивает не только эти два государства, но и их союзников, вовлекая в экономические и политические расчёты страны, которые оказываются на передовой линии этих глобальных изменений. Европейские и развивающиеся страны, пытаясь балансировать между США и Китаем, становятся всё более важными игроками в глобальном экономическом противостоянии. Однако, несмотря на наличие попыток диалога и переговоров, торговая война продолжает оставаться одним из самых значимых элементов современной мировой политической и экономической повестки, демонстрируя глубокие структурные изменения в мировой экономике [7].

Таким образом, текущая стадия торговой войны между США и Китаем является сложной и многогранной, затрагивающей не только экономические, но и стратегические и политические интересы. Важно отметить, что хотя данная война и остаётся в значительной степени экономическим противостоянием, она уже выходит за рамки чисто экономической плоскости, воздействуя на глобальный порядок и становясь основой для новых глобальных геополитических реалий.

3. Геополитические последствия. Геополитические последствия торговой войны между США и Китаем могут

иметь серьезные долгосрочные экономические и политические последствия, как для самих государств, так и для глобальной системы в целом. Прежде всего, переход к более изолированным и регионализированным экономическим блокам может привести к значительному ослаблению мировой торговли, что, в свою очередь, отразится на темпах роста мировой экономики. Переориентирование стран на локальные цепочки поставок, повышение тарифов и торговые барьеры могут нарушить сложившуюся систему глобализации, замедлить развитие международной торговли и привести к дефициту товаров в ряде стран, что отразится на потребительских ценах и уровнях жизни населения.

Особую проблему представляет собой угроза роста мирового протекционизма. Ожидается, что в условиях торговых войн, когда государства становятся все более склонными к введению барьеров и пошлин, будет нарастать давление на глобальные ценовые цепочки. Это повлечет за собой рост цен на товары и услуги, особенно в тех секторах, где Китай играет ключевую роль в производстве, таких как электроника, промышленное оборудование и ряд других потребительских товаров. Протекционизм может также ускорить процесс «деглобализации» — сокращения взаимосвязей между национальными экономиками, что создаст дополнительную экономическую нестабильность. Для стран, зависящих от внешней торговли и иностранных инвестиций, как, например, многие развивающиеся экономики, такие меры могут быть разрушительными.

Другим важным аспектом является развитие технологической конкуренции и ограничений на доступ к новейшим технологиям. В условиях торговой войны, усиливающей технологическое сдерживание со стороны США, китайские компании сталкиваются с серьезными ограничениями, что может замедлить инновационные процессы в Китае. Особенно это касается таких ключевых отраслей, как искусственный интеллект, 5G, полупроводниковая промышленность и биотехнологии, где Китай активно конкурирует с США за мировое лидерство. Ограничение доступа китайских компаний к западным технологиям, таким как полупроводники и программное обеспечение, может привести к ускоренной технологической изоляции Китая, что замедлит его экономический рост и стратегическую позицию на мировой арене. Однако Китай также активно разрабатывает собственные технологии и инвестирует в научно-исследовательскую деятельность, что может сделать его менее зависимым от западных технологий в долгосрочной перспективе.

Не менее важным является возможное обострение политических и социальных конфликтов, вызванных этими экономическими и технологическими мерами. Напряженность между США и Китаем может перерасти в более масштабное политическое противостояние, что повлияет на международные отношения и стабилизацию в таких регионах, как Восточная Азия, Южно-Китайское море и Тайвань. Усиление противостояния также может усилить дестабилизацию в странах, стоящих между этими великими державами, в том числе в Юго-Восточной Азии и в Индийском океане, что может привести к политическим и экономическим кризисам. Страны, зависящие от китайских и американских инвестиций, могут столкнуться с тяжелыми последствиями в виде сокращения внешней помощи и торговли, что может привести к росту социальной напряженности, особенно в странах с высокими уровнями бедности.

В то же время, усиление блоковой конкуренции и политического давления может привести к созданию новых альянсов, что усложнит международные отношения. Для стран, не вовлеченных непосредственно в торговую

войну, это может означать необходимость выбирать сторону между двумя мировыми державами, что повлияет на их внешнеэкономическую и внутреннюю политику. В долгосрочной перспективе это может привести к новой фрагментации мирового порядка, где будет существовать несколько конфликтующих центров силы. Это также может поставить под угрозу стабильность международных организаций, таких как Всемирная торговая организация (ВТО), которые традиционно играли роль арбитра в международных торговых спорах. В условиях новой геополитической конфронтации эти институты могут стать неэффективными в решении ключевых глобальных экономических проблем [8].

Таким образом, торговая война между США и Китаем, несмотря на краткосрочные победы, создаст долгосрочные проблемы, как для самих государств, так и для глобальной системы в целом. Эти проблемы будут касаться не только экономических потерь и технологической изоляции, но и геополитической нестабильности, роста протекционизма и возможных социальных потрясений.

Заключение

Торговая война между США и Китаем, начавшаяся в 2018 году, приводит к серьезным и нарастающим экономическим последствиям, которые явно указывают на вероятное продолжение фрагментации мировой экономики. Увеличение тарифных барьеров, санкции в области технологий и ограничение доступа к ключевым ресурсам затрудняют нормальное функционирование глобальных торговых и производственных цепочек. Эскалация конфликта в этих сферах продолжает вызывать изменения в структуре международной торговли, что приводит к удорожанию и сокращению объемов поставок товаров, а также к рискам экономического замедления в странах, не способных адаптироваться к новым условиям.

Снижение объемов торговли и усиление барьеров для международных экономических связей ведет к перераспределению производственных мощностей. Страны, которые могут наладить альтернативные каналы поставок или диверсифицировать свои экономические отношения, получают конкурентные преимущества. Однако для большинства стран, зависимых от глобальных поставок компонентов и технологий, сохранение старых моделей торговли и производства становится невозможным. Ускорение таких изменений не только ограничивает возможности стран, не способных адаптироваться, но и усугубляет технологический разрыв между ведущими экономиками и остальным миром.

Одним из наиболее очевидных последствий является давление на мировой рынок капитала. Усиление протекционистской политики ведет к сокращению международных потоков инвестиций и снижению их эффективности. Это особенно затрудняет экономическое развитие развивающихся стран, которые все чаще сталкиваются с ограничениями в области доступа к внешнему капиталу и ключевым технологиям. В условиях продолжения торговой войны и введения новых санкций, капитальные потоки будут всё больше зависеть от политических факторов, что будет ограничивать возможности для долгосрочных инвестиций и структурных изменений в мировой экономике.

Таким образом, текущая ситуация, связанная с торговой войной США и Китая, ведет к заметному сокращению темпов роста в глобальной экономике. Протекционизм, технологические санкции и торговые барьеры будут оставаться одними из ключевых факторов, определяющих будущее международных экономических отношений. В краткосрочной перспективе ситуация может вызвать лишь замедление роста, но в долгосрочной — привести к глубокой переработке и перераспределению мировых торговых и инвестиционных потоков.

Литература

1. Фонд Росконгресс. Ключевые события – 2025. Геоэкономика. Прогнозы. Основные риски. Москва, 2025.
2. Боун Ч. П. Торговая война США и Китая и соглашение «Фаза один» // Журнал политического моделирования. 2021. Т. 43, № 4. С. 805–843.
3. Офис торгового представителя США. Торговая политика президента Трампа на 2025 год и годовой отчет за 2024 год. Вашингтон, 2024.
4. Китай рассматривает предложение США о переговорах по тарифам; дверь Пекина открыта // Reuters. 2025. 2 мая. URL: <https://www.reuters.com/world/china-says-us-eager-negotiate-tariffs-beijings-door-is-open-2025-05-02/> (дата обращения: 03.05.2025).
5. Министерство коммерции КНР. Пресс-релиз о возможности торговых переговоров с США. 2024. URL: https://english.mofcom.gov.cn/News/PressConference/art/2025/art_3f539956ed274e34b61d9b4df5634677.html (дата обращения: 03.05.2025).
6. Конференция Организации Объединённых Наций по торговле и развитию (ЮНКТАД). Всемирный доклад об инвестициях 2024 года. Женева: ЮНКТАД, 2024.
7. Международный валютный фонд. Перспективы развития мировой экономики. Октябрь 2024. Вашингтон, 2024.
8. Кузьмин В. А., Портанский А. П. США – Китай: фактор экономической безопасности усиливает геоэкономическую фрагментацию // Вестник международных организаций. 2025. Т. 20, № 1. С. 7– электронный ресурс. DOI: 10.17323/1996-7845-2025-01-01. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2025/03/11/1971010743/1%20Portanskiy&%20Kuzmin%20OF.pdf> (дата обращения: 03.05.2025).
9. Заклязьминская Е. О. Санкционное противостояние Китая и США: к формированию новой архитектуры мировой экономики // ЭКО. 2023. № 12. С. 48–70. URL: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/4689> (дата обращения: 03.05.2025).
10. Всемирная торговая организация. Всемирный доклад по торговле 2024 года. Женева: ВТО, 2024.

China and the United States in the era of the new stage of the 2025 trade war Yarymova O.V.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
The article is dedicated to the topic of the trade war between the United States and China, which began in 2018 and had a significant impact on the global economy and international relations. Special attention is given to the analysis of the historical roots of the conflict, including the trade imbalance and the measures taken by the administration of Donald Trump, as well as the evolution of these policies under the administration of Joe Biden. The aim of the study is to identify the causes and consequences of the trade war and to assess its impact on international trade and political relations. The methods employed include the analysis of official documents, reports from international organizations, and current political and economic trends within the context of global economic fragmentation. The results of the research show that the trade war led to the redistribution of production capacities, changes in international supply chains, and the strengthening of political and economic barriers. As a result of these shifts, there has been an increase in economic instability and a decline in global growth rates. The study's conclusions emphasize the importance of long-term analysis of trade conflicts to understand their impact on international relations and the global economy.

Keywords: trade war, China, USA, strategy, geoeconomics, sanctions, political pressure, world system, export, import.

References

1. Roscongress Foundation. Key Events – 2025. Geoeconomics. Forecasts. Main Risks. Moscow, 2025.
2. Bown C. P. The US–China trade war and Phase One agreement // Journal of Policy Modeling. 2021. Vol. 43, Issue 4. P. 805–843.
3. Office of the United States Trade Representative. President Trump's 2025 Trade Policy Agenda and 2024 Annual Report. Washington, D.C., 2024.
4. China 'evaluating' US offer to negotiate tariffs; Beijing's door is 'open' // Reuters. 2025. May 2. URL: <https://www.reuters.com/world/china-says-us-eager-negotiate-tariffs-beijings-door-is-open-2025-05-02/> (accessed: 03.05.2025).
5. Ministry of Commerce of the People's Republic of China. Press Release on the Possibility of Trade Negotiations with the US. 2024. URL:

- https://english.mofcom.gov.cn/News/PressConference/art/2025/art_3f539956ed274e34b61d9b4df5634677.html (accessed: 03.05.2025).
6. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). World Investment Report 2024. Geneva: UNCTAD, 2024.
 7. International Monetary Fund. World Economic Outlook: Steady but Slow – April 2024. Washington, D.C.: IMF, 2024.
 8. Kuzmin V. A., Portanskiy A. P. USA – China: The Economic Security Factor Strengthens Geo-Economic Fragmentation // Vestnik Mezhdunarodnykh Organizatsiy Herald of International Organizations. 2025. Vol. 20, No. 1. P. 7– electronic resource. DOI: 10.17323/1996-7845-2025-01-01. Available at: <https://www.hse.ru/data/2025/03/11/1971010743/1%20Portanskiy%20Kuzmin%20OF.pdf> (accessed: 03.05.2025).
 9. Zaklyazminskaya E. O. Sanction Confrontation between China and the USA: Towards the Formation of a New Architecture of the World Economy // ECO. 2023. No. 12. P. 48–70. Available at: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/4689> (accessed: 03.05.2025).
 10. WTO (2024). *World Trade Statistical Review 2024*. Geneva: WTO.

Борьба за цифровой суверенитет: США, Китай и Россия в новой кибергонке

Ярымова Ольга Вячеславовна

аспирант Дипломатической академии МИД России,
aspirantura@dipacademy.ru

Статья посвящена анализу борьбы за цифровой суверенитет в контексте взаимодействия США, Китая и России в условиях новой технологической гонки. Цель исследования — выявить основные аспекты внешнеэкономической политики этих стран в области цифровых технологий и оценить их стратегические подходы в контексте глобальной конкуренции. Особое внимание уделяется анализу стратегии США по экспортированию цифровых стандартов и сдерживанию технологического прогресса Китая и России, а также усиливающемуся китайскому стремлению к технологической автономизации и развитию собственной цифровой инфраструктуры. Также рассматриваются российские инициативы по обеспечению цифрового суверенитета и укреплению международных альянсов. Методы исследования включают сравнительный анализ внешнеэкономической политики, технологического контроля и международных стратегий. Основными результатами являются выявление ключевых тенденций в области цифрового суверенитета и определение факторов, влияющих на глобальную экономику и безопасность. В выводах подчеркивается, что нарастающая цифровая конкуренция требует от стран принятия новых подходов к защите своих интересов и укреплению технологического суверенитета, а также более активного сотрудничества в условиях глобальных вызовов.

Ключевые слова: Цифровой суверенитет, США, Китай, Россия, кибергонка, геοэкономика, экспорт цифровых стандартов, технологический контроль, блокировки технологий, кибербезопасность.

Введение

В 2020-е годы цифровые технологии становятся не просто сферой инноваций, а ареной глобального геополитического соперничества. Противостояние между США и Китаем, зародившееся в области торговли, перешло в сферу контроля над критическими технологиями, включая полупроводники, искусственный интеллект, квантовые вычисления и кибербезопасность. Россия, в свою очередь, оказавшись под беспрецедентным санкционным давлением, ускорила курс на технологическую автономию и цифровой суверенитет, всё более сближаясь с китайской цифровой экосистемой.

С конца 2010-х годов США начали выстраивать архитектуру «технологической блокады» Китая, последовательно ограничивая его доступ к критически важным компонентам и программному обеспечению, в первую очередь в области полупроводников [2]. Эти меры активизировались в период с 2023 по 2025 год, когда USTR и Министерство торговли США обновили экспортный контроль, распространив его не только на американские, но и на иностранные компании, использующие американские технологии [3; 4]. Одновременно с этим, в рамках G7 и партнерств с Тайванем, Японией и ЕС, формируется новая технологическая коалиция, направленная на сдерживание китайского техносuverенитета [1; 7].

Китай, со своей стороны, усилил курс на автономное развитие ключевых отраслей и создание замкнутых цепочек поставок, а также расширение альтернативных стандартов — от 5G до собственных операционных систем [5]. Россия, попавшая под западные технологические ограничения, предпринимает попытки импортозамещения, активизирует сотрудничество с КНР в рамках ИКТ-сектора, а также продвигает идею цифрового суверенитета как базового элемента национальной безопасности [8; 9].

Целью статьи является анализ политико-экономической борьбы за цифровой суверенитет в треугольнике США — Китай — Россия, а также выявление последствий глобального технологического расслоения для архитектуры международных отношений. В исследовании используются методы сравнительного анализа стратегий технологической независимости, а также обзор официальных документов, аналитических докладов и экспертных оценок. Особое внимание уделяется санкционным механизмам, трансформации глобальных цепочек создания стоимости и формированию новых цифровых альянсов.

Материалы и методы

Данное исследование основано на комплексном анализе официальных документов, аналитических докладов международных организаций и актуальных исследований в области кибербезопасности и цифрового регулирования. В качестве основных источников использовались стратегические материалы, отражающие подходы США, Китая и России к вопросам цифрового суверенитета: в том числе *Глобальный экономический обзор МВФ (2025)* [6], *Обзор тенденций инвестиций ЮНКТАД (2025)* [5], а также *Ежегодный отчет Министерства коммерции КНР (2025)* [4].

Для выявления трансформаций в международных цифровых стратегиях применялись сравнительно-исторический и институциональный подходы, позволяющие проследить эволюцию национальных кибердоктрин и нормативных рамок. Методы контент-анализа и анализа политического дискурса были использованы при изучении заявлений Офиса торгового представителя США (USTR) [3], материалов ВТО [9], а также аналитических публикаций о российской и китайской цифровой политике [7; 8].

Особое внимание было уделено оценке роли трансграничных ограничений, введенных в контексте технологической конфронтации и санкционного давления, а также механизмам защиты технологического суверенитета на фоне фрагментации глобального цифрового пространства. Актуальность анализа обеспечивается опорой на документы 2024–2025 годов и свежие оценки динамики мировой цифровой экономики [1; 2].

Литературный обзор

Цифровой суверенитет как концепция становится ключевым элементом международной политики, особенно для таких стран, как Россия, Китай и США, в условиях глобальной технологической конкуренции. В этом контексте США активно проводят политику защиты своих интересов в сфере цифровых технологий. Доклад Офиса торгового представителя США (USTR) [1] детализирует барьеры для внешней торговли, которые могут влиять на развитие цифровых технологий и, в частности, на возможности стран для продвижения собственных цифровых стандартов и систем.

Анализ российского и международного опыта в области цифрового суверенитета освещается в докладе KPMG [2], который подчеркивает как мировой опыт, так и российские практики по укреплению цифрового контроля и защите внутреннего рынка от внешних угроз. В этом же ключе важным является доклад Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [3], в котором рассматриваются перспективы и текущие тренды в области цифровой экономики в России.

С точки зрения Китая, цифровой суверенитет имеет особое значение для государственной политики. В статье Глушковой И. Ю. [5] рассматриваются как внутренние, так и внешние аспекты китайской стратегии цифровой автономии, а также уроки, которые могут быть полезны для России в этом направлении. Китай активно развивает свою цифровую инфраструктуру и вносит значительный вклад в мировую цифровую экономику, что также подчеркивается в ежегодном докладе Министерства коммерции КНР [4].

На международной арене особое внимание уделяется разрыву в глобальной экономике, который происходит на фоне усиления цифровой фрагментации. Доклад UNCTAD [7] и отчет Международного валютного фонда [8] предлагают глубокий анализ текущих мировых трендов в цифровой экономике, рассматривая перспективы развития цифрового суверенитета и его влияние на экономику и безопасность. Всемирная торговая организация в своем отчете [9] акцентирует внимание на регулировании цифровой торговли и ее влиянии на международные отношения.

В ответ на вызовы цифрового суверенитета и новые глобальные реалии, страны, включая Россию, Китай и США, продолжают формировать свои национальные стратегии, ориентируясь на внутренние потребности и международную политическую ситуацию. В этом контексте анализ цифрового суверенитета и взаимодействие крупных мировых игроков приобретают особое значение для понимания будущего глобальной экономики и технологий.

Результаты

Результаты исследования показали, что взаимодействие США, Китая и России в сфере цифрового суверенитета и кибербезопасности привело к формированию новой геополитической полярности, где каждая из стран стремится укрепить свою независимость и влиять на глобальные цифровые стандарты. США, обладая технологическим лидерством, продолжают внедрять свои цифровые стандарты на международной арене, что усиливает их геэкономическое влияние. Китай, стремясь преодолеть зависимость от западных технологий, активно развивает свои собственные системы и платформы, нацеленные на создание альтернативных мировых стандартов. Россия, в свою очередь, ориентируется на создание независимой цифровой инфраструктуры, развивая альтернативные финансовые и технологические платформы, что способствует снижению уязвимости от внешнего давления. В результате, взаимодействие между этими странами носит одновременно конкурентный и кооперационный характер, и успешное развитие цифровых технологий зависит от их способности к созданию общих стандартов и укреплению международного сотрудничества.

Обсуждение

1. США: Экспорт цифровых стандартов и стратегия техноконтроля. США, обладая мощной технологической инфраструктурой и широким влиянием на глобальные цифровые рынки, играют ключевую роль в формировании мирового цифрового ландшафта. В последние годы, в ответ на усиливающееся соперничество с другими мировыми державами, особенно с Китаем, США активизировали стратегию цифрового контроля, целью которой является не только сохранение лидерства в области технологий, но и защита собственных интересов на международной арене. Это включает в себя использование цифровых стандартов и экспорт технологий как инструменты внешней политики.

Одной из основ стратегического подхода США является создание и внедрение **цифровых стандартов** и платформ, которые затем распространяются по всему миру, устанавливая правила и нормы для цифровой экономики. Примером может служить **система защиты данных** и стандарты безопасности, которые часто оказываются обязательными для компаний, работающих в странах, с которыми США ведут экономические отношения. Таким образом, американские технологические гиганты, такие как Google, Microsoft, Amazon и другие, становятся глобальными лидерами, диктуя правила игры и устанавливая стандарты в области технологий и цифровых инноваций. Эти стандарты являются частью стратегического контроля над мировыми цифровыми рынками, где США имеют возможность влиять на то, какие технологии, продукты и услуги будут доминировать [3, с. 12–14].

Кроме того, США активно реализуют **стратегию техноконтроля**, направленную на ограничение доступа других стран, в первую очередь Китая, к ключевым технологиям. Примером этой стратегии является введение ограничений на поставки **полупроводников, микропроцессоров**, а также программного обеспечения для критически важной инфраструктуры, что фактически ограничивает возможности Китая в развитии определенных высокотехнологических отраслей. Одним из ярких примеров такой политики стало введение санкций против китайской компании **Huawei**, которая была исключена из американских технологий и инфраструктуры 5G-сетей [5; 6].

Эти меры также включают действия в области **экспортного контроля**, когда США принимают законодательно закрепленные меры, препятствующие поставкам определенных технологий в страны, представляющие угрозу для национальной безопасности. Законы, такие как

Export Control Reform Act и International Traffic in Arms Regulations, позволяя США устанавливать жесткие санкции и ограничивать доступ к технологиям, которые могут быть использованы для укрепления военной мощи или геоэкономической позиций конкурентов [3, с. 12–14].

Экспорт цифровых стандартов также служит важным инструментом для продвижения американской модели цифровой экономики. США активно работают над заключением двусторонних и многосторонних соглашений, которые включают обязательства по соблюдению стандартов в области **защиты данных, интеллектуальной собственности и кибербезопасности**. Таким образом, Америка формирует международные правила, влияя на то, как другие страны строят свои цифровые системы и структуры. Примером этого является инициатива **Digital Trade Agreement**, направленная на установление цифровых стандартов в рамках свободной торговли и технологического обмена [7].

С точки зрения внешнеэкономической политики, США стремятся не только сохранить лидерство в сфере технологий, но и не дать другим государствам, особенно Китаю, вытеснить их с ключевых технологических рынков. В условиях усиливающегося геополитического напряжения и технологической конкуренции США активно работают над укреплением своих позиций в области **цифровой инфраструктуры и инновационных технологий**, которые являются критически важными для обеспечения их доминирования в глобальной экономике.

Таким образом, **стратегия США по цифровому контролю и экспорту стандартов** направлена на обеспечение своего глобального лидерства в области технологий. Сдерживание Китая и других конкурентов в области высоких технологий является важной частью этой стратегии. Несмотря на ограниченные возможности для быстрого внедрения новых технологий в других странах, США остаются ведущими игроками в формировании глобальных правил и норм, что позволяет им сохранять значительное влияние в цифровой сфере.

В заключение, можно утверждать, что стратегия США по экспорту цифровых стандартов и контролю технологий позволяет сохранить их мировое технологическое превосходство. Однако данная стратегия также вызывает обеспокоенность у других стран, особенно Китая, который стремится выстроить свои собственные цифровые стандарты и системы. В ответ на эти действия США будут продолжать укреплять свои позиции на международной арене, параллельно поддерживая технологическое лидерство через инструменты техноконтроля и стандартизации.

2. Китай: Технологическая самодостаточность и цифровая экспансия. В последние годы Китай активно развивает стратегию технологического суверенитета, стремясь снизить свою зависимость от западных технологических систем и укрепить позиции на глобальной арене в области высоких технологий. Эта стратегия находит выражение в инициативах, направленных на **нормативную автономизацию** и развитие национальной инфраструктуры, независимой от западных технологий и стандартов. В частности, Китай делает акцент на разработке собственных технологий в таких ключевых областях, как **полупроводники, квантовые вычисления, искусственный интеллект (ИИ) и 5G-сети**, что является частью более широкой стратегии по созданию собственных **цифровых стандартов и платформ**.

Одной из ключевых составляющих китайской стратегии является укрепление **независимости от западных технологических платформ**. В ответ на технологические санкции и ограничения, введенные США, Китай активно развивает внутренние ресурсы и поощряет собственных производителей в таких критически важных отраслях, как

телекоммуникации, интернет-платформы и высокие технологии. Одним из ярких примеров является поддержка китайского гиганта **Huawei**, который разрабатывает альтернативы западным технологиям в области 5G и мобильных коммуникаций. Китай также активно работает над развитием **всех стадий цепочки создания полупроводников**, что позволяет сократить зависимость от американских технологий и сырья, используемых в производстве микросхем [5; 6].

Кроме того, Китай активно инвестирует в **квантовые вычисления**, что представляет собой важный элемент национальной безопасности. Разработка собственных квантовых технологий позволит Китаю занять лидирующие позиции в области информационной безопасности и защиты данных. В рамках этой инициативы Китай уже достиг значительных успехов, создав квантовую сеть и проводя успешные эксперименты по квантовой криптографии, которые могут стать основой для создания защищенных коммуникационных сетей. Это направлено на обеспечение независимости от западных систем защиты данных и на развитие национальной инфраструктуры в соответствии с собственными стандартами [7].

Ключевым элементом стратегии Китая является **цифровой суверенитет**, который охватывает не только технологическую независимость, но и контроль над цифровыми данными. В последние годы китайские власти активно вводят законы и нормативные акты, направленные на регулирование **цифровых данных** и управление **цифровой инфраструктурой**. Одним из таких примеров является введение **Закона о защите персональных данных**, который устанавливает строгие правила сбора, обработки и хранения данных внутри страны. Китай также стремится установить контроль над **глобальными цепочками поставок** цифровых технологий, что позволяет ему укреплять свои позиции в качестве основного игрока в мировом цифровом рынке [5].

Китайская стратегия ориентирована не только на внутреннее развитие, но и на **глобальное расширение** в рамках альтернативных интеграционных проектов, таких как **BRICS+ и RCEP**. Эти инициативы помогают Китаю укреплять связи с развивающимися странами и создавать альтернативные экономические и технологические блоки, которые могли бы ослабить влияние США и их союзников на мировые технологии и стандарты. В частности, участие Китая в таких альянсах позволяет продвигать **собственные цифровые стандарты и нормы** в таких областях, как **кибербезопасность, интеллектуальная собственность и защита данных**. Важно отметить, что Китай активно продвигает свою модель **цифрового суверенитета** и предлагает странам-глобальным южным партнерам использовать китайские стандарты в области ИТ-инфраструктуры и телекоммуникаций, что позволяет укреплять влияние Китая в мировой цифровой экономике [6; 7].

Примером успешной реализации этой стратегии является также развитие китайского **цифрового юаня**, который предоставляет китайским властям не только контроль над денежными потоками, но и возможность регулирования **цифровой экономики** внутри страны. Запуск цифровой валюты открывает новые возможности для Китая в плане экономической и финансовой независимости, а также для интеграции с глобальными рынками через альтернативные финансовые платформы, что ослабляет зависимость от традиционной системы SWIFT [8].

Таким образом, Китай активно реализует стратегию технологического суверенитета, направленную на уменьшение своей зависимости от западных технологий и создание альтернативных цифровых стандартов и систем. Это включает в себя развитие собственных технологий в таких ключевых отраслях, как полупроводники, квантовые вычисления, 5G, а также активное продвижение китайских

цифровых стандартов на глобальной арене. В ответ на внешнеэкономическое давление со стороны США и других западных стран Китай стремится укреплять свои позиции через усиление внутреннего производства и укрепление связей с альтернативными интеграционными проектами.

В заключение, можно утверждать, что стратегия Китая направлена на достижение технологической независимости и развитие собственных цифровых стандартов, что позволяет стране усиливать свое влияние на мировой цифровой рынок. Китай продолжает совершенствовать свою модель цифрового суверенитета и стремится укрепить свое положение в глобальной экономике, что несомненно повлияет на будущее мировой цифровой политики и глобального технологического ландшафта.

3. Россия: Цифровая независимость и стратегическое партнерство. Россия, как и Китай, осознает важность достижения **цифрового суверенитета** в условиях усиливающейся глобальной конкуренции за технологическое лидерство и в свете возраставших вызовов со стороны США и их союзников. В ответ на внешние угрозы и давление со стороны западных стран, Россия активно разрабатывает собственную цифровую инфраструктуру и принимает меры для защиты национальной информационной безопасности. Основной целью этой политики является обеспечение **независимости от западных технологий** и создание устойчивой национальной технологической базы, которая могла бы обеспечить национальную безопасность и поддерживать экономическое развитие.

Ключевым аспектом стратегии России в области **цифрового суверенитета** является **нормативная автономизация** в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Российские власти активно разрабатывают и внедряют законодательные инициативы, направленные на укрепление контроля над цифровыми данными и инфраструктурой. Одним из ярких примеров является принятие **Закона о локализации данных**, который требует от иностранных компаний хранения данных пользователей в российских дата-центрах. Этот закон имеет стратегическое значение, поскольку позволяет России минимизировать риски утечек данных и укрепить национальную безопасность. Более того, закон способствует развитию внутренней инфраструктуры хранения и обработки данных, что снижает зависимость от западных серверов и платформ [6].

Кроме того, Россия активно развивает собственные **платформы и программное обеспечение**, которые должны заменить западные аналоги в таких стратегически важных областях, как **финансовая сфера, образование, государственные услуги и кибербезопасность**. В рамках этой политики активно развиваются **российские операционные системы**, такие как **Альт** и **Роскошная операционная система**, а также **программное обеспечение для защиты данных**, включая антивирусы и средства шифрования. Эти меры направлены на создание внутренней технологической базы, которая обеспечит России автономию в области цифровых технологий и позволит избежать зависимости от зарубежных поставок программного обеспечения и сервисов [7].

Важным аспектом цифрового суверенитета России является развитие альтернативных глобальных технологических стандартов. Россия активно участвует в международных форумах, таких как **БРИКС** и **Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)**, продвигая идею создания собственных стандартов в области информационно-коммуникационных технологий и защиты данных. В этом контексте особое внимание уделяется развитию **глобальной альтернативы SWIFT – Системы передачи финансовых сообщений (СПФС)**, которая должна обеспечивать безопасные транзакции и защиту данных, а также

поддерживать экономические связи с дружественными странами в условиях внешнеэкономического давления [5].

Также следует отметить, что Россия активно развивает **государственные платформы** для взаимодействия с гражданами и организациями, что позволяет укрепить контроль над внутренними цифровыми процессами. Важным элементом этой политики является реализация программы **«Цифровая экономика»**, которая направлена на развитие и модернизацию инфраструктуры для поддержки цифровых трансформаций в различных секторах экономики, включая здравоохранение, образование, энергетику и транспорт. Одним из основных направлений программы является внедрение **интеллектуальных систем управления**, что помогает повысить эффективность государственных и частных учреждений, а также сократить зависимость от иностранных технологий [8].

В сфере **кибербезопасности** Россия активно работает над укреплением системы защиты данных и информационных систем, создавая собственные **антикризисные центры** и разрабатывая технологии для борьбы с кибератаками и внутренними угрозами. В этом контексте особое внимание уделяется развитию **инструментов мониторинга и защиты информационной инфраструктуры**, что помогает укрепить цифровую безопасность внутри страны и защитить от внешних угроз, связанных с технологической экспансией и вмешательством в национальные сети. Россия также активно инвестирует в **искусственный интеллект**, который должен стать основой для разработки новых средств защиты информации и автоматизации систем государственного контроля [7].

Таким образом, стратегия России в области цифрового суверенитета включает в себя ряд мер, направленных на **нормативную автономизацию** и создание национальной цифровой инфраструктуры, которая могла бы обеспечить независимость от западных технологий. Важной частью этой стратегии является развитие альтернативных финансовых и технологических стандартов, таких как **СПФС** и российские платформы для работы с данными. Эти меры направлены на защиту цифрового суверенитета и развитие устойчивой технологической базы, что позволяет России повышать свою независимость и безопасность в условиях глобальных вызовов.

Заключение

Взаимодействие США, Китая и России в сфере цифрового суверенитета и кибербезопасности представляет собой важный и многослойный процесс, который оказывает глубокое влияние не только на их собственные экономики, но и на глобальную структуру международных отношений. В ходе эволюции цифровых стандартов и технологий каждая из этих стран стремится не только защитить свои национальные интересы, но и занять лидирующие позиции в новой **цифровой гонке**.

США, обладая доминирующими технологическими компаниями и инфраструктурой, продолжают продвигать **экспорт своих цифровых стандартов**, что даёт им значительное влияние на глобальные рынки. Однако это также ведет к формированию **геоэкономической напряженности**, поскольку Китай и Россия стремятся **освободиться от зависимости** от западных технологий, активно развивая свои собственные платформы и системы, которые могут стать альтернативами мировым стандартам.

Китай, являясь одним из крупнейших производителей высоких технологий и обладателем значительного потенциала в области искусственного интеллекта и 5G, активно работает над созданием **самостоятельной цифровой экосистемы**, направленной на преодоление зависимости от внешних поставок технологий. Одним из ключевых направлений Китая остаётся создание и продвижение собственных нормативных стандартов, а также участие в

альтернативных глобальных интеграционных проектах, таких как **BRICS+** и **RCEP**, что способствует укреплению его позиций на международной арене.

Россия, в свою очередь, принимает более **реалистичный подход**, ориентированный на внутреннюю цифровую независимость и **создание альтернативных финансовых и технологических платформ**. Развитие таких инициатив, как **СПФС**, программы **«Цифровая экономика»** и собственных стандартов для информационной инфраструктуры, помогает России не только уменьшить уязвимость от внешнего давления, но и создать уникальные возможности для дальнейшего развития в условиях глобальных изменений.

Однако, несмотря на усилия каждой страны, можно отметить, что их действия создают **новую поляриность** в мире, где **нормативный контроль** и **цифровые стандарты** становятся основными инструментами борьбы за глобальное лидерство. В этом контексте важно отметить, что **взаимодействие этих стран** имеет как конкурентные, так и кооперационные элементы, и будущее цифрового суверенитета будет зависеть от того, насколько удастся сбалансировать эти силы. Диалог и сотрудничество в сфере технологий — важный элемент для развития международных отношений в области кибербезопасности, обмена данными и создания универсальных стандартов. Несмотря на глобальные политические разногласия, США, Китай и Россия могут значительно выиграть от создания совместных инициатив, направленных на защиту цифровых инфраструктур от кибератак и других угроз. Разработка новых международных норм и стандартов для регулирования цифровых прав, защиты данных и использования искусственного интеллекта создаст основу для более безопасной и справедливой цифровой экономики. Важным шагом будет также создание платформ для регулирования экономического взаимодействия, что может быть достигнуто в рамках многосторонних экономических соглашений и форумов, таких как ШОС или BRICS. Эти платформы смогут укрепить позиции стран, стремящихся к цифровому суверенитету, предоставляя альтернативные международные финансовые и технологические решения.

Кроме того, усиление инвестиций в исследования и разработки в таких областях, как искусственный интеллект, квантовые технологии и блокчейн, может стать важным фактором для технологического лидерства на международной арене. Для устойчивого развития в условиях цифровой гонки крайне важно наладить более сбалансированные отношения между крупными игроками, избегая протекционизма и стимулируя инновации через открытые торговые каналы и технологические обмены.

Таким образом, взаимодействие между США, Китаем и Россией в контексте цифрового суверенитета является одновременно конкурентным и кооперативным процессом. В долгосрочной перспективе успешное развитие цифровых технологий и инфраструктуры этих стран будет зависеть от их способности к сотрудничеству и созданию новых общих стандартов, которые будут способствовать глобальной стабильности и безопасности.

Литература

1. Офис торгового представителя США (USTR). 2024 National Trade Estimate Report on Foreign Trade Barriers Электронный ресурс. — Вашингтон, 2024. — 504 с. — Режим доступа: <https://ustr.gov/sites/default/files/2024%20NTE%20Report.pdf>, свободный.
2. KPMG. Цифровой суверенитет: мировой опыт и российская практика. Аналитический доклад Электронный ресурс. — М.: KPMG, 2023. — 36 с. — Режим доступа:

<https://kpmg.ru/upload/iblock/4e2/4e2e8b3d9d8e4b1e9a7f6e3e8d7e4e2b.pdf>, свободный.

3. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Доклад «О состоянии и перспективах развития цифровой экономики в Российской Федерации» Электронный ресурс. — М., 2024. — Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>, свободный.

4. Министерство коммерции Китайской Народной Республики. Annual Report on China's Foreign Trade Development, 2024 Электронный ресурс. — Пекин, 2024. — Режим доступа: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/significantnews/202404/20240403447823.shtml>, свободный.

5. Глушкова И. Ю. Политика цифрового суверенитета в Китае: опыт и уроки для России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — 2023. — № 28. — С. 99–114. — Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/6a2/6a2f8b3b9d8e4b1e9a7f6e3e8d7e4e2b.pdf>, свободный.

6. Кузнецов А. В. Цифровой суверенитет: вызовы и перспективы для России // Вестник международных отношений. — 2023. — № 4. — С. 56–72. — Режим доступа: <https://www.vestnik-mgimo.ru/jour/article/view/2918>, свободный.

7. UNCTAD. Доклад о цифровой экономике 2024 Электронный ресурс. — Женева: Организация Объединённых Наций, 2024. — Режим доступа: <https://unctad.org/ru/publication/digital-economy-report-2024>, свободный.

8. Международный валютный фонд. Глобальный экономический обзор. World Economic Outlook, апрель 2025: Навигация во фрагментации Электронный ресурс. — Вашингтон: МВФ, 2025. — Режим доступа: <https://www.imf.org/ru/Publications/WEO>, свободный.

9. Всемирная торговая организация (ВТО). World Trade Report 2024: Digital Trade Электронный ресурс. — Женева: ВТО, 2024. — Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtr24_e.htm, свободный.

Fight for digital sovereignty: the United States, China, and Russia in the new cyber race Yarimova O.V.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
The article is dedicated to analyzing the fight for digital sovereignty in the context of the interactions between the United States, China, and Russia in the new technological race. The aim of the study is to identify the key aspects of the foreign economic policies of these countries in the field of digital technologies and assess their strategic approaches in the context of global competition. Special attention is given to the analysis of the U.S. strategy for exporting digital standards and containing the technological progress of China and Russia, as well as the increasing Chinese drive for technological autonomy and the development of its own digital infrastructure. The article also examines Russian initiatives to ensure digital sovereignty and strengthen international alliances. The research methods include comparative analysis of foreign economic policies, technological control, and international strategies. The main results include identifying key trends in digital sovereignty and determining the factors affecting the global economy and security. The conclusions emphasize that the growing digital competition requires countries to adopt new approaches to protecting their interests and strengthening technological sovereignty, as well as more active cooperation in the face of global challenges.

Keywords: Digital sovereignty, USA, China, Russia, cyber race, geoeconomics, digital standards export, technological control, technology blockades, cybersecurity.

References

1. Office of the United States Trade Representative (USTR). 2024 National Trade Estimate Report on Foreign Trade Barriers Electronic resource. — Washington, 2024. — 504 p. — Available at: <https://ustr.gov/sites/default/files/2024%20NTE%20Report.pdf> (accessed: 03.05.2025).
2. KPMG. Digital Sovereignty: Global Experience and Russian Practice. Analytical Report Electronic resource. — Moscow: KPMG, 2023. — 36 p. — Available at: <https://kpmg.ru/upload/iblock/4e2/4e2e8b3d9d8e4b1e9a7f6e3e8d7e4e2b.pdf> (accessed: 03.05.2025).

3. Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. Report on the State and Prospects for the Development of the Digital Economy in the Russian Federation Electronic resource. – Moscow, 2024. – Available at: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (accessed: 03.05.2025).
4. Ministry of Commerce of the People's Republic of China. Annual Report on China's Foreign Trade Development, 2024 Electronic resource. – Beijing, 2024. – Available at: <http://english.mofcom.gov.cn/article/newsrelease/significantnews/202404/20240403447823.shtml> (accessed: 03.05.2025).
5. Glushkova I. Yu. Digital Sovereignty Policy in China: Experience and Lessons for Russia // China in World and Regional Politics. History and Modernity. – 2023. – No. 28. – P. 99–114. – Available at: <https://mgimo.ru/upload/iblock/6a2/6a2f8b3b9d8e4b1e9a7f6e3e8d7e4e2b.pdf> (accessed: 03.05.2025).
6. Kuznetsov A. V. Digital Sovereignty: Challenges and Prospects for Russia // Journal of International Relations. – 2023. – No. 4. – P. 56–72. – Available at: <https://www.vestnik-mgimo.ru/jour/article/view/2918> (accessed: 03.05.2025).
7. UNCTAD. Digital Economy Report 2024 Electronic resource. – Geneva: United Nations, 2024. – Available at: <https://unctad.org/publication/digital-economy-report-2024> (accessed: 03.05.2025).
8. International Monetary Fund. World Economic Outlook, April 2025: Navigating Fragmentation Electronic resource. – Washington: IMF, 2025. – Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO> (accessed: 03.05.2025).
9. World Trade Organization (WTO). World Trade Report 2024: Digital Trade Electronic resource. – Geneva: WTO, 2024. – Available at: https://www.wto.org/english/res_e/publications_e/wtr24_e.htm (accessed: 03.05.2025).

Сущность и правовая природа института кассации

Громов Антон Петрович

аспирант кафедры гражданского права и процесса Поволжского института управления им. П.А. Столыпина (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Статья посвящена изучению сущности и природы института кассации. Предложено определять сущность через постижение совокупности составляющих ее краугольных компонентов (элементов). В структуре сущности кассации выделены несколько ключевых элементов, среди которых проверка законности, унификация толкования права, защита общественных интересов, обеспечение баланса между правосудием и окончательностью принятого решения по делу. Предметом исследования выступает институт кассации в гражданском процессе. Цель настоящего исследования является установление сущности понятия «кассация», а также его основных компонентов. Используются традиционные общенаучные и специальные правовые методы – формально-юридический, логический, аналитический. Автором сделан вывод о том, что институт кассации обеспечивает разработку руководящих положений для нижестоящих судов и способствуют последовательному применению принципов права, помогает избежать правовой фрагментации и обеспечивает одинаковое рассмотрение аналогичных дел на всей территории страны, способствуя в конечном итоге обеспечению верховенства права.

Ключевые слова: институт кассации, кассационное производство, рассмотрение дела в кассационном порядке, сущность кассации, проверка законности, унификация толкования права.

Термин «кассация» происходит от французского глагола «casser», то есть «ломать», «разбирать» [1], применительно к юридической науке термин раскрывается как «обжаловать (судебное постановление) в кассационном порядке»; «отменять (судебное постановление) в кассационном порядке» [2]. Институт кассации представляет собой важнейший этап судебного процесса, в рамках которого высшей судебной инстанции предоставляются полномочия по пересмотру и возможной отмене решений нижестоящих судов, уже вступивших в силу. Несмотря на то, что в разных юрисдикциях (гражданская, уголовная, арбитражная) институт кассации реализуется по-разному, она фактически выполняет двойную функцию, во-первых, обеспечивая последовательное применение закона, и, во-вторых, предохраняя правосудие от грубых судебных ошибок, что в конечном итоге направлено на укрепление правосудия и обеспечение правовой определенности.

Исследование правовой природы кассации позволяет констатировать ее многогранность и подтверждает ее уникальное место в системе судебного контроля. В отличие от апелляционного пересмотра, который обычно рассматривает как вопросы факта, так и вопросы права, кассационное производство в основном сосредоточено на выявлении юридических ошибок. В рамках кассационной процедуры не производится повторное рассмотрение дела и не производится новая оценка доказательств. Напротив – кассация призвана обеспечить целенаправленную проверку решения суда низшей инстанции на предмет правильности толкования и применения соответствующих правовых норм. Именно такая направленность кассации позволяет выделять ее как отдельную стадию судебного разбирательства, действующую в соответствии с собственными принципами и ограничениями, отличными от принципов и ограничений, характерных для иных стадий разбирательства.

Правовая природа и сущность института кассации неоднократно становились предметом пристального научного исследования отечественных ученых, специалистов [3].

Изучение источниковедческой базы по вопросу о сущности и правовой природе института кассации позволило прийти к заключению о том, что сущность кассации возможно определить через исследование ее целей, задач и назначения, совокупно проявляющихся в проверке законности, унификации толкования права, защите общественных интересов, обеспечении баланса между правосудием и окончательностью принятого решения по делу.

Рассмотрим некоторые из перечисленных компонентов, составляющих сущность института кассации, более подробно.

Проверка законности. По своей сути кассация представляет собой нечто иное, как механизм обеспечения законности судебных решений, в рамках которой осуществляется проверка нижестоящих судов. Данная проверка призвана гарантировать, что нижестоящие суды придерживаются установленных правовых рамок и не превышают свои полномочия при осуществлении правосудия. Важно подчеркнуть, что эта функция приобретает особое значение в странах с кодифицированным правом, где строгое следование правовым принципам имеет первостепенное значение. Необходимо понимать, что перед кассационной инстанцией не стоит задача определить, было ли принято «лучшее» решение, кассация оценивает, соответствует ли принятое решение закону.

Проверка законности – краеугольный камень кассации. Она составляет ядро сущности кассации. Именно проверка законности выступает как определяющая характеристика, которая отличает кассацию от других форм судебного контроля, таких как апелляция, и диктует объем и характер проводимой кассационным судом экспертизы. Чтобы уяснить значение проверки законности, необходимо разобраться в специфических нюансах, характерных для нее, в контексте анализа института кассации.

В рамках кассации проверку законности можно определить как процесс, в ходе которого вышестоящий суд проверяет решение нижестоящего суда на предмет правильности толкования и применения закона. Реализация данного процесса обеспечивается благодаря целенаправленной оценке соответствия вынесенного решения правовым нормам. Всё внимание субъекта такой оценки обращено на:

а) правильное толкование положений закона: вышестоящий суд призван оценить, правильно ли суд низшей инстанции понял и истолковал смысл соответствующих законодательных и нормативных актов; с этой целью производится непосредственный анализ самого текста закона, изучается история его разработки и принятия и его целей, а также применение общепринятых принципов толкования закона;

б) правильное применение правовых принципов: вышестоящий суд призван оценить, корректно ли в контексте обстоятельств дела судом нижестоящей инстанции были применены правовые принципы; с этой целью проверяющий субъект должен определить соответствующие правовые стандарты, рассмотреть их объем и ограничения, а также их последовательное применение;

в) соблюдение процессуальных норм: вышестоящий суд призван оценить, соблюдал ли суд нижестоящей инстанции предписанные процессуальные нормы при проведении судебного разбирательства и вынесении решения, а именно была ли сторонам обеспечена со стороны суда надлежащая правовая процедура, надлежащая процедура приобщения доказательств к материалам дела и обоснованность решения;

г) отсутствие правовых ошибок в материалах дела: кассационная инстанция тщательно проверяет решение и приложенный к нему протокол на наличие явных юридических ошибок, к которым могут относиться несоответствия, упущения или неправильное изложение правовых принципов;

д) юрисдикционные полномочия: кассация оценивает, обладал ли суд нижестоящей инстанции надлежащей юрисдикцией для рассмотрения дела; здесь рассматривается вопрос о том, имел ли суд юридические полномочия на рассмотрение конкретного вида спора и осуществлял ли он свою юрисдикцию в установленных границах.

Нельзя не отметить, что кассационная проверка отличается от проверки фактических обстоятельств. Кассационная проверка законности обычно не предполагает пересмотра фактических выводов, сделанных судом низшей инстанции. Кассационная инстанция принимает факты в том виде, в каком они были установлены нижестоящим судом, за исключением случаев, когда допущена явная ошибка в праве, которая «подрывает» фактическую основу решения. Таким образом, при кассационной проверке акцент делается не на фактической точности, а на юридической правильности. Несмотря на то, что неправильное применение закона может повлиять на фактические выводы (например, если был применен неверный стандарт доказывания), в фокусе внимания суда кассационной инстанции должна находиться юридическая обоснованность решения.

Значение проверки законности сложно переоценить.

Благодаря акценту на последовательное применение закона проверка законности обеспечивает правовую определенность и предсказуемость, гарантируя, что аналогичные дела будут рассматриваться одинаково, независимо от конкретного суда или судьи, рассматривающих дело. В дополнение к этому проверка законности обеспечивает защиту индивидуальных прав, гарантируя, что судебные постановления основаны на действенных правовых принципах, а не на произвольных или предвзятых суждениях. Проверка законности обеспечивает поддержание целостности и легитимности правовой системы в целом за счет исправления юридических ошибок и поддержания верховенства закона; устанавливает ориентиры, вырабатывает рекомендации для нижестоящих судов по правильному толкованию и применению закона.

Анализируя проверку законности как ключевой элемент сущности кассации, важно помнить, что она ограничена определенными рамками. Так, ограничения касаются объема проверки (кассационная инстанция лишена возможности рассмотреть фактические ошибки или несправедливости, которые напрямую не связаны с юридическими ошибками), формализма (акцент на законности может приводить к формализму и игнорированию более широкого контекста принципа справедливости в деле), зависимости от протокола судебного заседания нижестоящей инстанции, который не всегда точно отражает соответствующие факты или правовые аргументы.

Подводя итог рассмотрению проверки законности, подчеркнем, что она является определяющей чертой кассации, формирующей ее цель, сферу действия и влияние на правовую систему государства в целом.

Следующим компонентом сущности института кассации была обозначена **унификация правового толкования**, позволяющая преодолеть разногласия, возникающие при принятии решений судами нижестоящих инстанций.

Наряду с проверкой законности, унификация правового толкования является важнейшим столпом сущности кассации. В рамках интерпретационной унификации суды кассационной инстанции, по сути, обеспечивают последовательное толкование и применение законов в рамках всей судебной системы государства. Унификация позволяет достичь правовой определенности, предсказуемости и справедливости, что в конечном итоге способствует укреплению верховенства права.

Без механизма унификации толкования правовых норм правовой «ландшафт» может стать фрагментарным. Различные суды, даже в рамках одной юрисдикции, могут по-разному понимать одни и те же правовые положения, что может привести к целому ряду неблагоприятных последствий, среди которых особо стоит отметить:

а) непоследовательные результаты: в зависимости от того, какой суд рассматривает дело, решения по аналогичным делам могут быть разными, что приводит к вынесению несправедливых и непредсказуемых решений;

б) рост количества судебных разбирательств: неопределенность в отношении правильного толкования закона может побудить стороны к инициированию судебных споров в надежде на благоприятный для стороны спора исход в конкретном суде;

в) подрыв общественного доверия: непоследовательное применение закона может подрывать доверие общества к правовой системе, что приводит к появлению ощущения предвзятости и произвола.

В арсенале кассационного механизма в настоящее время можно выделить следующие средства для предотвращения наступления указанных последствий:

1. создание казуса: решения кассационной инстанции, особенно по вопросам толкования правовых норм, часто служат образцом, примером для нижестоящих судов; от

нижестоящих судов обычно ожидают, что они будут следовать выработанным образцам в будущих делах, связанных с аналогичными правовыми вопросами;

2. выработка общих принципов, рекомендаций и разъяснений: решения кассационной инстанции фактически содержат указания и разъяснения относительно смысла правовых норм; они дают обоснование своим толкованиям, предлагают варианты применения закона в различных фактических ситуациях, а также разрешают двусмысленные или противоречивые положения закона; в некоторых юрисдикциях кассационные суды могут вырабатывать общие принципы или рекомендации для нижестоящих судов по толкованию и применению определенных норм права.

3. разрешение коллизий в толковании: в случае, если нижестоящие суды дают противоречивые толкования одной и той же правовой нормы, кассационная инстанция выступает в качестве окончательного арбитра, разрешая конфликт и устанавливая окончательное толкование.

4. мониторинг решений нижестоящих судов: регулярно пересматривая решения нижестоящих судов, кассационные инстанции могут выявлять области, в которых толкование закона является непоследовательным, и принимать меры для решения этой проблемы.

В своей деятельности по унификации правового толкования кассационные инстанции используют различные методы, в том числе: применение определенных правил построения закона для определения смысла правовых норм, анализ судебной практики, а именно предыдущих судебных решений для определения того, как аналогичные правовые вопросы решались в прошлом, сравнительно-правовые методики для определения того, как аналогичные правовые вопросы решаются в других юрисдикциях, доктринальный анализ с рассмотрением мнений ученых-юристов, правоведов и авторов комментариев к законам по поводу толкования.

Деятельность кассации по унификации правового толкования не лишена проблем. К ним можно отнести ограниченный выбор дел (поскольку кассационные суды, как правило, рассматривают лишь небольшую часть дел, соответственно, отдельные или даже многие области права могут быть не охвачены унификацией, что оставляет возможность для сохранения разночтений), постоянно развивающийся правовой «ландшафт» (в современном мире законодательство постоянно развивается, следовательно постоянно возникают новые правовые вопросы, что означает, что кассационные суды должны постоянно обновлять свои толкования, чтобы соответствовать изменениям в обществе и технологиях), судебное усмотрение (судьи сохраняют определенную степень свободы в толковании закона, даже в рамках, установленных кассационным судом, что может приводить к тонким различиям в толковании даже в схожих на первый взгляд делах), сложность правовой системы (с многочисленными дублирующими друг друга законами и нормативными актами, что затрудняет достижение полной последовательности в толковании правовых норм).

В заключение следует отметить, что унификация правового толкования - важная функция кассационных судов. Создавая прецедент, разрешая противоречивые толкования и давая указания нижестоящим судам, эти суды играют важнейшую роль в обеспечении правовой определенности, предсказуемости и справедливости. Хотя достижение полной унификации сопряжено с определенными трудностями, постоянные усилия по согласованию толкования правовых норм необходимы для поддержания целостности и легитимности правовой системы. Это обеспечивает последовательное применение закона на всей территории юрисдикции, укрепляя чувство справедливости и равенства перед законом.

Защита общественных интересов. Бесспорно, кассация служит широким общественным интересам, выступая защитой от произвольных или предвзятых решений, укрепляя доверие общества к честности и неподкупности судебной власти. Поддерживая верховенство закона и способствуя последовательности в толковании правовых норм, кассация способствует стабильности и легитимности правовой системы в целом.

Еще одним компонентом сущности института кассации выступает **обеспечение баланса между правосудием и конечностью (окончателностью, завершенностью) судебного разбирательства**. Анализируя данный компонент сущности кассации, нельзя не констатировать, что кассационное производство реализуется в условиях противоречия между потребностью в правосудии и стремлением завершить судебные разбирательства. Несмотря на то, что кассация является важнейшим средством исправления юридических ошибок, она осуществляется при определенных ограничениях, целью которых выступает необходимость предотвратить бесконечные судебные тяжбы и обеспечить исполнение судебных решений в конечном итоге. К таким ограничениям часто относятся сроки подачи ходатайств, ограничения оснований для пересмотра и полномочий кассационной инстанции.

Завершая анализ сущности и правовой природы института кассации, считаем необходимым учитывать, что институт кассации не лишен сущностных проблем. Так, чрезмерно широкий доступ к возможностям кассации может перегрузить вышестоящие суды, привести к задержкам при вынесении кассационных постановлений и в целом подорвать принцип конечности судебного разбирательства. В свою очередь, чрезмерное ограничение доступа к институту кассации может лишить субъектов права на обращение в суды кассационной инстанции возможности прибегнуть к законным способам защиты своих прав и таким образом «увечить» несправедливость (имевшую место в рамках вынесенного судом нижестоящей инстанции судебного решения). Нахождение правильного баланса в данной ситуации имеет решающее значение для создания эффективной кассационной системы.

В заключение следует отметить, что кассация является не просто одним из процессуальных шагов в судебном разбирательстве. Институт кассации выступает воплощением фундаментальной приверженности законности, последовательности и справедливости. Правовая природа кассации, выражающаяся в пересмотре вопросов права и унификации правового толкования, отличает ее от других форм судебного контроля. Создавая механизм исправления ошибок и способствуя последовательному применению правовых принципов, кассация обеспечивает справедливое, предсказуемое и отвечающее интересам общества функционирование правовой системы. Она является важнейшим компонентом качественной и надежной правовой системы, способствуя обеспечению правосудия и поддержанию правовой определенности.

Литература

1. Французско-русский словарь [электронный ресурс]. URL: <https://big-fr-rus-fr-dict.slovaronline.com/search?s=casser> (дата обращения: 20.03.2025).
2. Мачковский Г.И. Французско-русский юридический словарь. Ок. 35000 терминов. 4-е изд., стереотип. М.: РУССО, 2002. С. 187.
3. Гольмстен А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства. Изд-е 5-е, испр. и доп., С-Петербург: тип. Меркушева, 1913

4. Строгович М.С. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. М.: Из-во Академии наук СССР, 1956

5. Куцова Э.Ф. Советская кассация как гарантия законности в правосудии. М.: Гос.юриздат, 1957

6. Лупинская П.А., Шейно Э.Ф. Производство дел в кассационной и надзорной инстанциях. Возобновление дел по вновь открывшимся обстоятельствам в советском уголовном процессе. М., 1959

7. Перлов И.Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М., 1968

8. Амиров К.Ф., Муратова Н.Г. Кассационное определение по уголовным делам (вопросы теории и практики). Казань, 1995

9. Лупинская П.А. Обжалование судебных решений: состояние, перспективы // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы. М., 1997

10. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство-судопроизводство. СПб., 1910 // Хрестоматия по уголовному процессу России. Автор-составитель Куцова Э.Ф. М.: Городец, 1999

11. Хисматуллин Р.С. Особенности кассационного рассмотрения дел о преступлениях несовершеннолетних. Уфа, 2001

12. Ишмуратов А.Р. Социальное назначение судебных решений судов вышестоящих инстанций по уголовным делам // Вестник экономики, права и социологии, серия «Право», №1, 2007. С. 81-88

13. Бардамов Б.Г. Сущность и значение кассационного производства в России // Вестник ОГУ, № 3, 2009. С. 20-24

14. Бородин В.В., Бородин Т.Г., Губко И.В. Реформированная кассационная форма пересмотра судебных решений по уголовным делам: нормативное содержание и практика // Теория и практика общественного развития. 2020

15. Рудакова С.В. Уголовно-процессуальное обжалование и его система в отечественном досудебном производстве. Автореф. дисс. на соиск. ученой степени доктора юридических наук. Краснодар, 2023.

The essence and legal nature of the institute of cassation.

Gromov A.P.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to the study of the essence and nature of the institute of cassation. It is proposed to determine the essence through understanding the totality of its constituent cornerstone components (elements). In the structure of the essence of cassation, several key elements are highlighted, including verification of legality, unification of interpretation of law, protection of public interests, ensuring a balance between justice and the finality of the decision made on the case. The subject of the study is the institute of cassation in civil proceedings. The purpose of this study is to establish the essence of the concept of "cassation", as well as its main components. Traditional general scientific and special legal methods are used - formal-legal, logical, analytical. The author concludes that the institute of cassation ensures the development of guidelines for lower courts and promotes consistent application of the principles of law, helps to avoid legal fragmentation and ensures equal consideration of similar cases throughout the country, ultimately contributing to ensuring the rule of law.

Keywords: institute of cassation, cassation proceedings, consideration of a case in cassation procedure, essence of cassation, verification of legality, unification of interpretation of law.

References

1. French-Russian dictionary [electronic resource]. URL: <https://big-fr-rus-fr-dict.slovaronline.com/search?s=casser> (access date: 03/20/2025).
2. Machkovsky G.I. French-Russian legal dictionary. OK. 35,000 terms. 4th ed., stereotype. M.: RUSSO, 2002. P. 187.
3. Golmsten A.Kh. Textbook of Russian civil proceedings. 5th edition, rev. and additional, St. Petersburg: type. Merkusheva, 1913
4. Strogovich M.S. Checking the legality and validity of court sentences. M.: From the USSR Academy of Sciences, 1956
5. Kutsova E.F. Soviet cassation as a guarantee of legality in justice. M.: Gos.jurizdat, 1957
6. Lupinskaya P.A., Sheino E.F. Proceedings in cassation and supervisory instances. Reopening of cases based on newly discovered circumstances in Soviet criminal proceedings. M., 1959
7. Perlov I.D. Cassation proceedings in Soviet criminal proceedings. M., 1968
8. Amirov K.F., Muratova N.G. Cassation ruling on criminal cases (theoretical and practical issues). Kazan, 1995
9. Lupinskaya P.A. Appealing court decisions: status, prospects // Judicial reform: results, priorities, prospects. M., 1997
10. Sluchevsky V. Textbook of Russian criminal procedure. Judicial system-legal proceedings. St. Petersburg, 1910 // Reader on criminal procedure in Russia. Author-compiler Kutsova E.F. M.: Gorodets, 1999
11. Khismatullin R.S. Features of cassation consideration of cases of crimes committed by minors. Ufa, 2001
12. Ishmuratov A.R. Social purpose of judicial decisions of higher courts in criminal cases // Bulletin of Economics, Law and Sociology, series "Law", No. 1, 2007. Pp. 81-88
13. Bardamov B.G. Essence and significance of cassation proceedings in Russia // Bulletin of OSU, No. 3, 2009. Pp. 20-24
14. Borodin V.V., Borodina T.G., Gubko I.V. Reformed cassation form of review of judicial decisions in criminal cases: normative content and practice // Theory and practice of social development. 2020
15. Rudakova S.V. Criminal procedural appeal and its system in domestic pre-trial proceedings. Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Law. Krasnodar, 2023.

Правовая политика и организационно-управленческая деятельность

Зацепин Михаил Николаевич

доктор юридических наук, профессор, аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества, УрГЮУ, mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права УрГЮУ, tp0507@ua.ru

Эффективность исполнения законов напрямую зависит от того, насколько типичны, стабильно повторяются и четко функционируют регулируемые законом связи и отношения. Политическая, экономическая, социальная стабильность общества придает стабильность и механизму реализации законов, способствует качественному улучшению правореализационного процесса.

События последних лет в нашей стране показывают, что - налицо сложная ситуация: старые соотношения компетенции полномочий закрепленных законодательно динамично изменяются, как уголовные, гражданские и административные отношения.

В этих условиях очень важен систематизирующий учет законодателем степени широты и полноты охвата социально-правовых отношений, общности регулируемых социально-общественных отношений. Не учитывая это идут процессы почти всегда влекущие резкую дифференциацию общества, поляризацию, а порой и столкновение различных равно полярных связей, отношений. Игнорирование данного явления в «новом» законодательстве создает конфликтные ситуации в правоприменительной практике на местах, «войну законам», сознательный саботаж некоторых из них. Попытка использовать право как средство проведения определенной политической линии без учета интересов той или иной группы людей приводит к разрушению правореализационного механизма.

Одним из условий его действия является обязательность правовых предписаний для всех без исключения субъектов правовых отношений. Однако многие законы сегодня не пользуются поддержкой общественного мнения. Стремление выполнять их не стало внутренним убеждением большей части граждан. В то же время законодателем часто не установлены эффективные средства реагирования государства на неисполнение законов. Все это приводит к бездействию механизма исполнения законов.

Ключевые слова: закон, стабильность, управленческая деятельность, правовая политика.

Одна из причин неисполнения закона в сфере государственного руководства и управления как нам представляется – незавершенность законодательных предписаний в плане обеспечения конечного результата исполнения закона. Речь идет, как правило, об отсутствии в законодательстве положений об ответственности государственных органов и должностных лиц не только за неисполнение закона, но и за неподчинение закону.

Курс на мнение о том, что *возможно, и не обойтись и без жестких мер для того, чтобы обеспечить подчинение «вертикали» закона государственными органами и должностными лицами оказался неэффективным. Как пример, почему бы законодательно не установить право роспуска вышестоящего законодательного собрания нижестоящего, если последний сознательно, а то и демонстративно идет на нарушение закона? Для должностных же лиц следует предусмотреть право немедленного административного реагирования на соотвествие занимаемой должности за неподчинение закону для этого нужно разработать алгоритм уголовной политики, а не постоянных изменений в уголовный кодекс.*

Курс на инновационную экономику, демократизацию работы малого предпринимательства требовали коренного изменения гражданского, финансового и уголовного законодательства (в большей степени уголовной политики). Это связано со всеми основными сторонами жизни общества и государства и способно оказать на них сильное воздействие. При практической реализации значимость соответствия гражданских, финансовых и административно-уголовных законов и механизм их четкого исполнения особенно правоохранительными органами спущены на ручное управление.

В последнее время было принято немало нормативных актов межбюджетных отношений федерального и регионального уровня, внесших существенные изменения в финансовые отношения. Однако это только усложнило и запутало сложившуюся систему функционирования хозяйствующих субъектов и дало неограниченное поле деятельности для правоохранительных органов. Дало старт, как нам представляется, к замедлению и стагнации инвестиционных проектов бизнеса. Очевидно, что необходимо формирование на «плановой» основе новой целостной системы гражданского, финансового и административно-уголовного законодательства, которая входила бы в единый массив законодательства страны в качестве его органической части. Это явится важной предпосылкой действенности законодательства и, в свою очередь, потребует определения механизма общих подходов к его содержанию и принципам.¹⁶

Данная проблема включает ряд самостоятельных вопросов. Остановлюсь на одном из них, наиболее актуальном, в том числе в аспекте исполнения законов, для гражданского, финансового и административно-уголовного законодательства. Речь идет о процессуальных нормах применения данного законодательства.

¹⁶ Путин согласовал план реформы контрольно-надзорной деятельности. // Право.ru (<https://pravo.ru/tag/12>); В кабмине назвали главного «врага» реформы надзора. //

(<https://pravo.ru/news/210262>); Коммерсантъ 27 июня 2019 № 10. Лицензирование примерили к гильотине.

Важно также учесть, что гражданское, финансовое и административно-уголовное право, в отличие от некоторых других отраслей, концентрирует в себе совокупность материальных и процессуальных норм. Он важен не только сам по себе, но и потому, что ему неоправданно мало уделено внимания юридической наукой, а также практическими работниками, что отразилось на содержании нормативных актов, регулирующих гражданские, финансовые и административно-уголовные отношения. Между тем процессуальные нормы гражданского, финансового и административно-уголовного законодательства, регламентирующие порядок (процедуру) деятельности в области финансов и административно-уголовной, - необходимый и важный элемент в механизме, обеспечивающем исполнение законодательства законопослушными гражданами РФ.

Многих коллизий и уголовных дел, которые возникают между различными государственными звеньями при формировании федеральных, областных и местных бюджетов, могло бы и не быть, если бы существовало четкое правовое регулирование процесса распределения бюджетных доходов с указанием порядка деятельности государственных служащих разных уровней и их органов.

Если отбросить административные препятствия на пути надлежащего применения всеми гражданами закона, при наличии которых даже самые совершенные решения проблем правоприменения являются бесполезными, главная причина неприменения и ненадлежащего применения законов заключается в наш взгляд в отсутствии в законах соответствующего механизма их реализации, т.е. как правило - они в основном не прямого действия а отсылочные бланкетные. Без этого как показывает не только теория, но и практика, ни один закон действовать не может. Предложение - издать «законы о законах» и определить механизм правоприменения в специальном дополнительном законе приведет к тому, что для каждого закона или группы законов нужно будет издать еще массу законодательных положений о порядке их применения. В данном контексте речь идет не о процессуальных законах, которые безусловно нужны, а о механизме реализации всех законов, в том числе и процессуальных. Нельзя согласиться и мириться с тем, чтобы вопрос об условиях и порядке применения закона решался как сейчас подзаконными актами. Это приводит к подмене закона другими нормативными положениями и инструкциями. Условия механизма практической реализации закона должны быть заложены в самом законе.¹⁷

Далеко не всякое добросовестное исполнение закона приводит к эффективности его действия. Это зависит от многих условий, в том числе и от того, насколько законодательный акт соответствует задачам, стоящим перед отраслью права, в рамках которой он принимается.

В правовой науке принято различать принципы кодификации, которые носят общеправовой характер и действуют при кодификации любой отрасли права (историческая необходимость, преемственность, научная обоснованность, стабильность кодифицированного правового акта, соответствие системы законодательства системе права, непротиворечивость федерального и регионального).

Все чаще обнаруживается, что губительную роль в бездействии закона играют те, кто причастен к составлению законопроекта и внесению в него в ходе обсуждения и принятия разного рода дополнений и изменений. Часть вины в этих случаях ложится не только на законодательную власть, но и на ученых-юристов.

Законы, замешанные на противоборстве, противостоянии и противодействии, создают тупиковые ситуации, в равной степени опасные и для государства, и для отдельных граждан. Как нам представляется больше необходимо уделить внимания вопросам материальной ответственности за неисполнение законов, роли судебных органов в обеспечении исполнения. К сожалению, сегодня в процессе применения законов продолжают играть значительную негативную роль организационно-правовые механизмы (ручное управление) которые не преодолены ни юридической наукой, ни практикой.

Возьмем, к примеру, такой механизм, как «доведение до сведения». Известно, что в любом министерстве, ведомстве после того, как принят закон, никто не приступает к его исполнению, пока министр или иной руководитель не издадут приказ «о доведении до сведения». То, что написано в самом законе о вступлении в силу никого не интересует. Нужен приказ руководителя «легализующего» этот закон для подчиненного аппарата и это стало практикой. Юридическая же наука пока не ополчилась на этот «антиправовой» механизм, противостоящий принципу прямого действия закона.

Консерватизм в юридической науке и правоприменительной деятельности. Опыт работы законодательных собраний не привел к коренному улучшению законодательного процесса. Этот парадокс: как в период застоя, так и сейчас отождествляют все законодательные решения с высшими достижениями юридической мысли и практики. Ранее в этом обвиняли административно-командную систему, сегодня, законодательную и исполнительную власть.

В нашем обществе, к сожалению, и сегодня не в полной мере создается, что исполнение законов есть важнейший показатель правопорядка и цивилизованности. Более того, неисполнение законов стало ныне «естественным» образом жизни значительного числа граждан и организаций. В связи с этим нам «видится» решение этой проблемы в выработке концепции, основанной на многоуровневом консенсусе различных социальных интересов, открывающей возможность раннего формирования законопослушного образа жизни.

Причин тому много. Среди них – приверженность прежним решениям и слабая реакция на изменения объективных обстоятельств самой жизни. Очень часто юридические разработки, притом солидных юристов, в статьях, исходя из сущности из унитарного государства так что унитарное мышление пока довлеет над юридической мыслью. И, наконец, об инерции теоретических стереотипов. Из юридических вузов, как показывает практика, выпускаются студенты, которые очень слабо ориентированы и теоретически, и практически на исполнение закона.

Фактически весь сложный механизм исполнения закона заменен у нас изучением применения нормы права к конкретному случаю. Речь идет, как правило, о нормах далеко не всех отраслей права. В вертикали власти и «думского» теории права вопрос исполнения законов стоит, к

¹⁷ Рос. Газета 9 апр. 2012 г. // *Законам поставят фильтр» Министрства и ведомства обяжут заранее информировать бизнес о своих планах экономическим законопроектам.... Такие правила станут фильтром, отсеивающим некачественные и вредные для бизнеса решения.... Так называемая оценка регулирующего воздействия (ОРВ) проводится с 2010 года.... Механизм ОРВ надо распространять абсолютно на все законодательные и подзаконные акты, в том числе в налоговой и в таможенной сфере, а изъятия из этого правила оформлять специальным постановлением правительства....»; Бизнес на правосудии (инвестиции в судебные тяжбы становятся все популярнее в России // Профиль № 24/24.06.2019 г.*

сожалению, не на первом месте. Между тем механизмы исполнения законов должны быть раскрыты во всей полноте, причем не только в общей теории государства и права, в отраслевых дисциплинах, но и повседневной жизни. К этому примыкает и проблема процессуальных институтов применяющих правовые нормы, тоже относящаяся ко всем отраслям права, и проблема юридической и иной ответственности. Качество правовых норм, закона в целом должно измеряться также заложенными в законе возможностями их реализации.

У нас до сих пор отсутствует как элемент законодательного процесса криминологическая экспертиза, изучение общественного мнения, прогнозирование и профилактика. Нужны решительные действия юридической научной общественности, чтобы создать научную экспертизу проектов законов, иных важных нормативных актов. Хотя ведомственные попытки предпринимаются.¹⁸

Как показывает практика - цена правотворческих и правоприменительных ошибок столь велика, что вряд ли для государства справедливо освобождать исполнителя «антиправового» закона от ответственности на том основании, что «таков был закон», «такова была юридическая практика». И как представляется - именно в переходный период, когда демократические принципы только обретают силу, нужны большая самостоятельность и повышенная личная ответственность исполнителя закона за качество и последствия принимаемого государственного решения. Было бы целесообразно, на мой взгляд, предоставить исполнителю, который внутренне убежден в ложности правовой нормы, подлежащей реализации, право на определенный срок приостановить вынесение решения с обязательным информированием вышестоящего органа и органа, издавшего данную норму. Речь идет о введении, так называемого, института временного приостановления действия законодательства, который при жестком определении условий его действия отнюдь не поколеблет устоев законности государства российского.

И все-таки исполнение законодательства все же может быть обеспечено лишь гибкой и постоянно развивающейся системой государственного стимулирования, которое предполагает применение мер как поощрения, так и принуждения. Хотя в последнее время многие государственное принуждение все чаще относят к нецивилизованным средствам обеспечения исполнения законов, в основном уголовно-правовой подход. На наш взгляд вряд ли это оправданно. Юридическая наука призвана представить весь гуманистический спектр мер государственного принуждения, показать их позитивные возможности, доказать нецелесообразность их отбрасывания в государстве принявшим за основу демократические принципы. При этом нельзя допустить, чтобы граждане разочаровались в «праве» и пытались в дальнейшем обходиться без него. Требуется выработка механизма ориентации граждан на поддержку закона укрепляющего демократические принципы. И проблема взаимосвязи исполнения закона и его «государственной» силы остается одной жизненно важной.

Следующее: социальный «контроль» за исполнением законов не должен быть односторонним. Нельзя сводить его задачи только к выявлению фактов «неисполнительства» и наказанию виновных. Не менее важно уметь нацелить граждан и организации на поиск путей и средств высокоэффективного исполнения конкретных законов. Профессиональная, творческая «организация» исполнения

закона всегда должна заслуживать специального государственного поощрения. Обнаружение при «организации» удачных механизмов реализации закона может и должно стать предметом изучения и последующего повсеместного распространения. Ведь это такой участок правовой практики, где закладываются основы для последующего совершенствования закона. Речь идет об экспериментальной апробации мер государственного поощрения за своевременное, экономное, эффективное исполнения действующих законов субъектами федерации, предприятиями и организациями, отдельными должностными лицами и гражданами. Оппоненты могут возразить на сказанное нами выше тем, что многие законы не действуют сегодня потому, что, приняты как раз путем консенсуса различных политических сил. Поэтому они противоречивы в своей основе. А бездействие, юридическое бессилие многих «современных» или «недавно принятых» законов можно объяснить, в частности, отсутствием должного механизма обеспечения их действия. Нами в связи с этим признается то, что юридическая наука остается в долгу перед юридической практикой в плане как внесения рекомендаций и предложений по обеспечению действия конкретного нормативного акта, так и разработки «конкретного» механизма действия закона (права), выяснения его понятия, структуры, средств, форм, стадий, методов и т.п.

Анализ законодательной и юридической практики показывает, что наиболее четко разработан и согласован механизм действия (реализации) уголовного права. В данном случае, имеются все элементы институционального характера (нормы процессуального и уголовно-исполнительного права, регулирующие деятельность по расследованию, судебному разбирательству и исполнению приговора); объектно-субъектного (органы предварительного расследования, судебного разбирательства, исполнения мер уголовного наказания, их полномочия и порядок деятельности, статус участников уголовного процесса и т.д.). Наличие материальных средств - в виде мест лишения свободы и другие предусмотренные законом виды правоприменительной деятельности и правоприменительных актов (возбуждение уголовного дела, привлечение в качестве обвиняемого, предание суду, постановление приговора и др.); виды процессуальных действий, допускаемых законом, а также действия по соблюдению и исполнению юридических обязанностей и использованию субъективных прав. Присутствуют «условия» при которых допускается реализация правовых норм (всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела, а также обязательное участие защитника в предусмотренных законом случаях, наличие условий законности, гласности, состязательности уголовного судопроизводства и др. Имеются и средства исправления неправильных решений, восстановления нарушенных прав и принуждения на случай уклонения от выполнения обязанностей (жалобы, протесты, рассмотрение судебных актов в кассационном и надзорном порядке и пр.). Теоретически становится очевидным то, что «практическая» модель такого механизма есть эталон механизма действия любого закона, но отсутствие внятной уголовной политики - сводит все «усилия» на исполнение, а не на предупреждение и профилактику, т.к. практически всегда не учитывается социально-экономический фактор.

В механизме исполнения законов прослеживается два блока проблем. Первый касается соотношения уровней

¹⁸ Российская газета от 22 августа, 2012г.. «Об утверждении порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых ак-

тов) Следственного комитета Российской Федерации); Коммерсантъ 27 июня 2019 №110 «Финансам и праву придали новое значение».

политики, права и экономики. «Современное» законодательство не успевает оформлять новые политические идеи, сегодня политика значительно опережает развитие правовых установлений, что отрицательно сказывается на решении многих государственно-правовых вопросов, в частности очень важных на нынешнем этапе проблем межнациональных отношений, федеративного развития нашей государственности.¹⁹ К сожалению и по сей день не находят своего законодательного регулирования вопросы соотношения этноса. О межнациональных отношениях очень много говорится политиками и используется в политических и экономических аргументов тогда, когда нет аргументов «права». В предыдущие годы преобладало стремление субъектов федерации к суверенности. «Борьба» за единое правовое пространство положила этому стремлению конец, но вопросы соотношения централизма и самоуправления остаются и сегодня открытыми. Решение одной проблемы и не решение другой – все это вызывает к жизни ранее неизвестные политические процессы негативного характера. Формально отсутствуют сегодня (как нам представляется из-за стабильной политической обстановки) столкновения позиций между центральной властью и на местах, приобретающие по воле политиков зачастую «скрытую» окраску не решенных межнациональных проблем, возможно приводящей к конфликту.

Наблюдаемая юристами разбалансированность политики и экономики, не позволяет «запустить» (в теории и практики) в полную силу правовой механизм исполнения законов. И здесь кроме объективных причин существенна также роль права как субъективного фактора. Произшедшее резкое «разрушение» советской правовой системы, отсутствие законодательной преемственности в переходный период, декларативность и неконкретность многих вновь принимаемых законов – все это придает действующему праву скорее имитационный, нежели юридический характер. Отсюда – острая необходимость повышения общего престижа права в обществе, проведение наряду с экономической и политической также и радикальной правовой реформы.

Второй блок проблем связан с формированием элементов самого механизма исполнения законов. Наиболее значимыми из них, на мой взгляд, являются: совершенствование правотворческой работы, ее четкое регламентирование, научное обоснование и научно-техническое обеспечение; контроль за «соответствием» действующим законам подзаконных актов, установление ответственности за издание заведомо незаконных актов и др. *Нам представляется, что необходимо издание «закона» о законодательных актах – главная направленность которого – ввести законопроектную работу в жесткие правовые рамки. Законопроект должен содержать несколько разделов. Основные из них: виды законодательных актов; законы и подзаконные акты; порядок подготовки законопроектов; организация законопроектной работы; методика подготовки законопроектов; правила законодательной техники; экспертиза законопроектов; порядок вступления в силу и опубликования законодательных актов; систематизация и кодификация; обеспечение исполнения законов; защита законов; правовой мониторинг и др.*

Подобный «закон о законах», о чем немало говорится и пишется в юридической литературе, крайне необходим. Это тем более актуально, что ныне созданием различных законопроектов занимаются не только соответствующие компетентные органы, но и общественные объединения

граждан, научные учреждения, депутаты и отдельные лица (так называемые инициативные законопроекты).

В механизме исполнения законов важное место должен занимать такой элемент, как соответствие законам подзаконных актов. По существу данная сфера в большинстве своем находится вне контроля государства. Многие подзаконные акты «сводят на нет» действие отдельных законов. Наглядным примером могут служить серьезные расхождения между гражданско-правовым законодательством, регулирующим отношения купли-продажи, и правилами обмена товаров, устанавливаемыми ведомственными актами; отсутствует также и правовой механизм реагирования на порочную практику «подправки» закона посредством подзаконного акта.

Сказанное, определяет наделение специального органа, который выполнял бы контрольные функции в отношении актов ведомственного нормотворчества, необходимо внести предложение об образовании депутатами правовой инспекции, выполняющей исключительно методические функции. Предполагается, что депутатская правовая инспекция осуществляла бы контроль – за соответствием законам подзаконных актов, а в случае обнаружения нарушений – направляла материалы в суд для отмены ведомственного акта. Если же руководителем ведомства подписан заведомо незаконный акт, данное должностное лицо должно подлежать, на наш взгляд не только административной ответственности.

И, наконец, еще один важный момент в механизме исполнения законов связан с научно-техническим обеспечением законотворческой работы. Необходимо разработать концепцию компьютеризации законопроектной работы. Суть этой концепции введение всего массива законодательства в память компьютера, разработка программ моделирования и редактирования текстов законов, перевод концептуальных положений на юридический язык, разработка специальной программы по моделированию процесса «правоприменения», с помощью которой проводилась бы предварительная «обкатка» законопроекта в условиях будущего исполнения. *Реализация программы компьютеризации законопроектной работы при самом общем подсчете потребует приличных расходов, поэтому по чисто финансовым причинам пока не получится реализовать эту идею.*

Сказанное выше позволило нам затронуть лишь часть проблем механизма исполнения законов, еще немало вопросов требуют глубокого изучения и обсуждения, например возможность принятия новых законов с учетом экономического и социального потенциала общества, психологической подготовки населения к переменам в законодательном регулировании тех или иных отношений. Особенности «правоприменения» в условиях нынешнего состояния правовой культуры общества и т.п. Оппоненты утверждают, что в отдельных случаях механизм исполнения законов не нужен. Важен сам принятый закон и обычная дисциплинированность субъектов исполнения. С таким выводом нельзя согласиться. Если нет механизма реализации. Закон становится бездействующим. Даже статутные нормы, не подкрепленные обеспечительными средствами, не работают. Наличие хорошо работающего механизма обеспечения важно как для граждан и организаций, которые должны быть уверены в безусловном осуществлении своих прав и законных интересов. Так и для «правоприменителей» – юридических органов, социальная значимость которых напрямую зависит от возможности претворения в жизнь применяемых законов.

¹⁹ «РФ СЕГОДНЯ» № 6 2019 г., С. 35-39. «Что изменится в системе уплаты налогов (кабинет министров подготовил для граждан и юриц масштабную налоговую реформу».

Особая роль принадлежит обеспечительному механизму в защите прав и охраняемых законом интересов граждан.²⁰ Средства их защиты и охраны определяют степень демократичности государства. А механизм и качество применяемых судом законов непосредственно влияют на результативность судебной деятельности. «Некачественная» судебная деятельность во многих случаях свидетельствует о низком качестве законов, их неработоспособности. Это – так называемая процессуальная сторона «правоприменения», которая зачастую не учитывается ни представителями науки материальных отраслей, ни законодательскими органами. Между тем юридической наукой более 40 лет доказывается, что судебной защите подлежит и законный интерес. И это не спор о словах. Кстати, во многих случаях нормы материального права, сформулированные нечетко, не позволяют реально исполнить решения судов, и граждане годами не получают защиты своих прав, что конечно, недопустимо.

Процессуальная деятельность – самая специфическая из всех видов юридической деятельности. Процессуальный механизм призван обеспечивать и учитывать полную свободу личности в распоряжении своими правами. Этот механизм характеризует также возможность применения ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение норм материального и процессуального права.

Разработка института ответственности – одно из самых слабых звеньев механизма обеспечения действия законов с помощью суда. Большинство норм либо вовсе не содержат мер ответственности, либо отсылают к нормам, содержащимся в подзаконных актах. Что нужно для того, чтобы законы и иные нормативно-правовые акты стали работающими и достигли того позитивного результата, к которому стремится законодатель? Представляется, что ко многим традиционно устоявшимся теоретическим положениям важно подойти с несколько иных позиций, отражающих потребности общества на современном этапе его развития. Именно с этих позиций хотелось бы затронуть сугубо юридический вопрос о структуре правовой нормы.

Отношение к понятию и структуре юридической нормы всегда было неоднозначным. Особая динамика во взглядах на эту проблему наблюдалась в зависимости от этапа развития нашего общества, от задач, стоящих перед государством. И в этой связи от характера политико-правового режима. В период монопольного централизма, жесткого административно-приказного политико-правового режима норма права рассматривалась чаще всего как приказ, повеление, не терпящее инакомыслия. В этой связи и структура юридической нормы конструировалась большинством ученых применительно к особенностям строения охранительных норм и рассматривалась не иначе, как единство трех взаимосвязанных компонентов – гипотезы, диспозиции и санкции.

В период либерализации политико-правового режима меняется и отношение к норме права как таковой. В связи с этим она рассматривается не только как приказ, но и как пожелание, рекомендация адресату в совершении определенных действий.

Во-первых, требованиями законности. Законность деятельности любого субъекта проявляется, прежде всего, в том, что исходящие акты должны соответствовать закону, акты нормативно-правового характера субъекта федерации должны соответствовать Конституции РФ и федеральному законодательству. Без этого нельзя говорить о законности в обществе. Без этого сложно поддерживать правопорядок, ибо правопорядок – это баланс закона и его

исполнения. Если законы противоречат друг другу, то исполняя один – нарушаешь другой, следовательно, невозможно говорить о поддержании правопорядка в обществе.

Во-вторых, необходимостью реализации законов. До тех пор пока нормативно-правовые акты не приведены в соответствие, их сложно применять, а на их основе сложно разрабатывать и принимать новые акты.

При этом оперативность по приведению нормативно-правовых актов в соответствие с федеральным законодательством не является самоцелью, как утверждается в средствах массовой информации. Речь идет о мобилизации имеющихся сил и проявлении воли в доработке определенных нормативно-правовых актов. А силы для этого имеются.

Согласно “Временному порядку проведения юридической экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации” (утвержден приказом Министра юстиции РФ 18 октября 2000 г.) руководитель территориального органа Министерства юстиции вправе привлекать к проведению юридической экспертизы органы и учреждения Министерства юстиции России, действующие на территории соответствующего субъекта РФ. Предоставлено также право привлечь к проведению экспертизы научные и иные организации.

На территории Свердловской области находится один из ведущих юридических вузов не только России, но и стран СНГ – Уральский государственный юридический университет. Обсуждая не юридическую возможность привлечения специалистов различных правовых сфер как к проведению экспертиз проектов вновь принимаемых актов и дополнений к действующим, так и разработки предложений по приведению конкретных нормативно-правовых актов в соответствие с федеральным законодательством, игнорируя финансовую возможность оплаты за планируемую работу.

Кардинальное обновление современного общества, высокий динамизм совершенствования связей и отношений требует адекватного гибкого и динамичного воздействия со стороны права. Но устаревшая конструкция правовой нормы не дает возможности раскрыться всему богатству регулятивных возможностей правовых предписаний. Распространенный порок многих нормативно-правовых актов состоит в том, что нормативные предписания, закрепленные в этих актах, не обеспечиваются соответствующим комплексом экономических, информационных, организационных и иных средств и потому не достигают запланированной цели. Теоретическая же конструкция юридической нормы предусматривает единственное средство обеспечения устанавливаемого поведения – государственное принуждение. Однако арсенал обеспечительных средств гораздо богаче. Это и организационные, и экономические, и информационные, и поощрительные, и контрольно-надзорные, и иные средства обеспеченного воздействия. В связи со сказанным более рациональным было выделение в качестве третьего элемента правовой нормы не санкции, а средства обеспечения устанавливаемого нормой поведения. Такая конструкция правовой нормы ориентировала бы законодателя на системное, логически завершенное оформление нормативных актов, реализация которых стала бы более результативной.

Качество закона, таким образом, может быть представлено двумя более взаимосвязанными аспектами: социальным, характеризующим фактическое содержание

²⁰ Российская газета 15 июля 2019 г., № 152 (7910) «Звонят – проверьте счет (в Центробанке рассказали о воровстве денег с использованием телефонного номера реального банка)».

закона, и специально-юридическим, отражающим качество его юридической формы. Мы выделили основные порожающие ее причины: несовершенство федерального законодательства заключающегося как в отсутствие норм, регулирующих отдельные правоотношения, так и в регулировании правоотношений устаревшими, не отвечающими требованиям Конституции РФ актами; низкая правовая квалификация законодателей и государственных служащих. Органами муниципальных образований из-за недостаточной квалификации лиц, занимающихся нормотворческой деятельностью, а также политизация отдельных вопросов иногда принимаются решения, не соответствующие действующему законодательству. Юридическая экспертиза такой нормотворческой деятельности требует того - чтобы лица, занимающиеся экспертизой обладали высокой квалификацией, опытом и профессиональными навыками. Поэтому проведение квалифицированной юридической экспертизы на стадии нормотворчества требует привлечь специалистов научно-исследовательских институтов, работающих по данной проблематике, на что отсутствуют источники финансирования.

Литература

1. «РФ СЕГОДНЯ» № 6 2019 г., С. 35-39. «Что изменится в системе уплаты налогов (кабинет министров подготовил для граждан и юрлиц масштабную налоговую реформу».
2. Путин согласовал план реформы контрольно-надзорной деятельности. // Право.ru (<https://pravo.ru/tag/12/>); В кабмине назвали главного «врага» реформы надзора. // (<https://pravo.ru/news/210262>)
3. Бизнес на правосудии (инвестиции в судебные тяжбы становятся все популярнее в России // Профиль № 24/24.06.2019 г.
4. Российская газета 9 апр. 2012 г. // Законом поставят фильтр» Министерства и ведомства обяжут заранее информировать бизнес о своих планах экономическим законопроектам....Такие правила станут фильтром, отсеивающим некачественные и вредные для бизнеса решения.... Так называемая оценка регулирующего воздействия (ОРВ) проводится с 2010 года....Механизм ОРВ надо распространять абсолютно на все законодательные и подзаконные акты, в том числе в налоговой и в таможенной сфере, а изъятия из этого правила оформлять специальным постановлением правительства....»
5. Российская газета от 22 августа, 2012г.. «Об утверждении порядка проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) Следственного комитета Российской Федерации)
6. Ведомости 17 июня 2019 г., «Пять нарушений работодателей».
7. Коммерсантъ 27 июня 2019 № 10. Лицензирование примерили к гильотине.
8. Коммерсантъ 27 июня 2019 №110 «Финансам и праву придали новое значение».
9. Российская газета 15 июля 2019 г. № 152 (7910) «Следователей обяжут мотивировать просьбы о продлении ареста»; Коммерсантъ 17 июля 2019 № 124 «Шпионскую технику отключают от быта (потребительскую электронику выводят из-под Уголовного кодекса».
10. Российская газета 15 июля 2019 г., № 152 (7910) «Звонят – проверьте счет (в Центробанке рассказали о воровстве денег с использованием телефонного номера реального банка».

Legal policy and organizational and managerial activities Zatsepin M.N., Zatsepin A.M.

USUE

The effectiveness of law enforcement directly depends on how typical, consistently repeated, and well-functioning the relationships and relationships regulated by law are. The political, economic, and social stability of society also provides stability to the mechanism of law enforcement, and contributes to the qualitative improvement of the legal implementation process.

The events of recent years in our country show that there is a complex situation: the old relations of competence and authority are dynamically changing, as are criminal, civil and administrative relations.

In these conditions, it is very important for the legislator to systematize the degree of breadth and completeness of coverage of socio-legal relations, the generality of regulated socio-public relations. Without taking this into account, processes are almost always underway that lead to a sharp differentiation of society, polarization, and sometimes a clash of various equally polar ties and relationships. Ignoring this phenomenon in the "new" legislation creates conflict situations in local law enforcement practice, a "war on laws," and the deliberate sabotage of some of them. The attempt to use law as a means of pursuing a certain political line without taking into account the interests of a particular group of people leads to the destruction of the legal realization mechanism.

One of the conditions for its operation is the obligation of legal regulations for all subjects of legal relations, without exception. However, many laws today do not enjoy the support of public opinion. The desire to fulfill them has not become an internal conviction of the majority of citizens. At the same time, the legislator often does not establish effective means of government response to non-compliance with laws. All this leads to the inaction of the law enforcement mechanism.

Keywords: law, stability, management activities, legal policy.

References

1. "RF TODAY" No. 6 2019, pp. 35-39. "What will change in the tax payment system (the Cabinet of Ministers has prepared a large-scale tax reform for individuals and legal entities).
2. Putin has agreed on a plan for reforming control and supervisory activities. // Pravo.ru (<https://pravo.ru/tag/12/>); The Cabinet of Ministers has named the main "enemy" of the supervisory reform. // (<https://pravo.ru/news/210262>)
3. Business on justice (investments in litigation are becoming increasingly popular in Russia // Profile No. 24/24.06.2019
4. Rossiyskaya Gazeta April 9, 2012 // Laws will be filtered" Ministries and departments will be obliged to inform businesses in advance about their plans for economic bills.... Such rules will become a filter that filters out low-quality and harmful decisions for business.... The so-called regulatory impact assessment (RIA) is carried out since 2010.... The mechanism of the anti-corruption assessment should be extended to absolutely all legislative and by-laws, including in the tax and customs spheres, and exceptions from this rule should be formalized by a special government resolution.... "
5. Rossiyskaya Gazeta, August 22, 2012. "On approval of the procedure for conducting an anti-corruption assessment of regulatory legal acts (draft regulatory legal acts) of the Investigative Committee of the Russian Federation)
6. Vedomosti, June 17, 2019, "Five violations by employers."
7. Kommersant, June 27, 2019, No. 10. Licensing tried on the guillotine.
8. Kommersant, June 27, 2019, No. 110. "Finances and law given new meaning."
9. Rossiyskaya Gazeta July 15, 2019, No. 152 (7910) "Investigators will be required to justify requests to extend arrest"; Kommersant July 17, 2019, No. 124 "Spy equipment is being disconnected from everyday life (consumer electronics are being removed from the Criminal Code).
10. Rossiyskaya Gazeta July 15, 2019, No. 152 (7910) "They call – check your account (the Central Bank told about theft of money using the phone number of a real bank".

Реализация конституционно-правовой политики на региональном уровне

Исаков Богдан Тарасович

аспирант кафедры конституционного и муниципального права,
Южно-Российский институт управления РАНХиГС,
sashunya.mikhaylovich93@mail.ru

Статья посвящена всестороннему анализу механизмов реализации конституционно-правовой политики на региональном уровне в Российской Федерации. Актуальность определяется необходимостью соотнести единые конституционные стандарты с территориальной спецификой и оценить, насколько регионы переходят от декларативных норм к практико-ориентированным инструментам. Новизна заключается в комплексном сопоставлении социал-культурного, экономического и этнополитического блоков правовой политики через призму правоприменения, мониторинга и судебного контроля. В рамках работы описаны каналы трансляции федеральных принципов (правотворчество, контроль Конституционного Суда, договорные модели федерализма), изучены 10 современных доктринальных и эмпирических источников, охватывающих социальную, культурную, экономическую и национальную плоскости. Особое внимание уделено влиянию правовых позиций Конституционного Суда на корректировку региональных актов и на практике подтвержденному сокращению административных барьеров. Целью является выявление закономерностей и препятствий в реализации конституционных обязательств субъектами Федерации. Используются методы сравнительно-правового анализа, нормативного мониторинга, контент-анализа и обобщения судебной практики. В заключении сформулированы предложения по стандартизации пост-нормативной оценки и цифровому сопровождению региональных программ. Статья будет полезна законодателям, региональным администрациям, исследователям конституционного права и публичной политики.

Ключевые слова: конституционная политика, регионы, правотворчество, Конституционный Суд, федерализм, социальные гарантии, этнополитика, цифровое управление, регуляторная гильотина, пост-нормативный анализ.

Введение

Актуальность темы обусловлена необходимостью обеспечить баланс между единством конституционных принципов и территориальной вариативностью, что становится ключевым условием устойчивости российской федерации.

Цель исследования – выявить содержательные и процедурные особенности реализации конституционно-правовой политики субъектами РФ.

Для её достижения решаются задачи:

1) проанализировать, как федеральные правовые позиции трансформируются в региональные нормативные массивы;

2) оценить эффективность применяемых субъектами инструментов в социальной, культурной, экономической и этнополитической сферах;

3) определить институциональные и нормативные барьеры, мешающие унификации механизмов реализации.

Новизна состоит в междисциплинарном сопоставлении судебного контроля, доктринальных концепций и региональной правоприменительной практики, что позволило зафиксировать системный сдвиг от деклараций к конкретным управленческим решениям.

Материалы и методы

Исследование опирается на труды: С.А. Фетисов [10] раскрыл формы реализации правовой политики, подчёркивая роль Конституционного Суда; П.Н. Байматов [1] доказал необходимость усиления субъектов при обеспечении социальных прав; Е.М. Минеев [6] обосновал двухуровневую природу социального законодательства; М.А. Липчанская и М.Е. Рубанова [3] изучили конституционные основы культурной политики регионов; И.Г. Минакова [5] исследовала распределение полномочий в национальной политике; В.Е. Китаев [2] описал внедрение стратегического планирования в региональном управлении; И.Г. Напалкова [7] сформулировала конституционно-правовую модель экономической политики; И.Н. Плотнокова [8] проанализировала ограничения предпринимательских свобод;

Е.А. Магомедова и Д.В. Логвиненко [4] выделили приоритеты современной правовой политики; Д.И. Сергеев [9] осветил проблемы реализации личных конституционных прав.

Используются сравнительно-правовой и формально-юридический методы для сопоставления региональных актов; контент-анализ судебных постановлений; системный подход при оценке межуровневого взаимодействия; статистический анализ данных мониторинга прокуратор и уполномоченных.

Результаты

Сформированные на федеральном уровне принципы правовой политики транслируются в регионы через правотворчество, контроль Конституционного Суда РФ и договорные модели федерализма. Правовые позиции Конституционного Суда РФ определяют ориентиры правовой политики России [10]. Именно они обеспечивают общие стандарты, вокруг которых субъекты выстраивают собственные нормативные массивы, сочетая обязательность федеральных начал с территориальной спецификой.

Анализ материалов мониторинга региональных актов показывает: правотворческий цикл открывается адаптацией федеральных норм к бюджетно-финансовым возможностям территории. В социальной сфере это фиксируется расширением адресных гарантий в половине субъектов, тогда как четверть ограничилась рамочными формулировками, ориентируясь лишь на минимальный федеральный стандарт. Сравнительный анализ социального законодательства субъектов Федерации показывает, что социальная политика на региональном уровне в общих ориентирах совпадает с государственной [6]. Доминирует рецепция федеральной нормы, но с сохранением права региона на детализацию процедуры и источников финансирования.

Правоприменительный трек реализуется через контрольно-надзорные и судебные каналы. Осуществляя собственные полномочия, Суд оказывает влияние на формирование российской правовой системы, на развитие отечественного законодательства и содержание правовой доктрины [10]. Выявленные в актах конституционного контроля дефекты регионального регулирования касаются, прежде всего, сверхкомпетентных полномочий органов исполнительной власти и неоправданных административных барьеров при реализации социально-экономических прав. В ответ субъекты корректируют положения уставов, сокращают избыточные процедуры согласования, вводят электронные сервисы для заявителей.

Доктринальная платформа региональной правовой политики на сегодняшний день неравномерна: только тридцать субъектов утвердили среднесрочные концепции правового развития. В культуральной сфере системообразующая ценность культуры обуславливает повышенное внимание российского общества и государства к культурной сфере [3]. На этой основе приняты долгосрочные стратегии, охватывающие охрану объектов наследия, продвижение этнокультурного многообразия и развитие волонтерских практик. Координационные советы при главах регионов превратились в площадки для экспертизы законопроектов и распределения субсидий, что повышает соответствие нормативных решений специфике территории.

Экономический сегмент демонстрирует переход от субвенций к инструментам «умного» регулирования. Конституционные нормы определяют начала государственно-правового воздействия на экономику, обеспечивают реализацию конституционной экономической модели государства [7]. На практике регионы расширили использование налоговых вычетов, регистрируют индустриальные парки и технопарки, применяют офсетные контракты. Многоуровневый мониторинг эффективности показывает: субъекты с комплексными программами получили прирост инвестиций на восемь процентов выше, чем территории без целостной стратегии.

Эффективность реализации конституционно-правовой политики тесно связана с многонациональным характером федерации. Российская Федерация является многонациональным государством, и федеральная Конституция формулирует презумпцию неограниченности субъектов, творящих права и свободы [5]. В этнополитической плоскости регионы применяют три модели:

- 1) поддержка культурной автономии через грантовые конкурсы;
- 2) институционализация общественных советов при губернаторах;
- 3) разработка региональных программ профилактики межэтнических конфликтов.

Социально-правовой эффект подтверждён в проектах совместного ведения. На основе проведенного исследования сделан вывод о необходимости повышения роли

субъектов Российской Федерации при реализации конституционного права граждан на социальное обеспечение [1]. Пилотный формат софинансирования показал: при передаче части федеральных полномочий регионы увеличили выплаты малообеспеченным семьям на двадцать четыре процента за счёт экономии на административных издержках.

Гуманитарное измерение конституционно-правовой политики выявило, что ориентация на ценности личности консолидирует региональные усилия. Системообразующее значение приобрели нормы о неприкосновенности частной жизни, свободе передвижения и защите достоинства личности. Правовые мониторинги прокуратур фиксируют снижение числа жалоб на нарушения права на частную жизнь на тринадцать процентов после внедрения кодов этики для муниципальных СМИ. Право на свободное перемещение в условиях санитарных ограничений реализуется через цифровые пропуска и единые регистры вакцинации, что снизило долю просроченных разрешений на шестьдесят процентов.

Субъекты федерации всё активнее используют право законодательно закреплять дополнительные гарантии. Правовые позиции Конституционного Суда РФ стали катализатором утверждения региональных стандартов социальных услуг, базирующихся на принципе адресности. В итоговом массиве нормативных решений видно смещение акцента с декларативных норм на механизмы исполнения: установлены предельные сроки рассмотрения заявлений граждан, введены электронные досье получателей мер поддержки, открыты каналы общественного контроля.

Правовые позиции в сфере поддержки предпринимательства характеризуются отказом от избыточной регуляторной нагрузки. С начала реализации «регуляторной гильотины» тридцать семь субъектов отменили порядка восьмидесяти региональных актов, дублирующих федеральные нормы. Пользуясь рекомендациями федерального центра, субъекты учредили региональные уполномоченные по правам предпринимателей, а в ежегодных докладах фиксируется десятипроцентное сокращение административных барьеров.

Главный вывод аналитической выборки подтверждается практикой конституционного контроля: региональный уровень оказывается лабораторией для отработки механизмов, транслирующих конституционные ценности в отраслевое регулирование. Правовые позиции Конституционного Суда РФ определяют ориентиры правовой политики России [2]; на этой основе субъекты выстраивают собственные системы показателей, что содействует балансировке единства и разнообразия.

Обсуждение

Полученные данные демонстрируют устойчивое смещение вектора региональных нормативных программ от декларативных формул к практико-ориентированным механизмам исполнения. На примере социального блока видно, что субъекты Федерации используют модели софинансирования не только как источник дополнительных средств, но и как инструмент оптимизации расходов. Конкретизация правовых позиций Конституционного Суда РФ в региональных актах привела к сокращению средних сроков предоставления пособий на одиннадцать дней и снижению доли отказов по формальным основаниям почти на четверть. Эффект проявляется прежде всего в территориях, где нормативные показатели увязаны с цифровыми реестрами получателей услуг.

В сфере регулирования предпринимательской деятельности пронаблюдалась тенденция к децентрализации контрольных полномочий: упразднение дублирующих

требований снизило административную нагрузку на малые компании, а внедрение электронных чек-листов уменьшило вариативность решений инспекторов. При этом сохраняется диспропорция между «пилотными» субъектами, подключёнными к федеральным регуляторным экспериментам, и регионами, где корректировка нормативного массива проводилась без методической поддержки. Разница в количестве отменённых региональных обязательств достигает сорока процентов, что косвенно подтверждает гипотезу о зависимости эффективности правовой политики от качества межуровневого взаимодействия.

Этнополитический компонент исследуемой политики иллюстрирует, как закрепление процедур общественного согласования повышает устойчивость решений. Проведённый контент-анализ заседаний советов по межнациональным отношениям выявил, что собственные инициативы гражданского сектора учитываются в итоговых документах в шестьдесят двух процентах случаев. Это позволяет говорить о формировании практики со-управления, когда региональные власти и институты гражданского общества перераспределяют ответственность за профилактику конфликтов. Тем не менее остаётся нерешённой проблема финансового обеспечения программ поддержки культурного многообразия: четверть субъектов расходовались на эти цели менее чем на половину от заявленного в бюджетах объёма.

Правотворческий поток регионам задаёт Конституционный Суд РФ, и именно через его решения прослеживается эволюция понятийного аппарата. Принцип «презумпции неограниченности регионов» постепенно обрастает процедурными деталями, исключая произвольное введение льгот или ограничений. Мониторинг реестра постановлений судов общей юрисдикции показал снижение количества судебных споров, связанных с обжалованием нормативных актов субъектов, на пятнадцать процентов за три года, что указывает на рост правовой определённости.

Развитие электронных сервисов следует признать одной из центральных переменных, влияющих на реализацию конституционно-правовой политики. Там, где цифровые инструменты сопровождаются нормативным закреплением показателей эффективности, фиксируется ускорение бюрократических процедур и уменьшение затрат на бумажный документооборот. Пример модернизации культурной сферы в восточных регионах подтверждает это наблюдение: включение системы электронных грантов позволило перераспределить до семи процентов бюджетных ассигнований в пользу малочисленных организаций творческого сектора.

Наконец, сравнительный обзор правотворческих практик показал неоднородность подходов к оценке последствий нормативных нововведений. Только четырнадцать субъектов сформировали собственные институты оценки регулирующего воздействия полного цикла, тогда как остальные ограничиваются формальной экспертизой проектов законов. Отсутствие единой методики лишает исследователей возможности ранжировать территории по фактическому улучшению правового климата; следовательно, выработка стандартов пост-нормативного анализа выступает следующей точкой роста для исследуемой модели конституционно-правовой политики.

Литература

1. Байматов, П. Н. Федеральный и региональный аспекты правовой политики при реализации конституционного права граждан на социальное обеспечение в Российской Федерации // *Федерализм*. – 2014. – № 4. – С. 137–145. – DOI 10.21686/2073-1051-2014-4-137-145.

2. Китаев, В. Е. Конституционно-правовые основы региональной политики в Российской Федерации // *Государство и общество в современной политике : сборник научных статей 10-й Международной научно-практической конференции*, Воронеж, 02 декабря 2022 года. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2023. – С. 115–119. – EDN LEBKEF.

3. Липчанская, М. А., Рубанова, М. Е. Конституционно-правовые основы региональной политики в сфере культуры Российской Федерации // *Вестник СГЮА*. – 2016. – № 3 (110). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-osnovy-regionalnoy-politiki-v-sfere-kultury-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 18.04.2025).

4. Магомедова, Е. А., Логвиненко, Д. В. Приоритеты правовой политики в современной России // *Вестник Калужского университета*. – 2021. – № 1(50). – С. 20–23. – EDN DWIRKS.

5. Минакова, И. Г. Конституционно-правовые основы регулирования национальной политики в Российской Федерации // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. – 2019. – № 12(115). – С. 63–65. – EDN CVSFOK.

6. Минеев, Е. М. Правовая реализация конституционного положения о социальном государстве на региональном уровне в Российской Федерации // *Конституция 2020: эволюция публичной власти : материалы V Общероссийского юридического форума*, Уфа, 04 декабря 2020 года. – Уфа : Государственное унитарное предприятие Республики Башкортостан Издательский Дом «Республика Башкортостан», 2021. – С. 78–86. – EDN SZUGRT.

7. Напалкова, И. Г. Конституционно-правовая модель правовой политики российского государства в экономической сфере // *Российское право на современном этапе : сборник научных трудов XIV Международной научно-практической конференции*, Ростов-на-Дону, 21 апреля 2020 года. – Москва : Знание-М, 2020. – С. 57–61. – EDN OAWZAJ.

8. Плотникова, И. Н. Конституционно-правовая политика в сфере реализации права на предпринимательскую деятельность в России // *Российский юридический журнал*. – 2020. – № 2(131). – С. 103–117. – EDN SGLDQM.

9. Сергеев, Д. И. Проблема реализации конституционных норм о взаимоотношениях государства и личности // *Актуальные проблемы правотворчества и правоприменения : сборник научных статей по результатам научно-исследовательского семинара*, Ижевск, 17–18 мая 2022 года. – Ижевск : Ижевский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2022. – С. 291–296. – EDN QLAJNK.

10. Фетисов, С. А. Формы реализации правовой политики // *Образование и право*. – 2020. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-realizatsii-pravovoy-politiki-1> (дата обращения: 18.04.2025).

Implementation of constitutional and legal policy at the regional level Isakov B. T. RANEPA

The article is devoted to a comprehensive analysis of the mechanisms for implementing constitutional and legal policy at the regional level in the Russian Federation. The relevance is determined by the need to correlate uniform constitutional standards with territorial specifics and to assess the extent to which regions are moving from declarative norms to practice-oriented instruments. The novelty lies in the comprehensive comparison of the socio-cultural, economic and ethnopolitical blocks of legal policy through the prism of law enforcement, monitoring and judicial control. The work describes the channels for transmitting federal principles (lawmaking, control of the Constitutional Court, contractual models of federalism), and studies 10 modern doctrinal and empirical sources covering the social, cultural, economic and national planes. Particular attention is paid to the influence of the legal positions of the Constitutional Court on the adjustment of regional acts and the confirmed reduction of administrative barriers in

practice. The goal is to identify patterns and obstacles in the implementation of constitutional obligations by the subjects of the Federation. The methods of comparative legal analysis, normative monitoring, content analysis and generalization of judicial practice are used. The conclusion formulates proposals for the standardization of post-normative assessment and digital support of regional programs. The article will be useful for legislators, regional administrations, researchers of constitutional law and public policy.

Keywords: constitutional policy, regions, lawmaking, Constitutional Court, federalism, social guarantees, ethnopolicy, digital governance, regulatory guillotine, post-normative analysis.

References

1. Baimatov, P. N. Federal and regional aspects of legal policy in the implementation of the constitutional right of citizens to social security in the Russian Federation // *Federalism*. - 2014. - No. 4. - P. 137-145. - DOI 10.21686/2073-1051-2014-4-137-145.
2. Kitaev, V. E. Constitutional and legal foundations of regional policy in the Russian Federation // *State and society in modern politics: collection of scientific articles of the 10th International scientific and practical conference*, Voronezh, December 02, 2022. - Voronezh: Publishing and printing center "Scientific book", 2023. - P. 115-119. - EDN LEBKEF.
3. Lipchanskaya, M. A., Rubanova, M. E. Constitutional and legal foundations of regional policy in the sphere of culture of the Russian Federation // *Bulletin of SSLA*. - 2016. - No. 3 (110). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovye-osnovy-regionalnoy-politiki-v-sfere-kultury-rossiyskoy-federatsii> (date of access: 18.04.2025).
4. Magomedova, E. A., Logvinenko, D. V. Priorities of legal policy in modern Russia // *Bulletin of Kaluga University*. - 2021. - No. 1 (50). - P. 20-23. - EDN DWIRKS.
5. Minakova, I. G. Constitutional and legal foundations for regulating national policy in the Russian Federation // *Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management*. - 2019. - No. 12 (115). - P. 63-65. - EDN CVSFOK.
6. Mineev, E. M. Legal implementation of the constitutional provision on the social state at the regional level in the Russian Federation // *Constitution 2020: evolution of public authority: materials of the V All-Russian Legal Forum*, Ufa, December 04, 2020. - Ufa: State Unitary Enterprise of the Republic of Bashkortostan Publishing House "Republic of Bashkortostan", 2021. - P. 78-86. - EDN SZUGRT.
7. Napalkova, I. G. Constitutional and legal model of the legal policy of the Russian state in the economic sphere // *Russian law at the present stage: collection of scientific papers of the XIV International scientific and practical conference*, Rostov-on-Don, April 21, 2020. - Moscow : Znanie-M, 2020. - P. 57-61. - EDN OAWZAJ.
8. Plotnikova, I. N. Constitutional and legal policy in the sphere of realization of the right to entrepreneurial activity in Russia // *Russian Law Journal*. - 2020. - No. 2(131). - P. 103-117. - EDN SGLDQM.
9. Sergeev, D. I. The problem of realization of constitutional norms on the relationship between the state and the individual // *Actual problems of lawmaking and law enforcement: a collection of scientific articles based on the results of a research seminar*, Izhevsk, May 17-18, 2022. - Izhevsk : Izhevsk Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)", 2022. - P. 291-296. - EDN QLAJNK.
10. Fetisov, S. A. Forms of implementation of legal policy // *Education and Law*. - 2020. - No. 1. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-realizatsii-pravovoy-politiki-1> (date of access: 18.04.2025).

Некоторые аспекты правового статуса политических партий в избирательном процессе

Козлов Сергей Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Мурманский арктический университет, pravnauka@mauniver.ru

Ласынов Радик Робертович

аспирант, Мурманский арктический университет, Marinebrigade@mail.ru

В статье раскрывается понятие правового статуса политических партий, проводится краткий анализ развития правовых основ, касающихся механизма участия политических партий в избирательном процессе, рассматривается система гарантий, предоставляемых политическим партиям по результатам их участия в прошедших выборах главы государства, депутатов Государственной Думы Российской Федерации. Обосновывается миссия политических партий путем раскрытия некоторых вопросов, связанных с представлением интересов граждан перед общественностью и органами власти разных уровней. Рассматриваются возможности партий в зависимости от количественного состава по сбору, анализу и доведению общественного мнения до граждан и органов власти соответствующего уровня.

Анализируется один из ключевых факторов, касающихся отмены сбора подписей для кандидатов, прошедших семипроцентный барьер при проведении очередных выборов депутатов нижней палаты.

Авторами представляется вывод по исполнению действующих, о возможных перспективах при создании новых правовых положений в свете развития взглядов на избирательный процесс новой формации.

Ключевые слова: правовой, политическая партия, демократия, статус, общественное объединение, избирательный процесс, власть, народ.

Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 году, стало основой для признания принципов политического и идеологического многообразия, многопартийности [7, ст. 13], которая в свою очередь признала политические партии важнейшим общественным объединением в партийно-политической системе России.

Развитие демократии, изменение социально-экономической обстановки, закрепление политических основ на законодательном уровне, определяющих роль партий в становлении и развитии политической системы государства новой формации, совершенствование положений и установок в осуществлении и реализации основ Конституции стали главной предпосылкой в укреплении политической основы Российского государства.

В целях проведения дальнейшего анализа вопросов правового статуса политических партий в избирательном процессе следует рассмотреть понятия «правовой», «статус» и «политические партии».

Из положений, приведенных в Толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова следует, что термин «правовой» – это основанное на праве, отражающее нормы права понятие [9, стб. 695]. Статус – это положение, существующее или существовавшее в какой-нибудь данный момент [10, стб. 495].

Принятый в 2001 году Федеральный закон, регламентирующий деятельность политических партий, стал следующим шагом, очередным мощным стимулом, определяющим основные условия и гарантии равенства, обеспечения соблюдения прав и законных интересов, места и роли политических партий как неотъемлемого компонента, выступающего проводником в контексте представления интересов граждан в государственных и муниципальных органах власти. Принятый закон установил необходимость регистрации партий, потребовал необходимость наличия количественного состава состоящих в партии представителей: на федеральном уровне - более 10 тысяч ее членов, в субъектах Федерации - не менее 100 партийных представителей.

В последующем, в 2012 году, внесенными изменениями в данный закон, для обеспечения вопросов по дальнейшему осуществлению деятельности политических партий была установлена необходимость формирования региональных представительств партий в более чем в половине субъектов Федерации, с количеством их членов не менее 500 представителей. Местные представительства политических партий могли создаваться при условиях, если они были предусмотрены уставом партии [11, ст. 2950].

Следует отметить, что кроме представления интересов граждан на различных уровнях власти принятия участия в выборах и референдумах стало основной идеей создания политических партий [6, с. 190]. А основной целью создания политических партий являлось рассмотрение и выработка выдвинутых взглядов, идей, предложений и воли граждан для дальнейшего их представления в органах власти всех уровней [1, с. 15].

Следует согласиться с мнением Н.В. Зиминной, которая совершенно справедливо указывает, что основной целью в осуществлении деятельности политических партий является их совместное с гражданами участие в политической жизни государства [5, с. 22], которое представляется

возможным лишь при наличии эмпирической власти партии и компетентности партийных органов в вопросах разрешения интересов различных слоев населения.

По мнению Е.П. Дубровиной, сами политические партии как многогранный институт государства, являющиеся соединяющим звеном между государством и гражданами, представляющими многообразие интересов различных слоев населения, в своей деятельности выполняют легитимирующие функции, направленные на поиск компромисса между различными слоями граждан и государством, внедрение социальных процессов, необходимых для устойчивого развития общества и государства [3, с. 3].

На наш взгляд автор, выражая свое мнение сталкивается с определенной степенью нормативного обобщения, что, впрочем, не теряет основной идеи замысла раскрытия понятия «политические партии».

Императивное положение статьи 3 закона «О политических партиях» в смысле изложения понятия также регламентирует правовое понимание «политической партии» как созданное для участия общества путем формирования политической воли, представления интересов в органах государственной и муниципальной власти [11, ст. 2950].

Таким образом, правовой статус политических партий – это основанное на праве положение общественного объединения, выполняющего легитимные политические функции по поиску единства взглядов между различными слоями общества и государством, направленных для устойчивого их развития.

Однако в сложившейся ситуации возникает сфера конкурирующей компетенции, выраженная обусловленностью закономерности вопроса о возможностях и способностях политических партий с указанным количеством представителей, несмотря на указанное «не менее 500 представителей», выполнять цели и задачи по формированию, выражению и доведению общественного мнения до широкого круга населения и органов государственной власти, органов местного самоуправления. На наш взгляд, в данном контексте, существует тенденция преувеличения возможностей политических партий, при условии малого количества их членов. Признавая важность создания и осуществления деятельности политическими партиями отметим, что в Российской Федерации осуществляют свою деятельность 27 зарегистрированных политических партий, 13 политических партий могут участвовать в выборах в Государственную Думу Российской Федерации [8, с. 2], при этом общая численность политических партий составляет немногим более 3,3 миллионов членов на более чем 146 миллионов жителей России.

Таким образом, кажущееся относительно небольшое соотношение количества представителей всех осуществляющих свои полномочия Российских политических партий, к количеству жителей, проживающих в Российской Федерации и с трудом обеспечивающих реализацию своих полномочий политическими партиями в полном объеме, при этом, если учитывать, что кроме представления интересов граждан, каждая партия в отдельности будет отстаивать свои партийные интересы, в рамках Российского законодательства, то величина соотношения будет резко отличаться в пользу жителей России. Однако проведенный краткий анализ, несмотря на всю сложность и дискуссионность вопроса, эмпирические факты по реализации полномочий политическими партиями вполне позволяют сделать вывод о том, что политические партии реализуют свои полномочия на весьма высоком уровне.

В современных условиях важнейшим аспектом в развитии избирательной системы стало введение участия различных политических партий в процедуру избиратель-

ного процесса, как общественных объединений, деятельность которых должна быть направлена на применение выбора коллективного органа, позволяющего наиболее полно освещать ценностные ориентации и приоритеты, как определенных социальных слоев, так и всех граждан страны.

Отсюда возникают веские основания полагать, что возникновение многообразия политических партий в Российской Федерации стало объективной действительностью, складывающейся политической системы России, деятельность которых осуществляется на основе тесного взаимодействия избирателей с органами государственной и муниципальной власти, направленных на выражение интересов различных слоев населения.

В начале 2000-х годов отмечалась нацеленность к проведению выборов депутатов по пропорциональной системе, что в свою очередь стало фактором, направленным на переориентацию от персонального представительства избирателей в обособленно-замкнутую структуру представительства политических партий [6, с. 191]. С принятием в 2014 году Федерального закона, регламентирующего выборы депутатов в нижнюю палату Федерального Собрания, выборы стали проводиться по смешанной системе, в соответствии с которой из общего количества в 450 депутатов нижней палаты половина депутатов избираются по одномандатным избирательным округам, вторая половина - по федеральному избирательному округу пропорционально числу голосов избирателей, поданных за списки кандидатов в депутаты [15, ст. 740]. Другими словами, принятие в 2014 году исследуемого федерального закона позволило снять определенные ограничения о необходимости голосования избирателей за определенную политическую партию.

Безусловно, одним из важнейших критериев избирательного процесса является их легитимность, поскольку именно легитимные основания, т.е. комплементарность агитационного, выборного и поствыборного процесса нормативным правовым актам о выборах являются ключевым фактором демократических начал и способствует достижению общегосударственной справедливости.

Следует согласиться с мнением Р.А. Загидуллина, который рассматривает легитимность выборов как имеющую политико-этический характер сложной гражданско-правовой конструкции, отражающий правдивость, необходимость и достаточность соответствия императивного образа избирательного процесса личностным установкам и надеждам избирателей на персональном и коллегиальном уровне [4, с. 97].

По мере совершенствования законодательства о выборах, о политических партиях трансформировалась и структура государственных гарантий для политических партий. Так, с 2007 года, по результатам проведения выборов депутатов в нижнюю палату Федерального Собрания был отменен сбор подписей как изжившая себя архаичная система. Вслед за отменой сбора подписей с партий, преодолевших барьер, установленный на уровне семи процентов, при проведении последующих выборов депутатов Государственной Думы, были сняты обязательства по сбору подписей в пользу выдвинутых списков кандидатов. В 2014 году, с внесением изменений в Федеральный закон от 12 июня 2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», политические партии, в поддержку которых отдали свои голоса более 3% избирателей, были освобождены от сбора подписей при голосовании за списки кандидатов на прошедших выборах в нижнюю палату [14, ст. 2275]. Статья 34 Федерального закона, регламентирующая один из элементов выборов главы государства, обязывает политическую партию

осуществить сбор не менее 100 тысяч подписей за кандидата, выдвинутого политической партией, за исключением, в случае принятия партией решения о выдвижении кандидата на том условии, что федеральный список результатов прошедших выборов депутатов в нижнюю палату допущенный к распределению мандатов официально опубликован до представления документов кандидата в Центральную избирательную комиссию РФ, или действующих на день публикации решения о назначении проведения выборов главы государства в законодательных органах одной трети субъектов Федерации [13, ст. 171].

Кроме этого, действующие нормативные правовые акты в области избирательного права весьма прямо регламентируют правовые отношения, находящиеся в неразрывной связи с созданием, расходованием и порядком отчетности финансовых средств, поступающих в избирательные фонды политических партий [2, с. 3].

Заслуживают внимания, как источник финансирования, собственные финансовые средства избирательных объединений, поскольку их собственные средства, как правило, являются основной формой финансирования избирательных кампаний.

Так, пункт 5 статьи 58 Федерального закона от 12 июня 2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» регламентирует положения об избирательных фондах кандидатов, избирательных объединений, которые могут формироваться из собственных средств, средств избирательного объединения выделенных кандидату, за счет добровольных взносов граждан и юридических лиц [12, ст. 2253].

Одним из важнейших факторов государственной поддержки политических партий, связанных с компенсацией их финансовых затрат, понесенных в ходе проведения выборов, выступают финансовые гарантии, осуществляемые по результатам участия политических партий в выборах. Статья 33 закона «О политических партиях» регламентирует общий объем финансовых средств, выделяемых из федерального бюджета, которая устанавливает сумму в размере двадцати рублей, произведенных к числу включенных в список избирателей прошедших выборов в нижнюю палату или выборов главы государства.

Политические партии наделяются правом получения финансовых средств ежегодно равной сумме ста пятидесяти двух рублей произведенных к числу избирателей при условии получения трех и более процентов голосов избирателей по итогам выборов в нижнюю палату по общефедеральному избирательному округу, либо одновременно, при участии в голосовании в выборах на должность главы государства [11, ст. 2950].

Однако объективная действительность при применении положений Федерального закона, регламентирующего основные гарантии избирательных прав и права на участие граждан в референдуме, законодательства субъектов о выборах, касающихся собственных финансовых средств политических партий экспонирует определенную размытость в исполнении положений закона. Пункт 25 статьи 2 указанного закона декларирует избирательное объединение как политическую партию, с ее отделениями в субъектах, структурными подразделениями с правом их участия в выборах соответствующего уровня, которое, следовательно, формируя избирательный фонд, может перечислить путем перевода средств на специальный избирательный счет, за счет собственных средств. Сложность заключается в наличии права собственности в отношении денежных средств у регионального отделения партии, как собственным средствам избирательного объединения.

Проанализировав статью 3 Федерального закона «О политических партиях» следует прийти к выводу, что политическая партия – это целостная общественная система с составными элементами, объединяющая граждан для их участия в политической жизни и представления их интересов. Статья 28 исследуемого закона регламентирует право собственности на имущество политической партии в целом, включая имущество ее структурных элементов, в силу которого политические партии вправе управлять имуществом.

Таким образом, на основе проведенного краткого анализа представляется возможным сформулировать вывод о том, что политическая партия в ее целостном осмыслении является собственником всего закрепленного за ней имущества, в том числе и денежных средств, и, следовательно, наделена правами оперативного управления всем закрепленным за политической партией имуществом.

Признавая важность и необходимость проведения предвыборной агитации следует отметить, что кандидат, выдвинутый политической партией, в соответствии со статьей 64 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» наделяется правами по использованию эфирного времени в организациях радио и телевидения, печатным пространством в периодической печати. Вместе с тем, организациям радио и телевидения, печатных изданий возложены обязанности по предоставлению кандидатам в депутаты эфирного времени, печатной площади при обязательном соблюдении равных условий для всех кандидатов [15, ст. 740]. В настоящее время, в ходе проведения предвыборных агитационных мероприятий, представленными на государственном уровне правами по использованию эфирного времени, печатной площади в периодической печати, выдвинутыми кандидатами от политических партий, в рамках установленных норм законодательства данные права применяются как один из основных способов агитации, представления предвыборной программы, проведения дебатов с другими кандидатами.

Таким образом, стабильность правового регулирования, являющегося основой участия политических партий в избирательном процессе, как основного института, раскрывает новые возможности в векторе развития избирательной системы России.

Исполнение действующих, разработка и внедрение новых нормативных положений, касающихся правового статуса политических партий в сфере избирательного права станут той правовой основой, создающей благоприятные условия, ключевым фактором в развитии демократических основ и способствовать прогрессу общегражданской ответственности и справедливости, будут обуславливать дальнейшее совершенствование государственно-политической системы Российской Федерации, необходимое для укрепления общественных отношений, выражения воли и защиты интересов как различных слоев общества, так и государства в целом, с перспективой формирования и развития возможных новых форм избирательной системы с традиционным участием политических партий.

Литература

1. Битиева, З.Р. Дзюбан, В.В., Ярошенко, А.С. Правовой статус политических партий в современной России / Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – Том 12. – № 4. – Москва : – 2022. – 132 с.
2. Гушина, Е.В. Политическая партия как субъект финансирования избирательных кампаний: некоторые аспекты законодательства и проблемы правоприменения / Право и политические партии. № 3 (11). – Иркутск : – 2008. – 61 с.

3. Дубровина, Е.П. Политические партии как субъекты избирательного процесса в Российской Федерации : автореф. дисс...канд. юрид. наук : 12.00.02 / Дубровина Елена Павловна. – Москва, – 2004. – 32 с.

4. Загидуллин, Р.А. Некоторые проблемы правового регулирования участия политических партий в избирательном процессе/ PolitBook. № 2. – Чебоксары : – 2017. – 200 с.

5. Зимина, Н.В. Деятельность политических партий России и муниципальная реформа / Вестник Забайкальского государственного университета. № 5 (26). – Чита : – 2020. – 134 с.

6. Коваль, С.П. Цветков, М.Ю. Тенденции развития законодательства РФ, регулирующего механизм участия политических партий в выборах / Вестник Костромского государственного университета. № 4. – Кострома : – 2019. – 227 с.

7. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. – Москва : – 2020. – 76 с.

8. Постановление Центральной Избирательной комиссии Российской Федерации от 19 июня 2024 г. № 173/1363-8 «О списке политических партий, на которые распространяется действие части 2 статьи 44 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». – Москва : – 2024. – 2 с.

9. Толковый словарь русского языка: в 4 томах / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940. Т. 3: П-Ряшка. / Гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков; Сост. В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов. – Москва : – 1939. – 1424 стб.

10. Толковый словарь русского языка: в 4 томах / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940. Т. 4: С-Ящурный. / Гл. ред. Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков; Сост. В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, Д.Н. Ушаков; Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов. – Москва : – 1940. – 1502 стб.

11. Федеральный закон от 11 июля 2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» / Собрание законодательства Российской Федерации от 16 июля 2001 г. № 29. – Москва : – 2001. – Статья 2950.

12. Федеральный закон от 12 июня 2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» / Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 2002 г. № 24. – Москва : – 2002. – Статья 2253.

13. Федеральный закон от 10 января 2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» / Собрание законодательства Российской Федерации от 13 января 2003 г. № 19. – Москва : – 2003. – Статья 171.

14. Федеральный закон от 2 мая 2012 № 41-ФЗ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с освобождением политических партий от сбора подписей избирателей на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления / Собрание законодательства Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 19. – Москва : – 2012. – Статья 2275.

15. Федеральный закон от 22 февраля 2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» / Собрание законодательства Российской Федерации от 24 февраля 2014 г. № 8. – Москва : – 2014. – Статья 740.

Some aspects of the legal status of political parties in the electoral process

Kozlov S.S.

Lasynov R.R.

Murmansk Arctic University

The article reveals the concept of the legal status of political parties, provides a brief analysis of the development of the legal framework regarding the mechanism of participation of political parties in the electoral process, and examines the system of guarantees provided to political parties based on the results of their participation in the last elections of the head of state and deputies of the State Duma of the Russian Federation. The mission of political parties is justified by disclosing some issues related to representing the interests of citizens before the public and authorities at different levels. The possibilities of parties, depending on their quantitative composition, to collect, analyze and communicate public opinion to citizens and authorities of the appropriate level are being considered.

One of the key factors concerning the cancellation of the collection of signatures for candidates who passed the seven percent barrier during the regular elections of deputies of the lower house is analyzed.

The authors present a conclusion on the implementation of the existing ones, on possible prospects for the creation of new legal provisions in the light of the development of views on the electoral process of the new formation.

Keywords: legal, political party, democracy, status, public association, electoral process, government, people.

References

1. Bitieva, Z.R. Dzyuban, V.V., Yaroshenko, A.S. The legal status of political parties in modern Russia / Humanities. Bulletin of the Financial University. – Volume 12. – No. 4. – Moscow : – 2022. – 132 p.
2. Gushchina, E.V. Political party as a subject of financing election campaigns: some aspects of legislation and problems of law enforcement / Law and political parties. – No. 3 (11). – Irkutsk : – 2008. – 61 p.
3. Dubrovina, E.P. Political parties as subjects of the electoral process in the Russian Federation : abstract. diss...kand. jurid. Sciences : 12.00.02 / Dubrovina Elena Pavlovna. – Moscow, – 2004. – 32 p.
4. Zagidullin, R.A. Some problems of legal regulation of the participation of political parties in the electoral process/ PolitBook. – No. 2. – Cheboksary : – 2017. – 200 p.
5. Koval, S.P. Tsvetkov, M.Y. Trends in the development of legislation of the Russian Federation regulating the mechanism of participation of political parties in elections / Bulletin of Kostroma State University, – No. 4. – Kostroma : – 2019. – 227 p.
6. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1. – 2020. – Moscow : – 2020. – 76 p.
7. Resolution of the Central Election Commission of the Russian Federation dated June 19, 2024 No. 173/1363-8 "On the List of Political Parties covered by Part 2 of Article 44 of the Federal Law "On Elections of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation". – Moscow : – 2024. – 2 p.
8. Explanatory Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / edited by D.N. Ushakov. Moscow: Soviet Encyclopedia: OGI, 1935-1940. Vol. 3: P-Ryashka. / Chief editors B.M. Volin, D.N. Ushakov; Comp. V.V. Vinogradov, G.O. Vinokur, B.A. Larin, S.I. Ozhegov, B.V. Tomashevsky, D.N. Ushakov; Edited by D.N. Ushakov. – M.: State Publishing House of Foreign Languages. and the national words. – Moscow : – 1939. – 1424 column.
9. Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes / edited by D.N. Ushakov. Moscow: Soviet Encyclopedia: OGI, 1935-1940. Vol. 4: From-Foot-and-mouth disease. / Chief editors B.M. Volin, D.N. Ushakov; Comp. V.V. Vinogradov, G.O. Vinokur, B.A. Larin, S.I. Ozhegov, B.V. Tomashevsky, D.N. Ushakov; Edited by D.N. Ushakov. – M.: State Publishing House of Foreign Languages. and the national words. – Moscow : – 1940. – 1502 column.
10. Federal Law No. 95-FZ of July 11, 2001 "On Political Parties" / Collection of Legislation of the Russian Federation No. 29 of July 16, 2001. – Moscow : – 2001. – Article 2950.
11. Federal Law No. 67-FZ of June 12, 2002 "On Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right of Citizens of the Russian Federation to Participate in a Referendum" / Collection of Legislation of the Russian Federation No. 24 of June 17, 2002. – Moscow : – 2002. – Article 2253.
12. Federal Law No. 19-FZ of January 10, 2003 "On the Election of the President of the Russian Federation" / Collection of Legislation of the Russian Federation No. 19 of January 13, 2003. – Moscow : – 2003. – Article 171.
13. Federal Law No. 41-FZ of May 2, 2012 On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Exemption of Political Parties from Collecting Signatures of Voters at the Elections of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, to State Authorities of Subjects of the Russian Federation and Local Governments / Collection of Legislation of the Russian Federation of May 7 2012. – No. 19. – Moscow : – 2012. – Article 2275.
14. Federal Law No. 20-FZ dated February 22, 2014 "On Elections of Deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" / Collection of Legislation of the Russian Federation dated February 24, 2014. – No. 8. – Moscow : – 2014. – Article 740.

Возможные перспективы развития механизма международно-правового признания государств

Пухаев Давид Эдуардович

аспирант, Дипломатическая академия МИД России

В данной статье исследуются отдельные аспекты признания государств с позиции международного права, а также акцентируется внимание на особенностях признания Россией различных республик, при этом, опираясь на акты признания, которые обусловлены необходимостью обеспечения безопасности самоопределившихся государств, исследуется практика принятия данных актов, которая может послужить основой дальнейшего развития, кодификации института признания государств в международном праве.

В рамках данного исследования также затрагиваются некоторые особенности признания государств, основываясь на взаимосвязи с международной правосубъектностью, при этом изучается опыт стран, а также раскрываются перспективы развития механизма международно-правового признания государств.

Ключевые слова: признание государств; международно-правовое признание; кодификация международного права; международная правосубъектность; внешнеполитическая деятельность России.

В международном праве исследуемый институт, а также его особенности и возможности развития представляются весьма дискуссионными, в том числе и в практической деятельности, при этом отношения между странами, которые формируются в пределах признания государств, не находятся в сфере общего правового регулирования, что формирует определенные проблемы, а также обуславливаются отсутствием в международном праве особых норм, которыми могли бы регулировать данные отношения.

Современный мир формирует определенные условия и требования, вследствие чего определяется неготовность участников международного нормотворчества к формированию общих критериев, механизмов и правовых аспектов признания государств, что основывается на несовпадении интересов современных стран.

Основываясь на приведенном выше, формирование универсального источника института признания государств в недалеком будущем представляется маловероятным с позиции множества ученых, однако совершенствование международного взаимодействия, развитие отдельных аспектов международной деятельности формируют фундамент, который способствует разработке практики совершения действий и реализации процессов, которая порождает образование правовых норм.

В рамках данного исследования была использована следующая методологическая основа: общенаучный метод системно-структурного анализа, обобщения научных материалов, формально-юридический метод, логический метод, аналитический и прочие методы.

Исследованию проблем, а также перспектив развития механизма международно-правового признания государства посвящается множество трудов ученых, среди которых возможно выделить Абашидзе А.Х., Бусыгину И.М., Гаглова Д.В., Табуева М.Ю., Фененко А.В., Гранта Т., Орлову Т.Е., Медникову А.А. и других ученых.

Степень научной разработанности исследуемой темы базируется на том, что аспекты развития механизма международно-правового признания государств затрагиваются в работах Орловой Т.Е. «Проблемы и перспективы международно-правового признания государств», в которой автором раскрываются возможности развития, а также современные проблемы института признания государств; Медниковой А.А. «Анализ проблематики института признания государств», в которой выявляются и исследуются современные проблемы развития института признания государств, которые служат основой для определения возможных перспектив развития данного института, а также формирования направлений решения проблем; многие теоретические аспекты исследования института признания государств, формирующие фундамент для выявления проблем и перспектив развития института раскрываются в трудах таких авторов, как Фельдман Д.И., Холина Е.А., Потапов А.И., Миходуй Е.С., Матвеева Т.Д., Рухтина В.С. и других.

В рамках определения перспектив развития механизмов международно-правового признания государств значимым представляется исследование опыта России, поскольку внешнеполитическая деятельность государства в области международно-правового признания выступает в качестве практического примера, посредством которого

возможно обогатить, упорядочить международно-правовой обычай в качестве основы международного права, источника института международно-правового признания государств.

В данном случае актуальным представляется изучение международно-правового признания Россией Республики Абхазия [1], Южной Осетии [1], ДНР [2], ЛНР [3], при этом последние две республики вошли в состав России, при этом причисление Крыма к составу России было сопряжено с предшествовавшим этому признанию Республики Крым в качестве независимого государства.

Этим обусловлено то, что без признания независимости государства (например, ДНР, Крыма) невозможно его вхождение в состав другого государства, поскольку это представляется нелегитимным, при этом признание оказывает воздействие на заключение между государствами международных соглашений о взаимном согласии на вступление в государство в качестве субъекта.

Таким образом, опираясь на положения федерального конституционного законодательства, принятие в состав России иностранных государств базируется на прохождении последними этапа заключения двустороннего международного соглашения, при этом, как отмечается авторами, не подразумевается наличие у Крыма или ЛНР международного признания, обладающего инструментальной спецификой, поскольку подобное представляется неверным толкованием, так как международное признание государств по своей правовой специфике не может сообщать адресатам признания качество субъекта международного права [4].

Таким образом, процессы формирования государства в различные периоды не являются единообразными, поскольку обладают отличиями, которые заключаются в существовании разных политико-правовых оснований, при этом данные процессы базируются на нацеленности народов на самоопределение в ходе референдумов, после чего волеизъявление закладывается в качестве фундамента в акты международно-правового признания государства [5].

Подобная практика отмечается в Российской Федерации, при этом наличие права на самоопределение в рамках существующего международного права выступает в качестве приоритетной, императивной нормы наравне с принципами международного права.

Основываясь на принципах международного права, которые затрагивают формирование дружеского взаимодействия государств согласно Уставу ООН, закреплено то, что данные принципы обладают такими особенностями, как взаимосвязь, а также их толкование и применение подразумевает учет иных принципов [7].

Изучение актов РФ, которые затрагивают международно-правовое признание государств, позволяет отметить, что данными актами подчеркивается факт формирования государств, а также вырабатываются направления, основывающиеся на волеизъявлении народа, которые нацелены на обеспечение безопасности населения государства, при этом в отношении специфики государственных актов, которые используются в рамках международных отношений, представляется, что нормы права не во всех случаях могут быть использованы вследствие их отсутствия [9].

Соответственно, существующая практика, связанная с регулированием аспектов межгосударственного взаимодействия в пределах принятия односторонних актов, может трансформироваться в международно-правовой обычай при наличии необходимой правомерности, единообразия и продолжительности [6].

Формирование и развитие правовых обычаев представляется направлением, которое нуждается в значительном времени, а также активном участии субъектов

международного взаимодействия в области признания практики, при этом в отношении непризнанного государства, самоопределение которого требовалось для обеспечения безопасности, отказ от признания приравнивается к отказу от целей, принципов, провозглашаемых Уставом ООН.

Вследствие отсутствия в правовых актах института международного признания государств происходит дестабилизация положения в мире, что также формирует барьеры для развития интеграционных процессов, при этом неустойчивость непризнанных или частично признанных государств взаимосвязана с замедленностью их экономического развития, а также операционных возможностей, низким правовым положением, вооруженными столкновениями, что формирует низкий уровень жизни граждан [8].

Данные проблемы нуждаются в решении, вследствие чего значимым представляется изучение перспектив развития механизма международно-правового признания государств в качестве возможных направлений решения существующих проблем.

Таким образом, значимой представляется реализация кодификации института признания государств, что формирует основу для обобщения международной практики, ликвидации существующих пробелов, формирования полного списка критериев, которые требуются для получения международной правосубъектности, а также немаловажным представляется улучшение взаимодействия государств в сфере построения мирных отношений, реализации внутригосударственной политики, связанной с использованием правовых норм института признания государств [4].

В качестве перспективы развития механизма международного признания государств возможно выделить повышение статуса актов признания со стороны государств до правоустанавливающего в международном сообществе

Значимую роль в формировании перспектив развития играет сокращение политической значимости международного признания.

Приведенные перспективы сопряжены с возможностью разрешения существующих проблем института признания государств, поскольку в настоящее время не имеется единых подходов к взаимодействию с непризнанными государствами, а также отсутствуют полные критерии их признания [10], что формирует значительное количество нерешенных проблем, которые оказывают негативное влияние на взаимодействие различных государств.

Необходимо подчеркнуть, что отсутствие нормативно-правовой основы формирования взаимодействия с непризнанными или частично признанными государствами провоцирует реализацию противоправных действий чиновников, примером чего служит Северная Осетия, которая выступила в качестве субъекта международного права в рамках переговоров с Грузией в отношении Южной Осетии, при этом Северная Осетия представлялась как в процессе переговоров, так и в миротворческих операциях, что вступило в противоречие с конституционными положениями Российской Федерации.

Вследствие этого формирование результативных правовых подходов в отношении взаимодействия с непризнанными или частично признанными государствами представляется весьма значимым на современном этапе, поскольку они предоставляют возможность избежать отрицательного воздействия на спорные территории других субъектов международного взаимодействия.

Можно сделать вывод, что на современном этапе непризнанные и частично признанные государства обладают значением для международного сообщества, а также существуют перспективы развития механизмов

признания государств, которые способны оказать благотворное воздействие на разращение существующих в данной сфере проблем.

С позиции Российской Федерации можно отметить, что она обладает индивидуальным подходом в отношении непризнанных территорий, вследствие чего обеспечивается полноценная реализация национальных интересов, а также применяются действенные стратегии разрешения конфликтов.

В рамках данного исследования были сделаны выводы о том, что в настоящее время существует необходимость кодификации института признания государств, что позволит обобщить международную практику, развить механизмы международно-правового регулирования признания государств, а также ликвидировать существующие пробелы.

В качестве перспективы развития исследуемого института было предложено формирование полного списка критериев, которые требуются для получения международной правосубъектности, что позволит взаимодействовать государствам в рамках формирования мирного взаимодействия.

В качестве перспективы развития механизма международного признания государств была определена необходимость повышения статуса актов признания со стороны государств до правоустанавливающего в международном сообществе

Литература

1. Указ Президента РФ от 26.08.2008 N 1260 "О признании Республики Абхазия"//Собрание законодательства РФ. №1260. 2008
2. Указ Президента РФ от 21.02.2022 N 71 "О признании Донецкой Народной Республики"//Собрание законодательства РФ. №71. 2022
3. Указ Президента РФ от 21.02.2022 N 72 "О признании Луганской Народной Республики"//Собрание законодательства РФ. №72. 2022
4. Орлова Т.Е. Проблемы и перспективы международно-правового признания государств// Вопросы российской юстиции. 2022. №22.
5. Медникова А. А. Анализ проблематики института признания государств // Теория и практика общественного развития. 2018. № 7 (125). С. 114-117.
6. Табуева М.Ю. Развитие института международно-правового признания государств // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 9А. С. 515-523
7. Лайтман В.И. Актуальные проблемы признания государств в международном публичном праве // Вопросы российского и международного права. 2023. Том 13. № 7А. С. 21-28
8. Шпак О.В. Актуальные вопросы признания самоопределившихся государств в юридической теории и практике // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 3А. С. 22-33
9. Лайтман В.И. Статус непризнанных государств в международном публичном праве // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и Право. 2022. № 7. С. 114-118
10. Караев Р.М. Институт признания государств в международном праве и самопровозглашенные территориальные образования // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 129-138.

Possible prospects for the development of the mechanism of international legal recognition of States

Pukhaev D.E.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

This article examines certain aspects of state recognition from the perspective of international law, as well as focuses on the specifics of Russia's recognition of various republics, while relying on recognition acts that are conditioned by the need to ensure the security of self-determined states, examines the practice of adopting these acts, which can serve as the basis for further development, codification of the institution of recognition of states in international law.

Within the framework of this study, some features of the recognition of States are also touched upon, based on the relationship with international legal personality, while studying the experience of countries, as well as revealing the prospects for the development of the mechanism of international legal recognition of states.

Keywords: recognition of states; international legal recognition; codification of international law; international legal personality; foreign policy activities of Russia.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 08.26.2008 N 1260 "On the recognition of the Republic of Abkhazia"//Collection of legislation of the Russian Federation. No. 1260. 2008
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 02/21/2022 N 71 "On the recognition of the Donetsk People's Republic"//Collection of legislation of the Russian Federation. №71. 2022
3. Decree of the President of the Russian Federation dated 02/21/2022 N 72 "On the recognition of the Lugansk People's Republic"//Collection of legislation of the Russian Federation. №72. 2022
4. Orlova T.E. Problems and prospects of international legal recognition of States// Issues of Russian justice. 2022. №22.
5. Mednikova A. A. Analysis of the problems of the Institute of state recognition // Theory and practice of social development. 2018. No. 7 (125). pp. 114-117.
6. Tabueva M.Y. Development of the Institute of International Legal Recognition of States // Issues of Russian and International Law. 2023. Volume 13. No. 9A. pp. 515-523
7. Laitman V.I. Actual problems of state recognition in international public law // Issues of Russian and international law. 2023. Volume 13. No. 7A. pp. 21-28
8. Shpak O.V. Actual issues of recognition of self-determined states in legal theory and practice // Issues of Russian and international law. 2018. Volume 8. No. 3A. pp. 22-33
9. Laitman V.I. The status of unrecognized states in international public law // Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2022. No. 7. pp. 114-118
10. Karaev R.M. Institute of State Recognition in International Law and self-proclaimed territorial entities // Journal of Russian Law. 2016. No. 9. pp. 129-138.

Цифровые валюты в РФ: судебная практика 2021-2024 годов

Усольцев Александр Евгеньевич

магистрант, Международный юридический университет,
www.srgu@yandex.ru

Шестеряков Игорь Александрович

к.ю.н., доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Международного юридического института

Судебная практика по вопросам цифровых прав вообще и цифровых валют (далее-криптовалюта) в частности начала формироваться еще до появления Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31 июля 2020 года (далее – Закон № 259-ФЗ), который вступил в силу с 01 января 2021 года. Хотя с момента появления первых судебных актов по спорам о криптовалютах прошло более 5 лет, картину судебной практики нельзя назвать единой и в плане общеправовых подходов, и в плане применения норм Закона 259-ФЗ.

Судебные решения в статье разделены на пять видов, и наибольшее количество судебных решений относится к разрешению споров о купле-продаже криптовалюты.

Ключевые слова: судебная практика, цифровые права, цифровая валюта, криптовалюта

Споры, связанные с использованием криптовалют и в связи с совершением сделок займов в криптовалюте

6 КСОЮ своим определением от 16 ноября 2024 г. N 88-27026/2024 оставил в силе решения нижестоящих судов, удовлетворивших иск о возврате займа, выданного криптовалютой, сославшись на доказанность факта перечисления криптовалюты ответчику по расписке и недоказанность ее возврата истцу. В данном случае определяющим для суда стало наличие расписки как свидетельства получения займа, при этом суды не приняли как допустимое доказательство возврата займа в криптовалюте переписки в мессенджере.

АС дальневосточного округа постановлением от 17 октября 2024 г. N Ф03-4600/2024 оставил в силе решения нижестоящих судов, отказавших включить в конкурсную массу по делу о банкротстве физлица займ в криптовалюте. В судебном решении говорится, что: «Действительно, в судебной практике встречаются случаи судебной защиты лиц, предоставивших на условиях займа другим лицам валютные средства, оборот которых урегулирован законодательством Российской Федерации, для приобретения криптовалюты (биткоина). Однако в рассматриваемом случае требования кредитора основаны на передаче должнику именно криптовалюты, источник и момент приобретения которой в собственность кредитора не подтвержден, а получатель криптовалюты - должник не идентифицирован достоверными относимыми и допустимыми доказательствами (пункт 1 статьи 7.1 Закона N 115-ФЗ). Иной подход фактически допускал бы легализацию сомнительных операций с таким видом цифровой валюты, с последующим получением денежных средств в рублевом эквиваленте за счет иного имущества должника, тем самым уменьшая объем сформированной конкурсной массы и процент удовлетворения требований других кредиторов, требования которых основаны на обязательственных правоотношениях, урегулированных законодательством Российской Федерации». На данном примере видно отсутствие единого подхода в вопросе о займах в криптовалюте – арбитражные суды могут вольно интерпретировать доказательства, исследуя не столько факт сделки, сколько ее правовые последствия, и этим обосновывая ее незаконность.

Споры в связи с совершением сделок по купле-продаже криптовалюты

Основной проблемой в судах при разрешении споров, связанных с куплей-продажей криптовалют, является установление единого подхода к критериям установления факта совершения сделки купли-продажи криптовалюты. Для каких-то судов для этого достаточно представленной в суде переписки мессенджера и устных показаний, а для других недостаточно даже распечаток произведённых транзакций с криптовалютой. При этом особым подходом к этому вопросу отличаются арбитражные суды, ведущие дела о банкротстве – в них доказательствами сделки зачастую не являются даже расписки. В сделках с криптовалютой оплата производится в основном между именными активами (с рублёвого счета физлица на рублевый же счет другого физлица, оба подлежащие идентификации), а встречная поставка актива (криптовалюты) осуществляется с анонимного счета на анонимный счет. Суды стараются игнорировать подробности транзакционных записей

о переводах криптовалют, ссылаясь на их анонимность. Кроме того, суды, пусть и не часто, но регулярно, отказывают в судебной защите тех сделок с криптовалютой, которые не были задекларированы согласно нормам Закона 259-ФЗ. Но главной проблемой судебной практики здесь является отсутствие единого подхода к оценке судами подтверждений факта подобных сделок.

Так в апелляционном определении Московского городского суда от 20 марта 2024 года по делу № 2-3644/2023 суд указывает: «Необходимо отметить, что до настоящего времени в Российской Федерации являются не урегулированными отношения по поводу так называемых криптовалют, то есть виртуальных электронных денег, создание и дальнейший оборот которых происходят при помощи компьютерной сети. Эмиссия криптовалют происходит децентрализованно. Государственный контроль за такой валютой в настоящее время не предусмотрен. Криптовалюта не предусмотрена ст. 128 ГК РФ в качестве объекта гражданских прав, в том числе не отнесена к безналичным деньгам (ст. 140 ГК), так как не определена законодательством в качестве средства платежа».

6 Кассационный суд общей юрисдикции (далее – КСОЮ) своим определением от 19 апреля 2022 г. по делу N 88-8224/2022 отменил решения нижестоящих судов, направил дело на новое рассмотрение судом первой инстанции по причине того, что нижестоящие суды, удовлетворив иск о необоснованном обогащении при сделке купли-продажи криптовалюты за рубли не учел обстоятельства сделки, при которых истец была в курсе сути сделки и имела сведения о дальнейшей судьбе денежных средств.

В решении 2023 года по иску физлица, перечислившего деньги на покупку криптовалюты на счет другого физлица-посредника по договору инвестирования с швейцарской фирмой, первые три инстанции в иске отказали, указав что «разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции, руководствуясь статьями 1102, 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации, ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", исходил из того, что перечисленные истцом на карту ответчика денежные средства в размере 1 990 000 рублей не являются неосновательным обогащением, поскольку были перечислены добровольно и осознанно в рамках существовавших между сторонами правоотношений по договору купли-продажи цифровой валюты, соответственно, они возврату ФИО1 не подлежат. Суды обосновали решение тем, что «осуществляя перевод спорных сумм с целью получения крупной прибыли, истец действовал добровольно и осознанно на свой страх и риск, при этом доказательств наличия между сторонами договоренности о возврате ответчиком внесенных сумм в случае наступления неблагоприятных последствий по указанному договору истцом суду не представлено». Определение 3 Кассационного арбитражного суда (далее – КАС) от 7 августа 2024 г. N 88-16990.

Многочисленны иски о незаконном обогащении, когда физлицо перечисляет денежные средства на покупку криптовалюты, а потом не может ей воспользоваться по техническим причинам. Суды такие иски как правило не удовлетворяют. Так в определении 3 КСОЮ по иску о незаконном обогащении (первая инстанция иск удовлетворила, апелляция – отменила решения. Вынесла новое – в отказе иска, и кассационная инстанция подтвердила решение апелляции) указано: «Основываясь на установленных по делу данных суд апелляционной инстанции указал, что, передав имущество (криптовалюту) взамен полученных денежных средств, Р. преследовал определенную

экономическую цель, заключение сделки по продаже криптовалюты. Исходя из представленной в материалы дела переписки сторон, истории ордеров, сведений об их исполнении, судом апелляционной инстанции зафиксирован факт совершения платежей по сделке купли-продажи цифровой валюты. Таким образом, правовые основания для получения денежных средств у Р., пользующегося счетом ответчика Р., имелись, в рассматриваемом случае перевод денежных средств на счет ответчика по действительной сделке в качестве платы за приобретенную у Р. криптовалюту не является приобретением имущества без установленных сделкой оснований». Определение 3 КСОЮ от 8 июля 2024 г. N 88-14050/2024.

Аналогично в определении 4 КСОЮ от 1 марта 2023 г. N 88-9876/2023 указано, что: «Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции, с позицией которого согласился суд апелляционной инстанции, руководствуясь положениями статей 8, 1102 Гражданского кодекса Российской Федерации, статей 1, 14, 27 Федерального закона от 31 июля 2020 года N 259-ФЗ "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", установив факт того, что спорные денежные средства получены ответчиком по сделке купли-продажи цифровой валюты "биткоин", пришел к выводу о недоказанности факта обогащения ответчика за счет средств истца. Отказывая в удовлетворении исковых требований, суды правильно распределили между сторонами бремя доказывания, исходили из установленных обстоятельств, что спорные платежи получены ответчиком по сделке купли-продажи цифровой валюты "биткоин". При таких обстоятельствах суды пришли к обоснованному выводу о том, что на стороне К. не возникло обязательство по возврату полученных денежных средств, так как полученные им денежные средства не являлись займом и не предназначались ему лично. Сделки с криптовалютой, за исключением оплаты за товары, услуги, законодательством не запрещены, криптовалюту можно продать, обменять или дарить».

9 КСОЮ своим определением от 23 августа 2024 г. N 88-7780/2024 оставил в силе решения нижестоящих судов, отказавших в удовлетворении иска о необоснованном обогащении на основании того, что анализ собранных по делу доказательств позволил суду сделать вывод о том, что истец перечислял ответчикам денежные средства не без оснований, а в связи с приобретением криптовалюты. Суд указал, что доказательств ошибочного перевода денежных средств истцом на счет ответчиков не представлено.

Решением Никулинского районного суда г. Москвы от 24 мая 2024 года был удовлетворен иск о необоснованном обогащении, возникшем при перечислении истцом рублей на покупку криптовалюты. В решении суд указал, что «Вместе с тем, учитывая установленные по делу обстоятельства, в рассматриваемом случае истец осуществила перечисление ответчику денежных средств недобровольно и ненамеренно в счет исполнения обязательств третьего лица (покупателя криптовалюты) перед ответчиком (кредитором), ответчик получил денежные средства истца, при этом не доказал, что истец внес денежные средства на счет ответчика в качестве оплаты за криптовалюту или по иному основанию, предусмотренному законом или договором, в связи с чем, суд взыскивает с ответчика неосновательное обогащение в пользу истца в размере 312 090 руб.». То есть суд счел отсутствие договорных отношений при покупке криптовалюты основанием для непризнания факта этой сделки.

Решением Тушинского районного суда г. Москвы от 06 февраля 2024 года по делу № 2-735/2024 суд отказал в

иске по необоснованному обогащению при покупке криптовалюты физлицом у другого физлица. В обосновании решения указано, что: «Значительный размер переведенной суммы, а также длительный период, в течение которого истец не обращался за защитой своих, якобы нарушенных ответчиком прав, также свидетельствуют о том, что указанный платеж был произведен в счет совершенной сделки. На основании вышеизложенного суд приходит к выводу, что, передав денежные средства взамен биткоинов, истец преследовал определенную экономическую цель, заключив фактически сделку по покупке криптовалюты. Таким образом, правовые основания для получения денежных средств у ответчика имелись».

В апелляционном определении Московского городского суда от 6 июня 2024 года по делу N 33-19434, оставившем в силе решение первой инстанции, в которой было отказано в удовлетворении иска о возврате переданной истцом ответчику цифровой валюты, в обосновании решения говорится, что: «Доводы жалобы о том, что ответчик не оспаривал факт нахождения в его владении криптовалюты, судебная коллегия во внимание не принимает, поскольку требования лиц, связанные с обладанием цифровой валютой, подлежат судебной защите только при условии информирования ими о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций с цифровой валютой в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах (ч.6 ст.14 ФЗ от 31.07.2020 N 259-ФЗ), в свою очередь, Тимченко Д.И. не информировал в установленном порядке о фактах обладания цифровой валютой и совершения с ней гражданско-правовых сделок, что влечет отказ в судебной защите. Доводы жалобы о том, что цифровая валюта является имуществом, следовательно, споры по данному имуществу подлежат судебной защите, несостоятельны, поскольку правовое регулирование в рассматриваемом случае осуществляется в соответствии с гражданским законодательством, но с учетом специального правового регулирования, в том числе, положений ФЗ от 31.07.2020 N 259-ФЗ». То есть суд фактически отказал в судебной защите по изложенным основаниям.

Прямо противоположное решение было принято тем же Московским городским судом, апелляционным определением которого от 06 сентября 2023 года по делу № 33-36612/2023 суд отменил решение районного суда, отказавшего по иску о возврате криптовалюты, и постановил новое решение по делу, в котором иск удовлетворил. В определении суда в том числе говорится, что: «...судебная коллегия приходит к выводу, что не информирование истцом и третьим лицом налоговые органы о фактах обладания цифровой валютой не может само по себе являться основанием для отказа в иске». Примечательно, что суд рассматривал иск юридического лица, передавшего криптовалюту физлицу в доверительное управление.

Имеются также решения, в которых суды удовлетворяют иски о незаконном обогащении при сделках купли-продажи криптовалюты, в том числе ссылаясь на неурегулированность оборота криптовалюты. Так в определении 4 КСОЮ от 21 ноября 2024 года по иску о необоснованном обогащении суд отказывает в удовлетворении жалобы ответчика, которому были перечислены денежные средства на покупку криптовалюты, в том числе ссылаясь на то, что «В настоящее время отношения по поводу оборота криптовалюты, создание и дальнейший оборот которых происходят при помощи компьютерной сети, являются не урегулированными. Эмиссия криптовалюты происходит децентрализованно. Государственный контроль за такой валютой в настоящее время не предусмотрен. Криптова-

люта не предусмотрена статьей 128 Гражданского кодекса Российской Федерации в качестве объекта гражданских прав, в том числе не отнесена к безналичным деньгам (статья 140 Гражданского кодекса Российской Федерации), так как не определена законодательством в качестве средства платежа». Также суд указал, что ответчиком не были представлены допустимые, относимые доказательства, подтверждающие покупку криптовалюты через какую-либо платформу (биржу), и перевода ее на цифровой (электронный) кошелек истца, инвестиционный или какой-либо другой договор между истцом и ответчиком не был заключен, какие-либо условия письменно не согласованы.

В делах о банкротствах подход арбитражных судов к вопросу о доказанности факта совершения сделки купли-продажи криптовалюты носит характер тотального неприятия любых доводов. К примеру, постановлением 18 Арбитражного апелляционного суда (далее – ААС) от 19 мая 2023 г. N 18АП-2222/2023 суд оставил без изменения решения нижестоящих судов, признавших недействительной сделку банкрота-физлица по покупке криптовалюты. Суды обосновывали недействительность сделки отсутствием поставки встречного предоставления по сделке, поскольку ответчик не смог доказать принадлежность криптокошелька физлицу-банкроту, при том, что обе стороны утверждали о действительности данной сделки, приводя устные и письменные тому доказательства. Суд счел, что встречной поставки актива не произошло, и что: «Отсутствие встречного предоставления по сделке само по себе свидетельствует об осведомленности ответчика о цели причинения вреда оспариваемой сделкой, поскольку для добросовестного контрагента очевидно, что совершение в его пользу безвозмездного платежа в отсутствие встречного предоставления преследует цель причинения вреда». Этот случай является характерным для подхода Арбитражных судов РФ в делах о банкротстве – когда доказательства, достаточные в гражданских судах для установления факта совершения такой сделки, в делах о банкротстве таковыми не являются.

Споры, связанные с использованием криптовалют и в связи с совершением сделок купли-продажи движимого и недвижимого имущества

В разрешении судебного спора о необоснованном обогащении при сделке купли-продажи недвижимости с расчетами по ней в том числе цифровой валютой, 4 КСОЮ в своем определении от 9 марта 2023 г. по делу N 88-7685/2023 указал следующее: «Разрешая встречные иски требования ФИО3 о признании недействительной расписки от ДД.ММ.ГГГГ в части получения ФИО3 от ФИО2 денежных средств в сумме 5 180 000 рублей, исключении этой суммы из обозначенных в расписке 26 462 000 рублей и признании суммы в размере 21 282 000 рублей, как реально полученной ФИО3 от ФИО2 на момент написания расписки, суд первой инстанции признал достоверно установленным тот факт, что расписка была написана ФИО3 под влиянием заблуждения относительно существования электронной валюты и возможности ее обналить. При этом, суд признал обоснованными доводы истца по встречному иску о том, что он не получал от ФИО2 оплату за работу в сумме выраженной в цифровой валюте, поскольку ФИО2 не представлено доказательств перечисления какой-либо цифровой валюты в личный кабинет ФИО3, а также доказательств существования у ФИО3 личного кабинета, помимо этого ФИО2 не было представлено никаких доказательств, по какому курсу или по каким параметрам она рассчитывала рублевый эквивалент цифровой валюты и был ли согласен на такой рас-

чет ФИОЗ Суд также отметил, что действующим установлен запрет производить оплату товаров, работ и услуг цифровой валютой.

Таким образом, для правильного разрешения спора суды должны были исследовать порядок и особенности заключения сделок с криптовалютой, возможность идентификации лиц, которые являлись сторонами сделки, порядок зачисления криптовалюты на счет покупателя и получения возможности распоряжения криптовалютой и изложить свои выводы в судебных постановлениях. Данные обстоятельства являлись существенными для разрешения настоящего спора, однако судами не были приняты во внимание и оценки не получили, что повлияло на исход дела».

Кассационный суд вернул дело в первую инстанцию по указанным основаниям. То есть суд считает необходимым исследование судом в разбирательстве касательно криптовалют:

- порядок и особенности заключения сделок с криптовалютой,
- возможность идентификации лиц, которые являлись сторонами сделки,
- порядок зачисления криптовалюты на счет покупателя и получения возможности распоряжения криптовалютой

Споры, связанные изъятием рекламы предложений о приобретении криптовалюты

В 2021 году 9 КСОЮ своим определением от 20 января 2021 г. N 88а-824/2021 оставил в силе решения нижестоящих судов о запрете доступа к сайту в сети Интернет, где была представлена рекламная информация о возможности совершения сделок с криптовалютой. Доводы жалобы ответчика о том, что действующее в Российской Федерации законодательство не содержит запрета на распространение информации, содержащейся на сайте, в том числе, информации об электронной валюте Биткоин, суд отверг как неверные. С иском выступала местная Прокуратура. Стоит отметить, что таких исков довольно мало было и в 2021 году, а сегодня их почти нет.

В 2022 году 9 ААС постановлением от 14 июня 2022 г. N 09АП-27091/2022 оставил в силе решение первой инстанции по делу об ограничении доступа к сайту в сети Интернет. Суды ссылались на статью 10 Федерального закона "О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации", где установлено, что сделки, связанные с цифровыми финансовыми активами, включая обмен цифровых финансовых активов одного вида на цифровые финансовые активы другого вида осуществляются через оператора обмена цифровых финансовых активов. Также указывали, что оператором обмена цифровых финансовых активов могут быть кредитные организации, организаторы торговли, а также иные юридические лица, соответствующие требованиям настоящего Федерального закона и принимаемых в соответствии с ним нормативных актов Банка России, которые включены Банком России в реестр операторов обмена цифровых финансовых активов. При этом в судебном решении отмечено, что доказательств осуществления заявителем операций с цифровыми финансовыми активами с соблюдением требований вышеуказанного Закона в материалы дела не представлено.

Споры связанные с майнингом цифровых валют

Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 8 октября 2021 г. N Ф06-9272/2021 по иску майнинг-компании к местному предприятию снабжения электричеством, в котором истец просит возместить ущерб, вызванный поломкой майнинг-оборудования из-за сбоя в

электросети, суд оставил решения нижестоящих инстанций, отказавших в удовлетворении иска, в силе. В Постановлении указано, что: «Отказ суда в удовлетворении исковых требований мотивирован тем, что истец, осуществляя предпринимательскую деятельность по извлечению прибыли от добычи (майнинга) криптовалюты в отсутствие необходимого правового регулирования на территории Российской Федерации, принял на себя все риски от осуществления такой деятельности и не вправе рассчитывать на получение доходов, которые он мог получить бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Нахождение криптовалюты вне правового поля не предоставляет возможности реализации истцом правовых механизмов возложения на ответчика возмещения убытков в виде упущенной выгоды». То есть суд поставил деятельность по майнингу вне правового поля и на этом основании отказали ей в правовой защите. Суды в основном отказывают по таким искам, за очень редким исключением, но при этом всегда отказывают в удовлетворении части иска по упущенной выгоде.

Постановлением 1 ААС от 18 января 2023 г. по делу N А79-9002/2021 оставлено без изменения решение суда первой инстанции, удовлетворившей иск электробытовой компании к физлицу о взыскании задолженности по перерасчету по нерегулируемому тарифу за электроэнергию. Энергосбытовая компания после визуального осмотра участка потребителя пришла к выводу, что электричество используется им не для личных нужд, а для производственных целей, в связи с чем потребитель был переведен на нерегулируемый тариф, оплачивать по которому ответчик отказался. Проанализировав обстоятельства дела в порядке статьи 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации во взаимосвязи и совокупности, суд первой инстанции пришел к выводу об использовании ответчиком электроэнергии в иных, не связанных с коммунально-бытовым потреблением, целях, в связи с чем стоимость поставленной электрической энергии подлежит взысканию исходя из установленных в исковом периоде нерегулируемых тарифов. При этом суд исходил из того, что под термином "потребление на бытовые нужды" законодатель понимает использование электроэнергии на такие нужды как освещение, пищеприготовление, отопление, горячее водоснабжение и использование бытовой техники для удовлетворения базовых потребностей личности в повседневной жизни, не связанных с производственной деятельностью и (или) систематического получения дохода.

Решением Бабушкинского суда г. Москвы от 10 июня 2022 года по делу № 2-3635/22 удовлетворен иск энергосбытовой компании к физлицу задолженности за электроэнергию, возникшей из-за перерасчета. В решении указано, что: «Согласно акту № 2 от 10.06.2021 года на участке ответчика установлено потребление электроэнергии не на коммунально-бытовые нужды, на территории земельного участка расположено нежилое строение, размером 70 кв.м., доступ в помещение не обеспечен представителем собственника, от помещения исходит отчетливый шум вентиляторов, теплица по назначению не используется, уличный бассейн, в связи с чем истцом сделан вывод о занятии ответчиком коммерческой (предположительно майнинг-оборудования) деятельностью. В связи с этим истцом был произведен перерасчет за потребление ответчиком электроэнергии».

Подобных решений масса, и все они в пользу истцов – энергосбытовых компаний.

Выводы из рассмотренных примеров судебной практики:

1. Суды признают займы в криптовалюте, если доказан факт передачи (например, по расписке), но требуют

подтверждения возврата. В делах о банкротстве суды отказывают во включении криптовалютных займов в конкурсную массу, ссылаясь на отсутствие подтверждения законности их происхождения. При рассмотрении споров о купле-продаже криптовалюты суды часто отказывают в исках, если сделка не задекларирована или отсутствуют письменные договоры.

2. Суды обычно отказывают в исках, если истец добровольно перевел средства для покупки криптовалюты, даже если сделка не состоялась. Исключения возможны, если ответчик не докажет факт передачи криптовалюты или если суд усмотрит отсутствие договорных отношений. В некоторых случаях суды ссылаются на неурегулированность криптовалютного оборота, отказывая в защите сделок.

3. Суды могут признавать сделки с криптовалютой действительными, если одна из сторон не понимала ее сути или не получила фактического доступа к активам. Для подтверждения сделки требуются доказательства перевода криптовалюты, идентификации сторон и согласования курса конвертации. Кассационные суды могут возвращать дела на пересмотр, если нижестоящие инстанции не исследовали порядок исполнения криптовалютных сделок.

4. Суды поддерживают ограничение доступа к сайтам, рекламирующим криптовалюту, если операции не проводятся через уполномоченных операторов. В последние годы количество таких исков сократилось, что может свидетельствовать о смягчении подходов.

5. Суды отказывают в возмещении убытков майнерам, считая их деятельность находящейся вне правового поля. Энергосбытовые компании успешно взыскивают долги по повышенным тарифам, если доказывают использование электроэнергии для майнинга. Майнинг не признается бытовым потреблением, что лишает майнеров льготных тарифов.

Литература

1. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: принят 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 г. № 422-ФЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5018; 2023. № 40. Ст. 5996.
2. Определение 9 КСОЮ от 20.01.2021 № 88а-824/2021 // СПС КонсультантПлюс
3. Постановление АС Поволжского округа от 08.10.2021 № Ф06-9272/2021 // СПС КонсультантПлюс
4. Решение Бабушкинского суда г. Москвы от 10.06.2022 № 2-3635/22 // СПС КонсультантПлюс
5. Постановление 9 ААС от 14.06.2022 № 09АП-27091/2022 // СПС КонсультантПлюс
6. Определение 6 КСОЮ от 19.04.2022 № 88-8224/2022 // СПС КонсультантПлюс
7. Определение 4 КСОЮ от 01.03.2023 № 88-9876/2023 // СПС КонсультантПлюс
8. Определение 4 КСОЮ от 09.03.2023 № 88-7685/2023 // СПС КонсультантПлюс
9. Постановление 1 ААС от 18.01.2023 по делу № А79-9002/2021 // СПС КонсультантПлюс
10. Апелляционное определение Мосгорсуда от 20.03.2024 № 2-3644/2023 // СПС КонсультантПлюс
11. Решение Тушинского райсуда г. Москвы от 06.02.2024 № 2-735/2024 // СПС КонсультантПлюс

12. Определение 3 КСОЮ от 08.07.2024 № 88-14050/2024 // СПС КонсультантПлюс

13. Определение ЗКАС от 07.08.2024 № 88-16990 // СПС КонсультантПлюс

14. Определение 9 КСОЮ от 23.08.2024 № 88-7780/2024 // СПС КонсультантПлюс

15. Решение Никулинского райсуда г. Москвы от 24.05.2024 // СПС КонсультантПлюс

16. Апелляционное определение Мосгорсуда от 06.06.2024 № 33-19434 // СПС КонсультантПлюс

17. Определение 6 КСОЮ от 16.11.2024 № 88-27026/2024 // СПС КонсультантПлюс

18. Постановление АС Дальневосточного округа от 17.10.2024 № Ф03-4600/2024 // СПС КонсультантПлюс

19. Определение 4 КСОЮ от 21.11.2024 // СПС КонсультантПлюс

Digital Currencies in the Russian Federation: Case Law 2021-2024 Usoltsev A.E., Shesteriakov I.A.

International Law University

Case law on digital rights in general and digital currencies (hereinafter referred to as cryptocurrency) in particular began to take shape even before the appearance of Federal Law No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated July 31, 2020 (hereinafter referred to as Law No. 259-FZ), which entered into force on January 1, 2021. Although more than 5 years have passed since the first court decisions on disputes over cryptocurrencies appeared, the picture of judicial practice cannot be called uniform in terms of general legal approaches and in terms of the application of the provisions of Law 259-FZ.

The court decisions in the article are divided into five types, and the largest number of court decisions relate to the resolution of disputes over the purchase and sale of cryptocurrency.

Keywords: judicial practice, digital rights, digital currency, cryptocurrency

References

1. Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation": adopted on July 31, 2020 No. 259-FZ (as amended on August 4, 2023 No. 422-FZ) // SZ RF. 2020. No. 31. Art. 5018; 2023. No. 40. Art. 5996.
2. Definition 9 KSOU dated 20.01.2021 No. 88а-824/2021 // SPS ConsultantPlus
3. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated 08.10.2021 No. F06-9272/2021 // SPS ConsultantPlus
4. Decision of the Babushkinsky Court of Moscow dated 10.06.2022 No. 2-3635/22 // SPS ConsultantPlus
5. Resolution 9 AAS dated 14.06.2022 No. 09AP-27091/2022 // SPS ConsultantPlus
6. Definition 6 KSOU dated 19.04.2022 No. 88-8224/2022 // SPS ConsultantPlus
7. Definition 4 KSOU dated 01.03.2023 No. 88-9876/2023 // SPS ConsultantPlus
8. Definition 4 KSOU dated 09.03.2023 No. 88-7685/2023 // SPS ConsultantPlus
9. Resolution 1 AAS dated 18.01.2023 in case No. A79-9002/2021 // SPS ConsultantPlus
10. Appellate determination of the Moscow City Court dated 20.03.2024 No. 2-3644/2023 // SPS ConsultantPlus
11. Decision of the Tushinsky District Court of Moscow dated 06.02.2024 No. 2-735/2024 // SPS ConsultantPlus
12. Definition 3 KSOU dated 08.07.2024 No. 88-14050/2024 // SPS ConsultantPlus
13. Definition 3 CAS dated 07.08.2024 No. 88-16990 // SPS ConsultantPlus
14. Definition 9 KSOU dated 23.08.2024 No. 88-7780/2024 // SPS ConsultantPlus
15. Decision of the Nikulinsky District Court of Moscow dated 24.05.2024 // SPS ConsultantPlus
16. Appellate determination of the Moscow City Court dated 06.06.2024 No. 33-19434 // SPS ConsultantPlus
17. Definition 6 KSOU dated 11/16/2024 No. 88-27026/2024 // SPS ConsultantPlus
18. Resolution of the Far Eastern District Arbitration Court dated 10/17/2024 No. F03-4600/2024 // SPS ConsultantPlus
19. Definition 4 of the KSOU dated 11/21/2024 // SPS ConsultantPlus

Законодательство о культуре: к вопросу об определении понятия «культурные блага»

Федотова Анастасия Вячеславовна

кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории государства и права, Мурманский арктический университет, fedotovaav@mauniver.ru

Статья посвящена изучению целей и задач сферы культуры в контексте современных вызовов и угроз. Отмечается, что рассматриваемая сфера включена в перечень национальных приоритетов России. Анализируются документы стратегического планирования РФ, в которых культуре отводится особая роль. Рассматривается действующая система правового регулирования сферы художественной культуры, устанавливаются причины, препятствующие реализации её актуальных, сущностных задач. Проанализировано содержание легального определения понятия «культурные блага» в Основах законодательства РФ о культуре от 1992 года. Установлено, что текущая формулировка рассматривает сферу культуры не как инструмент воспитания человека, формирования общенациональной цивилизационной картины мира, традиционных духовно-нравственных ценностей, а закладывает потребительский подход к культуре. В ходе исследования предложена авторская формулировка дефиниции «культурные блага».

Ключевые слова: культура, федеральный закон о культуре, культурная политика, культурные блага, ценности, национальная безопасность

Сфера культуры является сложным объектом правового регулирования. Это определяется тем, что во-первых, она включает в себя большое количество сегментов, принципиально отличающихся друг от друга по своим характеристикам; во-вторых, содержит значительное число сложно определяемых категорий; в-третьих, характеризуется фрагментацией правового регулирования, порожденной относительной ограниченностью действующих Основ законодательства Российской Федерации о культуре от 1992 г. и большим массивом подзаконных актов, мозаично регламентирующих функционирование системы культуры в Российской Федерации, включая межведомственное сотрудничество.

Несовершенство правовой базы в сфере культуры имеет место не только в отношении механизма регулирования ряда видов правоотношений, но и в рамках понятийного аппарата.

Несмотря на то, что в Основы законодательства Российской Федерации о культуре от 1992 г. периодически вносятся поправки, но системный, устраняющий существующие правовые коллизии и пробелы, пересмотр законодательства с тех пор не осуществлялся. Вносятся точечные поправки, такие как изменение процедур, наименований, признаются утратившими силу устаревшие нормы, но они в основном несут локальный для рассматриваемой сферы характер.

Безусловно хорошо, что на сегодняшний день правовое регулирование художественной культуры и отдельных её направлений получили закрепление в национальных стратегических документах, таких например, как Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики», в котором государство возводит художественную культуру в перечень национальных приоритетов и признает её в качестве важного элемента суверенного антропосоциокультурного развития и фактора формирования территориальной целостности России. Однако, в самом федеральном законодательстве о культуре эти программные положения закрепления не получили, в результате чего актуальным остается вопрос о проведении комплексного системного пересмотра правового регулирования рассматриваемой сферы.

Интересной в этом смысле является Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. № 2501-р¹. Данный документ пришел на смену Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р., действие которой было приостановлено. Первая Стратегия была утверждена в целях «формирования новой ценностно ориентированной модели государственной культурной политики, включающей в себя также и региональное измерение с учетом федерального устройства Российской Федерации»², в результате чего федеральный проект «Культура» был включен в перечень ключевых для национального развития страны,

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 года № 2501-р «О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 38. Ст.5715.

² О реализации Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года в субъектах Российской Федерации // Сайт Совета Федерации РФ. URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/76702/> (дата обращения: 04.01.2025).

а в большинстве субъектов РФ утверждены региональные целевые программы культурного развития. Однако, качество разработки и реализации Стратегии, «багаж» недоработок и проблемных вопросов, а также значительные преобразования, которые произошли за последние несколько лет как внутри страны, так и на международной арене, требовали пересмотра документа¹.

В качестве первоочередных задач в новой Стратегии указываются: гражданское единство, формирование общенациональной гражданской идентичности, защита культурного суверенитета, сохранение и популяризация традиционных духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 09 ноября 2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»². Важнейшими векторами развития художественной культуры заявлены также формирование актуальных механизмов по сохранению памяти народа и защите исторической правды от фальсификаций, противодействие тиражированию культурного продукта включающего нарушения норм русского литературного языка, в том числе нецензурную лексику, значительное повышение статуса семьи среди молодёжи и повышение престижности проживания на Родине. Данный нормативный акт актуализирован в соответствии со Стратегией национальной безопасности РФ и иными стратегическими национальными документами.

Важно отметить, что реализация Стратегии планируется в два этапа. Важнейшей задачей первого этапа является совершенствование федерального законодательства и нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, что не может не радовать, поскольку позволит системно пересмотреть нормы и актуализировать их с учетом требований современной антропосоциокультурной действительности.

Ключевой особенностью сферы культуры, определяющей сложность её правового регулирования, является полисегментность. Каждое направление культурной деятельности настолько специфично, что требует особого подхода и продуманной самостоятельной политики. Унификация процессов невозможна. Однако, до сих пор на уровне законодательных актов отсутствуют механизмы регулирования целых направлений культурной деятельности, таких как театральная, музыкальная, кинематографическая, цирковая. Ряд направлений регламентируются специальными федеральными законами: «О народных художественных промыслах», «О библиотечном деле» и других. Иные же сферы просто перечислены в Основных законах о культуре и регулируются на уровне подзаконных актов ограниченного действия, что стимулирует правовую неопределённость и фрагментацию правового регулирования.

Ещё одна проблема, которую в очередной раз представляется целесообразным рассмотреть, это базовый подход к пониманию самого феномена «культура» в дей-

ствующем законодательстве. В настоящее время, учитывая специфику международного положения России и те вызовы, с которыми сталкивается страна, государство большое внимание уделяет развитию сферы художественной культуры, как инструменту с большим потенциалом развития. Декларируются высокие приоритеты, цели и принципы государственной культурной политики. Культура, как было указано выше, входит в приоритеты национального развития. Также в 2020 году в Конституции РФ был закреплён важнейший принцип: «культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством»³. Рассмотрим же определение понятия «культурная деятельность», представленное в таком стратегическом документе, как Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808: «культурная деятельность» – это «деятельность по созданию, распространению, сохранению, освоению и популяризации культурных ценностей и предоставлению культурных благ», однако в рассматриваемом подзаконном акте отсутствует легальное определение понятия «культурные блага». Определение этого термина находим в Основных законах законодательства Российской Федерации о культуре от 9 октября 1992 г. №3612-1. Согласно ст. 3 Основ культурные блага – это «условия и услуги, предоставляемые организациями, другими юридическими и физическими лицами для удовлетворения гражданами своих культурных потребностей». Иными словами, основой всей культурной деятельности страны является предоставление услуг.

Согласно исследованиям Н. А. Барина «в удовлетворении человеческих потребностей важное место занимают услуги, как вещественного, так и невещественного характера»⁴. Но «услуга есть не что иное, как полезное действие <...> потребительной стоимости – товара ли, труда ли», таким образом, услуга – это специфическая потребительная стоимость в форме конкретной трудовой деятельности и специфическая форма экономических отношений, предполагающая наличие, с одной стороны, производителя, с другой – заказчика и потребителя услуг⁵. Если обратиться к словарю С.И. Ожегова, то данная дефиниция определяется как: 1) действие, приносящее пользу или какую-либо помощь другому лицу; 2) бытовые удобства, которые предоставляются иному лицу⁶. А толковый словарь Даля определяет её, как «самое дело, помощь, пособие или угождение»⁷. В словаре, посвященном гражданскому праву, находим такое определение: услуги – это предпринимательская деятельность, направленная на удовлетворение потребностей сегментированных целевых аудиторий, за исключением деятельности, которая осуществляется в рамках трудовых правоотношений⁸. Кванина В. В. уточняет, что «услуга» как правовая категория была введена в юридический оборот Основами гражданского законодательства Союза

¹ Глушакова О. В. О содержании Стратегии государственной культурной политики до 2030 г. и возможности ее реализации // Вестник кемеровского государственного университета. Серия: политические, социологические и экономические науки. 2022. № 7. С. 133-144.

² Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст.7977.

³ Охотвич Т. С. Культура как услуга // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-kak-usluga> (дата обращения: 05.01.2025).

⁴ Барин Н. А. Услуги (социально-правовой аспект). Саратов : Стило, 2001. С. 8.

⁵ Попова Д. Г. Услуга как объект гражданских прав и ее соотношение с категорией «социальная услуга» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. №1. Т.4. С. 353.

⁶ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : АСТ, 2015. С. 729.

⁷ Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja/> (дата обращения: 27.03.2025)

⁸ Пиляева В. В. Гражданское право. Энциклопедический словарь. М. : Экономика, 2003. С. 515.

ССР и республик 1991 г.¹, однако в данном акте понятие «услуга» было «применено только к двум отношениям (транспортной экспедиции и праву на товарный знак и знак обслуживания <...>)»². В действующем Гражданском кодексе Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ³ услуга упоминается в ст. 128, в которой говорится об объектах гражданских прав. В п. 1 ст. 779 ГК РФ от 26 января 1996 г. №14-ФЗ содержится определение – «по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги <...>, а заказчик обязуется оплатить эти услуги»⁴.

Опираясь на данное определение дефиниции «услуга», можно сделать вывод о том, что сегодня сфера культуры рассматривается не как инструмент воспитания, формирования общенациональной цивилизационной картины мира, развития важнейших для выживания страны ценностных установок, а в качестве специфического культурного продукта на рынке услуг. Представляется, что рассматривать культурную деятельность в качестве сферы услуг означает актуализировать работу по обслуживанию потребностей потребителей, что может привести к актуализации исключительно развлекательной индустрии, к следованию за сиюминутной конъюнктурой, коммерциализацией и, как вероятность, снижению эстетического уровня художественных продуктов, тогда как «социальная миссия» культуры с таких позиций в полной мере реализована быть не может. Это не означает, что культура не должна быть современной, интересной и не учитывать актуальные запросы граждан страны, но она должна быть прежде всего ценностью, а значит к ней должны предъявляться намного более высокие требования и по качеству контента, и по смысловому содержанию.

Важно отметить, что попытки реформирования законодательства в сфере культуры предпринимались неоднократно. В 2011 г. Министерством культуры Российской Федерации был подготовлен проект федерального закона «О культуре в Российской Федерации», который, однако, был отклонен Государственной Думой. Если познакомиться с дефинитивными нормами данного проекта документа, то там увидим аналогичное по смыслу определение «культурных благ», что и в действующих Основах, как «условия и услуги»⁵. Далее в 2015 году проводились парламентские слушания, посвященные обсуждению очередной новой редакции проекта закона о культуре, организованные Комитетом Совета Федерации РФ по науке, образованию и культуре. И в данном проекте мы вновь видим определение рассматриваемой дефиниции, как «условия и услуги»⁶.

В 2017 г. Президент РФ В.В. Путин на заседании Совета по культуре вновь актуализировал проблему пересмотра действующего законодательства в сфере художественной культуры. В 2022 году, когда проект закона был готов и обсуждался, работа по его разработке в связи со значительными геополитическими изменениями, а также

ввиду новых идейно-мировоззренческих вызовов и угроз была заморожена. Однако, и данный законопроект включил в себя определение понятия «культурные блага» аналогичное, закреплённое в действующих Основах законодательства РФ о культуре и не преодолевал услуговый, потребительский подход к культуре.

Новый проект федерального закона «О культуре в Российской Федерации», который внесен на рассмотрение депутатом Государственной Думы С.М. Мироновым совместно с депутатами Бурляевым Н. и Драпеко Е. в 2024 году⁷ вообще не содержит легального определения понятия «культурные блага», хотя данная дефиниция часто упоминается в тексте как то, что необходимо сохранять, создавать, распространять и осваивать. Однако, это представляется недостаточным.

Рассматриваемая проблема не является новой и в органах государственной власти есть понимание её значимости. Это подтверждается как стратегическими подзаконными актами, которые были указаны выше, так и региональными документами. Так, в Законе Мурманской области «О культуре» отсутствует дефиниция «услуга», но есть понятие «культурные ценности и блага», где «культурные ценности» определены в соответствии со стратегическими документами, а вот понятие «культурные блага», по понятным причинам, в региональном акте не раскрыто. В ст.3. Положения о Министерстве культуры Мурманской области перечислены государственные услуги, реализуемые Министерством и отвечающие требованиям гражданского законодательства, а в пп.13 указанной статьи об оценке деятельности социально ориентированных НКО в сфере культуры по нравственному развитию жителей региона и охране объектов культурного значения содержится формулировка «общественно полезные услуги»⁸. Однако, это не преодолевает сущностного законодательно закреплённого потребительского отношения к культуре.

В этой связи предлагается внести изменение в юридическое определение понятия «культурные блага». Так, в четвертый абзац ст. 3 Основ законодательства Российской Федерации о культуре⁹ вместо:

«Культурные блага – условия и услуги, предоставляемые организациями, другими юридическими и физическими лицами для удовлетворения гражданами своих культурных потребностей»

предлагается внести следующую формулировку:

«Культурные блага – материальные и нематериальные блага, предоставляемые физическими и юридическими лицами для удовлетворения культурных потребностей граждан и общества в целом».

Или указанным определением дополнить ст.3 нового проекта федерального закона «О культуре Российской Федерации».

Также важно отметить, что в рассмотренных законопроектах перечисляются направления художественной

¹ Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик : Закон СССР : утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. №2211-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. №26. Ст. 733.

² Кванина В. В. Правовая природа договора на оказание возмездных услуг // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2002. № 4: Вып. 2. С. 5.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30.11.1994 №51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. №32. Ст.3301.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : Федеральный закон от 26.01.1996 №14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. №5. Ст.410.

⁵ Проект ФЗ «О культуре в РФ» // Международный форум «Интеллектуальная собственность - XXI век». URL: <http://forum-ip.ru/content/sec-obrazovatelnye-nauchnye-i-tvorcheskie-proekty/el-proekt-fzo-kulture-v-rf.php> (дата обращения: 27.03.2025)

⁶ О некоторых особенностях проекта Федерального закона «О культуре в Российской Федерации» // Союз «Объединение организаций профсоюзов Республики Бурятия». URL: https://oopr.ru/news/?record_id=1065 (дата обращения: 29.03.2025).

⁷ Депутаты Госдумы завершили работу на новом законопроектом о культуре // Актион. URL: <https://www.cultmanager.ru/news/14852-deputy-gosdumy-zavershili-rabotu-na-novym-zakonoproektom-o-kulture> (дата обращения: 27.03.2025).

⁸ Положения о Министерстве культуры Мурманской области // Официальный сайт Министерства культуры Мурманской области. URL: https://culture.gov-murman.ru/o_komitete/polozhenie/ (дата обращения: 27.03.2025)

⁹ Основы законодательства Российской Федерации о культуре : утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1 // Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ. 1992. № 46. Ст.2615.

культуры, подпадающие под правовое регулирование, но не преодолевается проблема законодательного закрепления ряда этих направлений.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в современной социокультурной действительности действующие нормативные правовые акты в сфере культуры не способны в полной мере регламентировать публичные отношения.

В настоящее время сфера культуры рассматривается в качестве основы формирования национальной идентичности, как катализатор социально-экономического развития России, а государственная культурная политика признается неотъемлемой частью стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Именно культура обладает мощнейшими инструментами отбора ценностей и конструирования более или менее сходной аксиологической ориентации всего общества, методами защиты национального своеобразия от влияния иных культур и обеспечения целостности общества. Однако, действующее законодательство в сфере культуры не позволяет в полной мере раскрыть данный потенциал. В результате чего в исследовании предлагается внести изменение в один из основополагающих пунктов Основ законодательства Российской Федерации о культуре и предложить более объемное, а не ограничивающееся исключительно на восприятии культурных благ, в качестве услуг, определения понятия «культурные блага». Предложено авторское определение рассматриваемого термина, под которым понимается не условия и услуги, а материальные и нематериальные блага, предоставляемые физическими и юридическими лицами для удовлетворения культурных потребностей граждан и общества в целом.

Также важно отметить, что преодоление фрагментации правового регулирования возможно исключительно путем принятия нового закона о культуре, который должен не только включить в себя положения о правовом регулировании культурной деятельности во всем её многообразии, но и закрепить за культурой ту ключевую роль в развитии страны, которую она по праву получила в стратегических актах.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : Федеральный закон от 30.11.1994 №51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. №32. Ст.3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : Федеральный закон от 26.01.1996 №14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. №5. Ст.410.
3. Основы законодательства Российской Федерации о культуре : утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1 // Ведомости Съезда НД РФ и ВС РФ. 1992. № 46. Ст.2615.
4. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик : Закон СССР : утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. №2211-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. №26. Ст. 733.
5. Положения о Министерстве культуры Мурманской области // Официальный сайт Министерства культуры Мурманской области. URL: https://culture.gov-murmansk.ru/o_komitete/polozhenie/ (дата обращения: 27.03.2025)
6. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст.7977.
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2024 года № 2501-р «О Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 38. Ст.5715.

8. Баринов Н. А. Услуги (социально-правовой аспект). Саратов : Стило, 2001.

9. Глушакова О. В. О содержании Стратегии государственной культурной политики до 2030 г. и возможности ее реализации // Вестник кемеровского государственного университета. Серия: политические, социологические и экономические науки. 2022. № 7. С. 133-144.

10. Депутаты Госдумы завершили работу на новым законопроектом о культуре // Актион. URL: <https://www.cultmanager.ru/news/14852-deputaty-gosdumy-zavershili-rabotu-na-novym-zakonoproektom-o-kulture> (дата обращения: 27.03.2025).

11. Кванина В. В. Правовая природа договора на оказание возмездных услуг // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2002. № 4: Вып. 2. С. 5.

12. О некоторых особенностях проекта Федерального закона «О культуре в Российской Федерации» // Союз «Объединение организаций профсоюзов Республики Бурятия». URL: https://ooprb.ru/news/?record_id=1065 (дата обращения: 29.03.2025).

13. О реализации Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года в субъектах Российской Федерации // Сайт Совета Федерации РФ. URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/76702/> (дата обращения: 04.01.2025).

14. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М. : АСТ, 2015.

15. Охотвич Т. С. Культура как услуга // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-kak-usluga> (дата обращения: 05.01.2025).

16. Пиляева В. В. Цивильное право. Энциклопедический словарь. М. : Экономика, 2003.

17. Попова Д. Г. Услуга как объект гражданских прав и ее соотношение с категорией «социальная услуга» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. №1. Т.4.

18. Проект ФЗ «О культуре в РФ» // Международный форум «Интеллектуальная собственность – XXI век». URL: <http://forum-ip.ru/content/sec-obrazovatelnye-nauchnye-i-tvorcheskije-proekty/el-proekt-fz-o-kulture-v-rf.php> (дата обращения: 27.03.2025)

19. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja/> (дата обращения: 27.03.2025)

Legislation on Culture: Define the Concept of «Cultural Goods»

Fedotova A.V.

Murmansk Arctic University

Goals and objectives of culture in the context of modern challenges and threats, current legislation in the field of culture, reasons that impede the implementation of tasks are analyzed in the article. It is noted that culture is included in the list of national priorities of Russia. Strategic planning documents of the Russian Federation are analyzed. The content of the legal definition of the concept of «cultural goods» in the Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on culture of 1992 is analyzed. It has been established that the current wording considers culture not as a tool for educating a person, forming a nationwide civilizational picture of the world, traditional spiritual and moral values, but lays down a consumer approach to culture. The author's formulation of concept of the «cultural good» is proposed.

Keywords: culture, law on culture, cultural policy, cultural goods, values, national security

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one): Federal Law of 30.11.1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
2. Civil Code of the Russian Federation (part two): Federal Law of 26.01.1996 No. 14-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 5. Art. 410.
3. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Culture: approved. Supreme Council of the Russian Federation 09.10.1992 No. 3612-1 // Bulletin of the Congress of the National Assembly of the Russian

- Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1992. No. 46. Art. 2615.
4. Fundamentals of the civil legislation of the Union of SSR and the republics: Law of the USSR: approved. USSR Supreme Council on May 31, 1991 No. 2211-1 // Vedomosti SND and the USSR Supreme Council. 1991. No. 26. Art. 733.
5. Regulations on the Ministry of Culture of the Murmansk Region // Official website of the Ministry of Culture of the Murmansk Region. URL: https://culture.gov-murman.ru/o_komitete/polozenie/ (date accessed: 03/27/2025)
6. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2022. No. 46. Art. 7977.
7. Order of the Government of the Russian Federation of September 11, 2024 No. 2501-r "On the Strategy of the state cultural policy for the period up to 2030" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 38. Art. 5715.
8. Barinov N. A. Services (social and legal aspect). Saratov: Stilo, 2001.
9. Glushakova O. V. On the content of the Strategy of the state cultural policy until 2030 and the possibility of its implementation // Bulletin of the Kemerovo State University. Series: political, sociological and economic sciences. 2022. No. 7. P. 133-144.
10. State Duma deputies completed work on the new bill on culture // Aktion. URL: <https://www.cultmanager.ru/news/14852-deputaty-gosdumy-zavershili-rabotu-na-novym-zakonoproektom-o-kulture> (date of access: 27.03.2025).
11. Kvanina V. V. Legal nature of the contract for the provision of paid services // Bulletin of the South Ural State University. 2002. No. 4: Issue. 2. P. 5.
12. On some features of the draft Federal Law "On Culture in the Russian Federation" // Union "Association of Trade Union Organizations of the Republic of Buryatia". URL: https://ooprb.ru/news/?record_id=1065 (date of access: 29.03.2025).
13. On the implementation of the Strategy of the state cultural policy for the period up to 2030 in the constituent entities of the Russian Federation // Website of the Federation Council of the Russian Federation. URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/76702/> (date of access: 04.01.2025).
14. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: AST, 2015.
15. Okhotovich T. S. Culture as a service // Scientific electronic library "CyberLeninka". URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-kak-usluga> (date of access: 05.01.2025).
16. Pilyaeva V. V. Civil law. Encyclopedic dictionary. M.: Economy, 2003.
17. Popova D. G. Service as an object of civil rights and its relationship with the category of "social service" // Bulletin of the Kemerovo State University. 2012. No. 1. V. 4.
18. Draft Federal Law "On Culture in the Russian Federation" // International Forum "Intellectual Property - XXI Century". URL: <http://forum-ip.ru/content/sec-obrazovatelnye-nauchnye-i-tvorcheskie-proekty/el-proekt-fz-o-kulture-v-rf.php> (date of access: 03/27/2025)
19. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by V. I. Dahl. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyy-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja/> (date of access: 27.03.2025)

Правовое регулирование и классификация объектов капитального/ некапитального строительства

Акимов Алексей Федорович

аспирант Государственного университет по землеустройству

Современная российская экономика неотделима от функционирования рынка недвижимости, перехода права собственности на недвижимое имущество в соответствии с установленными законодательством нормами и правилами. Недвижимое имущество как одна из составляющих градостроительного, земельного и гражданского регулирования представляет собой одну из основ функционирования любой экономической системы, так и государственности в целом.

В настоящей статье мы рассматривается правовое регулирование указанных объектов, их статус и приводится сравнительный анализ.

Ключевые слова: объект недвижимости, Градостроительный кодекс РФ, некапитальный объект

Сначала хотелось сказать несколько слов о системе правового регулирования в РФ в целом. Нормативный акт это письменный официальный документ, принятый (изданный) правотворческим органом государства, который устанавливает, изменяет или отменяет правовые нормы (правила поведения), обязательные для неопределенного круга лиц. [7]

В зависимости от юридической силы, которой такие акты обладают, они подразделяются на законы и подзаконные акты нормативные правовые акты. Законы (как и подзаконные акты) имеют четкую иерархию. При этом особое место занимает основной закон страны – Конституция Российской Федерации, являющаяся основой системы права. Законы могут быть конституционными, федеральными и законами субъектов Российской Федерации.

Федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным, а региональные – федеральным. Вместе с тем отдельное внимание хочется уделить положениям нормативных актов, которые относятся к отраслям права, находящимся в совместном ведении РФ и субъектов РФ. По данной категории НПА в случае отсутствия регулирования на федеральном уровне допускается правовое регулирование законодательными актами субъекта РФ.

Среди федеральных законов особая роль отводится кодифицированным законам – кодексам: Гражданскому кодексу РФ, Земельному кодексу РФ, Водному кодексу РФ, Лесному кодексу РФ и др.

Теперь, ознакомившись с теоретической частью правового регулирования в Российской Федерации, можно переходить непосредственно к тематике данной статьи – классификации объектов капитального/некапитального строительства.

Градостроительный кодекс РФ дает понятие как объектов капитального строительства, так и некапитальных объектов.

К объектам капитального строительства законодатель относит здание, строение, сооружение, объекты, строительство которых не завершено (далее - объекты незавершенного строительства).

Указанные объекты играют важную роль как в развитии отдельно взятого города, так и развитии экономики страны в целом.

К некапитальным объектам законодатель относит строения, сооружения, которые не имеют прочной связи с землей и конструктивные характеристики которых позволяют осуществить их перемещение и (или) демонтаж и последующую сборку без несоразмерного ущерба назначению и без изменения основных характеристик строений, сооружений (в том числе киосков, навесов и других подобных строений, сооружений).

Такие сооружения не должны признаваться объектами недвижимости, поскольку у них отсутствуют признаки недвижимости, указанные в п. 1 ст. 130 ГК РФ.

Статья 130 Гражданского кодекса РФ дает определение объектам недвижимости, согласно которому вещь является недвижимой либо в силу своих природных свойств (абзац первый п.1 ст. 130 ГК РФ), либо в силу прямого указания закона (абзацы второй и третий п. 1 ст. 130 ГК РФ). [8]

Вместе с тем, на федеральном уровне есть также отдельные нормативные правовые акты в которых упоминается понятие недвижимости, например, Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности», Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» о которых речь пойдет несколько позже, а пока разберем детально классификацию которую дает нам ГК РФ.

ГК РФ не устанавливает закрытый перечень объектов недвижимости, который бы квалифицировал непосредственно сами объекты недвижимости, однако выделяет некоторые категории, а именно:

К объектам недвижимости согласно ст. 130 ГК РФ законодатель относит «воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания». Указанная норма не позволяет понять задумку законодателя и цель государства относя указанную категории объектов к объектам недвижимости, так как данные вещи по своей сути являются движимыми вещами и более того, основной функцией которых является перемещение в пространстве. Положим, что данной целью является потребность придать данные вещи регистрационному учету, который ведется и для «подлинных» объектов недвижимости. Однако статья 130 ГК РФ прямо указывает, что для движимых вещей также может устанавливаться регистрационный режим, что значит отсутствие необходимости идти против движимой природы данных вещей. Если за этим законодательным решением кроется желание законодателя акцентировать внимание на особом территориальном режиме пространства на самом судне, то для этого тоже нет необходимости объявлять его недвижимой вещью, так как соответствующий регистрационный режим возникает в силу отдельных норм права.

Вместе с тем, помимо неоднозначного восприятия указанных законодателем норм, существует еще более неоднозначная судебная практика.

Например, судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации делает выводы, согласно которым реконструированный речной теплоход «Ровесник» не является объектом недвижимости после того как переоборудован в трехэтажное здание, используемое под кафе «Гавань». То есть, установленное на фундаменте и балках кафе в помещении теплохода не может быть отнесено к недвижимому имуществу, поскольку не является больше речным судном.

Таким образом делая подобные выводы, судебная коллегия Верховного суда Российской Федерации вопреки своим основным задачам, таким как: формирование единства правоприменительной практики и единообразие толкования законодательных актов по сути делает обратное – давая правоприменительной практике возможность произвольного истолкования и применения вопреки его конституционно-правовому смыслу самого понятия объектов недвижимости и их градацию с движимыми вещами.

Теперь хочется перейти непосредственно к сравнительному анализу объектов капитального строительства и некапитальных объектов.

Как объекты капитального строительства, так и некапитальные объекты создаются в результате проведения работ по строительству, что прямо следует в том числе из ч. 17 ст. 51 ГК РФ.

Вместе с тем процесс строительства / создания этих двух категорий объектов существенно различается. Процесс создания объектов капитального строительства включает в себя обширный комплекс подготовки разрешительной документации, которая включает в себя оформление земельно-правовых отношений под цели строительства, разработку проектной документации, её экспертизу с целью последующего получения разрешения на

строительство и разрешения на ввод построенного объекта в эксплуатацию. В то время как процесс создания некапитальных объектов существенно упрощен. Например, на уровне субъекта РФ – города Москвы размещение некапитального объекта на земельных участках, находящихся в собственности города Москвы и земельных участках государственная собственность не разграничена может осуществляться без предоставления земельного участка и разработки проектной документации. Указанные правоотношения на уровне субъекта города Москвы урегулированы постановлением Правительства Москвы от 13.11.2012 N 636-ПП "О размещении и установке на территории города Москвы объектов, не являющихся объектами капитального строительства, и объектов, размещение которых осуществляется без предоставления земельных участков и установления сервитутов, публичных сервитутов".

Указанное постановление содержит перечень объектов, который постоянно актуализируется и дополняется новыми категориями объектов.

Вместе с тем порядок размещения некапитальных объектов на частных и федеральных земельных участках на территории города Москвы установлен постановлением Правительства Москвы от 05.06.2024 N 1255-ПП "О порядке размещения объектов, не являющихся объектами капитального строительства, на земельных участках, находящихся в частной и федеральной собственности".

Указанное постановление принято в целях гармонизации развития городской среды и в развитие Закон г. Москвы от 30.04.2014 N 18 «О благоустройстве в городе Москве».

Подводя итоги классификации объектов капитального строительства и некапитальных объектов и анализируя нормы действующего законодательства, включая правоприменительную практику, возможно сделать вывод, что в настоящее время как само понятие объектов капитального/некапитального строительства, так и их классификация действующим законодательством надлежащим образом не урегулировано.

Действующее правовое регулирование ограничивается лишь перечислением ряда отдельных категорий, которые в свою очередь также вызывают каждый в своей части неопределенность в правоприменительной практике.

Литература

1. Конституция РФ / Информационно-правовая система Консультант плюс – Текст: электронный
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 10, октябрь, 2019
3. Закон г. Москвы от 30.04.2014 N 18 (ред. от 25.12.2024) "О благоустройстве в городе Москве" – Текст: электронный
4. Постановление Правительства Москвы от 13.11.2012 N 636-ПП "О размещении и установке на территории города Москвы объектов, не являющихся объектами капитального строительства, и объектов, размещение которых осуществляется без предоставления земельных участков и установления сервитутов, публичных сервитутов" – Текст: электронный
5. Постановление Правительства Москвы от 05.06.2024 N 1255-ПП "О порядке размещения объектов, не являющихся объектами капитального строительства, на земельных участках, находящихся в частной и федеральной собственности" – Текст: электронный
6. Земельное право, учебник / С.А. Липски/ Москва, 2023 г

7. Обзор судебной практики Верховного суда РФ №3, утв. Президиумом Верховного суда РФ 10.11.2021

8. И.Б. Новицкий, И.С. Перетерский. Римское частное право. Москва, 2024

9. Л.Г. Ибрагимов, Н.М. Габдуллин. Экономика недвижимости. Москва, 2024

10. С.Г. Стерник. Рынок недвижимости и тенденции его развития. Москва, 2023

11. Определение судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.12.2015 по делу N 304-ЭС15-11476, А27-18141/2014

12. 384-фз от 30.12.2009 «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений»

13. Градостроительный кодекс РФ – Текст: электронный

14. Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости»

15. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»

Legal regulation and classification of capital/non-capital construction objects

Akimov A.F.

State University for Land Management

The modern Russian economy is inseparable from the functioning of the real estate market, the transfer of ownership of real estate in accordance with the norms and rules established by law. Real estate as one of the components of urban planning, land and civil regulation is one of the foundations of the functioning of any economic system, as well as statehood as a whole.

In this article, we consider the legal regulation of these objects, their status and provide a comparative analysis.

Keywords: real estate, Urban Development Code of the Russian Federation, non-capital object

References

1. Constitution of the Russian Federation / Information and legal system Consultant Plus – Text: electronic
2. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation N 1 "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation", N 10, October, 2019
3. Law of the city of Moscow of 30.04.2014 N 18 (as amended on 25.12.2024) "On improvement in the city of Moscow" – Text: electronic
4. Resolution of the Government of Moscow of 13.11.2012 N 636-PP "On the placement and installation on the territory of the city of Moscow of objects that are not capital construction projects, and objects whose placement is carried out without the provision of land plots and the establishment of easements, public easements" – Text: electronic
5. Resolution of the Government of Moscow of 05.06.2024 N 1255-PP "On the procedure for placing objects that are not capital construction projects on land plots of land in private and federal ownership" – Text: electronic
6. Land law, textbook / S.A. Lipsky / Moscow, 2023
7. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3, approved. by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 11/10/2021
8. I.B. Novitsky, I.S. Peretersky. Roman private law. Moscow, 2024
9. L.G. Ibragimov, N.M. Gabdullin. Real estate economics. Moscow, 2024
10. S.G. Sternik. Real estate market and its development trends. Moscow, 2023
11. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.12.2015 in case No. 304-ES15-11476, А27-18141/2014
12. 384-FZ dated 30.12.2009 "Technical Regulations on the Safety of Buildings and Structures"
13. Urban Development Code of the Russian Federation - Text: electronic
14. Federal Law dated 24.07.2007 No. 221-FZ "On the State Real Estate Cadastre"
15. Federal Law dated 13.07.2015 No. 218-FZ "On State Registration of Real Estate"

К вопросу об отмене контрольных (надзорных) мероприятий в сфере капитального строительства

Барышников Никита Эдуардович

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

В статье рассматриваются изменившиеся условия в контрольно-надзорной деятельности после вступления в силу законодательных и подзаконных актов. При этом проводится анализ, как за последние годы изменилась ситуация в строительной области по таким ключевым составляющим, как: динамика несчастных случаев с травматизмом работников и статистика обрушений зданий на этапе строительства.

Ключевые слова: законодательство, нормативные акты, контрольно-надзорная деятельность, травмы при строительстве, обрушение конструкций.

В 2019 году Россия приступила к реализации проекта под названием «регуляторная гильотина». Этот механизм был призван провести масштабную ревизию действующих нормативно-правовых актов. Ключевые задачи включали устранение избыточного регулирования, снижение давления на предпринимательский сектор и оптимизацию контрольно-надзорной деятельности вплоть до полного упразднения некоторых проверок.

Подобная инициатива являлась закономерным ответом на запросы бизнес-сообщества, которое испытывало серьезный дискомфорт от чрезмерного количества проверок, основанных на устаревших нормативах.

Масштаб проблемы впечатлял: согласно исследованиям НИУ ВШЭ, российский бизнес был вынужден соответствовать более чем 2 миллионам обязательных требований [13], проверяемых в рамках свыше 220 разновидностей контроля на всех административных уровнях [14]. Предприниматели отмечали, что множество этих требований никак не способствовало снижению рисков, но создавало существенные препятствия для развития бизнеса.

Для воплощения реформы правительство утвердило специальную «дорожную карту» [10]. К работе были привлечены 41 рабочая группа, объединившая представителей министерств, ведомств, бизнеса и экспертного сообщества.

Тем не менее, как отмечает эксперт Е.А. Артеменко, участвовавший в одной из рабочих групп, реализация проекта столкнулась с серьезными временными ограничениями. Контролирующим органам выделили всего четыре месяца: два на разработку новых регуляторных механизмов и еще два на их согласование с экспертами и бизнесом. При этом дополнительное финансирование не предусматривалось. Учитывая необходимость одновременно систематизировать нормативные акты, теряющие силу с 1 января 2021 года, и подготовить новые документы с обновленными требованиями, установленные сроки оказались крайне сжатыми [2, с. 37-38].

Исследователь Александров О.В. указывает на успешное применение «регуляторной гильотины» в зарубежных странах, где эта инициатива принесла существенный экономический эффект в различных отраслях. В качестве показательных примеров фигурируют Южная Корея, Венгрия, Хорватия и Кения [1, с. 108]. Однако эксперт Артеменко Е.А. подчеркивает значительные различия в продолжительности и масштабах реформ: Южной Корее потребовалось 11 месяцев на пересмотр 11 тысяч требований, Хорватия за 9 месяцев проработала около 1500 регуляций, а в Кении процесс занял два года, охватив как сокращение требований, так и оптимизацию лицензирования [2, с. 37]. Масштаб российской реформы значительно превосходит зарубежные аналоги, поэтому делать окончательные выводы преждевременно - они станут возможны только после внедрения новых требований и накопления правоприменительной практики.

Российская реформа регуляторной системы предполагала кардинальные изменения: с начала 2021 года прекратили действие все прежние нормативно-правовые

акты, определявшие обязательные требования при государственном контроле. Их заменило новое регулирование, базирующееся на риск-ориентированном подходе и учитывающее современный технологический уровень в различных сферах.

Масштабная реорганизация затронула всю систему государственного контроля в экономике, которая включала 221 вид надзора, около 9 тысяч нормативных правовых актов и свыше 2 миллионов обязательных требований [5, с. 44].

Новая парадигма взаимоотношений власти и бизнеса была закреплена в 2020 году двумя ключевыми законами: Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» и Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

Первый формирует организационную составляющую установления и оценки требований в нормативных и правовых документах, а также определение «обязательных требований». Также законом устанавливается признание утративших силу ранее действовавших нормативных и правовых актов после 01.01.2021 г.

Второй закон определяет порядок и состав действий контрольно-надзорных органов, обеспечивая при этом гарантии прав контролируемых лиц, приводит перечень мероприятий контроля с упором на профилактические меры.

В дополнение к основополагающим законам правовая база была усилена двумя значимыми постановлениями правительства. Первое - Постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля», детализирующее механизмы контрольно-надзорной деятельности. Второе - Постановление Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1087 «Об утверждении Положения о федеральном государственном строительном надзоре», регламентирующее специфику надзора в строительной отрасли.

Все эти документы легли в основу деятельности контрольно-надзорных органов, в том числе в плане запрета на проведение плановых и внеплановых проверок.

В упомянутых выше законах есть два важных определения для строительной отрасли: риск-ориентированный подход и недопущение причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям.

Если говорить о первой категории, то строительство является одним из первых в списке отраслей, где риски могут быть от значительных до чрезвычайно высоких. Причем они складываются не обязательно на стадии строительства, многие дефекты и ошибки проектировщиков и строителей могут проявляться в процессе эксплуатации зданий и сооружений.

Под второй категорией разработчики документов, как правило, понимают материальные объекты, природные ресурсы (окружающую среду, недра).

Учитывая все выше сказанное, представляется необходимым оценить, насколько изменилась ситуация в строительной отрасли за последние 4 года с точки зрения обеспечения безопасности в строительстве. Речь идет о производственном травматизме и авариях при строительстве зданий и сооружений.

Производственный травматизм в строительной отрасли.

Мониторинг производственного травматизма в строительном секторе осуществляется несколькими ведомствами: Минтрудом России, Росстатом и Федерацией независимых профсоюзов. При этом примечательно, что профильное ведомство - Минстрой России - не участвует в сборе подобной статистики.

Согласно недавно обнародованному отчету Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР), ситуация с производственным травматизмом вызывает серьезную озабоченность. Строительная отрасль удерживает печальное лидерство по количеству летальных исходов на производстве: в 2019 году на нее приходилось 23,2% всех смертельных случаев в стране, а к 2023 году этот показатель лишь незначительно снизился до 21,7% [4, с. 16].

Статистика последних пяти лет (2019-2023) демонстрирует также рост числа тяжелых производственных травм на 0,62%. В отраслевом разрезе наибольшее количество серьезных инцидентов зафиксировано в обрабатывающей промышленности - 1161 случай (23,7% от общего числа). Строительный сектор занимает вторую позицию с 762 происшествиями (15,5%), а третье место принадлежит транспортно-логистической отрасли с 643 случаями (13,1%) [4, с. 17].

Эти данные во многом коррелируются с данными Минтруда России, которые приведены в докладе-презентации ведущего советника Департамента условий и охраны труда министерства Марченко Ю.А.[6] Опубликованные им данные представлены на гистограммах.

Рис. 1. Количество страховых несчастных случаев на производстве в строительных организациях.

Рис. 2. Количество несчастных случаев с тяжелыми последствиями.

Рис. 3. Динамика смертельных травм на производстве.

После внедрения «регуляторной гильотины» статистика производственного травматизма в строительном секторе демонстрирует тревожную тенденцию к росту, включая случаи с летальным исходом. Данные Минтруда России свидетельствуют, что в 2023 году строительная отрасль лидирует по количеству смертельных случаев, составляя около 23% от общего числа происшествий.

Исполнительный комитет ФНПР отмечает общее ухудшение ситуации в 2023 году: совокупное количество производственных травм увеличилось на 5,9%, а число летальных исходов выросло на 1,3%. В отраслевом разрезе наибольшее число погибших зафиксировано в строительстве (21,7%), далее следуют обрабатывающие производства (16,5%) и сфера транспортировки и хранения (15,7%) [11].

Особую обеспокоенность вызывают данные Роструда о масштабах сокрытия несчастных случаев. В 2022 году региональные трудовые инспекции выявили на 32,6% больше скрытых инцидентов по сравнению с предыдущим годом - 626 случаев, включая 154 летальных исхода [8]. Ситуация dramatically ухудшилась в 2023 году: количество выявленных сокрытых несчастных случаев выросло на 210% до 1316 инцидентов, из которых 266 (рост на 173%) закончились гибелью работников [9]. При этом строительная отрасль продолжает лидировать по количеству смертельных случаев, составляя около 23% от общего числа.

Очевидно, что статистика недостоверных сведений о травмах присуща и строительной отрасли, где численность травмированных и погибших остается одной из самых значительных в секторах экономики.

Существенным препятствием для формирования целостной картины производственного травматизма является разрозненность методов сбора данных различными ведомствами. Каждая структура использует собственную методологию учета и анализа несчастных случаев.

Росстат применяет комбинированный подход: для крупных и средних предприятий проводится полномасштабный учет всех пострадавших и погибших, тогда как малый бизнес охватывается выборочным методом, ограниченным двенадцатью видами экономической деятельности.

Фонд социального страхования РФ концентрируется исключительно на сборе информации о пострадавших работниках, имеющих страховку по обязательному социальному страхованию от производственных травм.

В свою очередь, Роструд ведет более узконаправленный учет, фокусируясь только на определенных категориях происшествий: групповых несчастных случаях, а также инцидентах с тяжелыми последствиями и летальным исходом.

Насколько может различаться эта статистика видно из таблицы 1 по травматизму за 2022 год.

Наиболее корректные данные представляет Роструд (ведет 100% учет работников).

Статистика показывает, что строительная отрасль лидирует по количеству летальных исходов на производстве, составляя 21,7% от общего числа несчастных случаев [11].

Анализ причин высокого уровня травматизма в строительном секторе за 2022 год выявляет ключевые факторы [6]. На первом месте стоит неудовлетворительная организация работ - 31,9%. Далее следуют нарушения трудовой дисциплины (9,1%), правил дорожного движения (8,4%) и технологического процесса (7,9%). Существенную роль играют также случаи неиспользования средств индивидуальной защиты (6%), недостатки в организации рабочих мест (3,3%) и недостаточная подготовка работников по охране труда (2,1%).

Таблица 1

Расчёт показателя частоты производственного травматизма со смертельным исходом (Кч см) в РФ в 2014 году [3, с. 490]

Показатель	Значение показателя (2014 г.)	Источник информации	Доля охваченных учётом (в % ко всем занятым в экономике)	Кч см
Среднесписочная численность работающих (выборочные обследования организаций), тыс. чел.	21 663,8	Росстат	31,9	6,72
Численность пострадавших со смертельным исходом (из выборки), чел.	1 456			
Численность застрахованных работников, тыс. чел.	56 438, 415	ФСС РФ	83,2	3,94
Численность пострадавших со смертельным исходом среди застрахованных, чел.	2 221			
Занятые в экономике (в среднем за год), тыс. чел.	71 539	Росстат	100,0	3,28
Количество пострадавших со смертельным исходом, чел.	2 344	Роструд		

Что касается типов несчастных случаев с тяжелыми последствиями в строительной сфере за 2022 год [6], наиболее частым является падение с высоты, составляющее 42,6% инцидентов. Значительную долю занимают травмы от падения предметов (15,6%) и от движущихся механизмов (14,2%). Также фиксируются транспортные происшествия (11%), случаи поражения электрическим током (4%) и воздействия огня (2,1%).

Особо важно отметить, что более 40% всех несчастных случаев в строительстве происходит по вине руководящего звена - застройщиков и генеральных подрядчиков, что указывает на серьезные проблемы в организации безопасности труда на строительных объектах.

Бизнес-сообществу при ведении строительства важными приоритетами являются: получение максимальной прибыли при сокращении сроков строительства. В ряде случаев (особенно на предприятиях малого бизнеса и микропредприятиях) работники не обеспечиваются средствами индивидуальной защиты. В этих организациях, как правило, не осуществляется строительный контроль, нет инженеров по охране труда.

ВНИИ охраны труда и экономики Минтруда РФ оценил ежегодные потери для экономики России от травматизма в промышленности, которые составляют 1,94 трлн рублей или 4,3% ВВП. [15]

Необходимо затронуть еще один аспект проблемы безопасности в строительстве, который касается аварийности и обрушения конструкций на объектах капитального строительства.

Статистика причин обрушений на строительных объектах демонстрирует тревожную картину. Наибольшее количество инцидентов - 37,1% - происходит из-за нарушений технологии строительно-монтажных работ, включая несоблюдение правил техники безопасности. Существенная доля обрушений - 18,1% - связана с ошибками на этапе проектирования. Кроме того, в 6,7% случаев причиной становится использование некачественных строительных материалов и производственный брак. С августа 2022 по август 2023 гг. в стране обрушилось 57 зданий и сооружений, десятки человек при этом пострадали, есть жертвы. С июля 2023 г. по июль 2024 года обрушению подверглись 69 зданий в различных регионах Российской Федерации, в результате чего погиб 21 человек, а 56 получили травмы. [12]

Причинами обрушения зданий и сооружений могут быть как ошибки в проектировании, так и при строительстве объектов. Невыявленные ошибки могут проявиться в дальнейшем, в период эксплуатации объектов капитального строительства. Но основная часть приходится на период осуществления строительных работ.

Проведенный анализ доказывает необходимость проведения контрольно-надзорных мероприятий в период строительства объектов.

Выводы.

1. Введение механизма «регуляторной гильотины» было направлено на смягчение условий ведения бизнеса по всем секторам экономики, снижение количества (вплоть до запрета) контрольно-надзорных мероприятий.
2. Как показывает статистика, за последние 4 года в строительной отрасли повысился уровень травматизма на производстве, в том числе и количество несчастных случаев с летальным исходом. Также проявилась отрицательная динамика по аварийности зданий и сооружений.
3. Экспертное сообщество однозначно утверждает о многочисленных фактах сокрытия несчастных случаев и производственных травм в процессе строительства, что подтверждается данными Роструда.
4. В целях сокращения случаев аварийности зданий в процессе строительства и дальнейшей их эксплуатации, снижения уровня травматизма на строительных площадках кроме строительного контроля от застройщика (генподрядной организации) необходимо проведение контрольно-надзорных мероприятий со стороны государственных надзорных органов.

Литература

1. Александров О.В. «Регуляторная гильотина»: международный опыт устранения препятствий для бизнеса и инвестирования. // Ж. «Торговая политика. Trade policy». 2019. №1/17 С.108. ISSN 2499-9415.
2. Артеменко Е.А. «Регуляторная гильотина»: анализ проектов новых структур нормативного регулирования. // Ж. «Вопросы государственного и муниципального управления», №1, 2021. С. 37-38.
3. Евстигнеева Ю.В., Евстигнеева Н.А. Россия: современный уровень производственного травматизма со смертельным исходом. // Международный студенческий научный вестник. 2017. № 4 (часть 4) С. 490-493.
4. Котов В.А. Что с производственным травматизмом? Ежегодный анализ. // Ж. «ЭлектроЭнергия», 28.06.2024.
5. Мартынов А. В. Перспективы применения механизма «регуляторной гильотины» при реформировании контрольно-надзорной деятельности // Вестник ННГУ. 2019. № 5.
6. Марченко Ю.А. Доклад-презентация «Производственный травматизм в строительстве». Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Декабрь 2023 г.
7. Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. (№ Пр-294 от 27 февраля 2019 года).
8. Онлайн журнал «Attek Journal» Статистика производственного травматизма в России в 2022 году.// <https://www.centrattek.ru/info/travmatizm-2022/?ysclid=m8fzgyshjq38606216>.
9. Электронный журнал НКПРОМ Промышленная безопасность. 23 июля 2024 <https://nkprom.ru/news/rostrud-statistika-neschastnykh-sluchaev-na-proizvodstve-za-2023-god/?ysclid=m8ecoxbnnz205493407>
10. План мероприятий («дорожная карта») по реализации механизма «регуляторной гильотины» (утв. Правительством РФ 29.05.2019 г. № 4714п-П36).
11. Электронный ресурс: <https://fnpr.ru/documents/dokumenty-federatsii/postanovlenie-ispolkoma-fnpr-ot-14-05-2024-3.html>
12. Электронный ресурс: <https://www.gce.ru/index.php/2024/08/23/statistika-gruppyi-gce-prichinyi-obrusheniy-zdaniy-i-sooruzheniy-v-rossii-s-iyulya-2023-po-iyul-2024-gg/>.
13. Электронный ресурс: <http://ac.gov.ru/events/011325.html>.
14. Электронный ресурс: gos.hse.ru/upload/files/KND_april_2019.pdf.
15. Электронный ресурс: // www.oranatruda.ru/ntws

On the issue of the abolition of control and supervisory measures in the field of capital construction

Barishnikov N.E.

Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics

The article examines the changed conditions in control and supervisory activities after the entry into force of legislative and by-laws. At the same time, an analysis is made of how the situation in the construction industry has changed in recent years in such key components as: the dynamics of accidents with injuries to workers and statistics of building collapses during the construction phase.

Keywords: legislation, regulations, control and supervisory activities, injuries during construction, collapse of structures.

Referents

1. Alexandrov O.V. «Regulatory guillotine»: international experience in removing obstacles to business and investment. // J. «Trade policy. Trade policy». 2019. No.1/17 P.108. ISSN 2499-9415.
2. Artemenko E.A. «Regulatory guillotine»: analysis of projects of new regulatory structures. // J. «Issues of State and municipal management», No. 1, 2021. pp. 37-38.
3. Evstigneeva Yu.V., Evstigneeva N.A. Russia: the current level of fatal occupational injuries. // International Student Scientific Bulletin. 2017. No. 4 (part 4) pp. 490-493.

4. Kotov V.A. What about occupational injuries? Annual analysis. // J. «Electric Power», 06/28/2024.
5. Martynov A.V. Prospects for the use of the «regulatory guillotine» mechanism in the reform of control and supervisory activities // Bulletin of the UNN State University. 2019. № 5.
6. Marchenko Yu.A. Presentation report «Occupational injuries in construction». Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation. December 2023
7. List of instructions for the implementation of the President's Address to the Federal Assembly dated February 20, 2019 (No. Pr-294 dated February 27, 2019).
8. Online magazine «Attek Journal» Statistics of occupational injuries in Russia in 2022.// <https://www.centrattek.ru/info/travmatizm-2022/?ysclid=m8fzgyshjq38606216>.
9. NKPROM Industrial Safety electronic Journal. July 23, 2024 <https://nkprom.ru/news/rostrud-statistika-neschastnykh-sluchaev-na-proizvodstve-za-2023-god/?ysclid=m8ecoxbnnz205493407>
10. Action plan (roadmap) for the implementation of the «regulatory guillotine» mechanism (approved by By the Government of the Russian Federation on 29.05.2019, No. 4714p-P36).
11. Electronic resource: <https://fnpr.ru/documents/dokumenty-federatsii/postanovlenie-ispolkoma-fnpr-ot-14-05-2024-3-3.html>
12. Electronic resource: <https://www.gce.ru/index.php/2024/08/23/statistika-gruppyi-gce-prichinyi-obrusheniy-zdaniy-i-sooruzheniy-v-rossii-s-iyulya-2023-po-iyul-2024-gg/>.
13. Electronic resource: <http://ac.gov.ru/events/011325.html> .
14. Electronic resource: [http:// gos.hse.ru/upload/files/KND_april_2019.pdf](http://gos.hse.ru/upload/files/KND_april_2019.pdf) .
15. Electronic resource: // www.oranatruda.ru/ntws

Перевод на другую работу: понятие, влияние цифровизации

Владимирова Василиса Дмитриевна

аспирант кафедры трудового права и права социального обеспечения

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина Vladimirova.v.d@mail.ru

Актуальность работы определяется наличием пробелов в законодательном регулировании явления перевода граждан на другую работу под влиянием цифровой трансформации бизнес-среды, способствующих сокращению объема гарантий для сотрудников, потенциальной вероятностью появления трудовых споров на фоне изменения базовых условий трудового договора при переводе на другую работу. Кроме того, действующая редакция Трудового кодекса РФ на данный момент не способна предоставить четкие ответы на важные вопросы, связанные с грамотным осуществлением перевода граждан на другую работу в условиях цифровизации бизнес-среды. **Цель работы** – выявление правовых особенностей перевода гражданина на другую работу. **Основные результаты научного исследования:** анализ понятия и видов перевода гражданина на другую работу; изучение явления производственной необходимости перевода гражданина на другую работу; воздействия цифровизации на трудовые условия работников и их перевод на другую работу; разработка рекомендательных мер гармоничного внедрения цифровых технологий в систему перевода граждан на другую работу в соответствии с отечественным трудовым правом. **Методы исследования:** систематизация, обобщение, индукция, дедукция, анализ теоретических и эмпирических источников академической литературы, сопоставление, сравнительный, компаративный анализ, системный подход, концептуализация данных, формально-юридический метод, анализ нормативно-правовых и законодательных актов, регламентирующих вопросы перевода гражданина на другую работу в условиях цифровизации бизнес-среды. **Практическая значимость научного исследования** объясняется тем, что полученные результаты могут быть применены при реализации законотворческой деятельности, в судебной практике, в ходе оптимизации производительности труда и функциональной мобильности сотрудников на рабочем месте.

Ключевые слова: перевод на другую работу; условия цифровой трансформации бизнес-среды; трудовое право; внедрение цифровых технологий; действующая законодательная база; правовые особенности перевода работников на другую работу; трудовые споры.

Введение. Изменение базовых условий трудового договора, заключенного между работодателем и работником, включая процедуру перевода гражданина на другую работу, возможно при наличии дополнительного соглашения обеих сторон. Исходя из ст. 72 ТК РФ, дополнительное соглашение между работником и работодателем составляется письменно [1].

Нормативные положения, изложенные в ТК РФ, отражают обоснованное выделение двух ключевых категорий данного научного исследования, в частности, перевода гражданина на другую работу и изменение базовых условий трудового договора, заключенного между работодателем и работником. Одновременно с этим последняя правовая категория по своему содержанию шире в отличие от термина «перевод на другую работу» [2]. Данный момент целесообразно учитывать при анализе теоретико-правовых основ перевода на другую работу, а также имеющейся правоприменительной практики.

Второй значимый аспект выбранной темы для проведения исследования – любые изменения базовых условий трудового договора, заключенного между работодателем и работником, могут быть осуществлены только, исходя из составленного письменного дополнительного соглашения обеих сторон (не допускается менять условия трудового договора исключительно по согласию сотрудника).

Изменение базовых условий трудового договора, заключенного между работодателем и сотрудником, может детерминироваться внешними обстоятельствами и/или интересами работодателя (сотрудника). Исходя из исторической ретроспективы развития отечественного трудового права, нормативные положения, регламентирующие трудовые отношения, которые обусловлены изменениями базовых условий трудового договора, были введены ещё в 2001 году, поскольку они обладают высокой практической значимостью для сотрудников и работодателя [3].

В настоящее время крайне высокую актуальность имеют вопросы практического использования нормативных положений отечественного трудового права. Это тесно связано с существующими в российском трудовом законодательстве пробелами правоприменения имеющихся правовых норм.

Анализ понятия и видов перевода гражданина на другую работу. Согласно последним изменениям в статье 72.1 Трудового кодекса Российской Федерации, была обозначена правовая трактовка понятия "перевод на другую работу" [1]. Данный термин означает изменение вида трудовой деятельности работника или его работу в другом структурном отделе предприятия при условии, что первоначальный договор фиксирует конкретное подразделение. При этом перемена может быть как временной, так и постоянной, при сохранении трудовых отношений с текущим работодателем или сопровождаться переездом в новую местность [4].

Перевод возможен только с письменного согласия работника, кроме особых случаев, которые регламентируются пунктами 2 и 3 статьи 72.2 ТК РФ. Постоянный переход к другому работодателю начинается с письменного заявления работника и приводит к расторжению трудового договора по пункту 5 части первой статьи 77 ТК РФ.

Классификация перевода включает: 1) временный или постоянный по продолжительности; 2) в рамках одного работодателя или к другому; 3) с сопровождением в другую

местность; 4) инициированный работником или работодателем [5].

При этом изменение рабочего места внутри одной местности или компании не считается переводом и не требует согласия работника, если это не противоречит условиям трудового договора.

В случае указания в трудовом договоре конкретного структурного подразделения, изменение этого положения запрашивается только при наличии письменного согласия работника (часть 2 ст. 57 ТК РФ). Под структурным подразделением понимаются филиалы или специализированные отделы организации.

Важно помнить, что рабочее место определяется как пространство, контролируемое работодателем и необходимое для выполнения обязанностей работником (ст. 209 ТК РФ).

Перемещение работника, не оговоренное условиями трудового договора, подразумевает перемену места его профессиональной деятельности, оборудования или структурной единицы. Важно отметить, что перевод на работу, которая может навредить здоровью работника, запрещен по законодательству.

В соответствии с 16-м пунктом решения Пленума Верховного Суда РФ №2 от 17 марта 2004 года, возложение на работника выполнения обязанностей, не предусмотренных трудовым договором, возможно только в исключительных случаях, предусмотренных законом. Кроме того, необходимо получение письменного согласия работника на его перемещение в иных случаях, кроме тех, что определены в ст. 72.2 ТК РФ [6].

Также законодательно установлено, что временный перевод на иную должность до года может происходить только с согласия работника и предполагает возможность замены временно отсутствующего работника. Если после истечения срока временного перевода работник не запросил возврат на прежнее место работы, такое положение становится постоянным.

В чрезвычайных ситуациях, включая стихийные бедствия, сроком до одного месяца разрешено без согласия работника перевести его на выполнение работ, не указанных в договоре, для ликвидации угрозы или последствий таких ситуаций.

В соответствии с трудовым законодательством РФ, работник может быть временно переведен на иной вид деятельности у того же работодателя, который не предусмотрен его основным трудовым договором, без его согласия на срок до одного месяца. Такие меры допустимы в определенных ситуациях, например, в случае простоя из-за экономических, технологических, технических или организационных причин, необходимости предотвращения утраты или повреждения имущества или при замещении временно отсутствующего работника, если эти обстоятельства вызваны чрезвычайными ситуациями, предусмотренными ч. 2 ст. 72.2 ТК РФ. Следует отметить, что перевод на работу, требующую меньшей квалификации, возможен только при наличии письменного согласия работника [7], [8].

Данные виды временного перевода включают:

1) Перевод на другую работу на срок до одного года по взаимному согласию сторон, оформленному в письменной форме, включая случаи замены временно отсутствующего работника;

2) Временное перераспределение на срок до одного месяца без согласия работника в чрезвычайных обстоятельствах, таких как катастрофы или аварии, где под угрозу поставлена жизнь или обычные условия существования населения или его части;

3) Перевод на не предусмотренную договором работу до одного месяца в случае простоя, необходимости предотвращения ущерба или замещения отсутствующего

работника в чрезвычайных обстоятельствах, при этом перевод на должность с низшим уровнем квалификации требует письменного согласия работника;

4) Перевод до четырех месяцев или дольше в период восстановления здоровья, подтвержденного медицинским заключением.

При наступлении форс-мажорной ситуации руководство компании может применить в отношении того или иного работника следующие меры:

- временно перевести на другую работу;
- привлечь кадров к выполнению определенных задач сверхурочно;
- сделать рабочий день в выходные и праздники;
- оформить отзыв или перенос отпуска в связи с производственной необходимостью.

Изучение явления производственной необходимости перевода гражданина на другую работу. Понятию «производственная необходимость» можно дать следующую трактовку — это ситуация, когда возникает потребность в выполнении срочных работ, от которых зависит функционирование всего предприятия (или отдельных его подразделений), а также дальнейшие жизненные условия всего населения или отдельной его части.

Производственная необходимость также предполагает изменение базовых условий заключенного между сотрудником и работодателем трудового договора. Законодательное закрепление указанной категории получило в гл. 12 ТК РФ [1], при этом она может применяться с иными взаимосвязанными понятиями, например:

- перемещение работника;
- перевод гражданина на другую работу;
- отстранение сотрудника от занимаемой должности;
- изменение трудовых условий в связи с реорганизацией работодателя;
- сохранение трудовых отношений с сотрудником при смене собственника компании;
- изменение трудовых условий в связи со сменой подведомственности компании.

В данном случае возникает дискуссионный вопрос о том, что перечисленные выше понятия должны отражать правовые основания изменения базовых условий трудового договора, заключенного между сотрудником и работодателем, в связи с производственной необходимостью. Тем не менее, анализ каждого понятия позволил отметить, что не все категории могут быть правовыми основаниями изменения базовых условий трудового договора, заключенного между сотрудником и работодателем.

Безусловно, перевод гражданина на другую работу по причине производственной необходимости может быть правовым основанием изменений базовых условий трудового договора, заключенного между сотрудником и работодателем. Исходя из ст. 57, 72 и 74 ТК РФ, в целом перевод сотрудников на другую работу обуславливает изменения условий о рабочем месте, выполняемой трудовой функции. Вместе с тем изменения иных условий трудового контракта относятся к изменениям базовых условий трудового договора, заключенного между сотрудником и работодателем, в связи с производственной необходимостью.

В контексте ст. 74 ТК РФ при изменении базовых условий трудового договора по инициативе работодателя не представляется возможным поменять только содержание выполняемых трудовых функций. Соответственно, условие о рабочем месте сотрудника, исходя из ст. 74 ТК РФ, может меняться отдельно от второго условия. Однако такая трактовка законодательного положения является сомнительной, так как формирует сложности понятийно-категориального аппарата. С другой стороны, по правоприменительной практике данное положение является в

определенной степени обоснованным, поскольку работодатель не лишается своего права на реализацию организационных преобразований. Только в данном случае нужно обеспечить достаточные трудовые гарантии для сотрудников.

Согласно трудовым законодательным актам, действовавшим в период РСФСР, именно перевод сотрудника на другую работу являлся ключевым правовым основанием изменения базовых условий трудового договора, заключенного между работодателем и сотрудником: о выполняемой трудовой функции и рабочем месте, в том числе и в ситуации производственной необходимости. Но по мере накопления судебной практики по трудовым спорам перевод сотрудника на другую работу стал интерпретироваться шире, в данную категорию вкладывают иные условия, меняющие содержание трудового договора [9], [10].

Только в 1980-х гг. в отечественном трудовом праве, помимо процедур перевода граждан на другую работу, были закреплены иные правовые категории, в частности, изменение существенных условий трудовых отношений, а в действующей редакции ТК РФ можно найти такую категорию, как изменение базовых условий трудового договора, заключенного между сотрудником и работодателем [11].

Перевод сотрудника на другую работу в связи с производственной необходимостью теоретически предполагает изменение базовых условий заключенного между работодателем и сотрудником трудового договора без согласия одной из сторон – работника. Максимальный срок перевода сотрудника на другую работу по причине производственной необходимости, исходя из правовых положений ТК РФ, составляет 30 дней. Однако приведенные в законодательстве пункты обладают несовершенствами при правоприменении, что подтверждается существующей судебной практикой.

Так, в 2020 году возник трудовой спор между работодателем (государственной больницей) и врачом, обусловленным переводом сотрудника на другую работу в условиях пандемии COVID-19. Перевод был осуществлен в другое структурное подразделение государственной районной больницы (участковую больницу), в котором не было врача аналогичной специализации – рентгенолога, не было получено согласие от работника на перевод. Содержание трудового договора было изменено: срок перевода – 30 дней, изменение условий выполнения трудовой функции – в участковой больнице нужно было дополнительно описывать рентгеновские снимки (дополнительная заработная плата за это не исчислялась). На новом месте врача подвергли дисциплинарному взысканию по причине нарушения деловой этики во взаимоотношениях с руководителем участковой больницы. Исходя из обозначенных выше обстоятельств, врач обратился с исковыми требованиями в суд о признании незаконным перевода сотрудника на другую работу, а также возмещении компенсации причиненного морального вреда в размере 100 тыс. руб.

В судебном процессе был обоснован факт перевода врача на другую работу, несмотря на то, что представители государственной больницы утверждали, что осуществление этой процедуры было обусловлено внешними обстоятельствами, которые связаны с неблагоприятными условиями пандемии COVID-19 в районе, где функционировала государственная больница.

Суд первой инстанции установил, что осуществленный перевод врача на другую работу был незаконным, отсутствовало согласие сотрудника в письменной форме, исходя из норм ТК РФ. Кроме того, в приказах государственной больницы нет достаточных правовых оснований совершения перевода врача на другую работу, условий начисления заработной платы, трудовых обязанностей.

Вместе с тем суд первой инстанции также подтвердил незаконность дисциплинарного взыскания с врача. Компенсация морального вреда также была установлена, однако сумма была уменьшена до 5 тыс. руб.

Представители государственной больницы подали апелляцию, объяснив это тем, что врача направили работать в участковую больницу по причине производственной необходимости (отсутствия профильного врача в структурном подразделении). Соответственно, по мнению ответчика, это не выступает переводом сотрудника на другую работу.

Однако Верховный суд, рассматривавший апелляционную жалобу, оставил принятое в суде первой инстанции решение, обосновав это тем, что представители государственной больницы неправильно интерпретируют материальные права субъектов трудовых взаимоотношений, которые обозначены в ст. 72 ТК РФ. Помимо этого, для практического осуществления процедуры перевода сотрудника на другую работу требует получить от него письменное согласие, в котором также прописывается выполнение сотрудником новых рабочих обязанностей (в данном случае – описание сделанных снимков рентгена). Также Верховный суд заключил, что неблагоприятная обстановка в условиях стремительного распространения коронавируса инфекции на территориальном объекте не может являться чрезвычайной ситуацией – правовым основанием перевода сотрудника на другую работу по причине производственной необходимости [12].

Следовательно, в результате трудового спора судом, а также апелляционной инстанцией было вынесено решение, в котором отмечено, что представители государственной больницы не обосновали производственную необходимость осуществленной процедуры перевода врача на другую работу.

Изучение воздействия цифровизации на трудовые условия работников и их перевод на другую работу. Теперь проведем анализ влияния цифровизации на перевод работника на другую работу. Под цифровизацией понимается процесс преобразования трудовых процессов в цифровой формат. При этом цифровая трансформация обуславливает практическое применение автоматизирующих бизнес технологий в целях совершенствования степени качества оказываемых услуг, оптимизации производственных процессов, увеличения результативности функционирования компаний [13].

Цифровизация оказывает многофакторное влияние на трудовые отношения. С одной стороны, автоматизация рутинных задач и внедрение интеллектуальных систем способствуют увеличению продуктивности труда и снижению затрат для работодателя. С другой — это ставит перед работодателем задачи по переобучению работников, их переводу на другие должности или даже изменению условий труда.

Современное трудовое законодательство должно адаптироваться к изменениям, вносимым цифровизацией. Регулирование перевода работников требует внимательного анализа в контексте дистанционной работы, временного и проектного трудоустройства. Статья 312.3 Трудового кодекса РФ, регулирующая условия дистанционной работы, и статья 72.2, касающаяся временного перевода, требуют интерпретации с учетом новых реалий. Проблемы, такие как конфиденциальность данных и защита персональной информации работников, становятся критически важными в процессе перевода работников с использованием цифровых инструментов [14].

Переход работника на дистанционную форму трудовой деятельности может быть инициирован как по согласию самого работника, так и без такового, в зависимости

от обстоятельств и установленного порядка. Цифровизация рабочих процессов оказывает многогранное влияние на дистанционных работников.

Одной из особенностей цифровой занятости выступает то, что трудовые отношения между работодателем и сотрудником могут быть оформлены посредством электронного трудового договора, что подтверждается нормами ст. 312.3 Трудового кодекса Российской Федерации. Тогда ключевым цифровым инструментом трудовых взаимоотношений является электронная подпись сторон: работодателя и сотрудника.

Стоит заметить, что сотрудники, выполняющие работу дистанционно, также подпадают под защиту действующего трудового законодательства, соответственно, у них присутствуют гарантии обеспечения достойных условий труда и социальной защиты. Взаимодействие и коммуникации между работодателем и сотрудником, выполняющим работу дистанционно, формально интегрированы в рабочий график, исходя из регламентации трудовых взаимоотношений между сотрудником и работодателем посредством трудового договора.

Разработка рекомендательных мер гармоничного внедрения цифровых технологий в систему перевода граждан на другую работу в соответствии с отечественным трудовым правом. Современные платформы и цифровые инструменты, в частности, облачные технологии, Big Data, предиктивная аналитика и искусственный интеллект, требуют наличие у работников цифровых навыков и компетенций. Перевод сотрудников на работу в дистанционном режиме зачастую взаимосвязан с физическим перемещением из одного подразделения в другое, а также с изменениями профессиональной специализации посредством организации прохождения образовательных программ, коллективного развития профессиональных компетенций сотрудников [4].

Вместе с тем цифровизация предоставляет работодателю инструменты эффективного управления персоналом при помощи разработки цифровых систем управления информационными и материальными ресурсами, программ вовлеченности сотрудников в организационно-хозяйственную деятельность компании, а также интеграции персонализированных обучающих модульных курсов.

В контексте данного научного исследования предлагается комплекс рекомендательных направлений по эффективному внедрению цифровых инструментов и процедур в трудовые взаимоотношения между сотрудниками и работодателем:

- 1) потребность в совершенствовании трудовых правовых норм, регламентирующих осуществление процедуры перевода сотрудников на дистанционный режим работы;
- 2) внедрение и практическое использование централизованных цифровых платформ HR-управления в условиях практического применения дистанционной занятости;
- 3) профессиональная подготовка специалистов отдела кадров и юридического отдела в условиях цифровизации трудовых взаимоотношений.

Перевод работников на дистанционный режим работы предполагает быструю адаптацию и стратегическую переориентацию трудовых взаимоотношений между обеими сторонами: сотрудниками и работодателем. Основополагающую роль в цифровизации рабочих функций и процессов играет отдел кадров, в данном случае он должен своевременно реагировать на происходящие во внешней среде изменения, формировать меры по управлению и развитию талантливыми сотрудниками, а также принципиально новые подходы к профессиональному обучению и цифровому развитию сотрудников. Посредством интеграции цифровых инструментов и технологий работодатель

может в значительной степени повысить гибкость и адаптируемость перевода сотрудников на другую работу [15].

В условиях цифровой трансформации и автоматизации трудовых процессов, функций вынужденный перевод сотрудников на дистанционный режим работы требует пристального внимания со стороны научно-исследовательского и юридического сообщества. Вынужденный перевод работников представляет собой изменение выполняемых трудовых обязанностей, локации их осуществления по причине внедрения современных систем и платформ, включая использование роботов вместо человеческого труда. Прежде чем рассматривать вопрос о нормативном регулировании вынужденного перевода сотрудников на другую работу, целесообразно выделить типы компенсаций работнику.

Варианты компенсаций:

1. Денежная компенсация. Может быть рассмотрена в виде единовременных выплат или доплат к зарплате на определенный период времени, чтобы облегчить переход к новой должности или в новые условия труда.

2. Переобучение или повышение квалификации. Это особенно актуально в случаях, когда внедрение новых технологий требует от работников новых навыков. Организация курсов или тренингов поможет работникам адаптироваться к изменениям и сохранить свою конкурентоспособность на рынке труда.

3. Помощь в трудоустройстве. Если перевод внутри работодателя невозможен, работодатель может предложить помощь в поиске новой работы, сотрудничая с кадровыми агентствами или консультационными службами.

Что касается возможности законодательного закрепления категории «вынужденный перевод», следует учитывать, что в действующем Трудовом кодексе Российской Федерации подобные изменения потребуют тщательного анализа и поддержки на различных уровнях государственного управления. Предложение о введении легального определения должно быть обосновано необходимостью защиты прав работников в условиях технологического развития.

Поправки к Трудовому кодексу РФ могут включать:

- уточнение оснований для вынужденного перевода, включая цифровизацию и автоматизацию производственных процессов.
- разработку критериев и условий для компенсаций и поддержки работников, подвергающихся вынужденному переводу.
- регламентацию процедур информирования и консультаций с работниками в случае внесения изменений в их статус или условия труда.

Наконец, вопрос об изменении трудовой функции работника в связи с цифровизацией подразумевает не только пересмотр профессиональных обязанностей, но и адекватную подготовку работников. Так, пересмотр трудовых функций должен сопровождаться предложением обязательных образовательных или курсов переподготовки, обеспечивая тем самым гладкий переход и дополнительную защиту интересов работников.

Внедрение и закрепление такой практики требует комплексного подхода и междисциплинарного сотрудничества как на уровне работодателя, так и в рамках государственной политики в области труда.

Выводы. Подводя итог вышеизложенному, можно заключить, что внедрение цифровых технологий в область трудовых правоотношений и в определение содержания трудового договора, в условиях современной реальности — неизбежно. Несмотря на то, что цифровизация условий труда работника оказывает положительное влияние, позволяя ускорить процесс выполнения должностных обязанностей, облегчить труд, повысить качество труда, у

нее есть и другая сторона, выражающаяся в том, что некоторые трудовые процессы, выполняемые человеком, целесообразно заменить цифровыми технологиями. По этой причине необходимо задуматься об определении пределов замещения трудовой деятельности человека автоматизированными процессами. В связи с этим особое значение должно иметь полное правовое регулирование не только оснований, но и процедур изменения трудовой функции работника и иных условий трудового договора, вызванного внедрением в трудовой процесс цифровых технологий.

Перспективными направлениями будущих научных исследований выступают:

- 1) исследование отрицательных последствий вынужденных и временных переводов сотрудников на другую работу, в том числе ухудшения психологического климата в трудовом коллективе при использовании дистанционного режима выполнения рабочих обязанностей;
- 2) анализ динамики трудовых конфликтов, сопряженных с проведением процедуры перемещения, перевода сотрудников на другую работу;
- 3) формирование рекомендаций по грамотному разрешению подобных трудовых споров;
- 4) изучение трендов нормативного регулирования перевода сотрудников на другую работу в условиях цифровой трансформации бизнес-среды;
- 5) сопоставительный анализ нормативных положений, регламентирующих процедуру перевода сотрудников на другую работу в РФ и иных странах международного сообщества;
- 6) формирование рекомендаций, способствующих грамотному оформлению процедуры перевода сотрудников на дистанционный режим занятости.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 23.04.2025).
2. Петров А. Я. Перевод на другую работу и перемещение // Образование и право. – 2021. – № 2. – С. 391-396.
3. Мишин Д. А., Куровский С. В., Халафян А. А. Цифровизация как направление развития государства и права: сущность, перспективы, риски // Вестник Академии права и управления. – 2024. – № 5 (80). – С. 77-81.
4. Измайлова Д. Э. Перевод на другую временную работу по соглашению сторон: вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Вестник науки. - 2023. - №7 (64). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-na-druguyu-vremennuyu-rabotu-po-soglasheniyu-storon-voprosy-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 23.04.2025).
5. Рыбаков М. С. Правовое регулирование труда в условиях цифровой реальности: основные тенденции развития законодательства // Молодой ученый. - 2023. - № 1 (448). - С. 193.
6. Новикова М. В., Белова Е. А. Влияние цифровизации на трудовые отношения [Электронный ресурс] // Социальные новации и социальные науки. - 2022. - № 1 (6). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovizatsii-na-trudovye-otnosheniya> (дата обращения: 23.04.2025).
7. Куренной А. М. Некоторые актуальные проблемы правового регулирования трудовых отношений [Электронный ресурс] // Российское право: образование, практика, наука. - 2020. - № 4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aktualnye-problemy-pravovogo-regulirovaniya-trudovyh-otnosheniy> (дата обращения: 23.04.2025).

8. Мишин Д. А., Куровский С. В., Сижажев А. Х. Понятие юрисдикции в национальном и международно-правовом аспектах // Юридическая наука. – 2024. – № 2. – С. 247-251.

9. Бугров Л. Ю. Трудовой договор в России и за рубежом: монография. - Пермь, 2013. – 370 с.

10. Некрошус И. Вопросы совершенствования правоприменительной практики гражданского и трудового законодательства. - Вильнюс, 1989. – 160 с.

11. Занданова О. В., Занданов И. В. К вопросу о способах изменения трудового договора // Социальные и гуманитарные науки. Юриспруденция: Материалы научно-практической конференции ВСГУТУ (г. Улан-Удэ, 25-29 апреля 2022 г.). – Улан-Удэ: Изд-во Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, 2022. – С. 91-94.

12. Адвокат отстоял решение суда, выявившего незаконный перевод врача на другую работу без ее согласия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-otstoyal-reshenie-suda-vyyavivshego-nezakonnyy-perevod-vracha-na-druguyu-rabotu-bez-ee-soglasiya/> (дата обращения: 23.04.2025).

13. Куровский С. В., Мишин Д. А., Воробьев К. В. Цифровая трансформация компаний как новая парадигма менеджмента // Финансовые рынки и банки. – 2025. - № 1. – С. 291-299.

14. Лушников А.М., Лушникова М.В. Трудовое право и цифровая экономика: Российский опыт в контексте мировых тенденций [Электронный ресурс] // Ежегодник трудового права. - 2020. - № 10. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovoe-pravo-i-tsifrovaya-ekonomika-rossiyskiy-opyt-v-kontekste-mirovyh-tendentsiy> (дата обращения: 23.04.2025).

15. Савин В. Т. Некоторые проблемы понятия «перевод на другую работу» // Государство и право. - 2021. - № 3. - С. 38.

Transfer to another job: concept, impact of digitalization Vladimirova V.D.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

The relevance of the work is determined by the presence of gaps in the legislative regulation of the phenomenon of transferring citizens to another job under the influence of the digital transformation of the business environment, which contribute to a reduction in the volume of guarantees for employees, the potential likelihood of labor disputes against the background of a change in the basic terms of the employment contract when transferring to another job. In addition, the current version of the Labor Code of the Russian Federation is currently unable to provide clear answers to important questions related to the competent implementation of the transfer of citizens to another job in the context of digitalization of the business environment. The purpose of the work is to identify the legal features of transferring a citizen to another job. The main results of the scientific research: analysis of the concept and types of transfer of a citizen to another job; study of the phenomenon of production need to transfer a citizen to another job; the impact of digitalization on the working conditions of employees and their transfer to another job; development of recommendatory measures for the harmonious implementation of digital technologies in the system of transferring citizens to another job in accordance with domestic labor law. Research methods: systematization, generalization, induction, deduction, analysis of theoretical and empirical sources of academic literature, comparison, comparative, comparative analysis, systems approach, data conceptualization, formal-legal method, analysis of normative-legal and legislative acts regulating the issues of transferring a citizen to another job in the context of digitalization of the business environment. The practical significance of the scientific research is explained by the fact that the results obtained can be applied in the implementation of legislative activities, in judicial practice, in the course of optimizing labor productivity and functional mobility of employees in the workplace.

Keywords: transfer to another job; conditions for digital transformation of the business environment; labor law; implementation of digital technologies; current legislative framework; legal features of transferring employees to another job; labor disputes.

References

1. Labor Code of the Russian Federation of 30.12.2001 N 197-FZ (as amended on 07.04.2025) [Electronic resource]. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (date of access: 23.04.2025).

2. Petrov A. Ya. Transfer to another job and relocation // Education and Law. - 2021. - No. 2. - P. 391-396.
3. Mishin D. A., Kurovsky S. V., Khalafyan A. A. Digitalization as a direction of development of the state and law: essence, prospects, risks // Bulletin of the Academy of Law and Management. - 2024. - No. 5 (80). - P. 77-81.
4. Izmailova D. E. Transfer to another temporary job by agreement of the parties: issues of theory and practice [Electronic resource] // Bulletin of Science. - 2023. - No. 7 (64). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-na-druguyu-vremennuyu-rabotu-po-soglasheniyu-storon-voprosy-teorii-i-praktiki> (date of access: 04/23/2025).
5. Rybakov M. S. Legal regulation of labor in the digital reality: the main trends in the development of legislation // Young scientist. - 2023. - No. 1 (448). - P. 193.
6. Novikova M. V., Belova E. A. The impact of digitalization on labor relations [Electronic resource] // Social innovations and social sciences. - 2022. - No. 1 (6). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovizatsii-na-trudovye-otnosheniya> (date of access: 23.04.2025).
7. Kurennoy A. M. Some current problems of legal regulation of labor relations [Electronic resource] // Russian law: education, practice, science. - 2020. - No. 4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aktualnye-problemy-pravovogo-regulirovaniya-trudovyh-otnosheniy> (date of access: 23.04.2025).
8. Mishin D. A., Kurovsky S. V., Sizhazhev A. Kh. The concept of jurisdiction in national and international legal aspects // Legal science. - 2024. - No. 2. - P. 247-251.
9. Bugrov L. Yu. Employment contract in Russia and abroad: monograph. - Perm, 2013. - 370 p.
10. Nekroshus I. Issues of improving the law enforcement practice of civil and labor legislation. - Vilnius, 1989. - 160 p.
11. Zandanova O. V., Zandanov I. V. On the issue of ways to change the employment contract // Social and humanitarian sciences. Jurisprudence: Proceedings of the scientific and practical conference of VSGUTU (Ulan-Ude, April 25-29, 2022). - Ulan-Ude: Publishing house of the East Siberian State University of Technology and Management, 2022. - Pp. 91-94.
12. The lawyer defended the court decision that revealed the illegal transfer of a doctor to another job without her consent [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-otstoyal-reshenie-sudavvyavivshego-nezakonnny-perevod-vracha-na-druguyu-rabotu-bez-ee-soglasiya/> (date of access: 04/23/2025).
13. Kurovsky S. V., Mishin D. A., Vorobyov K. V. Digital transformation of companies as a new management paradigm // Financial markets and banks. - 2025. - No. 1. - P. 291-299.
14. Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. Labor law and digital economy: Russian experience in the context of global trends [Electronic resource] // Yearbook of labor law. - 2020. - No. 10. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovoe-pravo-i-tsifrovaya-ekonomika-rossiyskiy-opyt-v-kontekste-mirovyh-tendentsiy> (date of access: 04/23/2025).
15. Savin V. T. Some problems of the concept of "transfer to another job" // State and Law. - 2021. - No. 3. - P. 38.

Допустимость и достоверность как наиболее формализованные критерии оценки доказательств в гражданском процессе

Дыбенко Василий Богданович

аспирант кафедры гражданского права и процесса, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, vasyok.dyba@yandex.ru

В данной статье представлен анализ допустимости и достоверности как наиболее формализованных критериев оценки доказательств в российском гражданском процессе, рассматриваемых в контексте современных вызовов цифровой трансформации общественных отношений. Актуальность исследуемой проблематики обусловлена не только теоретической значимостью вопроса, но и практическими затруднениями, возникающими в судах при необходимости квалификации нетрадиционных форм фиксации юридически значимых фактов. Парадоксальная ситуация сложилась в научной доктрине, где сформировались диаметрально противоположные позиции относительно интерпретации критерия допустимости: консервативный подход (настаивание на строгом соблюдении формальных требований к доказательствам) противопоставляется либеральной концепции, выдвигающей на первый план установление объективной истины даже при определенных отступлениях от процессуальной формы. Изучение судебной практики последних лет демонстрирует постепенный сдвиг правоприменения в сторону расширительного толкования допустимости при одновременном сохранении высоких стандартов достоверности, что особенно заметно в сфере оценки электронных доказательств и материалов, которые получены из интернет-источников. Особое внимание в статье уделяется соотношению формальных и содержательных аспектов оценки, когда критерии допустимости и достоверности находятся в состоянии контрпродуктивного противоречия. Изложенные материалы будут полезны как в практической деятельности судей и представителей сторон при формировании доказательственной базы, так и в теоретических изысканиях, ориентированных на модернизацию института доказывания в условиях информационного общества и цифровизации гражданского оборота.

Ключевые слова: гражданский процесс, допустимость доказательств, достоверность доказательств, информационные технологии, средства доказывания, формализованные критерии, электронные доказательства

Введение

Эффективность правоприменения в сфере гражданского судопроизводства неразрывно связана с качеством оценки доказательств. Проблематика исследования обусловлена усиливающимся противоречием между формализованным характером законодательных требований и динамичным развитием форм фиксации юридически значимых фактов в современном информационном обществе.

Интенсивная цифровизация гражданского оборота порождает новые достаточно серьезные вызовы для судебной системы, когда традиционные критерии допустимости и достоверности доказательств сталкиваются с необходимостью адаптации к реалиям электронного документооборота, дистанционного заключения сделок, а также фиксации фактов посредством современных технологий.

Несмотря на развитость доктринальных подходов, законодательной базы, судебной практики в рассматриваемой сфере, сохраняется неопределенность относительно применения характеризующих критериев к отдельным нетривиальным случаям доказывания.

Материалы и методы

Анализ научной литературы по обсуждаемой теме целесообразно начать с группировки источников по содержательному признаку. Их предлагается разделить на несколько тематических блоков: нормативно-правовую базу, работы, посвященные допустимости, достоверности доказательств, а также комплексные труды по проблемам доказывания.

Нормативно-правовую основу исследуемой проблематики составляют Гражданский процессуальный кодекс РФ [1], закрепляющий фундаментальные положения о доказательствах и доказывании, а также разъяснения высшей судебной инстанции, представленные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ [2, 3]. Особую значимость в контексте исследования имеет статья 67 ГПК РФ, устанавливающая принципы оценки, а также статья 60 ГПК РФ, регламентирующая вопросы допустимости.

Обширную группу источников составляют научные труды, посвященные проблематике допустимости, достоверности доказательств. В статье К.О. Пановой [7] раскрывается сущностное содержание этих критериев и предпринимается попытка их теоретического осмысления. Автор подчеркивает, что допустимость необходимо рассматривать как комплексное явление, включающее не только формальное соответствие доказательства требованиям закона, но и соблюдение процедуры его получения. В работе А.Ю. Бобровской [5] акцентируется внимание на проблемных аспектах, в частности, на отсутствии в законодательстве четких параметров оценивания допустимости новых видов доказательств, возникающих в условиях цифровизации гражданского оборота.

Значительный вклад в разработку концептуальных основ внес М.К. Треушников [9], предложивший дихотомическое деление на позитивное и негативное содержание — он развивает концепцию допустимости как инструмента обеспечения процессуальной дисциплины и гарантии до-

стоверности вводимой в процесс информации. А.Н. Шейкин [11] рассматривает этот критерий через призму судебного усмотрения, подчеркивая, что формальный подход к нему может стать препятствием для установления объективной истины по делу.

В работе Е.Р. Нестеровой, А.И. Худобиной [6] допустимость анализируется во взаимосвязи с общими проблемами доказывания; авторы указывают на потребность в обращении к системному подходу к оценке в контексте принципов гражданского процесса.

Проблематика достоверности доказательств проанализирована в изысканиях А.Ю. Александрова [4], А.С. Твердохлебовой [8]. Авторы сосредоточены на сложностях её оценивания, они сфокусированы на раскрытии проблемы фальсификации и ее процессуальных последствий. Обосновывается необходимость совершенствования механизмов выявления недостоверных доказательств в гражданском процессе.

Комплексный подход к оценке в характеризующейся сфере продемонстрирован в работах Н.Н. Федулова [10] и Е.С. Якимовой [12]. Делается упор на процессуальных гарантиях достоверности доказательственной информации и пределах судебного усмотрения при оценивании допустимости. Поднимаются вопросы квалификации, предлагаются соответствующие методологические подходы. В этих изысканиях подчеркивается, что анализируемые критерии следует рассматривать во взаимосвязи, поскольку они обеспечивают как формальную, так и содержательную стороны доказательственного процесса.

Ознакомление с современными источниками и материалами позволило выявить ряд расхождений в научных. Так, одни исследователи (А.Н. Шейкин [11], Н.Н. Федулов [10]) придерживаются позиции, согласно которой критерий допустимости должен интерпретироваться гибко, с приоритетом установления истины по делу над формальными требованиями. Другие же (А.Ю. Бобровская [5], К.О. Панова [7]) настаивают на строгом соблюдении правил как гарантии процессуальной дисциплины.

Существенные разногласия обнаруживаются и в подходах к проблеме достоверности. А.Ю. Александров [4] рассматривает её преимущественно через призму субъективного восприятия судьей представленной информации, тогда как А.С. Твердохлебова [8] делает упор на объективных критериях оценки и механизмах противодействия фальсификации.

Целесообразно отметить, что в литературе недостаточно внимания уделяется проблематике оценивания электронных доказательств, схемам верификации информации, полученной из интернет-источников, а также вопросам соотношения допустимости и достоверности в контексте доказывания с использованием современных технологических средств. Помимо этого, слабо проработаны процессуальные последствия использования недостоверных, но достоверных доказательств.

При раскрытии темы в рамках данной статьи применены следующие методы: сравнение, правовой анализ, изучение судебной практики, контент-анализ научных публикаций, систематизация.

Результаты и обсуждение

Обеспечение правильного разрешения гражданского дела в разумный срок, являющееся стержневой задачей судебного разбирательства, невозможно без установления четких границ использования доказательственной информации.

Фундаментальное нормативное закрепление института допустимости доказательств обнаруживается в статье 60 Гражданского процессуального кодекса РФ, согласно которой обстоятельства дела, требующие в силу

закона удостоверения определенными средствами доказывания, не подлежат подтверждению иными доказательственными.

Анализ научных воззрений демонстрирует многогранность феномена. Примечательна классификация, в рамках которой выделяется триада требований допустимости (рис. 1):

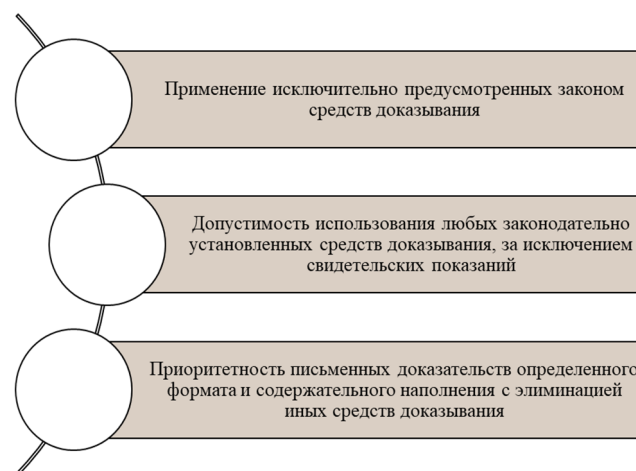

Рис. 1. Триада требований относительно допустимости доказательств
(составлено автором на основе [5, 6, 11])

Существенный вклад в формирование дихотомического подхода к допустимости внес М.К. Треушников, предложивший разграничение ее содержания. Так, в рамках позитивного аспекта императивно устанавливаются конкретные средства доказывания для подтверждения юридических фактов, тогда как негативное содержание сопряжено с процессуальными последствиями нарушения формальных требований к оформлению сделок [9].

Расширенную трактовку описывает К.О. Панова, включившая в содержание допустимости возможность использования закрепленных в законе средств доказывания без элиминации иных средств [7].

Если рассматривать «допустимость» в качестве категории, характеризующей процессуальную деятельность, то заслуживает внимания дефиниция, с помощью которой определяется данный критерий как требование о получении информации из установленных законом источников при соблюдении процедурных аспектов сбора, представления, исследования доказательств [5].

Примечательно, что некоторые исследователи, в частности А.Н. Шейкин, возводят характеризующую категорию в ранг принципов гражданского процесса, подчеркивая ее фундаментальное значение для установления объективной истины по делу [11].

В современной судебной практике отражается гибкий подход к реализации требования допустимости. Показательны разъяснения Пленума Верховного Суда РФ в постановлении от 28.06.2012 № 17, где акцентируется недопустимость отказа в удовлетворении требований потребителя при отсутствии кассового или товарного чека [2]. Подобная позиция верховной судебной инстанции фактически расширяет спектр допустимых доказательств в потребительских спорах, включая в него свидетельские показания для подтверждения факта и условий совершения сделки.

Еще более показательна адаптация рассматриваемого критерия к реалиям электронной коммерции: в рамках судебной практики признаются допустимыми доказательствами факта приобретения товара выписки с банковских счетов, позволяющие идентифицировать контр-

агента и содержание транзакции. Апелляционные инстанции принимают в качестве надлежащих доказательств даже распечатки с интернет-сайтов и подтверждения оплаты через автоматизированные пункты выдачи товаров, что наглядно демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию допустимости в современных условиях [7].

Обобщая результаты анализа доктринальных позиций и юридической практики, представляется обоснованным выделение трехкомпонентной структуры описываемого критерия:

- использование предусмотренных законодательством средств доказывания;
- всестороннее исследование и оценка всей совокупности представленных сведений;
- соблюдение легальных способов и процедур получения доказательственной информации.

В данном контексте допустимость выступает не просто формальным ограничителем, а комплексным правилом представления доказательств, полученных в соответствии с процессуальными нормами и не противоречащим закону способом, которые подлежат дальнейшему изучению и квалифицированной оценке судом.

Наряду с допустимостью, достоверность представляет собой фундаментальный критерий оценивания, получивший нормативное закрепление в статье 67 ГПК РФ. Его сущность заключается в соответствии содержания доказательства объективной действительности, что предполагает:

- аутентичность документов;
- легитимность их происхождения от уполномоченных субъектов;
- наличие необходимых реквизитов;
- сохранение содержательной целостности при копировании [4, 8, 12].

Целесообразно отметить, что в отличие от допустимости, имеющей преимущественно формальный характер, достоверность представляет собой категорию, сочетающую формально-юридические и содержательные аспекты [10]. Вопросы достоверности решаются судом на основе комплексного анализа как формальных признаков документа, так и его содержательного соответствия иным материалам дела. Суть механизма охарактеризована на рисунке 2.

Рис. 2. Механизм обеспечения достоверности доказательств (составлено автором на основе [4, 8, 10, 12])

Важнейшим инструментом служит закрепленный в статье 67 ГПК РФ принцип свободной оценки доказательств, с учётом которого предусматривается отсутствие заранее установленной доказательственной силы каждого средства доказывания. Это дополняется требованиями всесторонности, объективности, полноты оценивания, что в совокупности формирует методологическую основу судебного познания.

В контексте цифровизации гражданского оборота особую актуальность приобретает проблематика достоверности электронных доказательств. Как показывает судебная практика, суды все чаще сталкиваются с необходимостью оценки материалов, полученных из интернет-источников [7]. Показательны в этом отношении разъяснения Пленума Верховного Суда РФ в постановлении от 23.04.2019 № 10, согласно которым при рассмотрении дел о защите интеллектуальных прав допустимы доказательства из открытых источников «всемирной паутины» [3]. Однако подобное расширение актуализирует вопрос о механизмах верификации. Нотариальное удостоверение скриншотов интернет-страниц, протоколы осмотра электронной переписки, использование квалифицированных электронных подписей — все эти инструменты призваны обеспечить достоверность, но их эффективность нередко ставится под сомнение в судебной практике.

Допустимость и достоверность, будучи самостоятельными критериями оценки, находятся в диалектическом единстве и взаимовлиянии. Принципиальное различие между ними заключается в том, что первый характеризует формальную сторону доказательства, его соответствие процессуальным требованиям, тогда как второй отражает содержательный аспект, соответствие действительности.

По замечанию К.О. Пановой, практика судебного правоприменения показывает, что наиболее распространенной является ситуация, когда доказательство отвечает критерию допустимости, но вызывает сомнения в плане достоверности. Например, договор займа, заключенный с соблюдением письменной формы (критерий допустимости соблюден), может содержать недостоверные сведения о фактически переданной сумме или сроках возврата. Значительно реже встречаются ситуации, когда доказательство, достоверно отражающее фактические обстоятельства, признается недопустимым из-за нарушения процедуры его получения или несоответствия формальным требованиям закона [7]. Подобные коллизии нередко становятся причиной судебных ошибок, когда формальные аспекты допустимости преобладают над содержательной истиной по делу.

Выводы

Проведенное исследование позволяет резюмировать, что допустимость и достоверность представляют собой комплементарные критерии оценки доказательств, обеспечивающие как формальную правильность судебного познания, так и его содержательную истинность. При этом формализованный характер данных критериев не исключает их гибкого применения — с учетом специфики конкретных правоотношений и особенностей современного гражданского оборота.

Эволюция судебной практики демонстрирует постепенный отход от чрезмерного формализма в оценке допустимости доказательств в пользу расширительного толкования данного критерия при сохранении высоких стандартов достоверности. С точки зрения автора, такой подход представляется оптимальным в условиях динамичного развития форм и способов фиксации юридически значимой информации.

Вместе с тем, остаются нерешенными вопросы на предмет соотношения допустимости и достоверности в

контексте оценки новых форматов электронных доказательств, что требует последующих научных изысканий с учетом трансформации цифровой среды и совершенствования механизмов верификации электронной информации. Представляется, что перспективным направлением развития института доказывания является гармонизация традиционных критериев оценки с потребностями современного правосудия в реалиях информационного общества.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Российская газета. – 2012. – № 156.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2019. – № 96.
4. Александров А.Ю. Проблема судебной оценки достоверности личных доказательств в гражданском процессе / А.Ю. Александров // Modern Science. – 2021. – № 11-3. – С. 164-170.
5. Бобровская А.Ю. Допустимость доказательств как одна из проблем доказывания в гражданском процессе / А.Ю. Бобровская // Очерки новейшей камералистики. – 2021. – № 1. – С. 102-105.
6. Нестерова Е.Р. Доказывание и допустимость доказательств в гражданском процессе / Е.Р. Нестерова, А.И. Худобина // Флагман науки. – 2024. – № 5 (16). – С. 929-932.
7. Панова К.О. Понятие и содержание допустимости доказательств в гражданском процессе / К.О. Панова // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. – № 6. – С. 199-202.
8. Твердохлебова А.С. Фальсификация доказательств как проявление недостоверности доказательств в гражданском процессе / А.С. Твердохлебова // Приднепровский научный вестник. – 2023. – Т. 5. – № 4. – С. 241-244.
9. Треушников М.К. Творческие поиски в науке гражданского процессуального права / М.К. Треушников. – М. ИД «Городец», 2020. – 320 с.
10. Федулов Н.Н. Особенности и проблемы судебного доказывания и доказательства в гражданском процессе / Н.Н. Федулов // Вестник Института деловой карьеры. – 2023. – № 4 (44). – С. 53-57.
11. Шейкин А.Н. Критерий допустимости при оценке доказательств в гражданском процессе / А.Н. Шейкин // Молодой ученый. – 2022. – № 50 (445). – С. 347-348.
12. Якимова Е.С. Некоторые вопросы квалификации доказательств в гражданском процессе / Е.С. Якимова // Образование и право. – 2022. – № 5. – С. 235-243.

Admissibility and Reliability as the Most Formalized Criteria for Evidence Evaluation in Civil Procedure

Dybenko V.B.

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

This article presents an analysis of admissibility and reliability as the most formalized criteria for evidence evaluation in Russian civil procedure, considered in the context of contemporary challenges posed by the digital transformation of social relations. The relevance of the research topic is determined not only by its theoretical significance but also by practical difficulties encountered in courts when qualifying non-traditional forms of recording legally relevant facts. A paradoxical situation has emerged in legal doctrine, where diametrically opposed positions regarding the interpretation of the admissibility criterion have formed: the conservative approach (insisting on strict adherence to formal requirements for evidence) is contrasted with the liberal concept that prioritizes establishing objective truth even with certain deviations from procedural form. Examination of recent judicial practice demonstrates a gradual shift in law enforcement toward a broader interpretation of admissibility while maintaining high standards of reliability, which is particularly noticeable in the evaluation of electronic evidence and materials obtained from internet sources. The article pays special attention to the relationship between formal and substantive aspects of evaluation when the criteria of admissibility and reliability are in a counterproductive contradiction. The presented materials will be valuable both for the practical activities of judges and representatives of parties in forming an evidence base, as well as for theoretical research aimed at modernizing the institution of proof in the conditions of the information society and digitalization of civil transactions.

Keywords: civil procedure, admissibility of evidence, reliability of evidence, information technologies, means of proof, formalized criteria, electronic evidence

References

1. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 11/14/2002 No. 138-FZ (as amended on 04/01/2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 46. – Art. 4532.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/28/2012 No. 17 "On consideration by courts of civil cases on Consumer rights protection disputes" // Rossiyskaya Gazeta. – 2012. – No. 156.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04/23/2019 No. 10 "On the application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. – 2019. – No. 96.
4. Alexandrov A.Yu. The problem of judicial assessment of the reliability of personal evidence in civil proceedings / A.Yu. Alexandrov // Modern Science. – 2021. – No. 11-3. – Pp. 164-170.
5. Bobrovskaya A.Yu. The admissibility of evidence as one of the problems of proof in civil proceedings / A.Yu. Bobrovskaya // Essays on the latest cameristics. – 2021. – No. 1. – Pp. 102-105.
6. Nesterova E.R. Proving and admissibility of evidence in civil proceedings / E.R. Nesterova, A.I. Khudobina // Flagship of Science. – 2024. – No. 5 (16). – Pp. 929-932.
7. Panova K.O. The concept and content of the admissibility of evidence in civil proceedings / K.O. Panova // Gaps in Russian legislation. – 2021. – Vol. 14. – No. 6. – Pp. 199-202.
8. Tverdokhlebova A.S. Falsification of evidence as a manifestation of unreliability of evidence in civil proceedings / A.S. Tverdokhlebova // Pridneprovsky Scientific bulletin. – 2023. – Vol. 5. – No. 4. – Pp. 241-244.
9. Treushnikov M.K. Creative searches in the science of civil procedural law / M.K. Treushnikov. – M. Publishing house "Gorodets", 2020. – 320 p.
10. Fedulov N.N. Features and problems of judicial evidence and evidence in civil proceedings / N.N. Fedulov // Bulletin of the Institute of Business Career. – 2023. – No. 4 (44). – Pp. 53-57.
11. Sheikin A.N. The criterion of admissibility in the assessment of evidence in civil proceedings / A.N. Sheikin // Young Scientist. – 2022. – No. 50 (445). – Pp. 347-348.
12. Yakimova E.S. Some issues of the qualification of evidence in civil proceedings / E.S. Yakimova // Education and law. – 2022. – No. 5. – Pp. 235-243.

Современные правовые регуляторы в сфере электронной коммерции: на примере владельцев агрегатора информации о товаре

Камалетдинова Айгуль Владимировна

к.ю.н., старший преподаватель кафедры предпринимательского и энергетического права Юридического факультета ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», AVValeeva@gmail.com

Никитин Дмитрий Владимирович

к.ю.н., ассистент кафедры предпринимательского и энергетического права Юридического факультета ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», DmiVNikitin@kpfu.ru

Сунгатуллина Лилия Азатовна

к.ю.н., доцент кафедры предпринимательского и энергетического права Юридического факультета ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», lilia.sungatullina@mail.ru

Данная статья посвящена особенностям функционирования маркетплейсов в современных условиях. Предложен авторский подход к проблеме правового регулирования деятельности маркетплейсов сквозь призму теории правовых регуляторов.

Ключевые слова: маркетплейсы, агрегатор, цифровая платформа, электронная коммерция, правовые регуляторы.

На сегодняшний день законодательного определения электронной коммерции не существует. Круг отношений, входящих в поле регулирования электронной коммерцией, включает себя не только отношения по собственно торговле, но также отношения по организации данной торговли. В подтверждении данного вывода хочется привести документ ВТО «Рабочая программа по электронной коммерции» определяет, что: «Электронная коммерция - производство, распространение, маркетинг, продажа или поставка товаров и услуг с помощью электронных средств». Однако данный документ также рассматривает отношения по организации вопросов, связанных с развитием инфраструктуры электронной коммерции, о чем сказано в п 1.3. указанного документа [1].

Заслуживает внимания и ответ, подготовленный специалистом Федеральной службы по интеллектуальной собственности, согласно которому Электронная коммерция - это «система экономических отношений, которые осуществляются с использованием Интернета, иными словами, совершение транзакций (сделок) через сеть Интернет» [2]. В письме поясняется, что к ней относят: онлайн-торговлю; электронный обмен данными; осуществление страховых услуг; переводы денег и электронных денежных средств; электронный маркетинг (системы для сбора данных пользователя, электронные каталоги, справочники, доски объявлений). В контексте данного исследования мы рассматриваем отношения с таким участником рынка, как владелец агрегатора (цифровой площадки). Основной спецификой выступает то, что в традиционной, классической модели купли-продажи было концептуально возможно 2 стороны - продавец и покупатель. В то время как с развитием современных технологий на практике возникают вопросы по поводу регулирования отношений, например, договоров заключаемых с помощью различных технических средств, новых технологий (в целом дистанционная продажа товаров) и торговля на электронных площадках. Особое внимание привлекают владельцы агрегаторов информации о товарах (далее по тексту владелец агрегатора [3]) по типу Ozon и Wildberries. В декабре 2023 год ФАС установила, что Вайлдберриз и Озон занимают около 80% рынка, что соответствует законодательным требованиям для признания их положения как совместное доминирующее положение. Возвращаясь к вопросу о специфике данных правоотношений, нужно отметить, что с введением третьего лица (владельца агрегатора) необходимо обеспечить нормативное регулирование отношений не только продавца и покупателя в измененных условиях (отразить особенности технических новшеств – дистанционная купля-продажа), но также и регламентировать порядок и особенности взаимодействия каждой из сторон с владельцем агрегатора. Причем необходимо понимать, что в правоотношениях «потребитель - владелец агрегатора» неизменно слабая сторона потребителя, а в правоотношениях «продавец - владелец агрегатора» мы не можем сразу утверждать о необходимости введения статуса слабой стороны для продавцов. Однако если ФАС признает правовое положение владельца агрегатора в качестве доминирующего на рынке, то получается, что фактически владелец агрегатора обладает

большим объемом прав, «стимулы преобладают над ограничениями» и встает вопрос о внешних регуляторах.

Право в самом общем виде, безусловно, является регулятором отношений разной правовой природы. В самом широком смысле к регуляторам в правовой сфере относятся правовые средства (инструменты права) и субъекты с регулирующими функциями. К числу **правовых регуляторов, согласно М.Ю. Чельшеву** возможно отнести: 1) нормативные правовые акты, включая и гражданское законодательство; 2) правовые позиции высших судебных инстанций и судебная практика по конкретным делам; 3) обычаи; 4) решения собраний; 5) гражданско-правовые договор [4]. Если говорить об их функциональном назначении и роли, то они выполняют как регулирующую функцию, так и функцию юридического инструмента (правового средства).

Один из подходов утверждает, что в качестве регуляторов могут быть органы государственной власти. Безусловно, к таковым можно отнести деятельность Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор), Федеральной антимонопольной службы (ФАС), Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Однако, хочется отметить Постановление Правительства РФ от 24.03.2022 № 448 «Об особенностях осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля в отношении аккредитованных организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий, и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» [5] согласно которому вводится мораторий на проверки ИТ-компаний в контексте контроля деятельности владельцев агрегаторов. Соответственно, принимая во внимание, что владельцы цифровых площадок могут занимать доминирующие положение на рынке, а инструментов воздействия на их деятельность может и не быть или они могут быть сильно ограничены. Такая ситуация создает возможность для злоупотребления своим положением владельцами агрегаторов. В результате реальным и фактическим регулятором рынка начинают выступать сами владельцы агрегаторов (цифровых площадок). Такая ситуация создает угрозу для субъектов предпринимательской деятельности, профессиональных участников рынка.

Фактическим подтверждением особого правового положения владельцев агрегаторов по типу Ozon и Wildberries в качестве специальных регуляторов соответствующего товарного рынка выступает и то, что государственные органы, например, Министерство промышленности и торговли РФ, предлагали владельцам агрегаторов (маркетплейсам) проводить контроль товаров, ввести систему маркировки «Честный знак» и др. Несмотря на то, что такая инициатива не была закреплена в качестве требования к осуществлению деятельности, сама тенденция говорит о специфике правового положения исследуемых субъектов.

Нормативно-правовые акты в контексте регулирования деятельности владельцев агрегаторов, безусловно, выполняют функцию фундаментального базиса, определяющего генеральную линию по регулированию поведения, деятельности соответствующих субъектов рынка. Так Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [6] в преамбуле определяет владельца агрегатора информации о товарах (услугах), не только указанием на субъектный состав (кто может выступать в роли владельца агрегатора), но также и определяет существо взаимоотношений между потребителем, продавцом и владельцем агрегатора. В ст. 9, 12, 16 Закона РФ «О защите прав потребителей» закрепляются правовые гарантии, обеспечивающие реализацию прав потребителей на

информацию, а также в целом охрану и защиту ими своих прав, в целях недопущения злоупотребления своим положением владельцами агрегаторов. Федеральный закон от 27 июня 2011 №161-ФЗ «О национальной платежной системе» [7] закрепляет порядок взаиморасчетов между названными лицами.

Федеральный закон от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции» [8] ограничивает власть (содержит правовые ограничения) владельцев агрегаторов направлен на создание баланса между интересами всех субъектов предпринимательской деятельности, создание условий для здоровой конкуренции. Так в статье 10.1 Закона «О защите конкуренции» устанавливается запрет на осуществление монополистической деятельности, хозяйствующим субъектом, владеющим цифровой платформой. Пункт 8.1. статьи 5 «О защите конкуренции» закрепляет право антимонопольного органа по определению наличия сетевых эффектов. Поскольку исследуемые отношения лежат в плоскости предпринимательских правоотношений, которые можно охарактеризовать тесным переплетением частно- и публично-правовых инструментов воздействия (правовых регуляторов в целом) при взаимодействии продавцов, покупателей и владельцев агрегаторов, то на нормативно-правовом уровне к числу регуляторов, безусловно относятся не только названные законы, содержащие указание непосредственно на владельцев агрегаторов (цифровых площадок), но и иные, непосредственно регулирующие деятельность производителей товаров, субъектов инфраструктуры (логистика, трансфер товаров) регламентирующих правовой режим товаров (лицензирование, сертификация и другие) и правовой статус потребителя в целом.

Важно сказать и о ненормативных актах органов исполнительной власти. Хотя они и содержат правила поведения, адресованные конкретным лицам, а не неопределенному кругу, отрицать их регулятивное воздействие на отношения в сфере торговли, защиты прав потребителей и предпринимательской деятельности в целом [9] нельзя. Так Роспотребнадзор разработал памятку для потребителей при осуществлении онлайн покупок на маркетплейсах (Wildberries, OZON, Яндекс.Маркет, СберМegaМаркет и др.

Регуляторами также выступают корпоративные (локальные акты). Необходимо вернуться к вопросу об особом правовом положении маркетплейсов, субъектов владельцев агрегаторов. «Вход» на рынок, на маркетплейс возможен только через ее владельца, точнее после прохождения определенных процедур, подписания соглашений, договора. Порядок взаимодействия продавцов с владельцем маркетплейса устанавливается на договорных началах, покупатели также приобретают право заключать договоры на электронной площадке на основании подписанного ими соглашения с владельцем агрегатора. Правоотношения между покупателем и продавцом регламентированы, безусловно, законодательством на федеральном уровне, а также условиями соглашения, подписанного при «подключении» (присоединении) к рынку. В данном случае одной из центральных выступает проблема о соотношении локальных нормативных актов и гражданско-правового договора, локального и договорного регулирования.

Проанализировав оферту о реализации товаров на маркетплейсе Вайлдберриз мы видим, что владелец агрегатора не только устанавливает правила к собственному размещению товара, его маркировки, наличию документов сертификатов и т.п., но и устанавливает штрафные меры (предупреждение, штраф в виде денежной суммы, блокировка аккаунта, увеличение размера комиссии и др.) за неисполнение или ненадлежащее исполнение установленных им в одностороннем порядке правил. Многие его

правила носят процедурный характер, так, например, требование о том, чтобы взаимодействие с покупателем осуществлялось только через электронную площадку, непосредственно в товар, передаваемый покупателю, нельзя передавать контакты продавца, что отчасти является нарушением законодательства о защите прав потребителей, в контексте права на информацию. Более того на наш взгляд здесь имеет место ограничение потребителей в праве на защиту своих интересов, а также ограничение права выбора способа охраны своих законных прав. Так потребитель вправе обратиться как к продавцу, так и производителю товара в случае, если он ненадлежащего качества. Законодатель не ограничивает потребителя в способе связи (почтовый, телефонной, электронной почтой), более того, потребитель может защищать свои права в досудебном порядке и непосредственно в суде. Таким образом, собственник электронной площадки не имеет права ограничивать правоспособность потребителя локальным актом. Запрет для продавца размещать свои контакты, добавлять рекламную продукцию тоже является нарушением федерального законодательства о защите конкуренции.

Что касается правовой природы, тех актов, на основании которых участники рынка присоединяются к нему и участвуют в нем, то формально – юридические акты Вайлдберриз являются актами локального характера – это локальный нормативный акт, внутренний документ юридического лица, который должен регулировать правила поведения внутри юридического лица. Собственник агрегатора – юридическое лицо, регулирует деятельность других юридически самостоятельных, формально равных ему по правоспособности субъектов своими актами. Такая конструкция напоминает систему саморегулирования, саморегулируемые организации, где некоммерческая организация контролирует деятельность других организаций, включая решение вопросов допуска к рынку, приостановление деятельности, наложение штрафов. Безусловно, можно также отметить и позицию, что между участниками электронного рынка имеет место договорное регулирование и правовая природа соглашения – это договор. Механизм принятия договора предполагает его заключение, а стороны его должны быть равны по правовому положению, в случае заключения договора по модели присоединения, одна сторона может быть признана слабой стороной. Формально юридически существующий способ регулирования отношений между владельцем агрегатора и иными участниками рынка может и напоминает договорный тип, однако гражданско-правовая конструкция договора при всем ее многообразии, исключает подчиненное положение одной стороны по отношению к другой, а также наличие материальной ответственности (дисциплинарного характера).

На сегодняшний день есть несколько законопроектов от 25 сентября 2023 № 445923-8 [10], а также законопроект [11] от 5 марта 2024 оба преследуют в качестве цели урегулирование торговли осуществляемой на маркетплейсах. Однако оба проекта еще не прошли и первого чтения. В частности в последнем законопроекте рекомендовано урегулировать некоторые положения договора заключаемые между владельцем маркетплейса и продавцами о ценообразовании, дополнительных услугах (логистика, маркетинг и др.). Также предусматривается более детальное закрепление прав потребителей, например, указание на невозможность взимание платы за возврат товара и др.

В данном контексте встает вопрос об определении стратегии регулирования деятельности владельцев агрегаторов (маркетплейсов) на национальном уровне, а также встает вопрос о границах допустимых ограничений, которые создают маркетплейсы для участников рынка, о

необходимости введения внешних регуляторов, которые непосредственно регулировали деятельность именно владельцев агрегаторов (маркетплейсов). Фактически владельцы агрегаторов являются квазирегуляторами рынка с точки зрения права, и прямыми регуляторами с точки зрения непосредственно объема их прав, обязанностей и тех функций, что они выполняют.

Литература

1. World Trade Organization. Work Programme on Electronic Commerce. WT/L/274. 30 September 1998 (98-3738)
2. Вопрос: Что такое электронная коммерция? (Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2024) / Сперанская Л.В. Вопрос-ответ Федеральная служба по интеллектуальной собственности // СПС КонсультантПлюс. 2024. От 18.01.2024/ дата обращения 21.02.2024.
3. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 О защите прав потребителей // Российская газета. - Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. - 1992. - № 15. - Ст. 766
4. Чельшев Михаил Юрьевич Регуляторы в гражданско-правовой сфере: сущность правового явления // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulatory-v-grazhdansko-pravovoy-sfere-suschnost-pravovogo-yavleniya> (дата обращения: 21.02.2024).
5. Собрании законодательства РФ. – 2022. - № 13. - Ст. 2108.
6. Собрание законодательства РФ. -1996.- № 3. - Ст. 140.
7. Собрание законодательства РФ. – 2011. - № 27. - Ст. 3872.
8. Собрание законодательства РФ. – 2006. - № 31 (1 ч.). - Ст. 3434.
9. Михайлов Андрей Валерьевич Регуляторы в сфере действия предпринимательского права // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulatory-v-sfere-deystviya-predprinimatelskogo-prava> (дата обращения: 21.02.2024).
10. Законопроект № 445923-8 О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» и в статьи 12 и 18 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» (в части организации деятельности маркетплейсов) от 25.09.2023 // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/445923-8>
11. Законопроект № 568223-8 О государственном регулировании торговой деятельности агрегаторов информации о товарах в Российской Федерации и о внесении изменений в Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» от 5.03.2024 // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/568223-8>

Modern legal regulators in the field of e-commerce: on the example of owners of an aggregator of information about goods
Kamaletdinova A.V., Nikitin D.V., Sungatullina L.A.

Kazan (Volga Region) Federal University

This article is devoted to the features of the functioning of marketplaces in modern conditions. The author's approach to the problem of legal regulation of the activities of marketplaces through the prism of the theory of legal regulators is proposed.

Keywords: marketplaces, aggregator, digital platform, e-commerce, legal regulators.

References

1. World Trade Organization. Work Programme on Electronic Commerce. WT/L/274. 30 September 1998 (98-3738)
2. Question: What is electronic commerce? (Prepared for the ConsultantPlus system, 2024) / Speranskaya L.V. Question-answer Federal Service for Intellectual Property // SPS ConsultantPlus. 2024. From 18.01.2024 / date of access 21.02.2024.

3. Law of the Russian Federation of February 7, 1992 No. 2300-I On the Protection of Consumer Rights // Rossiyskaya Gazeta. - Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. - 1992. - No. 15. - Art. 766
4. Chelyshev Mikhail Yuryevich Regulators in the civil law sphere: the essence of the legal phenomenon // Uchen. zap. Kazan. University. Series: Humanitarian Sciences. 2013. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulyatory-v-grazhdansko-pravovoy-sfere-suschnost-pravovogo-yavleniya> (date of access: 21.02.2024).
5. Collected Legislation of the Russian Federation. - 2022. - No. 13. - Art. 2108.
6. Collected Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 3. - Art. 140.
7. Collected Legislation of the Russian Federation. - 2011. - No. 27. - Art. 3872.
8. Collected Legislation of the Russian Federation. - 2006. - No. 31 (part 1). - Art. 3434.
9. Mikhailov Andrey Valerievich Regulators in the sphere of business law // Uchen. zap. Kazan. University. Series. Humanitarian sciences. 2015. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regulyatory-v-sfere-deystviya-predprinimatelskogo-prava> (date of access: 21.02.2024).
10. Bill No. 445923-8 On Amendments to the Federal Law "On the Fundamentals of State Regulation of Trade Activities in the Russian Federation" and to Articles 12 and 18 of the Law of the Russian Federation "On Protection of Consumer Rights" (in terms of organizing the activities of marketplaces) dated September 25, 2023 // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/445923-8>
11. Bill No. 568223-8 On state regulation of trade activities of product information aggregators in the Russian Federation and on amendments to the Federal Law "On the Fundamentals of State Regulation of Trade Activities in the Russian Federation" dated March 5, 2024 // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/568223-8>

Публичное и частное право: от конвергенции к синергии

Королев Павел Павлович

директор по юридическому сопровождению бизнес-проектов,
ООО «ХИТ МОТОРЗ РУС», paul-jr@mail.ru

В статье исследуется проблема разделения права на частное и публичное, существующие подходы к понятию конвергенции права. Рассматривается тенденция глубокого взаимопроникновения норм публичного и частного права и перехода от конвергенции как «сближения и увеличения количества связей» между нормами частного и публичного права к синергии - эффекту «повышенной результативности совместного действия факторов по сравнению с теми же, действующими отдельно». Делается вывод о том, что наблюдается тенденция роста влияния и включения институтов частного права в сферу публично-правового регулирования, при одновременном увеличении роли публичного права в его проникновении в частноправовые отношения, с целью, однако, не ограничения прав субъектов таких отношений, а предоставления дополнительной «опоры» для реализации прав при одновременном обеспечении общественного интереса.

Ключевые слова: публичное право, частное право, конвергенция, синергия, публично-правовой договор, инструмент государственного регулирования.

Введение.

Вопрос дуализма права, подразделения правового регулирования по сферам публичных и частных отношений возник и был поставлен как проблема еще древнеримскими учеными.

К настоящему времени юридическая наука создала огромное количество теорий, сформировались целые школы, но единства мнений по вопросу о необходимости и практической значимости деления права на частное и публичное, а тем более о критериях такого разграничения, достигнуто не было [1, с. 50].

При этом, одновременно с рассмотрением проблемы дихотомии права, учеными ставился вопрос о конвергенции права – взаимодействия и сосуществования норм публичного и частного права.

Как верно отметил Н.М. Коршунов, «тесная связь между публичным и частным правом в рамках отдельного законодательства позволяет видеть в том и другом “две стороны одного и того же отношения”» [2, с.26].

По нашему мнению, ни один из существующих подходов к подразделению права на частное и публичное нельзя признать совершенным, поскольку между сферами их регулирования трудно провести границу. Развитие экономических и иных общественных отношений, глубокое вовлечение государства в экономическую деятельность, при чем в роли ее полноценного участника, а не только регулирующей «надстройки», делает задачу проведения границы между частным и публичным правом еще более сложной.

Видится, что такое разделение становится все более и более «искусственным», и имеющим скорее теоретическое значение.

Наиболее интересным для изучения, по нашему мнению, является не вопрос разделения и противопоставления частного и публичного права, а процесс их конвергенции и возникновения синергии.

Материалы и методы.

При подготовке статьи использовались методы прогнозирования, позволяющие определить возможные тенденции развития взаимопроникновения норм публичного и частного права; анализ позиций, сформировавшихся в юридической литературе, метод аналогии норм и институтов права, что позволило определить предпосылки развития процесса конвергенции публичного и частного права, синергетического эффекта взаимопроникновения норм публичного и частного права и предложить авторское видение проблемы.

Литературный обзор

В ходе исследования использовались нормативно-правовые акты Российской Федерации, научные статьи, посвященные рассмотрению проблематики дуализма и конвергенции публичного и частного права, статистические данные заключения соглашений между негосударственными субъектами экономической деятельности и государством в лице его уполномоченных органов.

Результаты.

Как отмечает С. В. Запольский, «в современных условиях социально-экономического развития, когда публично-правовые методы правового регулирования сосед-

ствуют с частно-правовым регулированием, нередко переплетаются и взаимодействуют, задача гармонизации этих двух начал права приобретает предельно актуальный характер даже для сложившихся отраслей и регулятивных комплексов» [3, с. 181].

В различных правовых системах можно отметить развитие процессов «публицизации» частного права и «коммерциализации» публичного и такие процессы, являются, по нашему мнению, наиболее интересными для исследования, в том числе, с точки зрения практической значимости. Поэтому, видится, что в настоящее время как юридической науке, так и законодателю и правоприменителям, необходимо сосредоточиться на поиске наиболее удачной формулы сочетания частного и публичного начал в правовом регулировании общественных отношений и изучении механизмов конвергенции публичного и частного права для обеспечения баланса прав и интересов общества и государства.

Исследуя вопрос о взаимопроникновении норм публичного и частного права, можно сделать предположение, что с развитием данного процесса конвергенция их норм естественным образом перерастает в синергию, и эта эволюция является естественным процессом следования правового регулирования за изменением общественных отношений, но не намеренной и целенаправленной деятельностью законодателя как результата государственной политики.

Для полноценного анализа данного процесса необходимо определить понятия «конвергенция» и «синергия», установить содержание и основное различие данных понятий.

Конвергенция, буквально - «сближение в сторону слияния, устойчивого равновесия и развития».

О. Д. Третьякова предлагает следующее определение «конвергенции права»: это процесс взаимодействия между правовыми системами, а также между отдельными элементами самого права, характеризующийся сближением, увеличением количества связей между элементами права и правовых систем и степенью согласованности воздействия этих элементов на общественные отношения [4, с. 45].

Синергию можно определить как «повышенную результативность совместного действия факторов по сравнению с теми же, действующими отдельно» [6, с. 696].

Анализируя определения рассматриваемых понятий, можно сделать заключение, что «ядром» конвергенции является «процесс взаимодействия» и «установления связей», основным же признаком явления синергии является совместное воздействие и усиление эффекта такого воздействия.

Процессу конвергенции частного и публичного права посвящено большое количество исследований как в отечественной, так и зарубежной науке. Данный процесс предполагает не только сближение норм или пересечение сфер правового регулирования, но в первую очередь, взаимопроникновение правовых доктрин и институтов.

Императивных норм в частном праве становится все больше, поскольку для защиты всеобщего интереса приходится ограничивать свободу индивида. В свою очередь, в некоторых случаях отношения государства и частных лиц регулируются нормами, которые можно отнести к сфере частного права. Частное право не может обойтись без использования императивных правил и запретов, которые устанавливаются как в интересах отдельных групп, так и во всеобщих интересах - частное никогда не было и не будет частным в «чистом» виде, оно всегда подвергается ограничениям публичного характера. Границы сфер влияния частного и публичного права находятся в постоянном колебании [1, с. 56].

Например, институт договора, который принято рассматривать как основополагающий институт частного права, давно стал неотъемлемой частью публично-правового регулирования. Безусловно, он приобрел свои особенности и имеет ограничения, обусловленные целью и ролью публичного права в сфере регулирования общественных отношений. На современном этапе развития правового регулирования в Российской Федерации, часто такие договоры в сфере частно-публичных отношений не представляют собой самостоятельные инструменты в форме полноценной правовой конструкции, а фактически являются составной частью специальных разрешений на право осуществления конкретного вида деятельности (лицензии) [7, с. 68], но развитие регулирования отношений между государством и негосударственными субъектами с применением институтов частного права, там где ранее прерогатива публичных норм считалась неоспоримой, по нашему мнению, безусловно происходит. Видится, что, институт договора, как соглашения об установлении прав и обязанностей сторон при реализации государственным органом правомочий по регулированию и контролю, в настоящее время получил наибольшее развитие в сфере налогообложения, в частности в форме соглашений о ценообразовании для целей налогообложения [8, с. 260].

Процесс согласования публично-правовых договоров как совместная деятельность государства и субъектов хозяйственной деятельности, безусловно, должен быть открыт для обеспечения принципа равенства перед законом и обеспечения равных прав субъектов, претендующих на заключение такого договора. Правила заключения и полномочия органов государственной власти при согласовании условий публично-правовых договоров, встречные представления сторон в рамках их исполнения, должны определяться через публично-правовые нормы, четко определяющие «правила игры» и обеспечивающие реализацию регуляторной и контрольной функции государства.

При этом, правоотношения между государством и субъектами хозяйственной деятельности все чаще используют институты и инструментарий частного права. Как отмечает А. А. Рабаданова, все чаще отношения между государством и частным бизнесом формируются не в системе административного подчинения, а в системе правовой регуляции, где происходит отход от публично-правовых отношений администрирования, к частноправовым отношениям – взаимодействию [9, с. 160].

Одновременно с этим, принимая во внимание тенденцию к протекционизму и приоритизации защиты национальных интересов над развитием международных связей, которые наблюдаются не только в Российской Федерации, но и в иных странах, в условиях значительного внешнего давления и отсутствия единообразия применения норм международного права, государство вынуждено все более глубоко внедряться через инструменты публично-правового регулирования в сферу частных отношений.

Видится, что на современном этапе развития общественных отношений и, в первую очередь в сфере экономики и государственного регулирования экономической деятельности, рассматриваемый процесс взаимопроникновения норм публичного и частного права способствует синергии таких норм и предоставляет как государству, так и негосударственным субъектам таких отношений большую свободу в выборе форм взаимодействия для достижения максимально выгодного результата для сторон такого взаимодействия.

Обсуждение.

По нашему мнению, проникновение норм частного права в публично-правовую сферу, будет выражаться в дальнейшей замене или восполнении публично-правовых

институтов и инструментов частноправовыми при сохранении основополагающих принципов обеспечения публичного интереса и внутри публично-правовых доктрин. Например, при заключении государством и негосударственными субъектами публично-правовых договоров, стороны смогут определять специальный «облегченный» режим ведения бизнеса, в части снижения административного давления, устанавливая специальные процедуры контроля или режимы управления. При этом, публичный орган, заключающий такой договор от лица государства, будет действовать в строгих пределах своей компетенции и предоставленных полномочий, а устанавливаемые публично-правовым договором условия будут определяться общими, «модельными» положениями, закрепленными публичными нормами. Ранее нами была сделана попытка исследования процесса появления такой формы правоотношений между государством и негосударственными субъектами экономической деятельности при заключении ими соглашений как публично-правовой договор [10].

При этом, как видится, будет развиваться и противоположный, но неразрывно связанный с вышеописанным процесс – усиление влияния публично-правовых норм в сфере регулирования частноправовых отношений. Важно отметить, что это не будет неминуемо означать ущемление прав участников частноправовых отношений, замены диспозитивных на императивные нормы в сфере частного права или установление прямого управления и ужесточения контроля со стороны государственных органов тех отношений, которые ранее урегулировались участниками самостоятельно. Нормы публичного права также могут содержать условия о различных способах исполнения обязательств или реализации прав, обеспечивая с одной стороны публичный интерес и с другой, максимально учитывая права негосударственного субъекта правоотношений.

На современном этапе развития экономических отношений, а также отношений в сфере государственного регулирования, с учетом либерализации таких отношений с одной стороны и тенденции к протекционизму и защите национальных интересов с другой, наблюдается усиление конвергенции частного и публичного права и синергии частно-правовых и публично-правовых норм как инструментов регулирования общественных отношений.

Все чаще отношения между государством и негосударственными субъектами строятся на основе соглашений. Такие соглашения не обладают в полной мере природой договора, как он определяется в сфере частного права и служат скорее цели более четкого и детального урегулирования ряда вопросов, к примеру, порядка использования специально предусмотренных режимов контроля над импортом, использованием определенных товаров или доступа к мерам государственной поддержки, но при этом, такое «договорное» регулирование приобретает индивидуально-определяемые черты, которые выходят за понятие норм права и предполагают некие «соглашаемые» взаимные обязательства сторон.

Так, только за период с 2021 г. по июль 2023 г. было заключено 27 специальных инвестиционных контрактов «СПИК 2.0» [11, с. 49]; в 2024 году – 215 соглашений государственно-частного партнерства и концессий на общую сумму 2,3 трлн рублей [12]. С 2010 года успешно реализовывались проекты по организации промышленной сборки транспортных средств на основании соответствующих соглашений, предусмотренных Приказом Минэкономразвития РФ, Министерства промышленности и энергетики РФ и Минфина РФ от 15 апреля 2005 г. № 73/81/58н «Об утверждении порядка, определяющего понятие “промышленная сборка” и устанавливающего применение данного понятия при ввозе на территорию Российской Федерации

автокомпонентов для производства моторных транспортных средств товарных позиций 8701-8705 ТН ВЭД, их узлов и агрегатов» [13].

При этом видится, что развитие института публично-правового договора находится на начальной стадии и пока в основном применение этого института ограничено сферой государственно-частного партнерства и связано с осуществлением инвестиций. В перспективе, такие публично-правовые соглашения будут все более приобретать черты частноправовых договоров, предоставляя их сторонам все большую свободу при согласовании условий взаимодействия и, с одной стороны, давая государству возможность оперативного и эффективного реагирования на изменение внешней среды и установления новых актуальных инструментов регулирования, а с другой, обеспечивая негосударственным субъектам возможность прямого взаимодействия с государством при установлении правил поведения и условий доступа к государственной поддержке, в том числе в части снижения административной (регуляторной и контрольной) нагрузки на деятельность таких субъектов.

По нашему мнению, рассмотренная в настоящей статье тенденция взаимопроникновения норм частного и публичного права, будет сохраняться и усиливаться, порождая синергетический эффект – совершенствуя инструменты правового регулирования общественных отношений, а границы между частным и публичным правом будут становиться все более условными. Именно эффект синергии частного и публичного права, по нашему мнению, представляет собой научный интерес как предмет исследования.

Подразделение права на частное и публичное приобретает все более теоретическое значение и по нашему мнению, вопрос дихотомии права может быть предметом исследования скорее в историческом аспекте развития правового регулирования и теоретико-правовых подходов к такому процессу.

Важным же, в том числе, с прикладной точки зрения, становится изучение механизмов конвергенции публичного и частного права и преобразования процесса взаимопроникновения норм к их синергии.

«Сближение и увеличение количества связей» между нормами частного и публичного права следуя диалектическому закону привносит эффект «повышенной результативности совместного действия факторов по сравнению с теми же, действующими отдельно».

Заключение.

На современном этапе развития экономических отношений видится естественным процессом трансформация отношений между сферами регулирования частного и публичного права, государством и негосударственными организациями и гражданами в сторону, с одной стороны, усложнения системы и структуры таких отношений, а с другой стороны «выравнивания позиций». Это, размывает условные границы между частным и публичным правом, и требует изменения и совершенствования соответствующего правового регулирования.

Прямое включение институтов частного права в сферу публично правового регулирования, безусловно, невозможно, однако их влияние будет возрастать и особое значение будут приобретать диспозитивные публично-правовые нормы и учет в сфере публичного права воли договаривающихся, хоть формально неравных сторон, а также нормативно закрепленная обязанность определенного взаимного учета их интересов. Видится, что одним из институтов на стыке публичного и частного права может стать формирующийся институт публично-правовых (административно-правовых) договоров, являющийся ре-

зультатом глубокого взаимопроникновения норм публичного и частного права и их синергии. Институт публично-правовых договоров может стать эффективным инструментом «правового» реагирования на изменяющуюся экономическую среду, заменив ситуативное нормотворчество, как способ реакции на кризисные ситуации в экономической и геополитической сферах [10, с. 177].

При этом будет возрастать и роль публичного права в его проникновении в частноправовые отношения, с целью, однако, не ограничения прав субъектов таких отношений, а предоставления дополнительной «опоры» для реализации прав при одновременном обеспечении общественного интереса.

Литература

1. Трегубов, М. В. Дуализм права: исторический анализ, современные тенденции, сочетание частных и публичных начал в гражданском праве / М. В. Трегубов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2019. – № 1. – С. 50-57.
2. Коршунов, Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики / Н. М. Коршунов. – Москва: Издательский Дом "Инфра-М", 2011. – 240 с.
3. Запольский С. В. О соотношении публичного и частного в праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. №2. – С. 180-190.
4. Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. – 6-е изд., доп. – М.: Ин-т новой экономики, 2004. – 1376 с.
5. Третьякова О. Д. Метроопределение конвергенции права / О. Д. Третьякова // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 4. – С. 45-49.
6. Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х годов) / Под ред. Н. З. Котеловой. — СПб. 1993: «Дмитрий Буланин», 878 с.
7. Публично-правовые договоры как особый инструмент государственного регулирования природопользования. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06 / Хаустов Д.В. - М., 2003. - 227 с.
8. Королев П. П. Соглашение об определении таможенной стоимости как инструмент таможенного регулирования / П. П. Королев, А. В. Ефимовский // Социология и право. – 2024. – Т. 16, № 2. – С. 256-265.
9. Рабаданова А. А. Направления сотрудничества государства и бизнеса в контексте современных вызовов в России Экономические науки. 2021. № 10 (203) – С. 160-163.
10. Королев П. П. Формирование и развитие института публично-правового договора как инструмента государственного регулирования в Российской Федерации / П. П. Королев // Органы государственной власти в системе правозащитной деятельности на современном этапе : Сборник научных трудов VII Национальной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 декабря 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2023. – С. 173-181.
11. Евстафьева Ю. В. Специальные инвестиционные контракты нового поколения - СПИК 2.0: Особенности использования и перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. №99. – С. 49-61.
12. Официальный сайт Минэкономразвития России. Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-61745 от 30 апреля 2015 г. // Электронный ресурс. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/obem_soglasheniya_gchp_ikoncessiy_prevysil_2trln_rublej_poitogam_2024_goda.html

iy_gchp_ikoncessiy_prevysil_2trln_rublej_poitogam_2024_goda.html

13. Приказ Минэкономразвития РФ, Министерства промышленности и энергетики РФ и Минфина РФ от 15 апреля 2005 г. № 73/81/58н «Об утверждении порядка, определяющего понятие “промышленная сборка” и устанавливающего применение данного понятия при ввозе на территорию Российской Федерации автокомпонентов для производства моторных транспортных средств товарных позиций 8701-8705 ТН ВЭД, их узлов и агрегатов». ЭПС Система ГАРАНТ // Электронный ресурс. URL: <https://base.garant.ru/12139810/>

Public and Private Law: From Convergence to Synergy

Korolev P.P.

HEAT MOTORS RUS LLC,

The article studies the problem of division of law into private and public, existing approaches to the concept of convergence of law. The tendency of deep interpenetration of private and public law norms and transition from convergence as “converging and increase in the number of links” between private and public law norms to synergy - the effect of “increased efficiency of joint action in comparison with the same, when acting separately” is considered. It is concluded that there is a tendency to increase the influence and inclusion of private law institutions in the sphere of public law regulation, with a simultaneous increase in the role of public law in its penetration into private law relations, with the aim, however, not to limit the rights of subjects of such relations, but to provide an additional “support” for the realization of rights while ensuring the public interest.

Keywords: public law, private law, convergence, synergy, public law contract, instrument of state regulation.

References

1. Tregubov, M. V. / Dihotomy of Law: Historical Analysis, Current Trends, a Combination of Private and Public Principles in Civil Law / M. V. Tregubov // Theoretical and Applied Jurisprudence. - 2019. - № 1. - pp. 50-57.
2. Korshunov, N. M. / Convergence of private and public law: problems of theory and practice / N. M. Korshunov. - Moscow: Infra-M Publishing House, 2011. - 240 p.
3. Zapolsky S. V. / On the relationship between public and private in law // Legal Policy and Legal Life. 2023. №2. - pp. 180-190.
4. Big Economic Dictionary / ed. by A. N. Azriliyan. - 6th ed., supplement. - M.: Institute of New Economics, 2004. - 1376 p.
5. Tretiakova O. D. / Metrization of Law Convergence / O. D. Tretiakova // Gaps in Russian legislation. - 2009. - № 4. - pp. 45-49.
6. Dictionary of new words of the Russian language (mid 50s - mid 80s) / Edited by N. Z. Kotelova. - SPb. 1993: “Dmitry Bulanin”, 878 p.
7. Haustov D.V. / Public-law contracts as a special tool of state regulation of nature use. // Dissertation Ph.D. in law 12.00.06. - M., 2003. - 227 p.
8. Korolev P. P., A. V. Efimovsky / Agreement on Customs Valuation as a Tool of Customs Regulation // Sociology and Law. - 2024. - Т. 16, № 2. - pp. 256-265.
9. Rabadanova A. A. Directions of cooperation between the state and business in the context of modern challenges in Russia // Economic Sciences. 2021. № 10 (203) - pp. 160-163.
10. Korolev P. P. / Formation and development of the institute of public law-contract as an instrument of state regulation in the Russian Federation / P. P. Korolev // Public authorities in the system of human rights activities at the present stage: Collection of scientific papers of the VII National Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, December 22, 2023 / edited by E. V. Voskresenskaya [and others]; St. Petersburg Univ. of Technological Management and Economics, 2023. pp. 173-180.
11. Yevstafeyeva Y. V. / Special Investment Contracts of New Edition — SPIC 2.0: Features of Use and Perspectives // Public Administration. Electronic bulletin. 2023. №99. - pp. 49-61.
12. Official website of the Ministry of Economic Development of Russia. Certificate of media registration El No. FS77-61745 of April 30, 2015 [Electronic resource] URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/obem_soglasheniya_gchp_ikoncessiy_prevysil_2trln_rublej_poitogam_2024_goda.html
13. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, the Ministry of Industry and Energy of the Russian Federation and the Ministry of Finance of the Russian Federation dated April 15, 2005, No. 73/81/58n “On Approval of the Procedure Defining the Concept of ‘Industrial Assembly’ and Establishing the Application of this Concept when Importing into the Territory of the Russian Federation Auto Components for the Production of Motor Vehicles of CN of FEA commodity items 8701-8705, their assemblies and units” [Electronic resource] // ELS System GARANT. URL: <https://base.garant.ru/12139810/>

Защита деловой репутации как институт гражданского права в цифровую эпоху

Кузнецов Никита Алексеевич

аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», kuznetsov.nikita.alekseevich@gmail.com

В статье рассматривается деловая репутация как особый объект гражданско-правовой охраны, анализируется правовая природа этого нематериального блага и действующие нормы гражданского законодательства РФ, регламентирующие защиту деловой репутации (прежде всего ст. 152 ГК РФ). Исследуются основные способы защиты деловой репутации, предусмотренные законом, а также актуальная судебная практика, включая разъяснения Верховного Суда РФ. Особое внимание уделено современным вызовам защиты репутации в цифровой среде (особенно корпорации Google и современным российским отношениям с ней), а также обсуждаются направления совершенствования правового регулирования и практики применения. Сделан вывод о значимости института защиты деловой репутации для обеспечения стабильного гражданского оборота и баланса между правом на доброе имя и свободой выражения мнений.

Ключевые слова: честь; достоинство; деловая репутация; гражданско-правовая защита; способы и меры защиты гражданских прав; право на забвение; Google.

Введение

Право на достойное имя и репутацию является важнейшим личным нематериальным благом, охраняемым гражданским законодательством. Конституция Российской Федерации закрепляет эти основы: так, ст. 23 Конституции РФ гарантирует каждому право на защиту своей чести и доброго имени [1]. Деловая репутация – это сложившаяся оценка честности, добросовестности и профессионализма лица (гражданина или организации) в глазах окружающих, деловых партнеров, клиентов и общества в целом. Вместе с честью и достоинством граждан она образует особый правовой институт в системе гражданского права. Иными словами, охрана деловой репутации – самостоятельное направление гражданско-правовой защиты, направленное на восстановление нарушенных нематериальных прав и благ субъекта.

Актуальность темы защиты деловой репутации обусловлена возрастающей ролью информации в современном обществе. В условиях свободного рынка и конкуренции деловая репутация становится ценным нематериальным активом, напрямую влияющим на доверие к участникам гражданского оборота. Утрата репутации может повлечь серьезные неимущественные и имущественные потери, как для гражданина (в виде морального вреда, потери социальных связей), так и для организации (снижение деловой активности, утрата клиентов и деловых партнеров). При этом, учитывая нематериальный характер репутации, для ее защиты требуются особые правовые механизмы. Российское гражданское право выработало комплекс норм, призванных обеспечить баланс между охраной репутации и свободой слова, а судебная практика наполнила эти нормы конкретным содержанием. В данной статье ставится цель провести комплексный анализ института защиты деловой репутации: раскрыть понятие и правовую природу деловой репутации, изучить нормы гражданского законодательства о ее защите, рассмотреть основные способы защиты и примеры их применения в судебной практике, а также выявить современные проблемы (в том числе связанные с Интернетом) и перспективы совершенствования законодательства в этой сфере.

Понятие и правовая природа деловой репутации

Деловая репутация традиционно относится к числу нематериальных благ – объектов гражданских прав, не имеющих экономического содержания и неразрывно связанных с личностью носителя. Честь, достоинство и деловая репутация гражданина прямо указаны в ст. 150 ГК РФ среди нематериальных благ, находящихся под охраной закона [2]. Эти блага являются неотчуждаемыми и непередаваемыми иным лицам, что характерно для личных нематериальных прав. Так, деловая репутация гражданина неразрывно связана с его личностью и не может быть отчуждена или передана по сделке.

Вместе с тем правовая природа деловой репутации имеет особенности. Применительно к деловой репутации юридического лица в доктрине указывается на ее двойственный характер: с одной стороны, она нематериальна по сути, но с другой – может рассматриваться и как составляющая часть имущественных интересов организации. Действующее законодательство допускает случаи передачи составляющих репутации компании в рамках

коммерческого оборота. В частности, Гражданский кодекс предусматривает возможность отчуждения деловой репутации юридического лица по договору коммерческой концессии (франчайзингу) или в договоре простого товарищества. Фактически при заключении, например, франчайзингового договора, часть деловой репутации и «goodwill» (гудвилл) передается вместе с правом использования фирменного наименования, бренда и деловых связей. Это свидетельствует о наличии у деловой репутации имущественной составляющей как объекта гражданского оборота [3].

Таким образом, деловая репутация юридического лица сочетает признаки нематериального блага и экономического актива, имеющего оценочную стоимость. В экономическом смысле репутация компании соотносится с понятием гудвилла – разницы между рыночной ценой предприятия и суммой его чистых активов, отражающей ценность нематериальных факторов (клиентских связей, известности марки, доверия потребителей и т.д.). Положительная репутация повышает стоимость бизнеса, тогда как потеря репутации способна напрямую привести к имущественному ущербу (упущенной выгоде, снижению стоимости компании и т.п.).

Следует отметить, что закон относит деловую репутацию (как граждан, так и организаций) к объектам гражданских прав, находящимся под охраной, но в тоже время не устанавливает позитивного содержания этого блага. Репутация существует в виде *оценки окружающими*, и ее состояние формируется в общественном мнении. Нарушение данного блага происходит посредством распространения сведений, порочащих репутацию лица. Поэтому механизм защиты направлен главным образом на опровержение или удаление недостоверной негативной информации, восстановление деловой репутации в глазах общества и компенсацию причиненного вреда.

Нормы гражданского законодательства о защите деловой репутации

Базовой нормой, закрепляющей способы защиты репутации, является статья 152 Гражданского кодекса РФ («Защита чести, достоинства и деловой репутации»). Данная статья устанавливает, что гражданин (физическое лицо) вправе требовать в судебном порядке опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространившая их информация не соответствует действительности. При этом лицо, распространившее такие сведения, освобождается от ответственности, если докажет их соответствие действительности. Таким образом, закон перекладывает бремя доказывания правдивости сведений на ответчика по иску о защите репутации. Истец же должен доказать факт распространения ответчиком информации и порочащий характер этих сведений [4]. Этот подход направлен на то, чтобы потерпевшему не приходилось доказывать ложность обвинений – презюмируется, что неподтвержденные доказательства порочащие сведения являются недостоверными.

Статья 152 ГК РФ предусматривает комплекс гражданско-правовых способов защиты деловой репутации, к основным из которых относятся:

1. **Опровержение** порочащих и не соответствующих действительности сведений тем же способом, которым они были распространены. Например, если диффамационные сведения опубликованы в газете, опровержение должно быть напечатано в той же газете аналогичным по заметности шрифтом; если сведения прозвучали в телевизионной передаче – опровержение объявляется в эфире того же телеканала и программы. Цель – довести исправление информации до той же аудитории, которая была введена в заблуждение.

2. **Ответ гражданина** в средствах массовой информации. Если порочащие сведения распространило СМИ, потерпевший вправе требовать помимо опровержения также опубликования собственного ответа (реплики) в том же СМИ. Это позволяет ему изложить свою позицию и восстановить репутацию перед читателями/зрителями.

3. **Изъятие документа, содержащего порочащие сведения.** Если порочащие сведения содержатся в официальном документе, исходящем от организации (например, в характеристике, отзыве, письме), то такой документ подлежит замене или отзыву. Это предотвращает дальнейшее распространение порочащей информации через официальные каналы.

4. **Удаление информации и прекращение распространения.** В случаях, когда порочащие сведения стали широко известны и опровержение невозможно довести до всеобщего сведения, закон позволяет требовать удаления соответствующей информации, а также пресечения дальнейшего распространения этих сведений. Кроме того, допускается изъятие и уничтожение материальных носителей (тиражей газет, журналов, буклетов и пр.), содержащих такие сведения, если без этого удалить информацию невозможно. Данная мера направлена на устранение последствий массового распространения ложной информации.

5. **Защита репутации в Интернет.** Специально указано право требовать удаления порочащих сведений, размещенных в сети «Интернет», а также опровержения в Интернете способом, обеспечивающим доведение опровержения до пользователей сети. Например, если на сайте опубликована клеветническая статья, по решению суда информация должна быть удалена, а на том же ресурсе размещено опровержение (или отметка о недостоверности сведений) таким образом, чтобы оно было замечено теми, кто читал исходную информацию.

6. **Установление факта недостоверности.** Если установить лицо, распространившее порочащие сведения, невозможно (например, информация анонимно размещена онлайн), потерпевший вправе обратиться в суд с заявлением о признании распространенных сведений не соответствующими действительности. Суд, рассмотрев доказательства ложности сведений, может вынести решение, которым официально подтвердит их недостоверность. Такое решение суда само по себе служит основанием требовать удаления информации у владельцев интернет-ресурсов или опровержения от иных причастных лиц.

7. **Возмещение убытков и компенсация морального вреда.** Наряду с требованием опровержения или удаления сведений истец вправе требовать возмещения убытков, причиненных распространением ложных порочащих сведений, а гражданин (физическое лицо) также вправе требовать компенсации морального вреда. Моральный вред (переживания, стресс, унижение достоинства) компенсируется судом путем присуждения денежной компенсации, размер которой определяется с учетом характера и степени страданий, степени вины нарушителя и иных обстоятельств. Для юридических лиц требование компенсации морального вреда неприменимо, однако они могут требовать возмещения именно имущественных убытков (например, реальный ущерб или упущенная выгода, вызванные ухудшением репутации).

8. **Срок давности.** Закон устанавливает сокращенный срок исковой давности по требованиям о защите репутации, если сведения были распространены в СМИ – 1 год со дня публикации. Это побуждает оперативно реагировать на клевету в прессе. Для иных случаев распространения (в том числе в интернете, частных письмах и т.д.) общий срок давности – 3 года (общий срок исковой

давности), если вред проявился позже – с момента, когда потерпевшему стало известно о нарушении.

Важно подчеркнуть, что правила ст. 152 ГК РФ о способах защиты распространяются также на деловую репутацию юридических лиц. В частности, как указано в п. 11 данной статьи, юридическое лицо пользуется теми же способами защиты репутации, что и гражданин, за исключением права на компенсацию морального вреда. Это связано с тем, что моральный вред (физические или нравственные страдания) может испытывать только физическое лицо, тогда как для организации нематериальный ущерб выражается в иных формах (подрыв деловой репутации с негативными финансовыми последствиями). Тем не менее, суд может по аналогии предоставить организации иные меры защиты, предусмотренные для гражданина, кроме моральной компенсации.

Современные вызовы защиты репутации в цифровой эпоху

Развитие интернета и цифровых коммуникаций существенно изменило ландшафт, в котором происходит распространение информации, и поставило новые вызовы для защиты деловой репутации. Во-первых, скорость и масштаб распространения сведений в сети Интернет неизмеримо выше, чем в традиционных СМИ. Любая информация, в том числе недостоверная или порочащая, мгновенно становится доступна неограниченному кругу пользователей по всему миру [5].

Быстрое (т. н. «вирусное») распространение слухов или клеветы может нанести колоссальный ущерб репутации за короткое время, пока потерпевший даже не узнает о нарушении. Это требует от правоприменителя оперативных и эффективных мер реагирования.

Во-вторых, анонимность и децентрализация интернета осложняют привлечение виновных к ответственности. Нередко порочащие сведения публикуются под вымышленными именами на форумах, в соцсетях или на сайтах, зарегистрированных в других юрисдикциях. Выявить непосредственного распространителя бывает трудно. Для таких случаев закон предусмотрел инструмент признания информации недостоверной в судебном порядке (п. 8 ст. 152 ГК РФ) без указания ответчика. Однако исполнение судебного решения (например, удаление информации) далее зависит от доброй воли владельцев интернет-ресурсов или административного ресурса государства. В России существует механизм взаимодействия с Роскомнадзором: после вступления решения суда в силу владельцу сайта направляется уведомление о необходимости удалить незаконную информацию, и в случае отказа ресурс может быть заблокирован на территории РФ. Тем не менее, блокировка сайта – крайняя мера, и зачастую потерпевший заинтересован не в блокировке, а именно в очищении ресурса от клеветы.

В-третьих, возникла необходимость усиления юридической ответственности за неисполнение судебных решений, обязывающих удалить или опровергнуть порочащие сведения. Законодатель отреагировал на это: с октября 2018 года вступили в силу поправки, устанавливающие административную и даже уголовную ответственность за злостный отказ выполнить решение суда о удалении/опровержении недостоверной информации. В КоАП РФ была введена специальная статья 17.15 (ч. 1.2 и 4), согласно которой при неисполнении судебного решения о прекращении распространения или об опровержении информации виновные лица (граждане, должностные, юридические лица) сначала штрафуются (до 20 тыс. руб. для граждан; до 50 тыс. для должностных лиц; до 200 тыс. для организаций) [6]. Если же требование не выполнено и после штрафа (т.е. имеет место злостное уклонение), насту-

пает ответственность по ст. 315 УК РФ: для уже оштрафованного нарушителя неисполнение судебного акта может повлечь уголовное наказание вплоть до лишения свободы на срок до 1 года. Такие меры стимулируют ответчиков исполнять решения судов и являются серьезным предупреждением для распространителей клеветы в интернете.

Кроме того, в 2016 году в российское законодательство был введен механизм, получивший название "право на забвение". Поправки в Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 264-ФЗ) предоставили гражданам право требовать от поисковых систем (таких как Яндекс, Google) удалять из результатов поиска ссылки на информацию о них, распространяемую с нарушением закона, а также недостоверную или утратившую актуальность. Данный инструмент не требует доказательства порочащего характера сведений – достаточно, что информация устарела или неверна, и не касается общественно значимой информации. Право на забвение стало дополнительным способом защиты репутации в цифровой среде, позволяющим ограничить распространение негативных сведений о человеке, которые давно утратили актуальность. Неисполнение поисковыми системами требований закона о «забвении» также повлекло установление ответственности: административной – за невыполнение обязанностей по удалению ссылок.

Однако, Google фактически игнорирует запросы, основанные на «Законо о забвении», ссылаясь на то, что он не обязан соблюдать российское законодательство в полном объеме, особенно если это противоречит политике самой компании или другим нормам (например, Первой поправке в Конституцию США).

Существует много причин, почему Google «не слышит» право на забвение в Российской Федерации. Рассмотрим основные три из них.

Компания Google Inc. зарегистрирована и осуществляет деятельность в соответствии с юрисдикцией Соединённых Штатов Америки. В связи с этим положения российского законодательства, в частности статья 10.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», не рассматриваются данной корпорацией в качестве обязательных к исполнению в тех случаях, когда соответствующий запрос пользователя на удаление ссылок осуществляется через доменную зону *.com.

При этом Google признаёт юридическую силу и исполняет только вступившие в законную силу судебные акты, принятые судами Российской Федерации. Таким образом, подача обращения в адрес компании без обращения в суд, как правило, не влечёт фактического удовлетворения требования о блокировке либо удалении ссылок из поисковой выдачи. Лишь в случае наличия судебного решения, обязывающего Google осуществить соответствующие действия, компания может исполнить такое решение — нередко с выраженным нежеланием или в ограниченном объеме.

Следует также отметить, что Google применяет лишь европейскую модель реализации «права на забвение», закреплённую в практике Суда Европейского союза по делу Google Spain SL, Google Inc. v. Agencia Española de Protección de Datos, Mario Costeja González (решение от 13 мая 2014 года). В рамках указанного подхода удаление ссылок из поисковой выдачи производится исключительно в отношении граждан и резидентов Европейского союза и в пределах его правовой юрисдикции [7].

Заключение

Институт защиты деловой репутации в гражданском праве РФ играет важную роль в охране нематериальных

благ личности и обеспечении стабильности гражданского оборота. Деловая репутация – хрупкий актив, требующий действенной правовой защиты, поскольку утрата доверия может иметь далеко идущие последствия как личного, так и экономического характера. Российское законодательство (ст. 152 ГК РФ и связанные нормы) предоставляет широкий арсенал средств для восстановления нарушенной репутации: от опровержения ложных сведений и удаления информации до возмещения причиненного вреда. Судебная практика конкретизирует применение этих средств, устанавливая баланс между правом на защиту репутации и свободой выражения мнений.

Современное развитие информационных технологий бросает новые вызовы, но законодатель и суды демонстрируют готовность им отвечать: в закон введены специальные правила для Интернет-среды, усилена ответственность за уклонение от исполнения решений о защите репутации, внедрены новые механизмы вроде «права на забвение». Тем не менее, работа над совершенствованием данного института продолжается. Предстоит решить задачу адекватной компенсации репутационного вреда для юридических лиц, выработать стандартные процедуры реагирования на клевету в социальных сетях и на других цифровых платформах, не ущемляя при этом свободу обмена мнениями и критики.

Несмотря на закрепление в российском законодательстве института «права на забвение» (ст. 10.3 Федерального закона № 149-ФЗ), компания Google по состоянию на 2025 год продолжает занимать ограничительно-нейтральную позицию в отношении его применения в юрисдикции Российской Федерации. Запросы граждан РФ, направленные на удаление ссылок из поисковой выдачи, не удовлетворяются в досудебном порядке, за исключением случаев, когда соответствующее требование подкреплено вступившим в законную силу судебным актом.

Литература

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024)
3. Снигирева С.Е. Деловая репутация как объект гражданского права // Аллея Науки. - 2022. - №10 (73)
4. Козлова Н. Верховный суд разъяснил, как правильно защищать деловую репутацию // Российская газета. - 2019. - 04.06
5. Архиреев Н.В. Гражданско-правовая защита деловой репутации юридических лиц в Российской Федерации: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.03. - Екатеринбург, 2017. - 33 с
6. Административная и уголовная ответственность за неисполнение решения суда о прекращении распространения или об опровержении информации // Прокуратура Орловской области URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_57/activity/legal-education/explain?item=24953219 (дата обращения: 27.03.2025)
7. Решение по делу Google Spain SL, Google Inc. v. AEPD, Mario Costeja González (C-131/12) // InfoCuria Case-law URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?docid=152065&doclang=EN> (дата обращения: 27.03.2025).

Protection of business reputation as an institute of civil law in the digital age

Kuznetsov N.A.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The article examines business reputation as a special object of civil law protection, analyzes the legal nature of this intangible asset and the current norms of the civil legislation of the Russian Federation regulating the protection of business reputation (primarily Article 152 of the Civil Code of the Russian Federation). The main methods of protecting business reputation provided by law, as well as current judicial practice, including clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation, are examined. Particular attention is paid to modern challenges of reputation protection in the digital environment (especially Google and modern Russian relations with it), and areas for improving legal regulation and application practices are discussed. A conclusion is made about the importance of the institution of business reputation protection for ensuring stable civil turnover and a balance between the right to a good name and freedom of expression.

Keywords: honor; dignity; business reputation; civil law protection; methods and measures for protecting civil rights; the right to be forgotten; Google.

References

1. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020)
2. "Civil Code of the Russian Federation" dated 30.11.1994 N 51-FZ (as amended on 08.08.2024)
3. Snigireva S.E. Business reputation as an object of civil law // Alley of Science. - 2022. - No. 10 (73)
4. Kozlova N. The Supreme Court explained how to properly protect business reputation // Rossiyskaya Gazeta. - 2019. - 04.06
5. Arkhiereev N.V. Civil law protection of business reputation of legal entities in the Russian Federation: author's abstract. diss. candidate of legal sciences: 12.00.03. - Yekaterinburg, 2017. - 33 p.
6. Administrative and criminal liability for failure to comply with a court decision to cease dissemination or refute information // Oryol Region Prosecutor's Office URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_57/activity/legal-education/explain?item=24953219 (accessed: 27.03.2025)
7. Decision in the case of Google Spain SL, Google Inc. v. AEPD, Mario Costeja González (C-131/12) // InfoCuria Case-law URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?docid=152065&doclang=EN> (accessed: 27.03.2025).

Общественное восприятие деятельности Московской административной дорожной инспекции

Мирович Денис Олегович

аспирант, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Жигун Леонид Александрович

доктор экономических наук, профессор, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

В представленном исследовании даётся комплексная оценка деятельности Московской административной дорожной инспекции. В статье подробно описывается нормативно-правовую основу создания МАДИ, её задачи, такие как привлечение к административной ответственности за нарушение ПДД, контроль работы легкового и грузового транспорта, надзор за пассажирскими перевозками и дорожным хозяйством, а также механизмы взаимодействия с федеральными органами и органами местного самоуправления. Раскрыта структура Инспекции, где каждое звено отвечает за конкретный блок задач, от подбора и обучения персонала до эксплуатации систем автоматической фиксации нарушений и контроля технического состояния транспорта. Методологическая часть работы основана на социологическом опросе случайных прохожих на улицах Москвы. В дискуссии подчёркивается, что сочетание строгого правоприменения и современных каналов коммуникации формирует позитивное восприятие Инспекции. Статья завершается выводом о том, что результаты исследования могут стать основанием для дальнейшего совершенствования информационной политики МАДИ и укрепления диалога между гражданами и дорожными службами.

Ключевые слова: Московская административная дорожная инспекция, факторы, общество, восприятие, правопорядок.

Введение

Государственные органы играют ключевую роль в поддержании правопорядка и обеспечения безопасности граждан. Каждый орган имеет специфические функции, которые в совокупности создают систему правовой защиты и стабильности в обществе Российской Федерации и других стран. Московская административная дорожная инспекция не является исключением [2].

Московская административная дорожная инспекция (далее – МАДИ) была создана в октябре 2013 года постановлением действующего мэра Сергея Собянина. В целом функционал данной организации довольно широкий и включает в себя даже надзор за работой легковых такси, который раньше был ответственностью столичного департамента транспорта.

Нормативно-правовая основа МАДИ, её организация и функции

Постановлением Правительства Москвы № 679-ПП от 14 октября 2013 г. МАДИ определена как «функциональный орган исполнительной власти города», задачей которого является привлечение к административной ответственности лиц, нарушающих правила дорожного движения. При этом в соответствии с этим положением Инспекция реализует функции государственного (регионального) контроля в сфере пассажирских перевозок (включая легковое такси), автомобильного и наземного электрического транспорта, а также дорожного хозяйства [1].

Создание инспекции связано с соглашением между МВД и правительством Москвы о передаче городу части федеральных полномочий в рассмотрении дел об административных правонарушениях [3]. Так, в феврале 2022 г. инспекторы МАДИ ежедневно проводили рейды по проверке таксомоторных перевозчиков – за месяц было выявлено более 570 нарушений правил перевозки пассажиров [4]. Помимо надзорной деятельности, Инспекция также занимается разработкой проектов нормативных правовых актов города Москвы, касающихся дорожного движения.

В целом основной функционал МАДИ связан с привлечением к административной ответственности лиц, которые нарушают правила дорожного движения. Помимо этого, под руководством МАДИ попала разработка нормативных актов от лица Правительства Москвы, которые касаются непосредственно их сферы, а также обработка профильных заявок от граждан.

Основные направления деятельности МАДИ включают:

- привлечение к административной ответственности нарушителей ПДД (в том числе фиксацию нарушений с помощью стационарных и мобильных комплексов фото-/видеофиксации);
- проведение рейдов и проверок технического состояния транспорта (особенно легкового и грузового, включая контроль работы такси); осуществление надзора за организацией дорожного движения и содержанием улично-дорожной сети;
- подготовку предложений и проектов нормативных актов по улучшению транспортной инфраструктуры и безопасности [1].

Например, в рамках ежедневных рейдов по проверке такси МАДИ фиксирует отсутствие медицинских и технических осмотров у водителей и привлекает их к ответственности [2]. Таким образом, инспекторы МАДИ контролируют соблюдение правил парковки и стоянки, работу

легковых такси, состояние городской дороги и дорожной разметки, а также участвуют в разработке новых дорожных знаков и схем движения в Москве.

Далее будет представлена организационная структура предприятия.

Рисунок 1. – Организационная структура Московской административной дорожной инспекции

Источник: составлено автором работы на основе данных официального сайта mos.ru [Электронный доступ]. – Режим доступа: <https://www.mos.ru/madi/structure/>

В целом в МАДИ функционирует 5 основных структурных подразделений:

- Отдел государственной службы и кадров;
- Отдел фотовидеофиксации;
- Управление специальными программами;
- Первый отдел;
- Второй отдел.

Отдел государственной службы и кадров отвечает за управление кадровым составом Инспекции: формирование численности и штатного расписания, подбор и расстановку сотрудников, организацию их обучения и стажировки, а также применение дисциплинарных мер в соответствии с нормами государственной гражданской службы. Отдел фотовидеофиксации обеспечивает функционирование системы автоматической фиксации нарушений ПДД: устанавливает и обслуживает камеры фиксации, обрабатывает фотоматериалы и оформляет административные постановления по зафиксированным нарушениям (штрафы). Управление специальных программ реализует проектные инициативы и специальные программы в дорожной сфере: например, внедряет новые технологии и информационные системы для анализа аварийности, организует социально-просветительские кампании по безопасности дорожного движения и готовит методические материалы. Первый отдел курирует надзор за работой автотранспорта (пассажирского и грузового), проводит выборочные проверки технического состояния маршрутных транспортных средств и контроля перевозок; отвечает за организацию дорожного движения и борьбу с незаконной стоянкой машин на улицах города. Второй отдел ведает вопросами наземного электрического транспорта (трамваев, троллейбусов) и взаимодействует с муниципалитетами по вопросам маршрутов и графиков ОТТ; участвует в контроле технического состояния электропункта и управлении трамвайно-троллейбусной сетью [6].

Методология исследования восприятия деятельности МАДИ

После рассмотрения основного функционала и организационной структуры предприятия Московской административной дорожной инспекции было принято решение о необходимости проведения опроса среди населения на предмет их взаимодействия с данной службой [1].

Опрос был проведен на улицах Москвы среди случайных прохожих. В рамках данного метода исследования была предоставлена анкета, которая представлена в Таблице 1.

Таблица 1

Анкета опроса

Вопрос	Ответ
Являетесь ли Вы активным участником дорожного движения в качестве водителя?	Да/Нет
Если на 1-й вопрос ответ "да", как часто вам приходят штрафы за нарушение правил дорожного движения?	1 раз в неделю/ 2 раза в месяц/ 1 раз в месяц/ 1 раз в несколько месяцев и реже
Довольны ли Вы простотой взаимодействия с московской административной дорожной инспекцией?	Да/Нет

Источник: составлено автором работы

Для изучения общественного восприятия деятельности МАДИ был выбран личный опрос прохожих на улицах города. Этот метод позволяет оперативно собрать сведения непосредственно от участников дорожного движения и охватить разнообразную аудиторию (как водителей, так и пешеходов) без необходимости наличия у них каких-либо технических средств. Прямое общение с интервьюером способствует большей вовлеченности респондентов и более обоснованным ответам. Выбор уличного анкетного опроса обоснован спецификой исследования и характером собираемых данных, так как он даёт быстрый и наглядный результат при минимальных затратах ресурсов.

Результаты исследования восприятия деятельности МАДИ

На улицах Москвы предложено было пройти 103 респондентам, однако успешно прошли опрос только 78 человек, что составляет порядка 76%. 37 человек из респондентов являлись представителями мужского пола, 41 респондент – представители женского пола. На первый вопрос все дали однозначный ответ, результаты представлены на Рисунке 2.

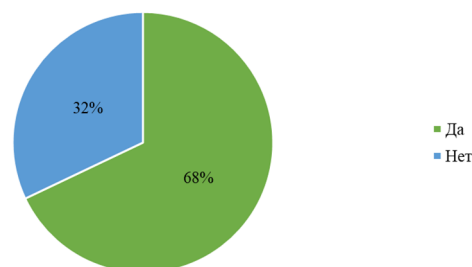

Рисунок 2. – Результаты опроса

Источник: составлено автором работы на основе проведенного опроса

Таким образом, среди опрошенных 78 респондентов, 68% являются активными участниками дорожного движения в качестве водителя, 32% выполняют роль пешеходов.

Стоит отметить, что 32% респондентов, которые не являются активными водителями, ни разу не связывались с организацией Московской административной дорожной инспекции, поэтому дальнейший опрос они не проходили. Таким образом, дальнейшие результаты пороса будут представлены на основе ответов, которые предоставили 53 респондента.

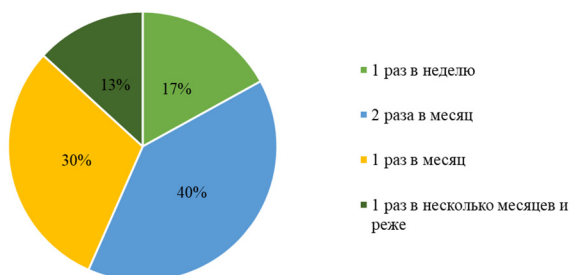

Рисунок 3. — Результаты опроса

Источник: составлено автором работы на основе проведенного опроса

При ответе на второй вопрос результаты распределились следующим образом: 40% респондентов получают штрафы 2 раза в месяц, 30% получают штрафы примерно 1 раз в месяц, 17% получают штрафы в основном 1 раз в неделю и 13% получают штрафы 1 раз в несколько месяцев или реже.

И в заключении был задан вопрос «Довольны ли респонденты простотой взаимодействия с организацией МАДИ?». Результаты представлены на рисунке 4.

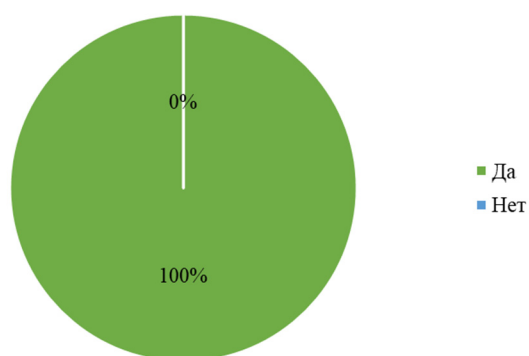

Рисунок 4. — Результаты опроса

Источник: составлено автором работы на основе проведенного опроса

Все респонденты ответили единогласно о том, что взаимодействие с организацией является максимально простым и удобным. В дополнении они отметили, что на сегодняшний день существует возможность оплачивать штрафы либо через приложение банка, либо через специализированные приложения, которые присылают push-уведомления о новых штрафах и предлагают их оплатить.

Обсуждение результатов исследования

Полученные результаты можно объяснить несколькими факторами.

Во-первых, большинство участников опроса составляют активные водители, регулярно попадающие под проверки: например, как показал репортаж «Москва 24», за первые полгода работы (апрель–сентябрь 2014 г.) МАДИ выписала более 400 тыс. штрафов за нарушения ПДД [4].

Это свидетельствует о жестком контроле, что сказывается на частоте штрафов у автолюбителей.

Во-вторых, москвичи в целом поддерживают ужесточение ответственности за нарушения на дороге: по данным ВЦИОМ, 57% россиян положительно относятся к увеличению штрафов за самые распространенные нарушения ПДД [5]. Упрощенные процедуры оплаты (мобильные приложения, уведомления) и прозрачность работы инспекции способствуют тому, что все наши респонденты отметили удобство взаимодействия с МАДИ.

Наконец, личный опыт взаимодействия формирует позитивное отношение к структуре: опрошенные отмечали оперативность получения выписанных штрафов и информативность электронных сервисов, что также объясняет высокую удовлетворенность.

Таким образом, аналитически можно заключить, что сочетание строгого правоприменения и развитых электронных каналов взаимодействия обуславливает полученные результаты.

Заключение

Таким образом, исследование общественного восприятия деятельности МАДИ показало, что большинство респондентов (68% опрошенных) активно участвуют в дорожном движении в качестве водителей и регулярно получают штрафы, а все водители отметили простоту и удобство взаимодействия с Инспекцией. При этом 57% граждан в целом положительно оценивают ужесточение мер безопасности на дорогах, что согласуется с нашей находкой о высокой удовлетворенности работой МАДИ.

Инспекция эффективно выполняет возложенные функции по контролю за транспортом и обеспечению безопасности, что подтверждается большими объемами выписанных штрафов, а развитые электронные сервисы и открытость процедур создают у водителей и пешеходов позитивное отношение к её деятельности [5]. Эти выводы могут служить основанием для дальнейшего совершенствования работы МАДИ (в том числе расширения информирования населения) и улучшения диалога между гражданами и дорожными службами.

Литература

1. Постановление Правительства Москвы от 14.10.2013 № 679-ПП «О Московской административной дорожной инспекции». (с изм. на 30.07.2024).
2. Баранов А.А., Соломатина Е.А. Пропаганда безопасности дорожного движения в деятельности подразделений Государственной инспекции безопасности дорожного движения как одно из направлений национальной политики Российской Федерации по безопасности дорожного движения // Вестник Московского университета МВД России. 2022. №4.
3. Каримова Г.Ю. Роль государственной инспекции безопасности дорожного движения в системе органов государственного управления // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2022. №2.
4. МАДИ ежедневно проверяет водителей такси на соблюдение норм безопасности [Электронный доступ]. — Режим доступа: https://transport.mos.ru/mostrans/all_news/109150 (дата обращения: 15.04.2025)
5. Повышение штрафов за нарушение ПДД: за и против [Электронный доступ]. — Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/povyshenie-shtrafov-za-narushenie-pdd-za-i-protiv> (дата обращения: 15.04.2025)
6. Руководство инспекции / Московская административная дорожная инспекция [Электронный доступ]. — Режим доступа: <https://www.mos.ru/madi/structure/> (дата обращения: 15.04.2025).

The formation of public perception of the Moscow Administrative Traffic Inspectorate activities

Mirovich D.O., Zhigun L.A.

Russian Economic University. G.V. Plekhanov

The presented study provides a comprehensive assessment of the activities of the Moscow Administrative Road Inspection. The article describes in detail the regulatory framework for the creation of the MADI, its tasks, such as bringing to administrative responsibility for traffic violations, monitoring the operation of passenger and freight transport, supervision of passenger transportation and road management, as well as mechanisms for interaction with federal and local governments. The structure of the Inspection is disclosed, where each link is responsible for a specific set of tasks, from the selection and training of personnel to the operation of systems for automatic detection of violations and monitoring of the technical condition of transport. The methodological part of the work is based on a sociological survey of random passers-by on the streets of Moscow. The discussion highlights that the combination of strict law enforcement and modern communication channels creates a positive perception of the Inspection. The article concludes with the argument that the results of the study can become the basis for further improvement of the information policy of MADI and strengthening the dialogue between citizens and road services.

Keywords: Moscow Administrative Road Inspectorate, factors, society, perception, law and order.

References

1. Resolution of the Government of Moscow dated 14.10.2013 No. 679-PP "On the Moscow Administrative Road Inspection". (as amended on 30.07.2024).
2. Baranov A.A., Solomatina E.A. Road safety promotion in the activities of the State Road Safety Inspectorate units as one of the areas of the national policy of the Russian Federation on road safety // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 4.
3. Karimova G.Yu. The role of the state road safety inspectorate in the system of government bodies // Society, law, statehood: retrospective and prospect. 2022. No. 2.
4. MADI checks taxi drivers daily for compliance with safety standards [Electronic access]. – Access mode: https://transport.mos.ru/mostrans/all_news/109150 (date of access: 15.04.2025)
5. Increasing fines for traffic violations: pros and cons [Electronic access]. – Access mode: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/povyshenie-shtrafov-za-narushenie-pdd-za-i-protiv> (date of access: 15.04.2025)
6. Inspectorate management / Moscow Administrative Road Inspectorate [Electronic access]. – Access mode: <https://www.mos.ru/madi/structure/> (date of access: 15.04.2025).

Градостроительное законодательство России в контексте концепции «право на город»

Тарасова Марина Сергеевна

аспирант кафедры «Правовое обеспечение государственного управления и экономики» Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), mstarasova@bk.ru

В статье проводится анализ российского градостроительного законодательства в контексте концепции «право на город», предложенной Анри Лефевром. Исследование охватывает вопросы гражданского участия в планировании, равного доступа к городским ресурсам, социальной справедливости, экологической безопасности, сохранения культурного наследия, информационной открытости и защиты частной собственности. Анализ показал, что современное национальное законодательство содержит элементы, способствующие реализации данных принципов, однако их практическое применение зачастую носит формальный характер.

Ключевые слова: право на город, градостроительное законодательство, городское управление, социальная справедливость, урбанизация, гражданское участие, экологическая безопасность, культурное наследие, градостроительная политика, правовое регулирование

Введение

Современные теоретические и практические подходы к урбанизации подчеркивают необходимость обеспечения участия всех социальных групп в процессе формирования городской среды. Концепция «права на город», впервые сформулированная Анри Лефевром, предполагает, что город должен становиться пространством, где каждый житель имеет возможность влиять на его развитие и пользоваться его ресурсами. В своих более ранних исследованиях автор выделил ряд ключевых правовых признаков концепции, которые одновременно определяют его структуру [1], в настоящей статье проводится сопоставление элементов концепции и положений действующего российского законодательства в целях дальнейшего анализа достаточности правового регулирования рассматриваемого вопроса и определения основных направлений для совершенствования национальной законодательной практики.

Гражданское участие в городском планировании

Статья 5.1 Градостроительного кодекса Российской Федерации устанавливает, что «в целях соблюдения права человека на благоприятные условия жизнедеятельности, прав и законных интересов правообладателей» объектов недвижимости, по проектам ряда документов из системы градостроительной документации проводятся публичные слушания или общественные обсуждения. Вместе с тем, публичные слушания и общественные обсуждения всегда носили рекомендательный характер, а в соответствии с пунктом 13 статьи 47 нового федерального закона об общих принципах организации местного самоуправления [2], вступающего в силу 19.06.2025 года, получили прямое закрепление указанного статуса на федеральном уровне.

Неоднократные исследования показывают, что публичные слушания чаще всего носят формальный характер, не в последнюю очередь из-за отсутствия активности населения, например, работа Е. Деменчук [3].

Практика подтверждает, что информационная сложность технической документации, отсутствие действенных инструментов обратной связи населения, например, права вето на какие-либо градостроительные инициативы, препятствуют полноценному вовлечению граждан в градостроительный процесс.

Права человека на доступ к городским ресурсам

Конституция Российской Федерации гарантирует право каждого гражданина на доступ к социальным благам, а именно, что каждый имеет право на жилище (ст. 40), на медицинскую помощь (ст. 41), на образование (ст. 43), на пользование учреждениями культуры и на доступ к культурным ценностям (ст. 44), а органы государственной власти и местного самоуправления обязаны создавать условия для реализации указанных прав. Такие мероприятия обеспечиваются за счет государственных и муниципальных программ.

В действительности развитие городов и распределение инфраструктурных ресурсов производятся неравномерно. Профессор Швецов А.Н. говорит о том, что «чрезмерная концентрация населения и хозяйственной деятельности на ограниченной территории ведёт к резкому

обострению природно-охранных и транспортных проблем, дефициту водных ресурсов и др.» [4].

Как отмечают исследователи Мисько О.Н., Елацков А.Б. и Москаленко В.Н., особую роль в законодательном регулировании реализации социально-экономической политики выполняет нормирование целевых показателей, вместе с тем, отмечается важность актуализации и улучшения информационных инструментов мониторинга, оценки и анализа эффективности программ и стратегий развития, что должно «позволить поддерживать в рабочем состоянии механизм обратной связи — ключевой элемент в любых системах управления» [5].

Дисбаланс в развитии городов делает неравномерным распределение городских ресурсов, одни районы становятся привлекательнее других, что в конечном итоге может приводить к социальному расслоению общества.

Социальная справедливость

Говоря о социальной справедливости, имеется в виду учет интересов социально незащищенных слоев населения, включая лиц с ограниченными возможностями здоровья при реализации государством градостроительной политики. Также в эту категорию попадает неограниченный круг лиц в определенной жизненной ситуации — при реализации программ реновации, переселения из аварийного жилья и подобное. Социальная справедливость в градостроительном законодательстве не оформлена как отдельная правовая норма, однако реализуется посредством ряда законодательных актов и программ. Например, требования к оборудованию зданий пандусами и дублированию «необходимой для инвалидов» информации шрифтом Брайля предусмотрены положениями статьи 15 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Права населения при реновации предметно регулируются законами субъекта, например, Законом г. Москвы от 17.05.2017 № 14 «О дополнительных гарантиях жилищных и имущественных прав физических и юридических лиц при осуществлении реновации жилищного фонда в городе Москве».

Однако, в контексте реновации, исследователями, например Ивановым П.И., Игнатьевой С.В., отмечается недостаток регулирования на федеральном уровне, указывается, что не проработан комплексный подход к определению категории «равнозначное жилое помещение» (применяются только формальные требования — площадь помещения, район), отсутствует единая методика оценки стоимости жилого помещения в многоквартирном доме, включенном в программу реновации, не определен перечень прав переселяемых граждан, что влечет риск нарушения их прав [6].

Таким образом, проблемы, которые усматриваются в данном блоке это недостаточность понятийно-категориального аппарата в законодательстве и правовых механизмов социальной защиты граждан при принятии градостроительных решений.

Экологическая безопасность

Конституция Российской Федерации закладывает фундаментальный принцип в области экологической безопасности: вопрос находится в совместном ведении Российской Федерации и её субъектов (пункт «д» части 1 статьи 72). Действующий Градостроительный кодекс Российской Федерации также закладывает принцип осуществление градостроительной деятельности с соблюдением требований охраны окружающей среды и экологической безопасности (пункт 9 статьи 2). Экологическая безопасность в целом и в рамках градостроительной политики обеспечивается посредством государственного экологического мониторинга (отслеживание состояния окружающей

среды и её изменений под воздействием антропогенных факторов), экологической экспертизы (оценка соответствия планируемой хозяйственной деятельности экологическим требованиям), государственного и общественного контроля за соблюдением законодательства, ответственности за экологические правонарушения (предусмотрены меры административной, уголовной и гражданско-правовой ответственности).

Несмотря на наличие строгих нормативных требований, правоприменение экологических норм в процессе урбанизации не совершенно. В частности, документы территориального планирования подлежат экологической экспертизе только в исключительных случаях (часть 4.1 статьи 25 Градостроительного кодекса Российской Федерации), то есть схемы территориального планирования Российской Федерации, схемы территориального планирования субъектов Российской Федерации, генеральные планы муниципальных образований могут утверждаться без учета экологических факторов.

Сохранение объектов культурного наследия

Право на участие в культурной жизни, пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям гарантированы статьей 44 Конституции Российской Федерации, этой же статьей установлено, что забота о сохранении исторического и культурного наследия являются всеобщей обязанностью. Дополнительно Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» статья 68 Конституции Российской Федерации дополнена положением, которое устанавливает, что культура поддерживается и охраняется государством.

Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» предусматривает несколько способов сохранения объектов культурного наследия, среди них консервация, ремонт, реставрация, приспособление объекта культурного наследия для современного использования, сохранение или спасение объекта археологического наследия. Как установлено статьей 99 Земельного кодекса Российской Федерации, в целях сохранения исторической, ландшафтной и градостроительной среды устанавливаются зоны охраны объектов культурного наследия.

На практике, любые мероприятия, связанные с присвоением статуса объекта культурного наследия и/или изменения зон охраны таких объектов, осуществляются с участием экспертов в области истории. Вместе с тем, широко известны случаи, когда при выдаче такого рода заключений допускается в лучшем случае субъективное суждение специалистов, а в худшем проявление коррупции. Такие правонарушения действующее законодательство никак не квалифицирует и не создает самостоятельного состава правонарушения. Интересным в этой связи является Постановление Конституционного суда РФ от 11.04.2024 № 17-П, которое устанавливает механизм временной защиты объектов, не признанных объектами культурного значения на период обжалования такого решения.

Доступ к информации о развитии города

Принцип информационной открытости закреплен в статье 24 Конституции Российской Федерации и Федеральном законе от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Эти нормы предписывают создание условий для свободного обмена информацией, что является основой для прозрачности городского развития.

Информационное обеспечение градостроительной деятельности является одним из ключевых аспектов, позволяющих осуществлять эффективное управление развитием территорий и действенную коммуникацию между всеми субъектами градостроительных отношений. Информационное обеспечение реализуется посредством систем, содержащих сведения, документы, материалы о развитии территорий, об их застройке, о существующих и планируемых к размещению объектах капитального строительства и иные необходимые для осуществления градостроительной деятельности сведения.

По уровням управления информационные системы можно классифицировать на:

- Федеральные («Федеральная государственная информационная система территориального планирования (ФГИС ТП)», оператором является Министерство экономического развития Российской Федерации, «Единая информационная система (ЕИС)», оператором является Минстрой России),
- Региональные («Государственная информационная система обеспечения градостроительной деятельности субъектов Российской Федерации (ГИСОГД)», управляется органами государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации),
- Частные (представлены информационными моделями, формирование и ведение которых обеспечивается, в частности, застройщиком или техническим заказчиком).

Информационные системы, обеспечивающие градостроительную деятельность, на муниципальном уровне не предусмотрены действующими нормативными актами. Практически к ним можно отнести сайты в сети «Интернет» муниципальных образований на которых осуществляется публикация муниципальных нормативно-правовых актов, утверждающих, в том числе, документы территориального планирования и градостроительного зонирования.

Проблемы существующего состояния информационных систем очевидны, это в первую очередь недостаток интеграции данных, фрагментация информации, отсутствие единой платформы, управление информацией различными ведомствами. Отсутствуют стандарты предоставления и обмена информацией. Часть информации не публикуется в сети «Интернет», ограничена в доступе, либо предоставляется за плату.

Защита частной собственности

Защита права частной собственности закреплена в статье 35 Конституции Российской Федерации и регулируется гражданским законодательством. В градостроительном контексте закреплён механизм изъятия земельных участков и объектов недвижимости для государственных и муниципальных нужд. Статья 235 Гражданского кодекса РФ предусматривает, что изъятие имущества осуществляется «на основании закона с возмещением стоимости этого имущества и других убытков».

Вместе с тем, закон никак не регулирует правоотношения, когда в результате принятия органом государственной власти или местного самоуправления решения, не всегда напрямую связанного с градостроительной деятельностью, стоимость имущества уменьшается. И если в случае ухудшения экологической обстановки, причинения вреда жизни или здоровью гражданина, возмещение можно потребовать по основаниям гражданского и/или специального законодательства, то, например, в случае прекращения транспортного сообщения между населёнными пунктами, размещения малопривлекательного объекта вблизи существующих зданий, который может существенно снизить их рыночную стоимость, нет.

Заключение

Проведённый анализ показал, что российское градостроительное законодательство включает в себя отдельные элементы, соответствующие принципам концепции «право на город», таким как участие граждан в управлении городской средой, доступ к городским ресурсам, экологическая безопасность и сохранение культурного наследия. Однако реализация этих положений на практике зачастую носит декларативный или фрагментарный характер.

Существенными барьерами остаются недостаточная нормативная проработка понятийного аппарата, слабые информированность и вовлеченность населения, формальность общественных процедур, а также ограниченность механизмов реального влияния на процессы развития городской среды.

В условиях динамичного процесса урбанизации, в целях снижения социальной напряженности, концепция «право на город» может служить ориентиром для формирования более сбалансированной градостроительной политики, ориентированной на интересы общества.

Литература

1. Тарасова М.С. Теоретико-правовые аспекты концепции «право на город». Закон и власть. 2025. № 1. С. 29-32.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ // СЗ РФ. 24.03.2025, № 12, ст. 1200.
3. Деменчук Е.В. Общественные и публичные слушания в градостроительной деятельности. Молодой ученый. 2022. № 25(420). С. 90-93.
4. Швецов А.Н. Поляризация урбанистического пространства: особенности российского процесса в контексте мировых тенденций // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 5. С. 20–34.
5. Мисько О.Н., Елацков А.Б., Москаленко В.Н. Оценка обеспеченности социальной инфраструктурой как инструмента реализации социально-экономической политики региона // Управленческое консультирование. 2024. № 2. С. 126–147.
6. Иванов А.П., Игнатьева С.В. Гражданско-правовое регулирование защиты жилищных прав физических лиц при осуществлении реновации // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 158-161.
7. Дадашева С.Х. Проблемы сохранения исторического наследия в современной городской среде // Архитектура и строительство.

Urban planning legislation in Russia in the context of the «right to the city» concept

Tarasova M.S.

Russian University of Transport

This paper deals with an analysis of Russian urban planning legislation in the context of the concept of 'right to the city' proposed by Henri Lefebvre. The study covers the issues of civic participation in planning, equal access to urban resources, social justice, and environmental safety, preservation of cultural heritage, information openness and protection of private property. The analysis showed that modern national legislation contains elements that contribute to the realization of these principles, but their practical application is often formal.

Keywords: right to the city, urban planning legislation, urban governance, social justice, urbanisation, civic participation, environmental security, cultural heritage, urban policy, legal regulation

References

1. Tarasova M.S. Theoretical and legal aspects of the concept of "right to the city". Law and power. 2025. No. 1. P. 29-32.
2. On the general principles of organizing local self-government in a single system of public authority: federal law of 20.03.2025 No. 33-FZ // SZ RF. 24.03.2025, No. 12, art. 1200.
3. Demenchuk E.V. Public and public hearings in urban planning activities. Young scientist. 2022. No. 25 (420). P. 90-93.
4. Shvetsov A.N. Polarization of urban space: features of the Russian process in the context of global trends // Regionalistics. 2017. Vol. 4. No. 5. P. 20–34.

5. Misko O. N., Elatskov A. B., Moskalenko V. N. Assessment of the provision of social infrastructure as a tool for implementing the socio-economic policy of the region // Management Consulting. 2024. No. 2. P. 126–147.
6. Ivanov A. P., Ignatyeva S. V. Civil regulation of the protection of housing rights of individuals during renovation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3. P. 158–161.
7. Dadasheva S. Kh. Problems of preserving historical heritage in the modern urban environment // Architecture and Construction.

Правовые аспекты наследования супругом права на долю в ООО

Труханова Валерия Викторовна

аспирант, кафедра гражданского и предпринимательского права,
АНО ВО «Московский гуманитарный университет»,
92463042@bk.ru

Значимость исследования правовых нюансов в сфере передачи наследственных прав супругами на долевое участие в капитале обществ с ограниченной ответственностью (ООО) находится в фокусе современной экономики по причине возрастающего пространства данного формата ведения бизнеса. Нестабильная экономическая ситуация и динамика изменений в законодательной сфере акцентируют важность глубокого понимания процессов, связанных с наследованием участия в ООО, с целью надежного обеспечения прав наследников и обороны их законных интересов. Постоянно развивающаяся социально-экономическая обстановка вносит свои коррективы и выдвигает новые задачи перед участниками правовых отношений, связанных с долевым участием в бизнесе, что подчеркивает неотложность досконального изучения вопроса профессионалами в области права, предпринимательства и семейного консультирования.

Ключевые слова: наследование, супруги, общее имущество, наследство, доля в уставном капитале ООО.

Введение. Юридические аспекты перехода доли в компании с ограниченной ответственностью к супругу урегулированы несколькими основополагающими нормативными документами Российской Федерации. В число этих регулятивов входят нормы Гражданского кодекса РФ, Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» (№14-ФЗ), принципы, изложенные в Семейном кодексе РФ, а также дополнительные нормативные акты.

Литературный обзор.

Согласно абз. 2 п. 1 ст. 66 ГК РФ [1] объем правомочий участников хозяйственного общества определяется пропорционально их долям в уставном капитале общества. Участником общества с ограниченной ответственностью является лицо, обладающее долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью.

Обладание долей является основанием приобретения правомочий участника общества с ограниченной ответственностью [6].

Рассмотрение ключевых аспектов наследования супругом доли в ООО включает в себя:

1. Основные принципы:

- Способы наследования: доля участия в ООО, аналогично любому другому имуществу, может передаваться в соответствии либо с законом (с учетом установленной очередности наследования), либо на основании завещания (исполнения последней воли усопшего).

- Порядок вызова наследников: в отсутствие завещанного указания наследники вызываются для вступления в наследство по принципу приоритетности, которая предусмотрена статьями 1141-1145 ГК РФ [1]. Супруг умершего входит в число наследников первого порядка, что подразумевает равноправие с детьми и родителями наследодателя.

- Раздел супружеской доли: основополагающим является тот факт, что супруг, оставшийся в живых, обладает законным правом на выделение доли, относящейся к совместно нажитому имуществу в период брака (согласно ст. 256 ГК РФ и ст. 34 СК РФ [2]). Это подразумевает, что определенная часть доли в ООО может быть уже закреплена за супругом. Следовательно, объектом наследования является лишь та доля в ООО, которая была собственностью усопшего на момент его смерти.

2. В контексте регулирования наследственных прав пережившего супруга на долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью следует выделить несколько фундаментальных моментов [10]:

- Совместное собственное движимое и недвижимое имущество: в соответствии с законодательством, участие в обществах с ограниченной ответственностью, нажитое во время брачных уз, принадлежит к категории общей собственности супругов. Исключение составляет ситуация, когда иное положение утверждено условиями брачного договора.

- Защита прав выжившего партнера: закон подразумевает, что выживший супруг вправе претендовать на половину принадлежащей паре доли в ООО, полученной в ходе брачного союза.

- Механизмы реализации прав на долю: для реализации прав пережившего супруга на выделение его части

участия в ООО могут быть использованы различные способы – от подписания мирного соглашения между потенциальными наследниками до обращения в судебные инстанции для разрешения возможных споров.

- Необходимость учёта мнения соратников по бизнесу: в большинстве случаев долевая передача прав выжившему супругу в рамках наследственного пути не требует получения согласия со стороны других участников ООО. Тем не менее, устав компании может содержать специальные условия, предписывающие такую необходимость (согласно статье 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью») [3].

3. Процесс наследования участия в обществе с ограниченной ответственностью включает следующие этапы и условия:

- Унаследование участия в ООО: в соответствии с принципом универсального правопреемства, закрепленным в статье 1110 Гражданского кодекса РФ, наследники перенимают все права и обязанности, связанные с унаследованной долей в ООО.

- Закон о необходимости одобрения от других участников:

- Стандартное положение: согласно стандартному правилу, установленному в статье 21 Федерального закона «Об ООО», требование на согласие со стороны других участников для перехода доли не предъявляется.

- Отклонение: в случаях, когда устав организации требует одобрения остальных участников для перехода доли к наследникам, и такое согласие не было получено, наследнику выплачивается реальная стоимость его доли.

- Процедурные шаги по оформлению прав на наследство: наследникам предписывается обращение к нотариусу с заявлением о желании принять наследство, а также предъявление необходимых документов, таких как свидетельство о смерти, о браке и документы, подтверждающие право умершего на долю участия в ООО, включая его устав, если таковой существует.

- Процесс включения в состав участников ООО: наследники, вооруженные свидетельством о праве на наследство, должны подать заявление о желании войти в число участников общества. Таковое решение принимается на общем собрании участников компании [9].

- Получение разрешения от совладельцев: в случае, если учредительная документация ООО предусматривает необходимость одобрения перехода доли от других участников, следует произвести соответствующие действия для получения такого согласия в предписанной форме.

- Спецификация для уникальных обстоятельств: в случае, когда супруг-вдовец является единоличным наследником и унаследованная доля полностью переходит к нему, процесс наследования значительно упрощается [8].

4. После вступления в права наследства супруга в обществе с ограниченной ответственностью становятся актуальны следующие правомочия и ответственности:

- Правомочия наследника в качестве участника ООО:
 - принимать активное участие в принятии управленческих решений общества;

- иметь доступ к полной информации о ходе и результатах деятельности компании;

- вносить свой вклад в дележе полученной компанией прибыли;

- в случае прекращения деятельности ООО, быть собственником соответствующей доли оставшегося после ликвидации имущества.

- Ответственность наследника в роли участника ООО:
 - следовать положениям, закрепленным в уставе общества;

- в случаях, оговоренных законодательством, вносить вклад в имущественный фонд организации;

- хранить в тайне коммерческую и иную защищенную законом информацию об ООО;

- нести риски потерь, прямо связанные с предпринимательской активностью общества.

5. Роль брачного договора в наследстве:

- Регулирование наследственных отношений: статус общего имущества, приобретенного в браке, может быть изменен при помощи условий брачного договора. Так, доля в ООО может быть оговорена как личная собственность одного из супругов, что исключает возможность раздела данной доли при наследовании и предусматривает её полный переход наследнику без выделения долей другому супругу [5].

6. Аспекты судебного регулирования:

- Правовое обоснование споров: в процессе решения дел, затрагивающих вопросы передачи доли в ООО по наследству, суды обращаются к нормам Гражданского и Семейного кодексов Российской Федерации, Федеральному закону «Об ООО» и положениям устава самого ООО.

- Акцент на главных моментах: особое внимание в судебной практике уделяется разбору ситуаций, связанных с определением супружеской доли, условиями согласования перехода доли к наследникам и установлением реальной стоимости доли [7].

Иными словами, процесс передачи доли в ООО по наследству представляет собой комплексную процедуру, включающую в себя ряд значимых юридических деталей.

Материалы и методы. В исследовании использованы нормы Гражданского кодекса РФ, Семейного кодекса РФ, судебная практика, а также научная литература. Методы исследования: сравнительно-правовой анализ, системный анализ, метод обобщения судебной практики.

Результаты. Научное исследование привело к выявлению ряда важных выводов:

1. Определение доли супруга как предварительная процедура. Исследование подчеркивает значимость определения доли, принадлежащей супругам, в качестве первоочередного шага для формирования наследственного имущества. Рост количества конфликтов, связанных с этим процессом, указывает на его важность.

2. Ограничения по наследованию в уставах ООО. Мониторинг уставных документов ООО выявил наличие положений, которые затрудняют или ограничивают передачу долей умершего учредителя его наследникам, в том числе требуя согласия остальных участников общества.

3. Споры из-за непонимания законодательства. Обследование судебной практики и опросы показали, что споры часто возникают на почве недостаточного осведомления супругов о своих правах, обязанностях и особенностях законодательного регулирования процесса наследования долей в ООО.

4. Актуальность брачного контракта как метода определения будущего долевого участия в ООО после смерти владельца подтверждается исследованием. Такие документы предоставляют ясные указания относительно распределения долями, но несмотря на их явные преимущества, использование брачных контрактов с условиями о долях в ООО остаётся достаточно низким.

5. Проблема оценки доли в ООО для наследственных целей является источником разногласий и конфликтов среди наследников. Эта задача становится особенно актуальной и сложной при оценке неликвидных долевых частей в непубличных обществах.

6. Величина дисперсии судебных решений по вопросам наследования долей в ООО подчёркивает неединобразие судебной практики [4]. Изучение судопроизвод-

ства показывает, что решения могут существенно различаться в зависимости от региона и субъективных взглядов отдельных судей, что делает исход дел по наследственным спорам непредсказуемым.

Обсуждение. Итоги проведенного исследования позволяют сформулировать ряд рекомендаций и предоставлять материал для дальнейшего обсуждения:

1) Повышение уровня юридических знаний среди граждан. Исследование неоднократно подчеркивает значимость информированности населения в аспектах наследования бизнес-долей. Предпочтение следует отдать целенаправленному разъяснению норм и процедур наследования не только среди наследников и предпринимателей, но и среди юридических посредников, включая нотариусов.

2) Комплексное изучение и регулирование уставов ООО. При формировании уставных документов ООО крайне важно выстроить четкую и обдуманную нормативную базу, в которой найдут отражение все нюансы, связанные с передачей долей, таким образом гарантируя сбалансирование прав и обязанностей всех участников общества.

3) Использование брачных контрактов в целях предотвращения споров. Желательно стимулировать применение брачных контрактов как инструментария для предварительного определения прав супругов на доли в случае смерти, что способствует снижению риска конфликтов среди преемников.

4) Стандартизация методов оценки долей. В целях минимизации количества конфликтных ситуаций необходимо разработать и внедрить унифицированные и понятные методы оценки стоимости долей в ООО, учитывающие специфику частных компаний.

5) Приведение в соответствие судебной практики. Стремление к единообразию в разрешении споров, вытекающих из наследования долей, важно для достижения прозрачности и предсказуемости исполнения правовых норм.

6) Развитие профессионализма нотариусов. Укрепление экспертности нотариусов по вопросам наследственного права способствует повышению качества их работы, что в свою очередь значительно снижает число споров, возникающих на фоне наследования долей.

7) Рассмотрение проблемы необходимости согласия. Текущее законодательство, предписывающее получение одобрения от участников ООО для передачи долей, часто вступает в конфликт с интересами оставшихся без второй половины супругов. Важно найти оптимальный механизм, который позволит обеспечить интересы всех сторон.

Заключение. Заключительные наблюдения исследования, посвященного анализу правовых рамок наследования супругами долевого участия в обществах с ограниченной ответственностью (ООО), обращают внимание на сложность и практическую значимость этой темы. В результате анализа были выявлены области, требующие правовых усовершенствований, и предложены конкретные направления для улучшения существующей системы.

Основной вывод исследования состоит в необходимости многоаспектного подхода к вопросам наследования доли в ООО, что включает в себя следующие шаги:

- увеличение уровня правовых знаний среди граждан для более осознанного участия в корпоративной жизни;
- модернизация законодательства, управляющего корпоративными отношениями, для более ясного регулирования процесса наследования;

- разработка и внедрение стратегических инструментов по планированию наследства, например, путем заключения брачных договоров, предполагающих четкое распределение долевого участия;

- стандартизация практики судебного вмешательства и решений для обеспечения единообразия и предсказуемости исполнения юридических процедур;

- расширение и укрепление функций нотариата в процессе управления наследственными процессами и минимизации споров.

Применение этих рекомендаций может привести к гармонизации интересов участников ООО и наследников, тем самым способствуя укреплению стабильности и эффективности корпоративного управления в Российской Федерации.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 №146-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 декабря 2001 г. № 49 ст. 4552.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 1996 г. № 1 ст. 16.

3. Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации от 16 февраля 1998 г. № 7 ст. 785.

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 5 (2017) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 12. 2018.

5. Илюшина, М. Н. Права супругов на долю в обществе с ограниченной ответственностью: проблемы перехода и оформления // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / Отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. 6 24 с.

6. Козлова, Н. В. Правовой режим доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, приобретенной супругами в период брака, при жизни супругов и после смерти одного из супругов / Н. В. Козлова, С. Ю. Филиппова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2024. – Т. 28, № 1. – С. 145-162.

7. Крушевская, М. В. Особенности отчуждения долей в ООО, находящихся в общей собственности супругов / М. В. Крушевская, А. И. Ляшенко // Российское государство и право: история и современность: Сборник статей XXIV ежегодной научно-практической конференции преподавателей и студентов направления подготовки "Юриспруденция", Новочеркасск, 15 мая 2024 года. – Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, 2024. – С. 266-270.

8. Левушкин, А. Н. Наследование доли как бизнес-актива пережившим супругом в рамках модели семейного предпринимательства / А. Н. Левушкин // Вестник экономической безопасности. – 2024. – № 1. – С. 126-132.

9. Огарков, Д. А. Особенности защиты корпоративных прав участника общества с ограниченной ответственностью / Д. А. Огарков // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2025. – № 1(101). – С. 191-195.

10. Шляга, П. А. Наследование пережившим супругом доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью / П. А. Шляга // Индустриальная Россия: вчера, сегодня, завтра: Сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции, Уфа, 14 апреля 2020 года. – Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2020. – С. 130-135.

Legal aspects of inheritance by a spouse of the right to a share in an LLC Trukhanova V.V.

Moscow Humanitarian UniversityThe importance of studying the legal nuances in the field of transferring inheritance rights by spouses to share participation in the capital of limited liability companies (LLC) is in the focus of the modern economy due to the increasing spread of this format of doing business. The unstable economic situation and the dynamics of changes in the legislative sphere emphasize the importance of a deep understanding of the processes associated with the inheritance of participation in LLCs, in order to reliably ensure the rights of heirs and protect their legitimate interests. The constantly evolving socio-economic situation makes its own adjustments and puts forward new tasks for participants in legal relations related to share participation in business, which emphasizes the urgency of a thorough study of the issue by professionals in the field of law, entrepreneurship and family counseling. Key words: inheritance, spouses, common property, inheritance, share in the authorized capital of LLC.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part three) of November 26, 2001 No. 146-FZ (as amended on December 13, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation of December 3, 2001 No. 49, Art. 4552.
2. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation of January 1, 1996 No. 1, Art. 16.
3. Federal Law of February 8, 1998 No. 14-FZ "On Limited Liability Companies" // Collected Legislation of the Russian Federation of February 16, 1998 No. 7, Art. 785.
4. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 5 (2017) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. No. 12. 2018.
5. Ilyushina, M. N. Rights of spouses to a share in a limited liability company: problems of transition and registration // Family business in the legal space of Russia: monograph / Ed. I. V. Ershova, A. N. Levushkin. Moscow: Prospect, 2020. 6 24 p.
6. Kozlova, N. V. Legal regime of a share in the authorized capital of a limited liability company acquired by spouses during marriage, during the lifetime of the spouses and after the death of one of the spouses / N. V. Kozlova, S. Yu. Filippova // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. – 2024. – V. 28, No. 1. – P. 145-162.
7. Krushevskaya, M. V. Features of alienation of shares in an LLC, which are in the joint ownership of spouses / M. V. Krushevskaya, A. I. Lyashenko // Russian state and law: history and modernity: Collection of articles of the XXIV annual scientific and practical conference of teachers and students of the direction of training "Jurisprudence", Novocherkassk, May 15, 2024. – Novocherkassk: South-Russian State Polytechnical University (NPI) named after M.I. Platov, 2024. – P. 266-270.
8. Levushkin, A. N. Inheritance of a share as a business asset by the surviving spouse within the framework of the family entrepreneurship model / A. N. Levushkin // Bulletin of Economic Security. – 2024. – No. 1. – P. 126-132.
9. Ogarkov, D. A. Features of the protection of corporate rights of a participant in a limited liability company / D. A. Ogarkov // Skif. Issues of student science. – 2025. – No. 1 (101). – P. 191-195.
10. Shlyaga, P. A. Inheritance by the surviving spouse of a share in the authorized capital of a limited liability company / P. A. Shlyaga // Industrial Russia: yesterday, today, tomorrow: Collection of articles based on the materials of the II International scientific and practical conference, Ufa, April 14, 2020. – Ufa: Limited Liability Company "Scientific Publishing Center" Vestnik of Science ", 2020. – P. 130-135.

Факторы, влияющие на нарушение служебной дисциплины в таможенных органах

Шестакова Татьяна Анатольевна

аспирант кафедры административного и таможенного права,
Российская таможенная академия (РТА), Shestakova-
tanya@mail.ru

В качестве цели статьи намечено проведение обзорного анализа факторов, влияющих на нарушение служебной дисциплины в российских таможенных органах. Отмечается множественность и разнородность указанных факторов, неоднозначность их влияния на состояние служебной дисциплины. Представляются факторы, в целом влияющие на деятельность таможенных органов, в том числе и на нарушение служебной дисциплины в них. Особое внимание автором акцентировано на факторах, способствующих совершению коррупционных правонарушений, также относимых к категории дисциплинарных проступков, совершаемых в таможенных органах. Обоснована недостаточность внимания, уделяемого субъектами правоприменительной деятельности установлению факторов (причин и условий), способствующих нарушению служебной дисциплины в таможенных органах. Затронуты законодательные аспекты рассматриваемой тематики. Представлены идеи по разрешению некоторых проблем в части устранения факторов, способствующих нарушению служебной дисциплины.

Ключевые слова: дисциплинарный проступок; коррупционное правонарушение; служебная дисциплина в таможенных органах; таможенные органы; факторы нарушения служебной дисциплины; ФТС России.

Введение.

Вопрос определения факторов, влияющих на нарушение служебной дисциплины в таможенных органах, относится к числу фундаментальных проблем их деятельности, что опосредовано несколькими обстоятельствами. Прежде всего, нарушение служебной дисциплины – одна из острейших проблем таможенных органов (ФТС России) как звена системы государственного управления, о чем свидетельствуют материалы официальных докладов, обзоров и пр. [11, 12]. Соответственно, выявление указанных факторов особенно важно. При этом нельзя не отметить, что выявлению данных факторов уделяется недостаточное внимание как в научных исследованиях, так и в нормативных документах, а также в материалах правоприменительной практики. Так, в информационных материалах, отражающих итоги работы по противодействию должностным правонарушениям в таможенных органах [11, 12], ничего не упоминается об условиях и причинах, способствующих совершению нарушений.

С учетом изложенного в качестве цели статьи намечено проведение обзорного анализа факторов, влияющих на нарушение служебной дисциплины в российских таможенных органах.

Основная часть. Первоочередное внимание целесообразно обратить на ключевой документ, в целом отражающий официальную позицию относительно оценки состояния, проблем и направлений развития деятельности таможенных органов, а именно Стратегию развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года [5], в которой представлен перечень факторов, играющих существенную роль в деятельности рассматриваемых органов. К ним отнесены:

- региональная экономическая интеграция;
- невысокий уровень развития транспортной инфраструктуры;
- прогресс информационного общества с присущей ему моделью цифровой экономики;
- характерные для Российской Федерации и мира в целом тенденции в администрировании контрольной деятельности;
- рост показателей трансграничной торговли и интернет-торговли;
- невысокий уровень эффективности работы ряда отечественных портов;
- недостаточно высокий уровень развития российских информационных технологий и элементной базы, зависимость от зарубежных поставок.

И хотя факторы из указанного перечня носят общий характер и напрямую не касаются именно служебной дисциплины, их значимость отрицать нельзя, а потому нельзя игнорировать в контексте исследования нарушения служебной дисциплины.

Примечательно, что в указанном перечне одновременно упоминаются факторы, которые в целом могут быть расценены как нейтральные (например, развитие региональной экономической интеграции), и факторы, негативно отражающиеся на деятельности таможенных органов (например, недостаточно высокое развитие инфраструктуры транспорта). В этом видно отсутствие дифференциации соответствующих факторов. При этом в ука-

занном перечне преобладают факторы негативного характера, которые можно расценить именно как препятствия к развитию.

Очевидно, что они не могут не отражаться и на дисциплине в таможенных органах, поскольку дисциплина, так или иначе, обуславливается и тем, насколько эффективно организованы и функционируют рассматриваемые органы, а они, исходя из приведённого перечня факторов, функционируют не вполне эффективно.

В то же время нельзя сказать, что перечисленные в рассматриваемой стратегии факторы влияют на состояние дисциплины в таможенных органах сугубо негативно или сугубо позитивно. Каждый из факторов, как представляется, специфичен, как и его влияние на состояние дисциплины. Так, развитие информационного общества в определённой мере способствует укреплению служебной дисциплины, поскольку предполагает использование соответствующих информационных технологий, позволяющих более эффективно осуществлять контроль за служебной деятельностью, фиксировать те или иные действия (бездействие), за счет чего выявлять и своевременно пресекать нарушения дисциплины. Однако, недостаточно высокий уровень развития такого рода технологий в определённой степени отрицательно сказывается на служебной дисциплине, поскольку не всегда обеспечивает возможности для максимально оперативного выявления допускаемых правонарушений, их пресечения, а также профилактики.

Положительная динамика в части развития трансграничной торговли в совокупности с интеграционными процессами тоже выступает своего рода фактором, в определённой степени способствующим совершению служебных нарушений. Здесь следует отметить, что чем более динамичной и напряжённой является служебная деятельность, тем больше предпосылок создается для совершения тех или иных нарушений.

В контексте изложенного нельзя сказать, что влияющие на деятельность таможенных органов факторы должным образом систематизированы. Кроме того, в рассмотренном перечне многие аспекты, так или иначе влияющие как на деятельность таможенных органов в целом, так и на нарушение служебной дисциплины, не отражены.

Нельзя не обратить внимание на отдельные источники законодательства, непосредственно регламентирующие деятельность должностных лиц таможенных органов,

- Федеральный закон «О службе в таможенных органах Российской Федерации» [1] (далее – Закон о службе в таможенных органах);

- Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2] (далее – Закон о государственной гражданской службе);

- Федеральным законом «О противодействии коррупции» [3] (далее – Закон о противодействии коррупции);

- Указом Президента Российской Федерации «Об утверждении Дисциплинарного устава таможенной службы Российской Федерации» [4] (далее – Дисциплинарный устав).

В указанных источниках не приводятся какие-либо перечни факторов, влияющие на нарушение служебной дисциплины. Более того, регулятор избегает использования термина «факторы» в рассматриваемом контексте, предпочитая такие понятия, как «причины», «условия», «обстоятельства», которые, соответственно, расцениваются как способствовавшие совершению нарушения.

И некоторые нормы, представленные в указанных источниках, имеют прямое отношение к выявлению тех или иных факторов, влияющих на нарушение, к правовой оценке, к их научному осмыслению. Так, п. 2 ст. 29.1 Закона о службе в таможенных органах в контексте регла-

ментации основания для освобождения сотрудника от ответственности упоминает в качестве причины наличие «не зависящих от него обстоятельств». Такие обстоятельства в ст. 13 Закона о противодействии коррупции, применяемой во взаимосвязи с указанной выше нормой, расцениваются как препятствующие соблюдению предусмотренных законом ограничений, запретов и требований, а также исполнению обязанностей.

Речь идет именно о таких обстоятельствах, которые оказываются вне контроля конкретного человека, носят чрезвычайный характер, фактически непредотвратимы; их нельзя было ожидать или избежать либо нельзя было преодолеть, они исключают возможность соблюдения ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и исполнения обязанностей, исходя из законодательства о противодействии коррупции.

Примерный перечень такого рода обстоятельств перечислен в ст. 13 указанного Закона, а вопрос правовой оценки того или иного обстоятельства применительно решается отдельно в каждом случае. При этом внимание акцентируется на причинно-следственной связи: то или иное обстоятельство для его оценки, как исключającego привлечение к дисциплинарной ответственности, должно быть закономерным препятствием к соблюдению соответствующих запретов, ограничений, исполнению обязательств. В противном случае даже чрезвычайные обстоятельства не могут быть расценены как исключające ответственность.

Учитывая рассмотрение указанных обстоятельств как исключających привлечение к ответственности, их можно было бы не признавать факторами, влияющими на нарушение служебной дисциплины. Однако тот факт, что в каждом конкретном случае правовая оценка тех или иных обстоятельств даётся отдельно и не всегда она может быть однозначной, соответствующие обстоятельства вполне уместно причислить к категории факторов, опосредующих нарушение дисциплины.

Далее представляется необходимым обратиться к научной литературе, в которой уделяется внимание проблематике факторов, влияющих на нарушение служебной дисциплины, причём как в целом, так и применительно к таможенным органам.

Так Т.Л. Пономарева еще в 2011 г. в своей диссертационной работе применительно к рассматриваемому законодательству отмечала несовершенство правовой регламентации производства по дисциплинарным делам [10, с. 19]. Несмотря на то, что указанная проблема была признана практически 15 лет назад, она и в настоящее время продолжает оставаться актуальной.

При обращении к действующим нормам, в частности, Закона о службе в таможенных органах, а также к положениям Дисциплинарного устава, становится, очевидно, что не каждое дисциплинарное нарушение (проступок) является безусловным основанием для наложения дисциплинарного взыскания. Должностное лицо, являющееся по отношению к нарушителю вышестоящим нарушителем, уполномоченное рассматривать вопросы о привлечении к дисциплинарной ответственности, имеет лишь право наложить дисциплинарное взыскание при выявлении соответствующего факта, но обязанность во всех без исключения случаях выявления нарушения привлекать к дисциплинарной ответственности не предусматривается. Таким образом, формируется некоторая среда, способствующая нарушению служебной дисциплины и появлению лояльности к нарушителям.

Представляется возможным согласиться с указанным автором и в том, что регулирование в рассматриваемой сфере оказывается весьма непоследовательным. При этом нормы действующего законодательства допускают

широкие возможности для административного усмотрения при разрешении вопросов дисциплинарного производства, что в свою очередь негативно отражается на эффективности мер дисциплинарного воздействия в отношении должностных лиц таможенных органов [10].

Стоит признать и то, что упреждающее воздействие на должностных лиц, как потенциальных нарушителей, тоже имеет немаловажное значение [10, с. 4]. Отсюда можно отметить фактор профилактической работы, нацеленной на предупреждение совершения не только коррупционных, но и любых иных нарушений служебной дисциплины.

А.И. Карипова и Р.А. Барсуков анализируя проблематику должностных правонарушений, обращают внимание на такие детерминанты, как:

- служебная среда;
- характеристика служащих;

– условия и процессы взаимодействия, состояние социального контроля в сфере службы [8, с. 151].

Конечно, указанные детерминанты во многом носят условный характер, но в целом в их реальности сомневаться не приходится. И каждый из перечисленных пунктов имеет свою специфику. Так, служебная среда, включающая условия, которые, так или иначе, характеризуют служебную деятельность, выступает фактором внешнего характера, являющимся во многом объективным, то есть независящим от конкретного должностного лица. В этой связи служебной среде могут быть характерны, например, наличие лиц, в том числе руководителей, лояльно относящихся к нарушениям, что может повлиять на поведение подчиненных коллег с точки зрения соблюдения служебной дисциплины, в том числе в части личного отношения к проявлениям коррупции.

Что касается характеристики служащих, то она отражает комплекс личностных особенностей конкретного индивида, носит внутренний субъективный характер и в меньшей степени поддается внешнему воздействию, в том числе со стороны руководства. В этой связи влияние на должностное лицо в плане готовности (неготовности) идти на нарушение служебной дисциплины могут оказать самые разные личностные черты. Так, преобладание корыстных мотивов, первостепенная ориентация на получение материальной выгоды, признание более приоритетными личных интересов в сравнении с интересами общества и государства могут стать фактором, способствующим формированию готовности к совершению коррупционных нарушений.

В контексте изложенного представляется интересной позиция Д.Е. Гончарова и Д.А. Бражникова, отмечающих особо значимую роль моральной составляющей, выражающейся, например, в чувстве моральной ответственности должностного лица в случае принятия им присяги. Исходя из этого, указанные авторы рассматривают именно присягу в качестве фактора, препятствующего формированию готовности должностного лица идти на нарушение дисциплины [7, с. 31]. В этом отчасти можно согласиться. Однако преувеличивать роль присяги все же не стоит.

Особо важную роль играет и контроль, который можно расценить в качестве одного из ключевых условий факторов с точки зрения предупреждения нарушения служебной дисциплины. Соответственно, последовательный, системный и всесторонний контроль можно расценивать как фактор, предупреждающий нарушение служебной дисциплины, и наоборот: отсутствие контроля или его недостатки есть фактор, способствующий нарушениям.

Е.Н. Петрушко и О.А. Москаленко в этой связи особое внимание обращают именно на отсутствие должного контроля со стороны руководящего состава таможенного органа как на одного из главных факторов, способствующих нарушению служебной дисциплины [9], в чем вряд ли

можно сомневаться, особенно учитывая высокую латентность должностных правонарушений в целом и правонарушений в таможенных органах в частности.

В случаях же, когда контроль все же реализуется в должной мере и способствует выявлению нарушений служебной дисциплины и привлечению нарушителей к ответственности, прежде всего дисциплинарной, многие его недостатки зачастую сохраняются. Так, в рамках производства по делам о дисциплинарных проступках нередко решение выносится без установления полной картины произошедшего и без выявления причин и условий (факторов), способствовавших совершению соответствующего нарушения. Например, гражданин Г. обратился в суд с иском к Федеральной таможенной службе (ФТС России) о признании увольнения незаконным, восстановлении на службе. Тверской областной суд установил, что приказ таможенного органа, на основании которого сотрудник был привлечен к дисциплинарной ответственности, носит общий характер и содержит лишь указание на факт выявления нарушений законодательства, не конкретизируя, в какой именно период и какие конкретно нарушения были допущены, что стало основанием частичной отмены указанного приказа [6].

Выводы. Влияющие на нарушение служебной дисциплины факторы, имеющие место в деятельности таможенных органов, довольно многочисленны. При этом в официальных материалах их систематизации и анализу не уделяется должного внимания, что, однако, не препятствует возможности сделать некоторые выводы.

В первую очередь, все факторы можно разделить условно на объективные и субъективные; также на те, которые способствуют совершению нарушений коррупционного характера и способствующие совершению иных, некоррупционных нарушений. Думается, что они должны быть выделены и закреплены нормативно.

Всю систему факторов в рамках настоящего исследования вряд ли можно обобщить, однако факторы, наиболее существенные с точки зрения влияния на нарушение служебной дисциплины, выделить возможно. Среди них несовершенство действующего законодательства, особенно в части регулирования ответственности. На сегодняшний день дисциплинарный проступок не является безусловно наказуемым, что способствует формированию терпимости к нарушению служебной дисциплины. Нельзя не отметить и фактор административного усмотрения, поскольку вопрос привлечения к ответственности за нарушение дисциплины решается исходя из преобладания диспозитивных начал. С учётом изложенного представляется необходимым скорректировать и нормы законодательства соответствующим образом.

В первую очередь, целесообразно пересмотреть подход к законодательной оценке дисциплинарного проступка, предусмотрев в числе его обязательных признаков наказуемость. Отказ же от наложения дисциплинарного взыскания, как мы полагаем, должен быть, допустим, лишь в исключительных случаях при наличии должного обоснования со стороны лица, принимающего решение.

Также необходимым видится изменение практики разрешения дел о дисциплинарных проступках. Думается, что соответствующие решение (приказы), принимаемые в рамках дисциплинарного производства, должны содержать не только обязательное описание допущенного нарушения, но и причин и условий, которые этому способствовали. Безусловно, соответствующая информация должна содержаться и в официально публикуемых информационных и отчетных материалах о работе таможенных органов (их подразделений) в части поддержания внутрислужебной дисциплины.

Литература

1. Федеральный закон от 21.07.1997 № 114-ФЗ (ред. от 26.02.2024) «О службе в таможенных органах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3586.
2. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.
3. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52 (ч. I). – Ст. 6228.
4. Дисциплинарный устав таможенной службы Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 16.11.1998 № 1396; ред. от 30.09.2012) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 47. – Ст. 5742.
5. Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р; ред. от 12.07.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 22. – Ст. 3572.
6. Апелляционное определение Тверского областного суда от 19.03.2020 по делу № 33-1085/2020 // Судебные решения РФ. – Режим доступа: <https://судебныерешения.рф/55870633> (дата обращения: 23.04.2025).
7. Гончаров Д.Е., Бражников Д.А. К вопросу о правовом статусе присяги и ее влиянии на служебную дисциплину в таможенных органах Российской Федерации // Общество и государство. – 2024. – № 3(47). – С. 30–34.
8. Карипова А.И., Барсукова Р.А. Причины и условия, способствующие совершению коррупционно-должностным правонарушениям // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2020. – № 1-2(57). – С. 150–156.
9. Петрушко Е.Н., Москаленко О.А. Теоретические основы и анализ профилактики коррупционных правонарушений в таможенных органах Российской Федерации в 2019 году // Вестник Евразийской науки. – 2020. – № 3. – Режим доступа: <https://esj.today/PDF/35ECVN320.pdf> (дата обращения: 23.04.2025).
10. Пономарева Т.Л. Дисциплинарное производство в таможенных органах Российской Федерации: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Челябинск, 2011 – 26 с.
11. Информационные материалы о результатах деятельности службы по противодействию коррупции ЦТУ за 2024 год // Официальный портал ФТС России. – Режим доступа: <https://ctu.customs.gov.ru/folder/99210/document/615720> (дата обращения: 23.04.2025).
12. Информационные материалы о результатах работы подразделений по противодействию коррупции таможенных органов Российской Федерации за 2024 год // Официальный портал ФТС России. – Режим доступа: <https://customs.gov.ru/activity/protivodejstvie-korrupczii/doklady,-otchety,-obzory,-statisticheskaya-informacziya/rezul-taty-raboty-upravleniya-po-protivodejstviyu-korrupczii/document/618623> (дата обращения: 23.04.2025).

Factors influencing the violation of official discipline in customs authorities

Shestakova T.A.

Russian Customs Academy (RTA)

The purpose of the article is to conduct an overview analysis of the factors influencing the violation of official discipline in the Russian customs authorities. The multiplicity and heterogeneity of these factors is noted, as well as the ambiguity of their influence on the state of service discipline. The article presents the factors that generally affect the activities of customs authorities, including the violation of official discipline in them. The author focuses on the factors contributing to the commission of corruption offenses, which are also classified as disciplinary offenses committed by customs authorities. The lack of attention paid by the subjects of law enforcement activities to the establishment of factors (causes and conditions) contributing to the violation of official discipline in customs authorities is substantiated. The legislative aspects of the subject matter are touched upon. Ideas are presented on how to solve some problems in terms of eliminating factors contributing to the violation of official discipline.

Keywords: disciplinary misconduct; corruption offense; official discipline in customs authorities; customs authorities; factors of violation of official discipline; Federal Customs Service of Russia.

References

1. Federal Law of 21.07.1997 No. 114-FZ (as amended on 26.02.2024) "On Service in the Customs Authorities of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1997. - No. 30. - Art. 3586.
2. Federal Law of 27.07.2004 No. 79-FZ (as amended on 08.08.2024) "On the State Civil Service of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2004. - No. 31. - Art. 3215.
3. Federal Law of 25.12.2008 No. 273-FZ (as amended on 08.08.2024) "On Combating Corruption" // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2008. - No. 52 (Part I). - Art. 6228.
4. Disciplinary Charter of the Customs Service of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation of 16.11.1998 No. 1396; as amended on 30.09.2012) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1998. - No. 47. - Art. 5742.
5. Development Strategy of the Customs Service of the Russian Federation until 2030 (approved by Order of the Government of the Russian Federation of 23.05.2020 No. 1388-r; as amended on 12.07.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2020. - No. 22. - Art. 3572.
6. Appellate ruling of the Tver Regional Court dated March 19, 2020 in case No. 33-1085/2020 // Court decisions of the Russian Federation. - Access mode: <https://судебныерешения.рф/55870633> (date of access: April 23, 2025).
7. Goncharov D.E., Brazhnikov D.A. On the legal status of the oath and its impact on official discipline in the customs authorities of the Russian Federation // Society and state. - 2024. - No. 3 (47). - P. 30-34.
8. Karipova A.I., Barsukova R.A. Causes and conditions contributing to the commission of corruption-official offenses // Current scientific research in the modern world. - 2020. - No. 1-2(57). - P. 150–156.
9. Petruschko E.N., Moskalenko O.A. Theoretical Foundations and Analysis of Prevention of Corruption Offenses in the Customs Authorities of the Russian Federation in 2019 // Bulletin of Eurasian Science. - 2020. - No. 3. - Access mode: <https://esj.today/PDF/35ECVN320.pdf> (accessed: 23.04.2025).
10. Ponomareva T.L. Disciplinary Proceedings in the Customs Authorities of the Russian Federation: author's abstract. ... dis. candidate of legal sciences. - Chelyabinsk, 2011 – 26 p.
11. Information materials on the results of the activities of the anti-corruption service of the Central Customs Service for 2024 // Official portal of the Federal Customs Service of Russia. - Access mode: <https://ctu.customs.gov.ru/folder/99210/document/615720> (date of access: 23.04.2025).
12. Information materials on the results of the work of the anti-corruption units of the customs authorities of the Russian Federation for 2024 // Official portal of the Federal Customs Service of Russia. - Access mode: <https://customs.gov.ru/activity/protivodejstvie-korrupczii/doklady,-otchety,-obzory,-statisticheskaya-informacziya/rezul-taty-raboty-upravleniya-po-protivodejstviyu-korrupczii/document/618623> (date of access: 23.04.2025).

К вопросу о понятии арктических морских путей

Орлов Климент Максимович

аспирант, кафедра международного права, Санкт-Петербургский государственный университет, klimentospb@gmail.com

Автор обращает внимание на необходимость формирования понятия «арктический морской путь», направленное на вычленение тех морских путей, которые имеют самые уязвимые экосистемы и требуют строгих правил пользования и судоходства. Внедрение такого понятия, которое на сегодняшний день не упоминается в доктрине, позволит объединить три самых распространенных транспортных коридоров в Арктике для установления в дальнейшем единых правил по использованию морских путей в Арктике, совершенствования и унификации совокупности норм и принципов обычного и договорного характера: Северный морской путь, Северо-Западный проход и Трансполярный морской путь.

Ключевые слова: арктический морской путь, Арктика, Северный морской путь, Северо-Западный проход, Трансполярный морской путь, правовой режим.

В настоящее время легальная дефиниция арктического морского пути отсутствует как в законодательстве Российской Федерации, так и в международных правовых актах. Упоминание о понятии «арктический морской путь» в доктрине встречается не часто. В силу наступивших геополитических и назревающих климатических перемен на нашей планете потребность в установлении термина «арктический морской путь», несомненно, будет только нарастать.

В советское время не раз обращалось внимание на уникальность Арктики и ее морских путей, о чем В.Н. Кулебякин справедливо отмечает: «Именно комплекс исторических, экономических, политических, геологических и других факторов позволяет сделать вывод, что арктические морские пространства не могут рассматриваться под тем же углом зрения, что и морские пространства вообще» [3, с. 139].

Как известно, в Арктике ежегодно наблюдается рост таяния ледников, сравнение с климатическими данными прошлых лет позволяет ученым выявить непосредственную связь между повышением температуры атмосферы и океана и увеличением потери ледового покрова Арктики. Спутниковые наблюдения и новая климатическая модель предсказывают, что Северный полюс будет терять весь свой лед каждый сентябрь. Так, согласно исследованиям, основанным на наблюдениях со спутников Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства, ученые предполагают, что первый свободный ото льда сентябрь наступит между 2030 и 2050 годами, что, бесспорно, совсем скоро [10].

Вышеуказанные климатические изменения являются устойчивой тенденцией. Она же способствует не только развитию перспектив судоходства в арктическом регионе, но и проявлению повышенного внимания приарктических государств и неарктических игроков к Арктике, в том числе как к богатому источнику ресурсов. Следовательно, значение арктических морских путей, как и их международно-правовой режим, для сверхдержав и государств как приарктических, так и неарктических в целом, невозможно переоценить.

Арктические морские пути расположены в Арктике, на наш взгляд, для последующего признания такого пути арктическим в обязательном порядке путь или его большая часть должна пролегать в арктической зоне. основополагающим признаком арктического морского пути, безусловно, является *расположение такого пути на карте, его маршрут*, следовательно, он должен проходить по морям и акватории Северного Ледовитого океана. В составе рассматриваемого океана выделяют 11 морей: Баренцево море, Карское море, море Лаптевых, Восточно-Сибирское море, Чукотское море, море Бофорта, море Линкольна, Гренландское море, Норвежское море (в российских источниках считается, что оно является частью Северного Ледовитого океана, в зарубежных источниках – Атлантического океана), Белое море и море Баффина. Соответственно, весь морской путь, или большая его часть, должны проходить в акватории Северного Ледовитого океана.

В то же время необходимо уточнить, что арктическим морским путем может быть признан не каждый морской путь, включающий в себя небольшой отрезок Северного Ледовитого океана. Установление границ такого морского

пути должно опираться на географический признак с возможностью его небольшого отклонения, а значит, большая часть пути должна быть в Арктике.

Необходимо уточнить, что данный признак является основным признаком для квалификации морского пути арктическим, его отсутствие влечет невозможность такой квалификации. Это обуславливается тем, что экосистема Арктики является одной из самых уязвимых экосистем нашей планеты. Арктика и ее воды – это живой и очень нежный организм, постоянно живущий в условиях очень низких температур.

К сожалению, имеется наглядный пример, доказывающий хрупкость арктических вод. Таким примером является авария танкера «Эксон Валдиз» компании Еххон (после слияния крупнейших американских нефтяных компаний Еххон и Mobil - ЕххонMobil) [4]. 24 марта 1989 года нефтяной танкер сел на мель, в результате чего разлилось 11 миллионов галлонов нефти, образовав нефтяное пятно в 28 000 квадратных километров. Разлив затронул более 1 300 миль береговой линии, оказав огромное воздействие на рыбу, диких животных и их среду обитания, а также на местную промышленность и население. По оценкам, погибло около 250 000 морских птиц, 2 800 каланов, до 300 тюленей, 250 белоголовых орланов и по меньшей мере 22 касатки [11]. Спустя годы после аварии береговая линия так и не оправилась от разлива нефти, следы нефти до сих пор присутствуют, поскольку холодная температура не позволяет природным процессам расщеплять нефть [8]. Попадание нефти же в лед вызовет наиболее плачевные последствия, в связи с этим деятельность человека в арктических водах требует наибольшего внимания и должна быть специальным образом адаптирована и регламентирована.

Вышесказанное позволяет прийти к следующему понятию «*арктического морского пути*» как морского пути, который, либо часть которого, пролегает в акватории Северного Ледовитого океана, в отношении которого установлен либо может быть установлен международно-правовой и/или национальный правовой режимы, определяющие поведение и взаимодействие государств в пространствах таких морских путей, обеспечивающие как безопасность судоходства, так и безопасность вод, по которым осуществляется мореплавание.

Данное понятие позволяет наиболее полно охватить специфику арктических морских путей для дальнейшей работы с международно-правовым режимом таких морских путей. Исходя из соответствия данному признаку и экономической составляющей в виде торговли и организации перевозок грузов как в перспективе, так и в настоящее время, позволяет выделить основные виды арктических морских путей.

Так, основными арктическими морскими путями являются: Северо-Западный проход (далее – СЗП), Северный морской путь, в некоторых источниках именуется как «Северо-Восточный проход» – данный термин использовался на территории РФ до начала XX века, однако в настоящее время в зарубежных странах продолжают его именовать так (далее – СМП, Севморпуть) и будущий Трансполярный морской путь (далее – ТМП). Указанные морские пути соединяют Атлантический океан и Тихий океан, географические же отличия заключаются в их местоположении, каким образом они пересекают Арктику. В связи с этим необходимо рассмотреть географическую составляющую указанных ранее путей.

1. *Северо-Западный проход* (англ. Northwest Passage). Арктический морской путь, проходящий через Северный Ледовитый океан вдоль северного берега Северной Америки через моря и проливы Канадского Арктического архипелага. Серия путей внутри Северо-Западного прохода

пролегает через Канадский Арктический архипелаг, включающий в себя более 36 000 островов. Однако данный факт ни в коем случае не уменьшает значения данного морского пути как экономически выгодного транспортного коридора. Судовые маршруты по Северо-Западному проходу из Европы в восточную часть Азии потенциально короче на 4 000 километров чем судовой маршрут через Суэцкий канал, например, если брать маршрут Нью-Йорк – Шанхай. Протяженность самого Северо-Западного прохода составляет около 1 500 километров.

В 1985 году проливы Северо-Западного прохода Канада объявила своими внутренними водами, специальным нормативным актом закреплены исходные линии отсчета территориального моря, рыболовных и исключительной экономической зон [1, с. 471]. Речь идет о Приказе «О географических координатах территориального моря (Район 7)» от 10.09.1985 года (далее – Приказ от 10.09.1985 г.) [7]. В Приказе от 10.09.1985 г. указано, что Район 7 означает Канадские арктические острова и материковую часть и включает в себя все острова и отливные возвышенности, прилегающие к Району 7. Все три приложения к Приказу от 10.09.1985 г. содержат перечни географических координат точек. Следовательно, Канада считает Северо-Западный проход частью своих внутренних вод, и, следовательно, СЗП, в соответствии с позицией Канады, он находится под канадской юрисдикцией.

В свою очередь, большинство морских держав, составляющих международное сообщество, считают Северо-Западный проход международным проливом, международным морским путем [2, с. 179]. Сторонники данной позиции требуют свободы судоходства в данном регионе, пытаются оспорить права Канады на контроль за вышеуказанным арктическим путем.

Таким образом, отмечается правовая неопределенность в отношении международно-правового режима СЗП с учетом внутригосударственного регулирования этих арктических вод.

2. *Северный морской путь* (англ. Northern Sea Route, либо Северо-Восточный проход и англ. Northeast Passage). Арктический морской путь, проходящий вдоль северных берегов Российской Федерации по морям Северного Ледовитого океана и частично Тихого океана.

Административно Северный морской путь на западе ограничен западными входами в новоземельские проливы и меридианом, проходящим на север от мыса Желания, а на востоке – в Беринговом проливе, – параллелью 66° северной широты и меридианом 168°58'37" западной долготы. Более подробное описание границ районов акватории Северного морского пути изложено в приложении № 3 к Правилам плавания в акватории Северного морского пути, утвержденным постановлением Правительства РФ от 18.09.2020 № 1487 «Об утверждении Правил плавания в акватории Северного морского пути» [6].

Расстояние от города Санкт-Петербурга до Владивостока по Севморпути составляет приблизительно 14 000 километров, в то время как через Суэцкий канал – более 23 000 километров. Протяженность самого Северного морского пути от Карских Ворот до бухты Провидения составляет около 5 600 километров. Северный морской путь служит интересам арктических регионов России, например, используется для доставки топлива, оборудования, продовольствия и полезных ископаемых, а также используется в качестве арктического морского пути, способного выполнять международные рейсы.

Как и в отношении Северо-Западного прохода, правовой режим Северного морского пути по сей день является предметом для дискуссий ученых. Российская Федерация занимает позицию, что данный арктический морской путь подпадает под ее юрисдикцию. Так, федеральный законодатель в статье 14 Федерального закона от 31.07.1998 №

155-ФЗ (ред. от 19.10.2023) "О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации" регламентирует, что Северный морской путь определяется как исторически сложившаяся национальная транспортная коммуникация Российской Федерации в Арктике [5].

Аналогично проблеме международно-правового режима Северо-Западного прохода, Северный морской путь не является исключением, зарубежные государства, в особенности Соединенные Штаты Америки, упорно отстаивают позицию, заключающуюся в признании такого арктического морского пути международным, подлежащего открытию для транзита иностранных судов [2, с. 181].

3. *Трансполярный морской путь* (англ. Transpolar Sea Route). В настоящее время он обсуждается в науке исключительно как новый и потенциально конкурентоспособный транспортный коридор – к его образованию могут привести дальнейшие изменения климата. Исходя из прогноза Арктического совета, такой путь станет доступен для его повсеместного коммерческого использования к 2040 году [9].

Трансполярный морской путь – это арктический морской путь, пересекающий Северный Ледовитый океан через Северный полюс, единственный свободный арктический путь от национальных юрисдикций. Его протяженность составляет около 3 900 километров, в сравнении с другими арктическими морскими путями следует констатировать, что он самый короткий.

Занимательным фактом является то, что наибольшее внимание развитию данному арктическому пути уделяет Китайская Народная Республика. В 2012 году именно китайский ледокол первым в мире прошел по приблизительной траектории Трансполярного морского пути [9]. В новостных источниках в сети «Интернет» аналитики высказывают мнение, что ТМП для Китая является наиболее перспективным арктическим путем, он короче Северного морского пути на 1 500 километров и, главное, освобожден от национальных юрисдикций. Однако в случае чрезвычайного происшествия данный путь не отвечает никаким мерам безопасности по своей инфраструктуре. Представляется, что Китаю придется запрашивать помощь либо у Канады, либо у Российской Федерации, а так как Российская Федерация является наиболее опытным игроком в настоящем арктическом состязании на сегодняшний день, то следует отметить, что именно Россия сможет обеспечить безопасность судоходства в данном регионе.

Арктика играет важную роль не только в экономике Российской Федерации, но и в мировой экономике. Бесспорно, арктические богатства в виде полезных ископаемых вызывают неподдельный интерес у стран всего мира, в особенности у приарктических государств. Арктические морские пути, такие как Северный морской путь, в перспективе их развития способны обеспечить рост грузоперевозок в Северном Ледовитом океане, что, в свою очередь, непременно повлечет увеличение рисков причинения вреда Арктике и возникновения новых межгосударственных споров в отношении режимов, правил и статусов тех или иных арктических объектов.

Акцент мирового сообщества на необходимость обеспечения безопасности и защиты арктической окружающей среды должен быть поддержан повсеместно без исключений. Международно-правовой режим арктических морских путей в своем основании должен содержать и предусматривать экологическую безопасность арктической зоны, комплекс правил по охране окружающей среды. Совершенствование и унификация совокупности норм и принципов обычного и договорного характера, регламентирующих правовой режим арктических морских путей, достигнута при внедрении и использовании понятия арктического морского пути.

Литература

1. Бекашев К. А. Международное публичное право: учеб. / Л. П. Ануфриева, Д. К. Бекашев, К. А. Бекашев, В. В. Устинов. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С. 471.
2. Дудыкина И. П. Зарубежные исследователи о правовых аспектах изменения климата в Арктике // Российский юридический журнал. 2017. N 2. С. 178 - 188.
3. Кулебякин В. Н. Правовой режим Арктики. Международное морское право / Отв. ред. И. П. Блищенко. — М., 1988. — С. 139.
4. Iman, Chisuse & Ganaie, Qaiser & Saini, Gaurav. (2019). THE EXXON VALDEZ OIL SPILL: A review. 5.
5. Федеральный закон от 31.07.1998 № 155-ФЗ (ред. от 19.10.2023) "О внутренних морских водах, территориальном море и прилежащей зоне Российской Федерации" // СПС «Консультант Плюс»
6. Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 N 1487 (ред. от 31.01.2024) "Об утверждении Правил плавания в акватории Северного морского пути" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // СПС «Консультант Плюс»
7. Territorial Sea Geographical Coordinates (Area 7) Order, S.O.R./85-872 // Canada Gazette Part II, Vol. 119, No. 20, at 3996 (10 Sept. 1985).
8. Арктический шельф: большой потенциал и хрупкий баланс [Электронный ресурс] // Интерфакс. 2024. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/953059> (дата обращения 18.01.2025).
9. Трансполярный морской путь: реальна ли угроза СМП и РФ? [Электронный ресурс] // Телеграм-канал СМП. 2022. – URL: <https://dzen.ru/a/YrwjmlJ0DjvGCMFZ> (дата обращения 16.01.2025).
10. The Arctic is set to completely melt for the first time within two decades [Электронный ресурс] // El Pais. 2023 – URL: <https://english.elpais.com/science-tech/2023-06-07/the-arctic-is-set-to-completely-melt-for-the-first-time-within-two-decades.html#> (дата обращения 23.12.2024).
11. The Complete Story Of The Exxon Valdez Oil Spill [Электронный ресурс] // Maritime History. 2024. – URL: <https://www.marineinsight.com/maritime-history/the-complete-story-of-the-exxon-valdez-oil-spill/> (дата обращения 18.01.2025).

On the concept of arctic sea routes

Orlov K.M.

Saint Petersburg state University

The author draws attention to the need to form the concept of «Arctic sea route» aimed at identifying those sea routes that have the most vulnerable ecosystems and require strict rules for use and navigation. The introduction of such a concept, which is not currently mentioned in the doctrine, will allow combining the three most common transport corridors in the Arctic to establish uniform rules for the use of sea routes in the Arctic, improving and unifying the set of norms and principles of a customary and contractual nature: the Northern Sea Route, the Northwest Passage and the Transpolar Sea Route.

Keywords: arctic sea route, Arctic, Northern Sea Route, Northwest Passage, Transpolar Sea Route, legal regime.

References

1. Bekyashev K. A. International public law: textbook / L. P. Anufrieva, D. K. Bekyashev, K. A. Bekyashev, V. V. Ustinov. - M.: TK Velbi, Prospect Publishing House, 2008. - P. 471.
2. Dudykina I. P. Foreign researchers on the legal aspects of climate change in the Arctic // Russian Law Journal. 2017. N 2. P. 178 - 188.
3. Kulebyakin V. N. Legal regime of the Arctic. International law of the sea / Ed. I. P. Blishchenko. — M., 1988. — P. 139.
4. Iman, Chisuse & Ganaie, Qaiser & Saini, Gaurav. (2019). THE EXXON VALDEZ OIL SPILL: A review. 5.
5. Federal Law of 31.07.1998 No. 155-FZ (as amended on 19.10.2023) "On the Internal Sea Waters, Territorial Sea and Contiguous Zone of the Russian Federation" // SPS "Consultant Plus"
6. Resolution of the Government of the Russian Federation of 18.09.2020 N 1487 (as amended on 31.01.2024) "On approval of the Rules for navigation in the waters of the Northern Sea Route" (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2024) // SPS "Consultant Plus"
7. Territorial Sea Geographical Coordinates (Area 7) Order, S.O.R./85-872 // Canada Gazette Part II, Vol. 119, No. 20, at 3996 (10 Sept. 1985).

8. The Arctic Shelf: Great Potential and Fragile Balance [Electronic resource] // Interfax. 2024. - URL: <https://www.interfax.ru/russia/953059> (date of access 01/18/2025).
9. The Transpolar Sea Route: Is the Threat to the NSR and the Russian Federation Real? [Electronic resource] // NSR Telegram channel. 2022. - URL: <https://dzen.ru/a/YrwjmJI0DjvGCMFZ> (date of access 01/16/2025).
10. The Arctic is set to completely melt for the first time within two decades [Electronic resource] // El Pais. 2023 - URL: <https://english.elpais.com/science-tech/2023-06-07/the-arctic-is-set-to-completely-melt-for-the-first-time-within-two-decades.html#> (date of access 23.12.2024).
11. The Complete Story Of The Exxon Valdez Oil Spill [Electronic resource] // Maritime History. 2024. - URL: <https://www.marineinsight.com/maritime-history/the-complete-story-of-the-exxon-valdez-oil-spill/> (date of access 18.01.2025).

Блокчейн и удаление персональных данных: технологические и регуляторные решения.

Фарзалиев Махач Раюдинович

аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий, Саратовского государственной юридической академии

В статье исследуются противоречия между неизменяемостью блокчейн-технологий и требованиями законодательства о защите персональных данных об удалении персональных данных. Автор рассматривает технологические решения (офчейн-хранилища, гибридные модели) и предлагает адаптивную регуляторную модель с временным мораторием для миграции данных. Особое внимание уделено финансовому сектору, где конфликт между прозрачностью блокчейна и нормами закона наиболее актуален.

Ключевые слова: блокчейн, персональные данные, удаление, финансовая отрасль, регулирование, гибридные хранилища.

Внедрение блокчейн технологий в государственное управление финансами открывает перспективы для создания прозрачных бюджетных систем, автоматизации налогового администрирования и повышения подотчетности при распределении ресурсов. Ее ключевые характеристики — децентрализация, неизменность данных, криптографическая защита и автоматизация — создают потенциал для преодоления системных проблем, таких как бюрократические задержки и недостаток доверия к институтам. Однако интеграция этой технологии сопряжена с комплексом правовых, организационных и этических вызовов.

В свою очередь блокчейн-технологий в финансовой отрасли сталкивается с фундаментальным противоречием между принципом неизменяемости данных, лежащим в основе доверия к блокчейну, и требованиями законодательства о защите персональных данных, которое закрепляет право на удаление персональных данных. Проблема усугубляется тем, что финансовый сектор работает с особо чувствительными категориями данных, включая не только базовые персональные сведения, но и банковские реквизиты, биометрические персональные данные, паспортные данные и информацию о финансовых операциях.

Например, процедура KYC на криптобиржах и в DeFi требуют от пользователей передачи паспортных данных, ФИО, адресов. Эти данные могут попадать в блокчейн через хеширование или привязку к цифровым идентификаторам [16]. Даже при отсутствии строгой верификации регистрация в блокчейн-сервисах часто включает указание email, телефона или ФИО, которые записываются в смарт-контракты или публичные транзакции. В результате, несмотря на псевдоанонимность, значительные объемы персональных данных оказываются в блокчейне [17].

Отсутствие четких регуляторных позиций, судебной практики и утвержденных методик соблюдения законодательства при использовании блокчейн-технологий в части удаления персональных данных создает значительные риски для финансового сектора. Финансовые институты могут оказаться перед сложным выбором: либо ограничивать внедрение перспективных технологий, либо действовать в правовом вакууме с потенциальными рисками нарушения законодательства.

Проблема усугубляется не только отсутствием четких норм и судебной практики, но и недостатком теоретических разработок. Юридическая наука пока не предложила моделей, позволяющих совместить требование об удалении персональных данных с принципами неизменности блокчейна.

Федеральный закон №152-ФЗ "О персональных данных" (Далее — ФЗ о ПнД) является ключевым регулятором защиты приватности в России, регламентируя весь цикл обработки данных — от сбора до обязательного уничтожения (ст. 3, 5, 21, 22). Согласно п. 1 ст. 3, персональные данные включают любую информацию, прямо или косвенно идентифицирующую лицо (ФИО, место жительства и др.) [10], при этом ИНН [4,5,6,7], телефон и email к ним не относятся [11].

Закон определяет уничтожение персональных данных как необратимый процесс, исключающий возможность

восстановления информации (ст. 3) [3]. Требования к уничтожению, сбору и хранению данных уравниваются в значимости, что отражает системный подход к их обработке. В соответствии со ст. 5, операторы обязаны соблюдать минимально необходимые сроки хранения, гарантировать уничтожение данных по достижении целей обработки и документировать все операции. Таким образом, уничтожение персональных данных является завершающим, но принципиально важным этапом их жизненного цикла, обеспечивая защиту прав субъектов.

ФЗ о ПНД четко определяет обстоятельства, при которых персональные данные подлежат уничтожению. К ним относятся следующие случаи: достижение целей обработки (ст. 5 ФЗ о ПНД); отзыв согласия субъекта. (ст. 9 5 ФЗ о ПНД); истечение сроков обработки (ст. 21 ФЗ о ПНД); незаконная обработка данных. (напр. По решению суда или в результате проверки Роскомнадзора).

Несоблюдение данных требований влечет административную ответственность по ст. 13.11 КоАП РФ, что подчеркивает обязательный характер предусмотренных законом мер по защите персональных данных.

Законодательство устанавливает строгие требования к уничтожению персональных данных как особой форме обработки, гарантируя его необратимость. Процедура включает два обязательных этапа: безвозвратное удаление информации из систем и физическое уничтожение материальных носителей [8]. Такой подход обеспечивает надежную защиту прав субъектов данных, исключая возможность их восстановления и последующего использования.

Анализ нормативных требований выявляет фундаментальное противоречие между архитектурой блокчейн-систем и правом на удаление персональных данных. Независимо от типа реализации (публичные или частные), базовые принципы технологии создают непреодолимые препятствия для выполнения данного требования. Таким образом, текущая структура блокчейна противоречит нормам о защите персональных данных, порождая серьезные правовые и технологические проблемы для его применения в соответствующих сферах. Технология, изначально обеспечивающая неизменность данных, становится препятствием для соблюдения современных стандартов цифровой приватности.

Разрешение данной правовой коллизии требует взвешенного синтеза юридических и технологических подходов. Следует признать, что законодательные императивы, сколь бы строгими они ни были, не в состоянии пересмотреть фундаментальные свойства блокчейн-технологий - их децентрализованную природу и принципиальную неизменность данных. Однако именно правовое регулирование может и должно выступать основанием инновационных разработок в сфере цифровой приватности.

Стоит важный вопрос, как сохраняя базовые преимущества блокчейна - его прозрачность, безопасность и устойчивость к внешним воздействиям, - создать технологические обертки, позволяющие соблюдать фундаментальные права личности?

Наиболее перспективным подходом стала концепция гибридного хранения данных, при которой непосредственно в блокчейн вносятся лишь криптографические хэши, тогда как сами персональные данные размещаются в защищенных внешних хранилищах (off-chain). Данная модель позволяет сохранить ключевые преимущества блокчейна - одновременно обеспечивая возможность удаления конфиденциальной информации при необходимости. Таким образом достигается баланс между технологическими особенностями блокчейна и требованиями защиты персональных данных, создавая практическую основу для реализации права на удаление персональных данных в условиях распределенных систем.

Наглядной иллюстрацией практического воплощения данного подхода выступает технология Bitcoin Lightning Network, где вынесение микроплатежей в отдельные каналы существенно оптимизирует нагрузку на основную сеть [13]. В корпоративном секторе компания Traent демонстрирует инновационное применение этой концепции через многоуровневую архитектуру своих Web3-решений [14]. Их система сочетает публичный базовый слой для фиксации хеш-сумм транзакций с динамическим прикладным уровнем, обрабатывающим зашифрованные данные.

Особого внимания заслуживает инновационное решение от Traent, которое переосмысливает подход к защите данных, гармонично сочетая передовые криптографические технологии с принципами децентрализации. В основе системы лежит динамический механизм контроля доступа, использующий временные криптографические ключи и уникальные самоаннулирующиеся децентрализованные идентификаторы (DIDs). Эти идентификаторы автоматически деактивируются — либо по истечении заданного времени, либо по требованию пользователя, что обеспечивает максимальную гибкость и безопасность управления доступом.

Акцент сделан на защите конфиденциальности благодаря революционной технологии data shading («затенение данных»). В публичный реестр попадает лишь криптографический след — подтверждение существования информации, в то время как сами данные остаются полностью скрытыми от несанкционированного доступа. Управление жизненным циклом данных полностью автоматизировано с помощью умных контрактов, которые мгновенно синхронизируют процессы удаления информации по всей сети при выполнении заданных условий. Это обеспечивает беспрецедентный уровень контроля, гарантируя, что данные исчезают бесследно — в точном соответствии с политикой конфиденциальности и требованиями пользователей.

Гибридная модель консенсуса Traent сочетает преимущества публичных и частных блокчейнов. В защищенном слое любые изменения требуют санкционированного одобрения доверенных валидаторов, что исключает злоупотребления, не жертвуя при этом ключевыми принципами прозрачности. Например, при обработке запроса на удаление документа система трансформирует его хэш в блокчейне в необратимый криптографический маркер, одновременно полностью стирая исходные данные из внешних хранилищ. Этот двухэтапный механизм гарантирует, что восстановление информации становится технически невозможным — не только на уровне записи, но и на уровне самих данных.

Не менее показателен опыт платформы Ethernity, работающей с цифровым искусством и NFT, демонстрирует эффективное разделение данных: метаданные хранятся во внешних хранилищах, а в блокчейне фиксируются только права собственности [15]. Это сохраняет преимущества распределённых реестров и обеспечивает соответствие требованиям законодательства к конфиденциальности.

Иной прорывной идеей стали хамелеон-хеш-функции — это криптографический механизм, позволяющий изменять данные в уже записанных блоках, сохраняя их исходные хэши. Специальные ключи ("люки") дают авторизованным участникам возможность корректировать информацию, что теоретически позволяет удалять или редактировать персональные данные в соответствии с правом на удаление персональных данных. Однако у этого подхода есть серьезные недостатки: централизованное управление "люками" противоречит принципам децентрализации, создаёт риски злоупотреблений и уязвимые точки отказа. Это подрывает саму идею блокчейна как устойчивой к цензуре распределённой системы.

Ethereum, например, использует обрезку (pruning) дерева состояний, удаляя неиспользуемые данные для снижения нагрузки на узлы. Однако это лишь техническая оптимизация — исторические записи, включая персональные данные, остаются неизменными и доступными. Это сохраняет ключевое противоречие между неизменяемостью блокчейна и правом на удаление информации [12].

Конечно, на сегодняшний день только стратегия раздельного хранения данных — с фиксацией критически важной информации в блокчейне и размещением чувствительных данных в офчейн-хранилищах — представляет собой наиболее сбалансированный и реализуемый подход. Такой гибридный формат позволяет соблюдать требования регуляторов, сохраняя при этом фундаментальные принципы блокчейна. По сути, эти архитектурные решения становятся тем самым компромиссом, который соединяет неизменяемость блокчейна с правом на удаление персональных данных.

В свете существующей правовой неопределенности и с учетом технологических особенностей блокчейна, автор предлагает комплексную адаптивную модель регулирования. Модель учитывает как перспективные блокчейн-проекты, потенциально внедряемые в России, так и уже функционирующие решения, в базах которых зафиксированы персональные данные пользователей. Такой подход обеспечивает баланс между поддержкой технологического прогресса и соблюдением прав субъектов данных.

Автор обоснованно полагает, что именно регулятор способен задать правовой вектор для разрешения подобных коллизий. Для эффективного регулирования блокчейн-технологий в финансовой сфере целесообразно принятие совместного нормативного акта Роскомнадзора и Минфина. Такой документ призван установить четкие и единообразные правила обработки персональных данных в блокчейне [1,2,3].

Во-первых, автор предлагает закрепить в качестве ключевого положения принцип раздельного хранения информации. Согласно данному подходу, в блокчейн должны вноситься исключительно криптографические хеши или обезличенные метаданные, не позволяющие идентифицировать личность. При этом сами персональные данные необходимо размещать в защищенных офчейн-хранилищах, соответствующих требованиям ФЗ о ПнД, что обеспечит возможность их удаления при необходимости. Такой механизм позволяет сохранить неизменяемость блокчейна, одновременно гарантируя соблюдение прав субъектов персональных данных.

Во-вторых, особое внимание в нормативном акте следует уделить техническим требованиям к системам хранения. Речь идет об обязательном использовании современных алгоритмов шифрования, реализации системы ролевого доступа, а также внедрении механизмов автоматического удаления данных как по запросу субъекта и регулятора, так и по истечении установленных сроков хранения.

При этом для обеспечения прозрачности операций и возможности аудита предлагается фиксировать в блокчейне специальные криптографические отметки. Эти отметки будут подтверждать факт обработки данных, не раскрывая при этом их содержания.

В-третьих, возникает закономерный вопрос: как быть проектам, в блокчейнах которых уже содержатся персональные данные, если технически их удаление невозможно? Данная проблема тоже находит свое решение, Российская регуляторная практика неоднократно демонстрировала, что при возникновении технологических или экономических сложностей возможны адаптивные решения и история знает прецеденты, когда регуляторы прояв-

ляли гибкость. Яркий пример институт моратория, так введение моратория на банкротные процедуры (Постановление Правительства №497 от 28.03.2022), временно ограничившего права кредиторов. Еще более показательно письмо ЦБ РФ (№010-31-4/5290 от 14.06.2022), фактически приостановившее исполнение судебных решений для отдельных категорий должников или мораторий на плановые проверки продлили, который продлили до 2030 года (Постановления Правительства РФ от 10 марта 2023 г. № 372). Эти меры подтверждают, что регуляторы способны находить баланс между строгостью закона и практической реализуемостью.

Таким образом, введение временного моратория на ответственность операторов блокчейн-систем за нарушения ФЗ о ПнД позволит организовать поэтапную миграцию персональных данных в защищенные офчейн-хранилища. Однако остаётся вопрос о данных, уже зафиксированных в неизменяемом реестре. Решение видится в применении криптографических механизмов — таких как "хамелеон-хеши", позволяющих сделать оставшуюся в блокчейне информацию технически недоступной для просмотра и использования. Фактически, такие данные сохраняются в зашифрованном виде, исключая их практическое применение, что соответствует принципам "забвения" в цифровой среде [9]. Этот подход обеспечивает баланс между неизменяемостью блокчейна и требованиями законодательства о персональных данных.

В контексте регулирования блокчейн-технологий предлагаемая модель представляет собой взвешенный подход, демонстрирующий гибкость современной регуляторной политики. Данное решение отразит способность государственных органов находить баланс между строгим соблюдением законодательных норм и учетом технологических особенностей блокчейна.

Применение временного моратория в свою очередь свидетельствует о зрелости регуляторной системы, готовой к конструктивному диалогу с участниками финансового рынка. Такой подход позволяет создать благоприятные условия для постепенной адаптации существующих блокчейн-систем к требованиям законодательства о персональных данных, обеспечивая при этом непрерывность бизнес-процессов и поддерживая инновационное развитие отрасли.

Чёткие регуляторные правила нужны не только бизнесу, но и государству. С одной стороны, они снизят правовые риски для компаний, внедряющих блокчейн, а с другой — помогут государству использовать эту технологию для цифровизации услуг, не нарушая права граждан. Для пользователей это станет гарантией того, что их персональные данные не навсегда останутся в блокчейне, а если и останутся, то их использование невозможно.

Важно отметить, что предлагаемая модель не только продемонстрирует гибкость регулирования, но и покажет прецедент ответственного подхода к внедрению новых технологий. Регулятор, с одной стороны, сохраняет свою контролирующую функцию, а с другой — проявляет понимание объективных сложностей, связанных с технологической спецификой блокчейна. Подобный баланс способствует укреплению доверия между всеми участниками процесса — государственными органами, финансовыми организациями и конечными потребителями услуг.

Особую значимость данный подход приобретает в свете необходимости гармонизации технологического прогресса и правовых норм. Временный мораторий создает необходимый переходный период для разработки и внедрения технических решений, позволяющих блокчейн-системам соответствовать требованиям законодательства без ущерба для их функциональности и принципов работы.

Таким образом, гибкая регуляторная позиция в отношении блокчейн-технологий не только способствует развитию блокчейн-технологий, но и устанавливает новый стандарт взаимодействия между инновационными технологиями и правовой системой, что имеет важное значение для формирования цифровой экономики будущего.

Литература

1. Приказ Минфина России от 22.01.2018 № 10н. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Приказ Роскомнадзора от 27.10.2022 № 178. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ Роскомнадзора от 28.10.2022 № 179 «Об утверждении Требований к подтверждению уничтожения персональных данных». – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Письмо Министерства финансов РФ от 12.01.2021 № 03-01-11/343. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Письмо Министерства финансов РФ от 12.01.2021 № 03-01-11/347. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Письмо Министерства финансов РФ от 15.01.2021 № 03-01-11/1380. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Письмо Министерства финансов РФ от 19.01.2021 № 03-01-11/2330. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Письмо Роскомнадзора от 19.08.2022 № 08-75348 «О результатах рассмотрения обращения» [Электронный ресурс] // Гарант.ру. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405079693/> (дата обращения: 15.04.2025).
9. Баскаков П. Е., Сафарьян О. А., Хабовец Ю. Ю. Моделирование изменяемого блокчейна // Молодой исследователь Дона. – 2019. – № 4 (19). – С. 22–25.
10. Симонова Е. В. Определение понятия персональных данных в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2017. – № 10 (144). – С. 323–326.
11. Определение Верховного Суда РФ от 21.07.2023 № 305-ЭС23-12160. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Beyond the Merge: The Surge, Verge, Purge and Splurge Explained [Электронный ресурс] // Crypto APIs. – URL: <https://cryptoapis.io/blog/113-beyond-the-merge-the-surge-verge-purge-and-splurge-explained> (дата обращения: 15.04.2025).
13. Lightning Network: быстрые и дешевые транзакции биткоина [Электронный ресурс] // ForkLog. – URL: <https://forklog.com/cryptorium/что-такое-lightning-network-rukovodstvo-dlya-nachinayushhih> (дата обращения: 15.04.2025).
14. Надежный искусственный интеллект на обычном гибридном блокчейне [Электронный ресурс] // Traent. – URL: <https://traent.com/blog/innovation/traent-blockchain-ai/?clid=e115217d> (дата обращения: 15.04.2025).
15. Understanding Ethernity Chain: A Beginner's Guide to the Future of Entertainment on Blockchain [Электронный ресурс] = Понимание Ethernity Chain: руководство для начинающих по будущему развлечений на блокчейне // Gate.io. – URL: <https://www.gate.io/ru/learn/articles/understanding-ethernity-chain-a-beginners-guide-to-the-future-of-entertainment-on-blockchain/3168> (дата обращения: 15.04.2025).
16. Что такое KYC и почему важность верификации в криптоиндустрии растет? [Электронный ресурс] // Binance. – URL: <https://www.binance.com/ru/blog/ecosystem/что-та->

кое-курс-и-почему-важность-верификации-в-криптоиндустрии-растет-421499824684902130 (дата обращения: 15.04.2025).

17. Что такое верификация на криптовалютных биржах и для чего она нужна [Электронный ресурс] // RevenueBot. – 2022. – 8 июня. – URL: <https://revenuebot.io/blog/2022/06/08/что-такое-verifikatsiya-na-kriptovalyutnykh-birzhakh-i-zachem-ona-nuzhna/> (дата обращения: 15.04.2025).

Blockchain and Personal Data Deletion: Technological and Regulatory Solutions.

Farzaliyev M.R.

Saratov State Law Academy

The article explores the contradictions between the immutability of blockchain technologies and the requirements of personal data protection legislation on the deletion of personal data. The author considers technological solutions (off-chain storage, hybrid models) and proposes an adaptive regulatory model with a temporary moratorium for data migration. Special attention is paid to the financial sector, where the conflict between blockchain transparency and legal norms is most relevant.

Keywords: blockchain, personal data, deletion, financial industry, regulation, hybrid storage.

References

1. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 22.01.2018 No. 10n. – Access from the SPS "ConsultantPlus".
2. Order of Roskomnadzor dated 27.10.2022 No. 178. – Access from the SPS "ConsultantPlus".
3. Order of Roskomnadzor dated 28.10.2022 No. 179 "On approval of the Requirements for confirmation of the destruction of personal data". – Access from the SPS "ConsultantPlus".
4. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 12.01.2021 No. 03-01-11/343. – Access from the SPS "ConsultantPlus".
5. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 12.01.2021 No. 03-01-11/347. – Access from the SPS "ConsultantPlus".
6. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 15.01.2021 No. 03-01-11/1380. – Access from the SPS "ConsultantPlus".
7. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 19.01.2021 No. 03-01-11/2330. – Access from the SPS "ConsultantPlus".
8. Letter of Roskomnadzor dated 19.08.2022 No. 08-75348 "On the results of consideration of the appeal" [Electronic resource] // Garant.ru. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405079693/> (date of access: 15.04.2025).
9. Baskakov P. E., Safaryan O. A., Khabovets Yu. Yu. Modeling of a mutable blockchain // Young researcher of the Don. - 2019. - No. 4 (19). - P. 22-25.
10. Simonova E. V. Definition of the concept of personal data in the Russian Federation // Young scientist. - 2017. - No. 10 (144). - P. 323-326.
11. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 21.07.2023 No. 305-ES23-12160. - Access from the SPS "ConsultantPlus".
12. Beyond the Merge: The Surge, Verge, Purge and Splurge Explained [Electronic resource] // Crypto APIs. – URL: <https://cryptoapis.io/blog/113-beyond-the-merge-the-surge-verge-purge-and-splurge-explained> (date of access: 04/15/2025).
13. Lightning Network: fast and cheap bitcoin transactions [Electronic resource] // ForkLog. – URL: <https://forklog.com/cryptorium/что-такое-lightning-network-rukovodstvo-dlya-nachinayushhih> (date of access: 04/15/2025).
14. Reliable artificial intelligence on a regular hybrid blockchain [Electronic resource] // Traent. – URL: <https://traent.com/blog/innovation/traent-blockchain-ai/?clid=e115217d> (date accessed: 15.04.2025).
15. Understanding Ethernity Chain: A Beginner's Guide to the Future of Entertainment on Blockchain [Electronic resource] = Understanding Ethernity Chain: A Beginner's Guide to the Future of Entertainment on Blockchain // Gate.io. – URL: <https://www.gate.io/ru/learn/articles/understanding-ethernity-chain-a-beginners-guide-to-the-future-of-entertainment-on-blockchain/3168> (date accessed: 15.04.2025).
16. What is KYC and why is the importance of verification growing in the crypto industry? [Electronic resource] // Binance. – URL: <https://www.binance.com/ru/blog/ecosystem/what-is-kyc-and-why-the-importance-of-verification-in-the-crypto-industry-is-growing-421499824684902130> (accessed: 15.04.2025).
17. What is verification on cryptocurrency exchanges and why is it needed [Electronic resource] // RevenueBot. – 2022. – June 8. – URL: <https://revenuebot.io/blog/2022/06/08/что-такое-verifikatsiya-na-kriptovalyutnykh-birzhakh-i-zachem-ona-nuzhna/> (accessed: 15.04.2025).

Использование программ для ЭВМ в юридической деятельности

Шахов Абдурахман Алиевич

студент, Дагестанский государственный университет,
shaxow.abduraxman@bk.ru

Гайбатова Курум Давудовна

канд. юрид. наук, доцент, Дагестанский государственный университет,
kuruma13@yandex.ru.

Статья посвящена исследованию вопросов использования программного обеспечения для электронно-вычислительных машин (ЭВМ) в юридической практике. Рассматриваются возможности применения современных информационных технологий в различных аспектах правовой деятельности, включая автоматизацию юридических процессов, анализ данных, создание электронных баз данных нормативных актов и судебных решений, а также использование искусственного интеллекта в юридической сфере. Особое внимание уделяется преимуществам, которые предоставляют ЭВМ в повышении эффективности работы юристов, улучшении качества правовых услуг и сокращении временных затрат на выполнение рутинных задач. Также рассматриваются вызовы и риски, связанные с внедрением новых технологий в юридическую сферу. В заключение подчеркивается важность интеграции современных технологий в юридическую практику для обеспечения конкурентоспособности и повышения уровня правовой помощи.

Ключевые слова: программное обеспечение, автоматизация юридических процессов, искусственный интеллект, база данных, правовое регулирование, электронные вычислительные машины.

Современное общество характеризуется интенсивным развитием информационных технологий, которые охватывают различные сферы жизнедеятельности, включая юридическую практику. Использование программного обеспечения для электронно-вычислительных машин (далее ЭВМ) становится неотъемлемой составляющей профессиональной деятельности юриста. Внедрение цифровых инструментов способствует оптимизации рабочих процессов, повышению достоверности и скорости выполнения задач, кроме того могут предоставить доступ к обширным базам данных для решений каких-либо судебных нормативных актов, упрощению ведению юридической деятельности и т.д. Программное обеспечение для ЭВМ играет ключевую роль в оптимизации и автоматизации процессов, связанных с правоприменением, юридическим анализом и управлением документами.

В настоящее время технологии шагнули широко вперед, такие как искусственный интеллект, машинное обучение и большие данные. Согласно этому юристы стали получать новые инструменты для повышения эффективности своей юридической деятельности. Программы, предназначенные для обработки и анализа юридической информации, позволяют значительно сократить время на выполнение рутинных задач, таких как поиск прецедентов, составление документов и управление делами.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения возможностей и ограничений в юридической деятельности использования программ для ЭВМ. Современные юристы сталкиваются с множеством вызовов, связанных с обработкой больших объемов информации, анализом сложных правовых ситуаций и обеспечением конфиденциальности данных. Применение информационных технологий в юриспруденции помогает решать эти задачи, однако требует тщательного анализа и оценки эффективности.

Целью настоящего исследования является изучение особенностей в юридической практике использования программ для ЭВМ, выявление их преимуществ и недостатков, а также определение перспектив их дальнейшего развития. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи:

1. Провести обзор существующих программных продуктов, применяемых в юридической деятельности.
2. Оценить влияние автоматизации на качество и скорость выполнения юридических задач.
3. Проанализировать правовые аспекты для ЭВМ использования программ, включая вопросы защиты информации и соблюдения законодательства.
4. Определить направления совершенствования правового регулирования в области в юридической деятельности использования программ для ЭВМ.

Использование программ для ЭВМ в юридической деятельности стало неотъемлемой частью современного юридического процесса. Существуют основные направления использования для ЭВМ программ в юриспруденции такие как управление делами и документооборот (case management systems): данные программы помогают управлять судебными делами, отслеживать сроки, назначать встречи и хранить документы. Примером таких систем являются CaseAware, Legal Files или Legaltech и др. Таким образом системы управления делами (case

management systems) представляют собой специализированные программные комплексы, предназначенные для автоматизации и оптимизации управления юридическими делами. Говоря о перспективах развития российских продуктов таких как LegalTech индустрии связаны в основном с двумя обстоятельствами. Первое - российское законодательство по сравнению с западным законодательством является более либеральным и открытым для разработок в сфере LegalTech. Так, например, в России поставщики юридических услуг не обязаны иметь специальной лицензии.

В связи с этим LegalTech разработками и основанием LegalTech-стартапов могут с легкостью заниматься и профессиональные юристы. К тому же Российская Федерация уже не раз демонстрировало, что заинтересовано в скорейшей цифровизации в юриспруденции в целом. В связи с этим особое внимание уделяется созданию отдельных институтов развития цифровых технологий, таких как Сколково. Именно здесь ведётся активное проектирование юридических стартапов в сфере автоматизированных юридических услуг [10].

Также заслуживает отдельного внимания разработка и применение LegalTech российским государством. На сегодняшний день безусловными лидерами в этом направлении среди бизнес-государственных органов являются ФАС (Федеральная антимонопольная служба) и ФНС (Федеральная налоговая служба) [9].

Более 3 миллионов документов было подано в суд в электронном виде в 2020 году, а также было более 400 000 судебных заседаний проведено с помощью информационных технологий в юриспруденции. Ведётся активная работа в настоящий момент над созданием сервиса «Правосудие онлайн» единого государственного портала, который будет связан с порталом госуслуг. Данный сервис позволит участникам судопроизводства реализовать в дистанционной форме весь объем процессуальных действий, включая подачу документов в суд, уплату государственной пошлины, ознакомление с материалами дела в электронном виде. [8]. Ожидается, что в 2025 году станет доступен полный спектр возможностей, предоставляемых сервисом «Правосудие онлайн».

В чем же преимущества использования программ ЭВМ в юридической деятельности. Преимущества использования программ для ЭВМ в юридической деятельности включают повышение эффективности и качества работы юристов и юридических организаций. Как правило такие программы существенно экономят время, автоматизируя рутинные задачи, такие как подготовка документов, учет рабочего времени и организация встреч. Это позволяет юристам сосредоточиться на более важных и творчески насыщенных задачах. Современные системы управления делами и базы данных обеспечивают быстрый доступ к необходимой информации, что ускоряет принятие решений и подготовку юридических заключений.

Кроме того, программы для ЭВМ помогают уменьшить количество ошибок, связанных с человеческим фактором. Автоматизированные системы снижают вероятность ошибок, возникающих из-за невнимательности или усталости сотрудников. К примеру, программы для проверки орфографии и грамматики предотвращают появление досадных опечаток в текстах, что способствует стандартизации рабочих процессов и использованию шаблонов документов. Это обеспечивает единообразие и корректность оформления всех материалов, снижая риск возникновения ошибок и несоответствий. И одним из важнейших аспектов преимущества является безопасность данных. Программы для шифрования данных и антивирусные средства защищают конфиденциальную информацию от несанкционированного доступа и утечек. Кроме того, у

программ, используемых в юриспруденции имеются авторские права. В некоторых ситуациях алгоритмы создания программы для ЭВМ может быть защищена в рамках патентного права, если она будет признана изобретением и получит соответствующий патент от федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности. Такой патент может быть оформлен на способ, систему или устройство [5].

Так например Согласно статье 1270 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) в отношении программ для электронно-вычислительных машин (ЭВМ):: регулирует исключительное право автора на объект интеллектуальной собственности, включая программы для ЭВМ. Как правило данная статья определяет исключительные права автора на различные виды использования программы, это могут быть программы распространения, воспроизведения, изменения и публичного исполнения. Она также предусматривает меры защиты авторских прав и порядок передачи прав на использование программы. При этом можно отметить, то, что статья имеет важное значение для защиты авторских прав на программы для ЭВМ. Она применяется в случаях споров о нарушении авторских прав, а также при заключении лицензионных договоров на использование программ. Судебная практика показывает, что в судебных процессах, в гражданском праве часто ссылаются на эту статью при рассмотрении дел, связанных с нарушением авторских прав на программное обеспечение. Например, в деле о нарушении авторских прав на программу для ЭВМ суд признал ответчика виновным в незаконном воспроизведении и распространении программы без согласия автора. Суд обязал ответчика прекратить нарушение авторских прав и выплатить компенсацию автору. Таким образом, статья признает исключительное право автора на программу для ЭВМ, которое включает право на воспроизведение, распространение, публичное исполнение, доведение до всеобщего сведения, переработку и другие способы использования программы. В чем же *способы использования программы*: так например, автор может разрешать или запрещать использование программы любым способом, включая воспроизведение, распространение, импорт, прокат, публичное исполнение, доведение до всеобщего сведения и переработку. *Передача прав*: Автор может передать свои исключительные права на программу другим лицам на основании лицензионного договора. Лицензия может быть исключительной или неисключительной, в зависимости от условий договора. *Ограничения прав*: Некоторые действия с программой могут быть осуществлены без согласия автора, если они необходимы для нормального функционирования программы или совместимости с другими программами. Кроме того, важно отметить, что лицензионный договор может предусматривать предоставление простой (неисключительной) или исключительной лицензии. Простая лицензия позволяет лицензиару сохранять право выдачи аналогичных лицензий третьим лицам, тогда как исключительная лицензия ограничивает такое право и делает лицензиата единственным обладателем данного права. Например, декомпилирование программы допускается в целях изучения ее функциональности. *защита авторских прав*: Статья предусматривает меры защиты авторских прав, включая компенсацию ущерба и запрет на нарушение авторских прав третьими лицами. Таким образом, эта статья играет существенную роль в формировании цивилизованного рынка программного обеспечения, способствуя развитию инноваций и стимулируя создание новых продуктов и технологий. Она также служит основой для урегулирования споров, связанных с нарушением авторских прав на программы для ЭВМ, позволяя эффективно защищать интересы всех участников правоотношений.

В настоящее время применительно к доктрине исчерпания права особый интерес представляет возможность применения ее к программам для ЭВМ, распространяемым онлайн посредством сети Интернет (например, посредством покупки программы и последующей ее загрузки с официального сайта правообладателя). Так, некоторые цивилисты полагают, что принцип исчерпания права и во все не применим к особым моментам распространения программы для ЭВМ в электронной форме ввиду того, что в такой ситуации отсутствует передача экземпляра программы как такового, что является неотъемлемой частью процесса его отчуждения. Вместо передачи как правило имеет место создание нового экземпляра программы конечным пользователем путем скачивания и записи программного продукта в память компьютера.

То есть фактически, имеет место воспроизведение программы для ЭВМ, а не распространение. Следовательно, в отсутствие распространения принцип исчерпания права не действует, и правообладатель сохраняет право дальнейшего контроля распространения программы [6].

Соответствие законодательству: Использование сертифицированных программных решений гарантирует соблюдение требований законодательства о защите персональных данных и коммерческой тайны. Как отмечает И.А. Зенин, авторского права «охрана программ для ЭВМ средствами после продолжительных дискуссий была введена о возможности их охраны патентным правом или иным путем, в частности государственной регистрации алгоритмов и программ для ЭВМ» [4, с. 55].

Весомый интерес в настоящее время представляет правовой режим программ для ЭВМ, при этом центральной составляющей является возможность добровольной государственной регистрации в специально предусмотренных органах. Дефиниции статьи 1262 Гражданского кодекса Российской Федерации для правообладателя в случае споров и нарушений являются дополнительной гарантией, что процесс доказательства прав на программу для ЭВМ позволяет упростить. На программу для ЭВМ регистрация прав согласно пункту 2 статьи 1262 Гражданского Кодекса Российской Федерации осуществляется на основании заявки на регистрацию, в соответствии со статьей «установленные федеральным органом исполнительной власти завершённой, осуществляющим нормативно-правовые акты в сфере интеллектуальной собственности», соответствующей правилам регистрации [2].

Регистрация программы для ЭВМ предоставляет ряд преимуществ правообладателям. Во-первых, наличие свидетельства о регистрации подтверждает факт существования программы на определенную дату, что может оказаться полезным в случае спора о приоритете разработки. Во-вторых, регистрация облегчает процесс доказывания авторских прав в суде, особенно когда речь идет о программном обеспечении, используемом в коммерческих целях. Гражданское законодательство Российской Федерации предусматривает различные формы защиты авторских прав на программы для ЭВМ, включая меры по пресечению нарушений и взыскание компенсации за неправомерное использование.

В гражданском праве Российской Федерации регистрация программ для электронно-вычислительных машин (ЭВМ) регулируется статьей 1262 Гражданского кодекса РФ. Согласно данной норме, регистрация программы осуществляется на добровольной основе в федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном в области интеллектуальной собственности. Несмотря на то, что регистрация не является обязательной для возникновения и осуществления исключительных прав на программу, она имеет важное значение для правообладателей.

Основная цель регистрации — подтверждение факта существования программы на определенный момент времени, что может быть полезно в спорах о приоритете или авторских правах. Свидетельство о регистрации выступает весомым доказательством в суде, помогая установить авторство и правомерность использования программы. Особенно это актуально в случаях коммерческого использования программного продукта, когда возникают риски недобросовестного поведения третьих лиц.

Важно отметить, что гражданское право защищает программы для ЭВМ как объекты авторского права. Согласно статье 1259 ГК РФ, программы относятся к произведениям науки, литературы и искусства, охраняемым законом. Правообладатель обладает исключительным правом на использование программы, включая её воспроизведение, распространение, изменение и иные виды использования. Нарушение этих прав влечет ответственность, предусмотренную гражданским законодательством, вплоть до взыскания убытков и компенсаций.

Тем не менее необходимо отметить тот факт, при котором пользователь программы действительно является «потребителем» программного обеспечения. При этом нельзя согласиться с выделением специального способа использования программ для пользователей — использовать ее по назначению (функциональному назначению), т.к. тем самым смешивается содержание юридического понятия «использование» и фактическое использование программы, которое не регулируется правом [3].

Несмотря на большие преимущества использования программ для электронно-вычислительных машин (ЭВМ) в юридической деятельности, существуют определенные проблемы и вызовы, которые необходимо принимать во внимание при внедрении и эксплуатации этих технологий в юриспруденцию. Одной из ключевых проблем является конфиденциальность и защита данных. Юридическим компаниям крайне важно строго следовать требованиям законодательства относительно защиты персональной информации и коммерческой тайны, поскольку нарушение этих норм может привести к серьезным штрафным санкциям и ущербу для репутации. Кроме того, имеется значительный риск утечки данных, несмотря на современные меры защиты. Этот риск может возникнуть вследствие кибератак, человеческих ошибок или технических неполадок. Поэтому регулярное обновление систем безопасности и проведение аудитов информационных систем имеют критическое значение. Однако, как отмечалось ранее, пределы авторско-правовой охраны таковы, что защищенной по итогу является только форма выражения программы (например, исходный текст), в то время как для эксплуатации компьютерной программы наибольшую ценность имеет в первую очередь ее содержание, под которым понимают функционал программы, ее структуру, то есть последовательность элементов и алгоритмов, функциональные технические элементы [2].

Еще одной проблемой является вопрос доверия к технологиям, особенно когда речь идет об использовании искусственного интеллекта и машинного обучения. Здесь важно обеспечить прозрачность алгоритмов и возможность их проверки, чтобы гарантировать надежность и объективность получаемых результатов.

Кроме того, могут возникать конфликты интересов, когда цели клиента и внутренние функции автоматизированной системы вступают в противоречие друг с другом. Разработка механизмов контроля и регулирования поможет минимизировать такие риски. И самое немаловажное риски зависимости от технологий такие как *технологические сбои*: Полагаясь на автоматизированные системы, юридические организации сталкиваются с риском технологических сбоев, которые могут приостановить работу на

неопределенное время. Важно иметь резервные или аналогичные планы и системы аварийного восстановления.

Зависимость от поставщиков: Использование коммерческих программных продуктов создает зависимость от внешних поставщиков, которые могут изменить условия лицензий, прекратить поддержку или даже закрыть проект. Это требует тщательной проработки договорных отношений и выбора надежных партнеров. Внимание следует обратить, что, внесенные в Реестр программ для ЭВМ или в Реестр баз данных сведения, считаются достоверными, поскольку не доказано иное. Заявитель несёт ответственность за достоверность сведений, предоставленных для государственной регистрации».

Для предотвращения зависимости от поставщиков и не было таких случаев при котором изменив условия лицензий могут прекратить поддержку или даже закрыть проект, что затруднит работу в последующем. Таким образом следует заключать долгосрочные контракты с поставщиками Организации могут заключать контракты с внешними поставщиками, предусматривающие длительные обязательства по поддержке и обновлению программного обеспечения. Такие договоры должны включать чётко прописанные условия, касающиеся сроков оказания услуг, ответственности поставщика за нарушение обязательств и процедур расторжения контракта.

Переговоры о гарантиях поддержки. При заключении, договоров на поставку программного обеспечения рекомендуется настаивать на включении гарантий поддержки продукта на длительный период времени. Это может включать обязательство поставщика обеспечивать обновления безопасности, исправления ошибок и техническую поддержку на протяжении всего срока эксплуатации программы. **Аудит лицензионных соглашений** перед приобретением коммерческого программного продукта необходимо тщательно изучать лицензионные соглашения. Важно обратить внимание на условия изменения лицензий, возможные ограничения на использование программы и требования к конфиденциальности данных. Юристы могут провести аудит таких соглашений, чтобы выявить потенциальные риски и предложить корректировки. И одно из ключевых аспектов решения данного вопроса – разработка своих отечественных программных решений в современности как мы видим сталкиваемся действительно с многими цифровыми проблемами этот вопрос важно проработать досконально. При этом Для критически важных бизнес-процессов организации могут рассмотреть возможность разработки собственного программного обеспечения. Это позволит избежать зависимости от внешних поставщиков и обеспечить полный контроль над функционалом и поддержкой продукта. В юриспруденции проблема зависимости от внешних поставщиков коммерческих программных продуктов решается через тщательное оформление и сопровождение договорных отношений, разработку эффективных мер правовой защиты и формирование стратегии минимизации рисков. Такие как: Договорные отношения, переговорные процессы, юридическая экспертиза (проведение детального изучения лицензионных соглашений, условий технического сопровождения и политики безопасности поставщика. Это позволит избежать неприятных сюрпризов в будущем. Как ранее выше говорилось в обязательном порядке нужна правовая поддержка внутреннего IT- отдела, т.е. поддержка внутренних компетенций в области IT, для того чтобы предоставлялась возможность самостоятельного поддержания программных решений в случае прекращения поддержки со стороны поставщика.

Кроме того, на основании пункта 5.1 статьи 1262 Гражданского кодекса Российской Федерации «Федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности может вносить изменения в Реестр программ

для ЭВМ или Реестр баз данных для исправления очевидных и технических ошибок по собственной инициативе или по просьбе любого лица, предварительно уведомив об этом правообладателя» [1].

Данная процедура как правило направлена на поддержание достоверности и точности сведений, содержащихся в указанных реестрах, что играет ключевую роль в обеспечении правовой охраны объектов интеллектуальной собственности. Правообладатели получают возможность своевременно узнавать о корректировках, связанных с их правами, и иметь возможность оспорить такие изменения, если они считают их необоснованными.

Такая тенденция способствует достоверности процесса регистрации и учета прав на объекты интеллектуальной собственности, обеспечивая баланс между интересами государства, общества и частных субъектов права.

Как правило перед внесением изменений федеральный орган обязан уведомить правообладателя о предстоящих действиях. Это обеспечивает защиту интересов владельца объекта интеллектуальной собственности и позволяет ему выразить своё мнение относительно предполагаемых изменений. Процедура исправления ошибок в реестрах программ для ЭВМ и баз данных важна для поддержания точности и достоверности информации, содержащейся в этих документах. Ошибки могут возникать вследствие различных факторов: человеческого фактора, технических сбоев или иных обстоятельств. Исправление таких ошибок необходимо для предотвращения возможных споров и недоразумений, связанных с регистрацией прав на интеллектуальную собственность. В данном вопросе Федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности играет ключевую роль в процессе регистрации и учёта прав на объекты интеллектуальной собственности. Его полномочия включают не только ведение реестров, но и контроль над содержанием записей, что подразумевает возможность самостоятельного выявления и исправления ошибок.

Защита интересов правообладателей уведомление правообладателя перед внесением изменений направлено на защиту его законных интересов. Оно даёт владельцу возможность проверить обоснованность предлагаемых изменений и, при необходимости, выразить возражения. Такой подход способствует обеспечению прозрачности и справедливости в отношениях между государством и частными субъектами права. В чем же все-таки значимость в контексте гражданского права говоря о данном вопросе, как правило опросы регистрации и учёта прав на объекты интеллектуальной собственности имеют важное значение в гражданском праве. Они влияют на установление правомерности использования программ для ЭВМ и баз данных, разрешение споров о нарушении авторских прав и другие важные юридические аспекты. Точность и своевременность внесения изменений в реестры способствуют эффективной защите интересов правообладателей и повышению доверия к системе правовой охраны интеллектуальной собственности. Таким образом, пункт 5.1 статьи 1262 ГК РФ закрепляет механизм исправления ошибок в реестрах программ для ЭВМ и баз данных, что является важной составляющей в поддержании порядка и стабильности в сфере интеллектуальной собственности [1].

Правового режима программы для ЭВМ отличительной чертой, по мнению Е.А. Кондратьевой, является возможность заключения лицензионного соглашения на право пользования программой для ЭВМ в упрощенном виде. Эта позиция соответствует пункту 5 статьи 1286 «лицензионный договор с пользователем о предоставлении ему простой (неисключительной) лицензии на использование программы для ЭВМ или базы данных может

быть заключен в упрощенном порядке. В упрощенном порядке заключаемый лицензионный договор, является договором присоединения, в частности, условия которого, могут быть изложены на приобретаемом экземпляре для ЭВМ программы или базы данных либо на упаковке такого экземпляра, а также в электронном виде» [3, с.146-151].

Исходя из проведенного анализа, использование программ для ЭВМ в юридической деятельности имеет множество преимуществ, но также связано с определенными проблемами и вызовами. Чтобы успешно внедрить и использовать эти технологии, необходимо уделять особое внимание таким вопросам, как конфиденциальность, этика, обучение персонала и управление рисками. Правильное сочетание технологических инноваций и контроля над возможными негативными последствиями позволит максимально увеличить выгоды и свести к минимуму потенциальные угрозы.

Перспективы развития программного обеспечения в юридической сфере выглядят весьма обнадеживающими. В ближайшие годы ожидается значительное улучшение и расширение его возможностей, что окажет непосредственное влияние на ежедневную работу юристов. Среди основных направлений развития можно выделить *рост популярности облачных технологий, углубление интеграции с искусственным интеллектом, развитие блокчейн-технологий и расширение функционала мобильных приложений*. Внедрение этих программных обеспечений в будущем может привести к полной автоматизации рутинных задач, таких как составление документов, учет времени и планирование. Это позволит юристам сосредоточиться на более стратегических и творческих аспектах работы. В перспективе роботы-юристы станут полноправными членами команд, выполняя сложные аналитические задачи и предлагая рекомендации на основе большого объема данных. Весь юридический процесс станет цифровым, включая подачу заявлений, участие в судебных заседаниях и заключение договоров, что сделает систему более прозрачной и доступной для граждан.

Таким образом, развитие программного обеспечения для юридической сферы обещает изменить профессию юриста, сделав её более эффективной и продуктивной. Новые технологии открывают новые возможности для автоматизации, анализа и сотрудничества, что приведет к улучшению качества юридических услуг и повышению доступности правосудия. Однако для успешной реализации этих перспектив необходимо учитывать существующие вызовы и адаптироваться к новым условиям работы. Важно отметить, что использование программных средств в юридической деятельности становится неотъемлемой частью современной юридической практики. Внедрение технологий позволило значительно повысить эффективность работы юристов, сократив время на выполнение рутинных задач и увеличив точность и надежность обработки информации. Программные решения, такие как системы управления делами, искусственный интеллект, базы данных и средства защиты информации, стали важным инструментом для достижения высокого уровня профессионализма и удовлетворения потребностей клиентов. Подводя итоги, можно выделить следующие ключевые моменты: Автоматизация процессов позволила снизить нагрузку на юристов, освободив время для более сложных и стратегических задач.

1. Увеличение точности благодаря проверке орфографии и грамматики, а также использованию интеллектуального анализа данных.

2. Повышение безопасности информации за счет внедрения шифрования и защиты от вирусов.

3. Ускорение поиска и анализа информации благодаря мощным базам данных и алгоритмам поиска.

4. При разработке отечественных IT-программ в сфере юриспруденции позволит не зависеть от иностранных поставщиков, что намного повысит функционал и легкость работы в юриспруденции.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: части первая, вторая, третья и четвертая. Текст с изменениями и дополнениями на 01.09.2022 г. // ИПО «Гарант».

2. Добрякова Н.И., Бахметьева А.В. Правовая охрана программ для ЭВМ в законодательстве России и США / Н.И. Добрякова, А.В. Бахметьева // Человеческий капитал и профессиональное образование. – 2014. – №1 (9). – С. 76-82.

3. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задача кодификации: Сб. статей. М., 2003. С. 49.

4. Программа для ЭВМ как особый объект авторских прав / Е.А. Кондратьева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – №1. – С. 146-151. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23091641> (дата обращения: 28.12.2024).

5. Зенин И.А. Право интеллектуальной собственности: Учебник. М.: Юрайт, 2011. С. 55.

6. Савельев А. И Отдельные вопросы применения норм об исчерпании прав в отношении программ для ЭВМ // Вестник гражданского права. – 2011. – № 3. – Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. унта.

7. Описание изобретения к патенту. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://new.fips.ru/registerdocview/fips_servlet?DB=RUPAT&DocNumber=2681963&TypeFile=html (дата обращения: 5.01.2025)

8. МойАрбитр, ГАС «Правосудие», суперсервис «Правосудие онлайн» [Электронный ресурс]: zakon.ru – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2022/1/29/mojabitrgaspravosudie_superservispravosudie_onlajn_i_vse-vse-vse (дата обращения: 07.01.2025).

9. ФНС лидирует в госсекторе РФ по внедрению LegalTech [Электронный ресурс]: Российская газета – Режим доступа: <https://rg.ru/2020/10/09/fnslidiruet-v-gossektore-rf-po-vnedreniiu-legaltech.html> (дата обращения: 07.01.2025).

10. LegalTech: from reference systems to space rules of the road [Electronic resource]: The Paragraph Magazine - Access mode: <https://www.theparagraph.ru/business/efficiency/legaltech-ot-spravochnyh-sistem-k-kosmicheskim-pravilam-dorozhnogo-dvizheniya/> (date of access: 09.01.2025).

Use of computer programs in legal activities

Shakhov A.A., Gaibatova K.D.

Dagestan State University

The article is devoted to the study of the issues of using software for electronic computers (ECM) in legal practice. The possibilities of using modern information technologies in various aspects of legal activity are considered, including automation of legal processes, data analysis, creation of electronic databases of regulatory acts and court decisions, as well as the use of artificial intelligence in the legal sphere. Particular attention is paid to the advantages that computers provide in increasing the efficiency of lawyers, improving the quality of legal services and reducing the time spent on performing routine tasks. The challenges and risks associated with the introduction of new technologies in the legal sphere are also considered. In conclusion, the importance of integrating modern technologies into legal practice is emphasized to ensure competitiveness and improve the level of legal assistance.

Keywords: software, automation of legal processes, artificial intelligence, database, legal regulation, electronic computers, regulations.

References

1. Civil Code of the Russian Federation: parts one, two, three and four. Text with amendments and additions as of 09/01/2022 // IPO "Garant".
2. Dobryakova N.I., Bakhmetyeva A.V. Legal protection of computer programs in the legislation of Russia and the USA / N.I. Dobryakova, A.V.

- Bakhmetyeva // Human capital and professional education. - 2014. - No. 1 (9). - P. 76-82.
3. Dozortsev V.A. Intellectual property rights. Concept. System. Codification task: Collection of articles. Moscow, 2003. P. 49.
4. Computer program as a special object of copyright / E.A. Kondratieva // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. - 2015. - No. 1. - P. 146-151. - URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23091641> (date of access: 28.12.2024).
5. Zenin I. A. Intellectual Property Law: Textbook. M.: Yurait, 2011. P. 55.
6. Saveliev A. I. Certain issues of application of norms on exhaustion of rights in relation to computer programs // Bulletin of civil law. - 2011. - No. 3. - Access from the reference legal system "ConsultantPlus". - Access mode: local network Scientific. libraries Tom. state. unta.
7. Description of the invention for the patent. - [Electronic resource]. - Access mode: https://new.fips.ru/registerdocview/fips_servlet?DB=RUPAT&DocNumber=2681963&TypeFile=html (date of access: 01/05/2025)
8. MoyArbitr, GAS "Pravosudie", super service "Pravosudie online" [Electronic resource]: zakon.ru - Access mode: https://zakon.ru/blog/2022/1/29/mojabitr_gas_pravosudie_superservis_pravosudie_onlajn_i_vse-vse-vse (date of access: 01/07/2025).
9. The Federal Tax Service is the leader in the Russian public sector in implementing LegalTech [Electronic resource]: Rossiyskaya Gazeta - Access mode: <https://rg.ru/2020/10/09/fnslidiruet-v-gossektore-rf-povnedreniiu-legaltech.html> (date of access: 01/07/2025).
10. LegalTech: from reference systems to space rules of the road [Electronic resource]: The Paragraph Magazine - Access mode: <https://www.theparagraph.ru/business/efficiency/legaltech-ot-spravochnyh-sistem-k-kosmicheskim-pravilam-dorozhnogo-dvizheniya/> (date of access: 01/09/2025).

Особенности имплементации международных договоров в арбитражном судопроизводстве

Запросов Алексей Александрович

аспирант, АНО ВО «Славяно-Греко-Латинская Академия» ,
zaprosov@mail.ru

В статье рассмотрены дефиниции категории «международный договор», обозначены признаки международных договоров и критерии, на основании которых международный договор может быть использован в правоприменительной практике. Сделан вывод о том, что нормы международного договора имеют важное значение при рассмотрении споров в арбитражном суде. Отмечаются законодательные акты, где акцентируется приоритет положений международных договоров. Выявлены закономерности судебно-арбитражной практики. Рассмотрено два основных сценария применения норм международных договоров. Представлены проблемные аспекты в рассматриваемой области.

Ключевые слова: арбитражный суд, арбитражное судопроизводство, международный договор, международное право, правоприменительная практика, опубликование

По мнению ряда специалистов, на современном этапе наблюдается активное взаимопроникновение систем и принципов международно-правового и национального регулирования. Тот факт, что правоотношения все чаще формируются и развиваются в трансграничном контексте, определяет интерес национальных законодателей к международным правовым нормам [8, с. 73]. Таким образом, глобализация, как ключевая тенденция последних десятилетий, обусловила динамичный рост интереса правоприменительных органов к нормам международного права, их соблюдению и механизмам их реализации. Все это касается, помимо прочих, практики арбитражных судов нашей страны.

Следует сказать, что авторитет арбитражного судопроизводства в деловых кругах общества постоянно растет. Данный тезис можно подтвердить как динамикой роста числа арбитражных разбирательств, так и усложнением характера подобных споров. Заинтересованность участников арбитражных разбирательств в определенном исходе дела приводит к поиску наиболее весомых аргументов и оснований, среди которых – отсылка на применимые нормы международного права.

Арбитражные суды Российской Федерации обязаны действовать в соответствии с международными обязательствами, принятыми государством. В результате арбитражные суды действуют не только на базисе национального правового массива, но и опираясь на нормы международных договоров. При этом, далеко не каждый международный правовой акт способен оказывать влияние на правоприменителей. Обязательство учитывать эти нормы возлагается на отечественных правоприменителей лишь с момента заключения соответствующего международного договора государством и его вступления в законную силу.

Как отмечает Б. Л. Зимненко, в функционировании правовой системы России имеют значение лишь те международные договоры, которые соответствуют следующим критериям: (1) договор зафиксирован в письменной форме; (2) договор вступил в силу и стал обязательным для Российской Федерации; (3) положения договора имеют четкий и конкретный характер, за счет чего способны выполнять регулируемую функцию; (4) договор был официально опубликован [3, с. 144].

Несмотря на то, что следование нормам международных договоров уже достаточно давно является одним из принципов арбитражного судопроизводства, процесс применения международных норм до сих пор не является сложным и унифицированным [6, с. 81], в связи с чем анализ специфики применения норм международных договоров арбитражными судами представляет нам весьма актуальной научной задачей.

В общем виде международный договор можно определить в качестве соглашения, заключенного между субъектами международного права (чаще всего – между государствами и/или международными организациями), регулируемое нормами международного права, и выраженное в письменной форме, независимо от его конкретного наименования (договор, конвенция, соглашение, протокол и т. п.).

Основными признаками международного договора являются: (1) стороны договора – субъекты международного права; (2) правовая форма – письменный документ; (3) подчиненность международному праву – регулируется именно нормами международного права, а не национального; (4) юридическая сила – международный договор порождает международно-правовые обязательства для его сторон. Международные договоры могут быть двусторонними (заключенными между двумя государствами) или многосторонними (между несколькими государствами и/или организациями).

Международный договор, согласно определению О. А. Киселевой, представляет собой специфическую гибкую правовую форму, сочетающую в себе черты добровольного соглашения и обязывающий характер, а также становящуюся компонентом национальной правовой системы России, в результате чего изменяются механизмы правоприменения [4, с. 175].

О. А. Криворучко, в свою очередь, определяет международный договор как (1) источник норм международного права, (2) составную часть правовой системы Российской Федерации, что зафиксировано п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, как (3) фактор, влияющий на правоприменение [7, с. 104].

Заключение международного договора приводит к включению в национальный правовой массив международных норм, и далеко не всегда эти компоненты полностью согласованы между собой. Несмотря на то, что международный договор занимает определенную нишу в правовой системе государства, его положения не «сливаются» с положениями национального законодательства, так как они продуцируют права и обязанности исключительно для участников частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом [10, с. 87]. Арбитражные суды Российской Федерации при разрешении экономических и иных споров обязаны, таким образом, руководствоваться не только нормами российского законодательства, но и нормами, зафиксированными в международных договорах.

Государство в силу наделенных ему полномочий определяет наиболее эффективные способы выполнения международных обязательств, придавая в конституциях или в других законах нормам международного права конкретный юридический статус [11, с. 78]. Д. П. Стригунова указывает: международный договор – ключевой источник международного права [10, с. 87]. Помимо Конституции, роль международных договоров обозначена в п. 1 ст. 1186 Гражданского Кодекса Российской Федерации, согласно которому гражданско-правовые отношения, осложненные иностранным элементом, определяются в том числе «на основании международных договоров...» [2]. Международный договор определяется в пп. «а» п. 1 ст. 2 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.; аналогичную дефиницию предлагает российский законодатель: в Федеральном законе РФ № 101-ФЗ «О международных договорах РФ» от 1995 г.: международный договор – международное соглашение, заключенное Российской Федерацией «с иностранным государством, с международной организацией либо с иным образованием, обладающим правом заключать международные договоры <...> в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах» [12].

Как следует из вышеизложенного, нормы международного договора имеют важное значение при рассмотрении споров в арбитражном суде. Более того, в большинстве случаев они имеют приоритет над «внутренними» нормами. Так, в частности, положения ч. 4 ст. 15 Конституции

Российской Федерации указывают: «если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» [5]. Данный принцип развит в отраслевом законодательстве – гражданском, семейном, трудовом, арбитражно-процессуальном. Учитывая подобное «столкновение» национальных и международных норм, российский законодатель предусмотрел коллизионные положения: к примеру, коллизионные нормы содержатся в ч.3 разделе VI Гражданского кодекса РФ, разделе VII Семейного кодекса РФ, главе XXVI Кодекса торгового мореплавания РФ, в Законе РФ № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» от 7 июля 1993 г. (ст. 28, абз. 2 подп.1 п. 2 ст. 34, абз. 2 подп. 1 п.1 ст. 36). Кроме того, в контексте рассматриваемой нами тематики имеют значение положения ст. 3 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», согласно которым единство судебной власти обеспечивается посредством применения органами суда общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации [13].

Арбитражные суды РФ применяют международные договоры в двух контекстах: (1) в материально-правовом – как источники регулирующих норм (например, при рассмотрении внешнеэкономических споров, регулируемых положениями Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 1980 г.); (2) в процессуальном – к примеру, при признании и исполнении решений иностранных судов и арбитражей (в соответствии с Нью-Йоркской конвенцией от 1958 г. о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений).

Приоритет международных норм над внутригосударственными подчеркивается также в положениях Арбитражного процессуального кодекса. Так, в ст. 3 указано следующее: «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила судопроизводства, чем те, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации, то применяются правила международного договора» [1].

Как показывает текущая судебная-арбитражная практика, в процессе применения норм международных договоров наблюдается ряд закономерностей. Во-первых, приоритет международных норм позволяет арбитражным судам фактически отменять положения закона, противоречащие положениям международного договора. Во-вторых, отношения, которые при этом складываются между нормами национального права и международными нормами, соотносятся как общее и специальное, соответственно. Правила международного договора выступают, таким образом, специальной нормой, а законодательство страны – общей. Специальная норма отменяет общую по принципу *lex specialis derogat lex generalis*. В-третьих, как отмечает Б. Л. Зимненко, вопросы, не урегулированные международным договором, разрешаются на основе российского законодательства [3, с. 144].

Арбитражный суд, реализуя возложенную на него государством властную функцию, становится правообязанным в отношении включения в процесс правоприменения договорных норм международного права [4, с. 176].

По мнению О. А. Криворучко, в правоприменительной практике арбитражных судов существует два основных сценария применения норм международных договоров.

Во-первых, арбитражный суд может упомянуть положения международного договора в качестве базиса для рассмотрения дела и принятия по нему решения. В подобном случае речь будет идти о совпадении содержания нормы международного договора с содержанием нормы внутригосударственного нормативно-правового акта. Кроме того, в такой ситуации анализ нормы международного права не на предмет его юридической силы в рамках

внутригосударственного правоотношения не проводится. В судебном акте встречается лишь упоминание того, что правовое регулирование основывается на нормах соответствующего международного договора [6, с. 82].

Во-вторых, арбитражные суды могут непосредственно применять нормы международных договоров как регулятор правоотношений по конкретному делу. В данном случае производится оценка договора как источника международного права и констатируется факт преимущественного применения его норм. Суд принимает решение о применимости международного договора и его приоритете перед национальным законодательством. Оценка применимости положения договора предполагает учет таких обстоятельств, как юридическая сила, действительность договора, толкование его норм, имеющаяся практика применения норм данного договора. После анализа данных аспектов арбитражный суд может принять решение об отношении правоотношений к сфере правового регулирования международного договора либо об исключении спорных правоотношений из-под его юрисдикции [6, с. 83-84]. Результат судебного разбирательства, таким образом, напрямую зависит от выбранного варианта правоприменительного поведения арбитражного суда.

В современной научной юридической литературе можно встретить множество точек зрения о том, каким образом требуется интерпретировать нормы международных договоров. Многие специалисты считают, что ключевым значением в толковании норм обладают разъяснения Высшего Арбитражного Суда РФ. Речь идет о том, что нормы международных договоров, как правило, содержат обобщенные формулировки, что в целом свойственно стилю изложения международно-правовых актов. Национальное законодательство, в свою очередь, более детализировано и специфично, оно может содержать в себе различные обстоятельства и аспекты, не указанные в международном договоре.

Ситуация осложняется фактом загруженности отечественной судебной системы и конвейерным порядком рассмотрения дел. Подобные темпы не позволяют судьям тщательно анализировать и сопоставлять акты двух уровней – международного и внутригосударственного, что, в свою очередь, может привести к снижению качества правосудия. Выходом из подобной ситуации, по мнению О. А. Криворучко, выступает фиксация принципов применения норм международных договоров посредством опубликования соответствующих сборников судебной практики с разъяснениями. Как указывает автор, отечественный судебный корпус должен быть обеспечен необходимыми инструментами применения норм международных договоров – в противном случае правоприменительная практика арбитражных судов будет по-прежнему разнородной и противоречивой [6, с. 89].

Как отмечено выше, одним из критериев, на основании которых международный договор можно включить в правоприменительную практику, выступает его опубликование. Обнародование текстов международных договоров, считает О. А. Киселева, представляет собой проблемный сегмент их применимости. Международный договор, о наличии которого не доведено до сведения непосредственных исполнителей, не может быть исполнен ими [4, с. 177].

Действительно, требование опубликования международного договора является критически значимым – как и национальные законодательные акты, международный договор должен быть обнародован, иначе суд не сможет его применять. Тем не менее, положения Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» не детализируют обстоятельства, которые позволяют считать договор опу-

бликованным. Международные договоры публикуются одновременно с законом о ратификации, и вступают в силу с указанного в данном законе момента. В реальной практике текст договора может быть опубликован много времени спустя после вступления в силу, но договор при этом уже действует и порождает юридические последствия.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- Международный договор – соглашение, заключенное между субъектами международного права, регулируемое нормами международного права, и выраженное в письменной форме.

- Основными признаками международного договора являются: (1) стороны договора – субъекты международного права; (2) правовая форма – письменный документ; (3) подчиненность международному праву – регулируется именно нормами международного права; (4) юридическая сила – порождает международно-правовые обязательства для его сторон.

- Международный договор выступает составной частью правовой системы Российской Федерации, что зафиксировано в Конституции и, следовательно, влияет на правоприменение. Нормы международного договора имеют важное значение при рассмотрении споров в арбитражном суде. Более того, в большинстве случаев они имеют приоритет над «внутренними» нормами.

- Арбитражные суды РФ применяют международные договоры в двух контекстах – материально-правовом и процессуальном.

- Приоритет международных норм позволяет арбитражным судам фактически отменять положения закона, противоречащих положениям международного договора.

- Отношения, которые при этом складываются между нормами национального права и международными нормами, соотносятся как общее и специальное. Правила международного договора выступают, таким образом, специальной нормой, а законодательство страны – общей. Специальная норма отменяет общую по принципу *lex specialis derogat lex generalis*.

- Наиболее проблемными аспектами правоприменения в данной области следует считать интерпретацию формулировок международных договоров, зачастую имеющих обобщенный характер, а также вопрос об опубликовании договора как критерии его применения в арбитражном суде.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/. – Дата доступа: 16.04.2025.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. – Дата доступа: 16.04.2025.
3. Зимненко, Б. Л. Применение норм международного права арбитражными судами Российской Федерации / Б. Л. Зимненко // Московский журнал международного права. – 2001. – №4. – С. 142–152.
4. Киселева, О. А. Применение международных договоров Российской Федерации в арбитражном судопроизводстве России / О. А. Киселева // Правоприменение. – 2017. – №3. – С. 174–189.
5. Конституция Российской Федерации // Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.garant.ru/doc/constitution/> – Дата доступа: 16.04.2025.

6. Криворучко, О. А. Международные договоры в судебных актах арбитражных судов Российской Федерации / О. А. Криворучко // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. – 2014. – №2. – С. 80–89.

7. Криворучко, О. А. Официальное международно-правовое толкование международных договоров как компонент правовой системы России / О. А. Криворучко // Вестник ОмГУ. Серия: Право. – 2015. – №1 (42). – С. 104–113.

8. Курочкина, Е. М. Правовое регулирование трансграничного движения арбитражных решений / Е. М. Курочкина // Международное право. – 2022. – №4. – С. 72–79.

9. Сидорова, Т. Ю. Компетенция международных арбитражных учреждений: вопросы соотношения международного и национального права / Т. Ю. Сидорова, Д. В. Зданович // Сибирский юридический вестник. – 2021. – №4 (95). – С. 142–148.

10. Стригунова, Д. П. К вопросу об источниках международного частного права Российской Федерации / Д. П. Стригунова // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – №8. – С. 86–90.

11. Чуркина, Л. М. Применение национальными судами международных договоров Российской Федерации / Л. М. Чуркина // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – №1. – С. 76–82.

12. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» от 15.07.1995 N 101-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/ – Дата доступа: 16.04.2025.

13. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ – Дата доступа: 16.04.2025.

Features of implementation of international treaties in arbitration proceedings

Zaprosov A.A.

ANO VO "Slavic-Greek-Latin Academy"

The article considers definitions of the category "international treaty", identifies the features of international treaties and criteria on the basis of which an international treaty can be used in law enforcement practice. It is concluded that the provisions of an international treaty are important when considering disputes in an arbitration court. Legislative acts that emphasize the priority of the provisions of international treaties are noted. Regularities of judicial and arbitration practice are revealed. Two main scenarios for the application of the provisions of international treaties are considered. Problematic issues in the area under consideration are presented.

Keywords: arbitration court, arbitration proceedings, international treaty, international law, law enforcement practice, publication

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 N 95-FZ (as amended on April 1, 2025) // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/. – Access date: April 16, 2025.
2. Civil Code of the Russian Federation (CC RF) of November 30, 1994 N 51-FZ // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/. – Access date: April 16, 2025.
3. Zimnenko, B. L. Application of international law norms by arbitration courts of the Russian Federation / B. L. Zimnenko // Moscow Journal of International Law. – 2001. – No. 4. – P. 142–152.
4. Kiseleva, O. A. Application of international treaties of the Russian Federation in arbitration proceedings of Russia / O. A. Kiseleva // Law enforcement. – 2017. – No. 3. – P. 174–189.
5. Constitution of the Russian Federation // Garant [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.garant.ru/doc/constitution/> – Access date: 16.04.2025.
6. Krivoruchko, O. A. International treaties in judicial acts of arbitration courts of the Russian Federation / O. A. Krivoruchko // Bulletin of St. Petersburg State University. Series 14. Law. – 2014. – No. 2. – P. 80–89.
7. Krivoruchko, O. A. Official international legal interpretation of international treaties as a component of the legal system of Russia / O. A. Krivoruchko // Bulletin of Omsk State University. Series: Law. – 2015. – No. 1 (42). – P. 104–113.
8. Kurochkina, E. M. Legal regulation of cross-border movement of arbitral awards / E. M. Kurochkina // International law. – 2022. – No. 4. – P. 72–79.
9. Sidorova, T. Yu. Competence of international arbitration institutions: issues of the relationship between international and national law / T. Yu. Sidorova, D. V. Zdanovich // Siberian legal bulletin. – 2021. – No. 4 (95). – P. 142–148.
10. Strigunova, D. P. On the Sources of Private International Law of the Russian Federation / D. P. Strigunova // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2020. – No. 8. – P. 86–90.
11. Churkina, L. M. Application of International Treaties of the Russian Federation by National Courts / L. M. Churkina // Siberian Legal Review. – 2021. – No. 1. – P. 76–82.
12. Federal Law "On International Treaties of the Russian Federation" dated July 15, 1995 N 101-FZ (latest revision) // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7258/ – Access date: 16.04.2025.
13. Federal Constitutional Law of 31.12.1996 N 1-FKZ (as amended on 16.04.2022) "On the Judicial System of the Russian Federation" (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2023) // ConsultantPlus [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ – Access date: 16.04.2025.

Понятие и формы судебного представительства

Карпов Георгий Александрович

аспирант, Университет «Синергия», georgiykarpov071@gmail.com

Институт судебного представительства остаётся одной из наименее концептуально проработанных конструкций, несмотря на его непосредственное участие в реализации фундаментального права на защиту. Проблема заключается в неоднородности правовой природы, его форм, а также в различиях между отечественными и зарубежными подходами к определению его содержания, границ. Цель настоящего исследования — проанализировать и систематизировать понимание сущности судебного представительства, выявить специфику его вариантов, обосновать авторское определение с учётом существующих научных позиций. Актуальность обусловлена необходимостью пересмотра устоявшихся трактовок в реалиях цифровизации правосудия, роста числа дел с участием уязвимых категорий граждан, усиления требований к профессиональной защите интересов сторон. В литературе выявлены два конкурирующих подхода: нормативно-статусный (анализ института через призму источников права) и функциональный, фокусирующийся на процессуальной роли представителя. Автор предлагает собственную дефиницию; формулировка объединяет ключевые элементы деривативного, институционального, социально-функционального подходов, учитываются континентальные требования к оформлению доверенности и англосаксонский акцент на профессиональной роли представителя. Это позволяет отразить сложную природу института — как передачу полномочий по воле доверителя, так и самостоятельный элемент организационно-процессного механизма. Представленные выводы будут полезны как для научного сообщества, исследующего процессуальные институты, так и для практикующих юристов, нуждающихся в актуализированной и структурированной характеристике сущности рассматриваемого представительства.

Ключевые слова: доверитель, право, правовой институт, представитель, процессуальные полномочия, судебное представительство

Введение

Судебное представительство выступает одним из ключевых институтов гражданского и процессуального права, обеспечивая баланс между эффективностью правосудия и защитой интересов участников судебного разбирательства.

В условиях усложнения правовых отношений вкпе с ростом числа экономических, корпоративных, социальных споров возрастает роль профессиональных представителей, способных компетентно отстаивать права доверителя, ориентироваться в многообразии норм, процедур, а также оптимизировать процесс.

В то же время, законодательство различных стран предъявляет к представителям строгие квалификационные требования, определяет круг лиц, имеющих право осуществлять представление, а также регулирует специфику таких отношений через соответствующие нормы.

Значимость обращения к обсуждаемой теме обусловлена необходимостью глубокого осмысления самого института представительства в суде, его правовой природы, структуры, границ. Весьма значимо комплексное исследование понятия, основных форм.

Материалы и методы

В научной литературе, посвящённой судебному представительству, целесообразно выделить ряд содержательных направлений анализа: вопросы правового регулирования и его эволюции, институциональное и процессуальное измерение, статус представителя, функции в контексте права на судебную защиту, а также сопоставление отечественного и зарубежного опыта.

Группу работ, сосредоточенных на нормативной природе института, представляют, к примеру, изыскания С.Ф. Афанасьева, А.Н. Ермакова [1], И.В. Гинзбурга [2], Л.В. Потаповой [6]. Авторы указывают на несогласованность регулирования в гражданском и арбитражном процессе и поднимают проблему унификации терминологии. Указывается на необходимость разграничения функциональных и статусных параметров, акцентируется внимание на коллизиях между нормами ГПК и АПК РФ, влияющих на допустимость участия профессиональных и непрофессиональных представителей.

К институционально-функциональной трактовке судебного представительства апеллируют Е.А. Гринь, Э.В. Градинар [3], О.Ю. Киселёв [4]. В их работах подчёркивается, что данный институт выступает не только формальным посредником между стороной и судом, но и механизмом институционализации права на справедливое разбирательство.

В русле анализа процессуального статуса и профессионализации находятся публикации А.Ю. Пиддубриной [5], М.М. Пуховой [7]. Они указывают на неоднородность тенденций; рассматривают вопрос в контексте судебной реформы, высвечивая неоднозначность последствий ограничения круга допустимых представителей.

Особую группу составляют зарубежные исследования, в которых обсуждаемый институт анализируется сквозь призму правовых традиций и сравнительного подхода. Так, S.G. Calabresi [8] рассматривает судебное представительство как элемент общей правовой культуры континентальной системы, акцентируя внимание на различиях между цивилистическим и англо-саксонским подходами.

Y. Kaiser, K. Bakanov [9] предлагают прагматичную типологию форм, включая новые, порождённые цифровизацией правосудия. E. Zogiani [10], в свою очередь, поднимает вопрос об эволюции статуса представителя как носителя правового действия, делая упор на его двойственную природу — как субъекта воли и одновременно посредника юридического волеизъявления.

Итак, в научных источниках обнаруживается вариативность подходов. Существует явное рассогласование между акцентами на функциональные и нормативные стороны института. В ряде работ отмечается дефицит комплексного междисциплинарного анализа, особенно в контексте цифровизации и этики взаимодействия представителя и доверителя. Слабо разработанными остаются такие аспекты, как: соотношение между законным и договорным представительством в условиях правовой неопределённости; стандарты профессиональной ответственности и механизмов контроля за действиями представителей.

При подготовке данной статьи автор обращался к методам системного анализа, сравнительного правоведения, формально-юридическому подходу. Также задействован функциональный подход и институциональная теория. Дальнейшее изучение требует активного привлечения междисциплинарных методик.

Результаты и обсуждение

Судебное представительство традиционно понимается как особый вид, при котором одно лицо (представитель) в установленном законом порядке действует в интересах и от имени другого лица (доверителя) в процессе разрешения спора в суде [2, 7].

В основе рассматриваемого института лежит делегирование процессуального права — представитель имеет полномочия совершать действия (подавать иски, заявлять ходатайства, обжаловать решения и т. д.), причём их результаты напрямую связываются с юридической судьбой доверителя.

В российской юридической литературе выделяется несколько методологических подходов к сущности судебного представительства (таблица 1):

Таблица 1
Подходы к пониманию сущности судебного представительства (составлено автором на основе [1, 3-6])

Название	Описание
Деривативный (производный)	Процессуальные права представителя полностью «производны» от прав доверителя
Социально-функциональный	Представительство признаётся элементом организации правосудия — ключевую роль отводят не формальному источнику полномочий, а их назначению — обеспечивать состязательность, оперативность, полноту судебного разбирательства
Институциональный	Акцентируется внимание на профессиональном статусе представителя (адвокатское, нотариальное, корпоративное или государственное представительство рассматривается как самостоятельные правовые институты с собственными нормами и принципами

Среди зарубежных исследователей также сложились определённые группировки взглядов.

Так, в Германии и Франции судебное представительство обычно трактуют как разновидность полномочного (Vertretung), разделяя «формальное» (оформление доверенности) и «фактическое» (Rechtsscheinstatut). Здесь

подчёркивается роль письменной доверенности и строгая регламентация её содержания.

В англосаксонских странах институт адвокатуры и баристерской профессии выступает самостоятельным, при этом представитель не столько действует «от имени» доверителя, сколько выступает как офицер суда (officer of the court) с фидуциарными обязанностями перед клиентом и судом одновременно. Важным является не столько первоначальное доверие, сколько профессиональные стандарты и дисциплинарная ответственность [8-10].

Что касается сходств и различий подходов, то целесообразно выделить следующие тезисы:

- во всех правовых системах признаётся необходимость защиты интересов сторон посредством уполномоченного лица;

- в континентальной традиции акцент делается на законность и формальные требования к доверенности, тогда как в англосаксонской — на профессиональную этику, статус адвоката;

- в российской доктрине сочетаются оба момента: и исполнимость доверительной воли, и требование высоких профессиональных стандартов (адвокатского законодательства).

Итак, понятие судебного представительства обладает двойственной природой — с одной стороны, это классическое доверительное представительство, с другой — самостоятельный элемент организационно-процессуального механизма правосудия, требующий особых профессиональных компетенций и гарантий.

С учётом изложенного выше приводится авторская формулировка. Судебное представительство предлагается понимать как процессуально установленное правоотношение, при котором представитель, действующий на основе надлежащим образом оформленных полномочий и обладая необходимой квалификацией, совершает от имени и в интересах доверителя соответствующие действия в суде, обеспечивая защиту его прав и законных интересов при реализации правосудия.

В представленном определении подчёркивается, что представитель действует именно в рамках судебного (процессуального) права, совершая такие действия, как подача исковых заявлений, участие в заседаниях, обжалование решений. Это отражает деривативный подход российской доктрины, где полномочия представителя «производны» от прав доверителя.

Упомянутое в формулировке требование «надлежащим образом оформленных полномочий» отсылает к континентальной традиции. Указание на «необходимую квалификацию» сопряжено с институциональным подходом, где профессиональный статус (адвокат, нотариус, корпоративный юрист) играет ключевую роль.

Действие от имени и в интересах — отражает классический принцип представительства (agent acts in persona of principal) и подчёркивает связь между волей доверителя и юридическими последствиями действий представителя. При этом «в интересах» указывает на социально-функциональную цель (обеспечить полноту и объективность судебного разбирательства).

Фокус на результатах деятельности представителя и их связи с эффективностью процесса перекликается с аналитическим акцентом зарубежных авторов — в англо-американской системе представитель как «officer of the court» обязан одновременно служить интересам клиента и поддерживать честь и справедливость суда.

Дополнительно уместно подчеркнуть, что представительство — не самоцель, а инструмент достижения справедливого и законного разрешения спора, что соответствует социально-функциональному подходу и идее состязательности правоотношений в суде.

Форма судебного представительства — это установленный законом или договором способ организации и осуществления представителем от имени и в интересах доверителя процессуальных действий в суде, характеризующийся следующими базовыми элементами:

- основание возникновения (договорное, законное, судебное назначение, уставные полномочия и т. п., рис. 1);
- круг лиц-представителей (адвокаты, юристы, опекуны, руководители организаций, общественные объединения, доверенные лица);
- объём процессуальных полномочий (перечень действий, которые представитель вправе совершать — от подачи исков до участия в апелляции);
- процедура оформления и прекращения (требования к доверенности или правовому статусу, условия и порядок прекращения полномочий) [3, 5, 6].

Рис. 1. Разнообразие форм судебного представительства (составлено автором на основе [2, 3, 5, 6])

Добровольная (договорная) форма базируется на волевом согласии доверителя и оформляется гражданско-правовым или трудовым договором. Доверитель вправе выбрать профессионального представителя (адвоката, юриста специализированной фирмы) или непрофессионального (родственника, друга и пр.). Особенность — свобода выбора и вариабельность договорных моделей, однако объём процессуальных полномочий зависит от содержания доверенности и квалификации уполномоченного лица.

Законное представительство применяется там, где доверитель не способен самостоятельно защищать свои интересы: в отношении недееспособных или несовершеннолетних, а также при банкротстве организации. Здесь представителями становятся родители, усыновители, опекуны, конкурсные управляющие, ликвидационные комиссии. В отличие от добровольного варианта, рассматриваемая форма не требует отдельного соглашения (полномочия вытекают из статуса представителя и закреплены законодательно).

Представительство по назначению суда возникает, когда невозможно установить местонахождение ответчика для надлежащего вручения повестки. Суд назначает адвоката, который действует до тех пор, пока лицо остаётся неявившимся. При этом полномочия назначенного представителя ограничены рамками конкретного дела и прекращаются, если ответчик получит повестку самостоятельно.

Общественная форма осуществляется от имени различных организаций и объединений (профсоюзов, товариществ собственников жилья и т. д.), заинтересованных в исходе спора. Эти объединения защищают не частные, а коллективные интересы своих членов, опираясь на уставные полномочия и решения органов управления. Характеризуемый вариант часто задействуется в трудовых, жилищных, социально-экономических спорах.

Самостоятельное представительство — когда в отсутствие стороны её интересы в суде защищает адвокат, юрист компании или иное лицо, заранее уполномоченное доверителем. В отличие от добровольного, здесь отсутствует физическое присутствие доверителя на заседаниях.

В рамках варианта «по заявлению стороны» предполагается, что представитель и доверитель принимают участие в процессе одновременно.

Наконец, к представителям по статусу и полномочиям приравнены руководители юридических лиц и иные органы управления (например, совет директоров), которые действуют от имени организации без специальной доверенности, а также члены ликвидационной комиссии при участии в делах о ликвидации. Эти лица обладают правом оформлять и подписывать процессуальные документы в силу занимаемой должности и полномочий, предоставленных уставом или законом.

Таким образом, каждую из форм судебного представительства отличает своё основание возникновения (договор, закон, назначение суда, уставные полномочия), круг лиц-представителей, а также объём и способ реализации процессуальных прав доверителя.

Выводы

Судебное представительство выступает в качестве неотъемлемого элемента современной системы правосудия, обеспечивая сторонам возможность профессионально и эффективно защищать свои права и законные интересы.

В ходе исследования было показано, что характеризующий институт сочетает в себе классические признаки доверительной деятельности и многогранные организационно-процессуальные функции — от оформления полномочий до участия в апелляции и кассации. В статье рассмотрены основные формы представительства — добровольное (договорное), законное, по назначению суда, общественное, самостоятельное, по заявлению стороны, по статусу — и показана их специфика с точки зрения основания возникновения, круга представителей, объёма полномочий, порядка оформления.

Целесообразно указать на необходимость дальнейшего упорядочения института судебного представительства. В ряде случаев законодательство допускает размытое толкование полномочий непрофессиональных представителей, а механизм судебного назначения адвоката остаётся недостаточно транспарентным. Кроме того, растущий поток дел ставит задачу оптимизации ресурсов — как судебных, так и адвокатских, — что требует внедрения цифровых инструментов и унификации отраслевых стандартов.

Литература

1. Афанасьев С.Ф., Ермаков А.Н. Судебное представительство: унификация и дифференциация правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2020. — № 1. — С. 7-12.
2. Гинзбург И.В. Актуальные проблемы реформирования судебного представительства в гражданском и арбитражном процессе // Проблемы экономики и юридической практики. — 2021. — Т. 17. — № 1. — С. 288-293.

3. Гринь Е.А., Градинар Э.В. О судебном (процессуальном) представительстве и представительстве по назначению суда // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 9 (189). – С. 129-132.

4. Киселёв О.Ю. Судебное представительство как институт реализации права на судебную защиту // Молодой ученый. – 2020. – № 47 (337). – С. 294-295.

5. Пиддубринная А.Ю. Институт судебного представительства в контексте современной судебной реформы // Научная сессия ГУАП: Гуманитарные науки. Сборник докладов научной сессии, посвященной Всемирному дню авиации и космонавтики. – Санкт-Петербург: 2021. – С. 237-238.

6. Потапова Л.В. Особенности института судебного представительства в гражданском процессе // Администратор суда. – 2021. – № 1. – С. 30-33.

7. Пухова М.М. Современное состояние профессионального судебного представительства с точки зрения обеспечения права на судебную защиту // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности. Сборник докладов XIV Московской юридической недели. – Москва: 2025. – С. 255-259.

8. Calabresi S.G. The Civil Law Legal Tradition // The History and Growth of Judicial Review. Volume 2. Oxford University Press New York: 2021. – Pp. 9-26.

9. Kaiser Y., Bakanov K. Present and Future of Judicial Representation // Herald of Omsk University. Series: Law. – 2024. – No. 21(2). – Pp. 49-56.

10. Zogiani E. Representation as an Important Institution of Civil Law // SEEU Review. – 2024. – No. 19(2). – Pp. 104-113.

Concept and forms of judicial representation

Karpov G.A.

Synergy University

The institution of judicial representation remains one of the least conceptually elaborated legal constructs, despite its direct role in ensuring the fundamental right to legal protection. The core issue lies in the heterogeneity of its legal nature, the diversity of its forms, and the divergent domestic and international approaches to defining its scope and substance. The objective of this study is to analyze and systematize the theoretical understanding of judicial representation, to identify the specific features of its various forms, and to propose an original definition that incorporates existing scholarly interpretations. The relevance of this inquiry stems from the need to reassess entrenched doctrinal perspectives in the context of judicial digitalization, the growing number of cases involving vulnerable individuals, and the increased demands on professional legal advocacy. The literature reveals two competing approaches: the normative-status approach, which views the institution through the lens of legal sources, and the functional approach, which focuses on the procedural role of the representative. The author offers a personal definition that synthesizes key elements from derivative, institutional, and socio-functional perspectives. The proposed formulation integrates civil law traditions—emphasizing formal authorization—with the common law focus on the professional functions of the representative. This comprehensive understanding reflects the dual nature of the institution: both as a delegation of authority based on the will of the principal and as an autonomous component of procedural organization. The conclusions presented are of value both to the academic community engaged in the study of procedural institutions and to practicing lawyers seeking a refined and structured conceptualization of judicial representation.

Keywords: authority, judicial representation, legal institute, legal representative, principal, procedural powers

References

1. Afanasyev S.F., Ermakov A.N. Judicial representation: unification and differentiation of legal regulation // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2020. – No. 1. – Pp. 7-12.
2. Ginzburg I.V. Actual problems of reforming judicial representation in civil and arbitration proceedings // Problems of economics and legal practice. – 2021. – Vol. 17. – No. 1. – Pp. 288-293.
3. Grin E.A., Gradinar E.V. On judicial (procedural) representation and representation by appointment of the court // Agrarian and Land law. – 2020. – No. 9 (189). – Pp. 129-132.
4. Kiselev O.Y. Judicial representation as an institution for the realization of the right to judicial protection // Young Scientist. – 2020. – No. 47 (337). – Pp. 294-295.
5. Piddubrivnaya A.Y. Institute of judicial representation in the context of modern judicial reform // Scientific session of GUAP: Humanities. Collection of reports of the scientific session dedicated to the World Aviation and Space Day. – St. Petersburg: 2021. – Pp. 237-238.
6. Potapova L.V. Features of the institution of judicial representation in the civil process // Court administrator. – 2021. – No. 1. – Pp. 30-33.
7. Pukhova M.M. The current state of professional judicial representation in terms of ensuring the right to judicial protection // The Russian legal system: in search of National identity. Collection of reports of the XIV Moscow Law Week. – Moscow: 2025. – Pp. 255-259.
8. Calabresi S.G. The Civil Law Legal Tradition // The History and Growth of Judicial Review. Volume 2. Oxford University Press New York: 2021. – Pp. 9-26.
9. Kaiser Y., Bakanov K. Present and Future of Judicial Representation // Herald of Omsk University. Series: Law. – 2024. – No. 21(2). – Pp. 49-56.
10. Zogiani E. Representation as an Important Institution of Civil Law // SEEU Review. – 2024. – No. 19(2). – Pp. 104-113.

Цифровая трансформация системы правосудия Российской Федерации

Ковалев Владимир Владимирович

аспирант, Международный инновационный университет,
vladimir@kovalev.moscow

В статье доказано, что развитие цифровой трансформации разделяют на периоды, каждый из которых свидетельствует об определенном технологическом прорыве. Обосновано, что понятие цифровая трансформация рассматривается как процесс, технология, переход, стратегия и даже интеграция к новым современным методам и моделям. В условиях цифровизации деятельность органов судебной власти, обеспечение функционирования электронного судопроизводства, ведение электронного делопроизводства в судах и т.п. базируется на применении нормативных правовых актов, которые направлены на урегулирование отношений в сфере правосудия в Российской Федерации. Сделан вывод, что судебная система является совокупностью всех судов государства, осуществляющих правосудие, и обеспечивает доступность правосудия для каждого лица в порядке, установленном Конституцией Российской Федерации и законами Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровизация, система правосудия, трансформационные процессы, технологическая стратегия.

В условиях современного развития информационного общества все активнее происходит его цифровая трансформация. Этот процесс не обходит и сферу правосудия. Об этом свидетельствуют современные новшества электронного содержания, которые направлены как на обеспечение надежности осуществления правосудия в Российской Федерации в связи с имеющимися угрозами и их последствиями, так и на непрерывность судебного процесса. Это дает возможность не только обеспечить безопасность судей, работников судов и всех участников судебного процесса, но и соблюсти гласность судебного процесса и его полного фиксирования техническими средствами как одной из основ судопроизводства, которая определена Конституцией Российской Федерации.

Исследователи впервые начали использовать термин «цифровая трансформация» в конце XX в. В то время цифровые методы вышли за рамки обычных технологий и начали существенно трансформировать форму ведения бизнеса [2].

Развитие цифровой трансформации разделяют на периоды, каждый из которых свидетельствует об определенном технологическом прорыве. Первый период пришелся на 1970-1980 годы и характеризуется возникновением интегральных микросхем, способствовавших сокращению и значительному ускорению расчетов. Второй период продолжался в 1990-2000 годах и способствовал появлению взаимосвязи цифровых процессов. Начало третьего периода пришлось на 2010 год. В этот период появились дешевые датчики, объединенные в беспроводных сетях, создавших новые возможности для развития мониторинговых систем. Четвертый период начал отсчет примерно в 2015 году. В то время возник и начал развиваться искусственный интеллект. Это способствовало не только возможности осуществления анализа массива данных, но и выполнению «человеческих» функций с помощью роботов. Уже в 2017 году на цифровую трансформацию направила свой курс судебная система Российской Федерации.

В настоящих условиях учеными сформированы различные подходы к пониманию цифровой трансформации. Стоит заметить, что наряду с понятием «цифровая трансформация» в основном употребляют понятие «цифровизация (диджитализация)».

А.А. Ильенко отмечает, что в терминологических определениях, освещающих вопросы цифрового развития, применяют такие понятия, как «оцифровка», «цифровизация», «цифровая трансформация» и др. В определенный период эти термины отождествляли и понимали как обычное дублирование, сохранение или перенос информации с материальных носителей в цифровой формат. В современных реалиях цифровая трансформация появляется в несколько более широком смысле [4].

Ю.А. Воржакова и А.Н. Хлебникова отмечают, что в целом понятие цифровая трансформация рассматривается как процесс, технология, переход, стратегия и даже интеграция к новым современным методам и моделям [8].

По мнению А.Н. Хлебниковой, понятие цифровой трансформации и цифровизации хотя четко не определены, однако являются взаимосвязанными. Цифровизация - более распространенное понятие, которым охва-

чено немало методик, а цифровая трансформация является процессом, посредством которого организации, используя цифровые технологии, переходят на новый уровень не только производства, но и отношений между партнерами, клиентами и работниками [1].

Однако иногда цифровую трансформацию отождествляют именно с цифровизацией.

Например, М.Е. Загарин указывает, что цифровая трансформация, или цифровизация, является не просто процессом постепенного внедрения цифровых технологий в различные области общественной жизни, но и комплексной деятельностью, направленной на интеграцию последних в общественное пространство. Цель этой деятельности – улучшение, упрощение политических, экономических, социальных и других процессов, а также обеспечение инновационного развития нашего государства в целом. Важное место в этом занимает именно государственный формат и занимается ее реализацией [1].

Как представляется, понятием «цифровая трансформация» охвачены изменения, которые происходят под влиянием современных информационно-коммуникационных технологий, а также определенные преобразования с помощью применения других электронных средств, способствующих переходу на более качественный уровень обслуживания (в том числе и предоставление государственных услуг), функционирование определенных сфер общественной жизни и т.д. В свою очередь, цифровизация свидетельствует о внедрении информационно-коммуникационных технологий и других электронных средств в различные сферы жизнедеятельности человека, что способствует более быстрому обмену информацией и безбарьерному общению в обществе.

В 2024 году Правительством Российской Федерации одобрены приоритетные направления и задачи (проекты) цифровой трансформации на 2024-2026 годы. Министерства, другие центральные органы исполнительной власти должны организовать работу в этом направлении и обеспечить выполнение задач (проектов) цифровой трансформации [4].

Уместно также указать и на комплексный Стратегический план реформирования органов правопорядка как части сектора безопасности и обороны Российской Федерации на 2025-2030 годы, который содержит положения относительно комплексной цифровой трансформации органов правопорядка и прокуратуры [7].

Считаем, что сегодня общие определения понятий «цифровая трансформация» и «цифровизация» влияют на понимание не только процессов, которые происходят относительно цифровой трансформации системы правосудия, но и ее цифровизации.

Известно, каждая система является сложным целостным образованием, внутренние связи между элементами которой значительно интенсивнее, чем между этими элементами и средой [5]. Судебная система является совокупностью всех судов государства, осуществляющих правосудие, и обеспечивает доступность правосудия для каждого лица в порядке, установленном Конституцией Российской Федерации и законами Российской Федерации. Судебной системе присуща сложная структура и подчиненность ее отдельных звеньев. М.В. Высоцкий и Ю.Г. Хантин отмечают, что судебная система представляет собой совокупность судов, сформированных в соответствии с их полномочиями, задачами, функциями, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, другими нормативными актами [9].

Н.Е. Орлова добавляет, что судебная система является совокупностью всех судов, которые организованы и функционируют в соответствии с законодательством и

принципами судебной власти, а также осуществляют правосудие с целью защиты прав, свобод и интересов человека, юридических лиц и государства [7].

В свою очередь, А.Л. Рябов, анализируя некоторые дискуссионные вопросы, рассматриваемые в исследованиях отечественных ученых, относительно судебной власти и судебной системы, замечает, что сегодня не существует единой научной позиции по поводу сущности понятия «судебная система», которое иногда отождествляют с понятиями «судоустройство» «система судов», «система правосудия», или, наоборот, противопоставляют их. При всем разнообразии взглядов ученых относительно соотношения этих понятий, соответствующее многоаспектное и многофункциональное образование целесообразно и необходимо рассматривать с позиций системного подхода [2].

Следовательно, на теоретическом уровне не достигнуто единой точки зрения применительно к определению понятия «судебная система государства». Можем утверждать, на сегодня в научной юридической литературе встречаются разнородные подходы относительно его толкования - от узкого понимания как совокупности судов к более широкой трактовке с учетом функциональных и организационных аспектов. Конституционная роль судов системы судоустройства Российской Федерации, гарантированная предписаниями Конституции Российской Федерации, обусловленная тем, что ни один другой орган государственной власти не наделен соответствующими полномочиями по проверке обоснованности вмешательства в право на свободу и личную неприкосновенность и не обладает соответствующими гарантиями беспристрастности и независимости, определенными статьями Основного Закона Российской Федерации [5].

Как справедливо подчеркивают В.К. Ратный и Ю.А. Осин, цифровая трансформация судебной системы Российской Федерации с помощью внедрения электронного правосудия способствовала существенному усовершенствованию судебной власти, обеспечению ее доступности, прозрачности и открытости. Благодаря этому судебная вертикаль имеет возможность эффективнее и быстрее реагировать на информационные вызовы в обществе, а также результативно решать дела, уменьшать количество ошибок, избегать коррупционных вызовов [3].

Н.О. Рыжин добавляет, что цифровая трансформация судебной системы способствует не только экономии времени и средств, поскольку участники процесса не тратят время и средства на прибытие в суд, но и обеспечению экологической безопасности, ведь уменьшается количество случаев пользования транспортом, что приводит к уменьшению выбросов в воздух продуктов сгорания топлива. Кроме того, обеспечивается возможность участникам процесса, особенно адвокатам, продуктивнее планировать и использовать свой рабочий график, ведь они не тратят время на проезд, а посещают судебные заседания онлайн, находясь в собственном кабинете или другом помещении, что способствует возможности их участия в большем количестве судебных заседаний [6].

А.Кю Баранов также подчеркивает, что использование электронных технологий в судебной системе способствует повышению эффективной судебной деятельности, упрощению обмена информацией между судами, участниками судебного процесса. Электронное правосудие, безусловно, облегчает доступ граждан к судебным услугам и делает его более прозрачным и доступным [10].

Кроме того, по мнению С.А. Храпова и В.Е. Сперанского, внедрение цифровых технологий в судебную систему вызвало потребность в обеспечении надежной защиты данных, конфиденциальности информации и сформировало задачу, для решения которых нужны специализированные решения и стратегии [3].

Итак, функционирование системы правосудия в условиях цифровой трансформации характеризуется как положительными аспектами, так и определенными вызовами. Внедрение электронного правосудия способствует повышению эффективности, доступности и прозрачности судебной системы, экономии времени и ресурсов участников процесса, а также имеет положительный экологический эффект.

Литература

1. Вершинин, А. П. Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде [Текст] / А. П. Вершинин. - М.: Городец, 2020. - 248 с.
2. Карев, Я. А. Электронный документ и сообщения в коммерческом обороте: правовое регулирование [Текст] / Я. А. Карев. - М.: Статут, 2024. — 319 с.
3. Коган, В. З. Теория информационного взаимодействия [Текст]: философско-социологические очерки / В. З. Коган. - Новосибирск Изд-во Новосиб. ун-та, 2021. - 316 с.
4. Курячая, М. М. Электронное правосудие как необходимый элемент электронной демократии в современной России [Текст] / М. М. Курячая // Конституционное и муниципальное право. - 2023. - № 7. - С. 52-54.
5. Леонтьев, В. И. Применение информационных технологий в деятельности судов общей юрисдикции [Текст] / В. И. Леонтьев // Арбитражный и гражданский процесс. - 2022. - № 7. - С. 5-8.
6. Макаренко, О. Н. «Электронное правосудие» в России [Текст] / О. Н. Макаренко // Проблемы юридической науки в условиях современного социально-экономического развития России: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. студентов, молодых ученых, аспирантов, преподавателей. - Ростов н/Д: РГЭУ(РИНХ), 2022. - С. 9-12.
7. Михайлов, А. С. Создание единого информационного пространства судебной системы России [Текст] / А. С. Михайлов // Смальта. - 2022. - № 3. - С. 95-96.
8. Панкратова, Е. Электронные доказательства [Текст] / Е. Панкратова // ЭЖ-ЮРИСТ. - 2023. - № 22. - С. 5.
9. Решетняк, В. И. К вопросу об электронном правосудии в арбитражном и гражданском судопроизводстве [Текст] / В. И. Решетняк // Юрист. - 2021. - № 9. - С. 33-37.
10. Сас, В. В. «Электронное правосудие» как элемент «сетевого общества»: теоретические проблемы [Текст] / В. В. Сас // Юридическая наука. - 2022. - № 2. - С. 103-104.

Digital transformation of the justice system of the Russian Federation Kovalev V.V.

International Innovation University

The article proves that the development of digital transformation is divided into periods, each of which indicates a certain technological breakthrough. It is substantiated that the concept of digital transformation is considered as a process, technology, transition, strategy and even integration to new modern methods and models. In the context of digitalization, the activities of judicial authorities, ensuring the functioning of electronic legal proceedings, maintaining electronic records in courts, etc. are based on the application of regulatory legal acts that are aimed at regulating relations in the field of justice in the Russian Federation. It is concluded that the judicial system is a combination of all courts of the state administering justice and ensures access to justice for each person in the manner established by the Constitution of the Russian Federation and the laws of the Russian Federation.

Keywords: digitalization, justice system, transformation processes, technological strategy.

References

1. Vershinin, A. P. Electronic document: legal form and evidence in court [Text] / A. P. Vershinin. - M.: Gorodets, 2020. - 248 p.
2. Karev, Ya. A. Electronic document and messages in commercial circulation: legal regulation [Text] / Ya. A. Karev. - M.: Statut, 2024. - 319 p.
3. Kogan, V. Z. Theory of information interaction [Text]: philosophical and sociological essays / V. Z. Kogan. - Novosibirsk Publishing House of Novosib. University, 2021. - 316 p.
4. Kuryachaya, M. M. Electronic justice as a necessary element of electronic democracy in modern Russia [Text] / M. M. Kuryachaya // Constitutional and municipal law. - 2023. - No. 7. - P. 52-54.
5. Leontiev, V. I. Application of information technologies in the activities of courts of general jurisdiction [Text] / V. I. Leontiev // Arbitration and civil procedure. - 2022. - No. 7. - P. 5-8.
6. Makarenko, O. N. "Electronic justice" in Russia [Text] / O. N. Makarenko // Problems of legal science in the context of modern socio-economic development of Russia: materials of the interregional. scientific and practical. conf. students, young scientists, graduate students, teachers. - Rostov n / D: RSEU (RINH), 2022. - P. 9-12.
7. Mikhailov, A. S. Creation of a single information space of the judicial system of Russia [Text] / A. S. Mikhailov // Smalta. - 2022. - No. 3. - P. 95-96.
8. Pankratova, E. Electronic evidence [Text] / E. Pankratova // EJ-JURIST. - 2023. - No. 22. - P. 5.
9. Reshetnyak, V. I. On the issue of electronic justice in arbitration and civil proceedings [Text] / V. I. Reshetnyak // Jurist. - 2021. - No. 9. - P. 33-37.
10. Sas, V. V. "Electronic justice" as an element of the "network society": theoretical problems [Text] / V. V. Sas // Legal science. - 2022. - No. 2. - P. 103-104.

Актуальные вопросы приостановления уголовного дела, привлекаемых к участию в специальной операции

Лазарева Марина Борисовна

преподаватель кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности, Восточно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Россия, mlazareva13@mail.ru

В статье рассмотрены актуальные и важные проблемы, возникающие в ходе приостановления уголовного дела в отношении участников специальной военной операции. Отмечается, что приостановление производства по уголовному делу - институт уголовно-процессуального законодательства, заключающийся во временном прекращении производства следственных действий по собиранию, проверке и оценке доказательств, обусловленный наличием обстоятельств, препятствующих завершению предварительного расследования и производству следственных действий. Изменения в УПК РФ, в УК РФ были, направлены в целях совершенствования правового регулирования освобождения от уголовной ответственности и наказания, погашения судимости, приостановления уголовных дел и прекращения уголовного преследования в отношении лиц, решивших принять участие в специальной военной операции. Положения правовых актов, регулирующие порядок приостановления уголовного дела участников специальной военной операции, в недостаточной мере осуществляют нормативно-правовое регулирование процессуального положения потерпевшего в случае приостановления уголовного преследования. Подчеркивается необходимость напрямую руководствоваться положениями соответствующего законодательства, а также применять наиболее благоприятные нормы в интересах участника специальной военной операции. Указывается на то, что приостановление дел в отношении участников специальной военной операции не должно лишать потерпевших возможности отстаивать свои интересы и на стадии приостановления производства по уголовному делу и обеспечивать в дальнейшем справедливое разрешение дела.

Ключевые слова: уголовный процесс, приостановление уголовного дела, специальная военная операция, обвиняемый, подозреваемый, подсудимый, осужденный.

Проблема приостановления уголовного дела, привлекаемых к участию в специальной операции актуальна сегодня.

Современная геополитическая обстановка в условиях проведения специальной военной операции, которая была объявлена президентом Российской Федерации Владимиром Путиным 24 февраля 2022 года, требует от законодателя принятия оперативных нормотворческих решений, одним из которых стало принятие Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции». К участникам Специальной военной операции относятся военнослужащие и сотрудники правоохранительных органов, принимающие участие в боевых действиях в рамках специальных операций, проводимых Российской Федерацией.¹

Приостановление производства по уголовному делу - институт уголовно-процессуального законодательства, заключающийся во временном прекращении производства следственных действий по собиранию, проверке и оценке доказательств, обусловленный наличием обстоятельств, препятствующих завершению предварительного расследования и производству следственных действий.

Некоторые авторы полагают, что приостановление производства по уголовному делу представляет собой особый вид производства, направленный на устранение обстоятельств, вызвавших временную задержку в поступательном движении уголовного судопроизводства

При таком подходе приостановление производства по уголовному делу представляет собой особое производство в стадии предварительного расследования, заключающееся в правоотношениях и деятельности его участников при определяющей роли дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора, а в отдельных случаях суда по устранению обстоятельств, препятствующих окончанию предварительного расследования, без производства следственных действий.

Практическое значение института приостановления производства по уголовному делу достаточно велико. Решение о приостановлении предварительного расследования по уголовному делу влечет за собой:

1) временное прекращение производства следственных действий, направленных на собирание, проверку и оценку доказательств, за исключением следственных действий, производство которых разрешено до возбуждения уголовного дела, в частности осмотра места происшествия и освидетельствования;

2) прерывание течения срока предварительного следствия и дознания по конкретному уголовному делу (ст. 162, 223 УПК);

3) в некоторых случаях и прерывание срока давности привлечения лица к уголовной ответственности (ч. 3 ст. 78 УК).²

¹ . Федеральный закон от 24 июня 2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции" // Собрание законодательства РФ. 2023. № 26. Ст. 4678

² . Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 174 -ФЗ от 18.12.2001 г. (ред. от 22.04.2024) //Собрание законодательства РФ, 2001. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>.

Приостановление производства по уголовному делу допускается законом при существовании одновременно оснований и условий.

Основания для приостановления предварительного расследования (производства по уголовному делу) - это объективные обстоятельства (юридические факты), препятствующие производству по уголовному делу следственных действий по собиранию, проверке и оценке доказательств.

На сегодняшний день, приостановление уголовного преследования в отношении участника специальной военной операции (далее - СВО) регулируется ст. 208 ст.238,ст 253 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ).

23 марта 2024 г. Федеральным законом № 64-ФЗ в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство были внесены новые нормы, предусматривающие возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время.

Данные изменения, были, направлены в целях совершенствования правового регулирования освобождения от уголовной ответственности и наказания, погашения судимости, приостановления уголовных дел и прекращения уголовного преследования в отношении лиц, решивших принять участие в специальной военной операции, как на добровольной основе, так и в призывном порядке.³ Согласно внесенным поправкам они распространяются на следующую категорию граждан, принимающих участие в СВО:

1) лица, совершившие преступления, относящиеся к любой категории, кроме преступлений, закрепленных в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ, призванные на военную службу или в военное время, или заключившие контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах РФ, а равно лица совершившие преступления в период прохождения военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время в Вооруженных Силах РФ (ст. 78 УК РФ);

2) осужденные лица, приговоры по уголовным делам которых вступили в силу и отбывающие наказания за совершение преступлений, за исключением преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ, призванные на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключившие контракт в указанный период о прохождении военной службы в Вооруженных Силах РФ (ч. 1 ст. 80.2 УК РФ);

3) лица, имеющие судимость, кроме судимости по преступлениям, перечисленным в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ, призванных на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключившие контракт в указанный период о прохождении военной службы в Вооруженных Силах РФ (ч. 3.1 ст. 86 УК РФ).⁴

Первый вопрос затрагивает процедуру приостановления производства расследуемого уголовного дела в отношении участника СВО.

Исходя из новых положений закона, закрепленных в ст. 78.1 УК РФ и в ст. 28.2 УПК РФ следует, что перед тем,

как принять решение об освобождении лица, привлекаемого для участия в СВО, от уголовной ответственности, необходимо приостановить уголовное дело, расследуемое в отношении него.

На принятие такого процессуального решения уполномочены не только военные следственные органы Следственного комитета РФ. Согласно внесенным поправкам в ст. 2 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» участник СВО, даже в случае, когда он является добровольцем, наделен специальным статусом военнослужащего. В соответствии с п.п. «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ предварительное расследование в отношении указанной категории лиц осуществляется только следователями СК РФ.⁵

Для приостановления уголовного дела в отношении участника СВО по п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ необходимо соблюдение следующих требований:

1) лицо должно подозреваться или обвиняться в совершении преступления любой категории за исключением деяний, перечисленных в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ;⁶

2) требуется ходатайство о приостановлении уголовного дела от командования воинской части (учреждения), которое привлекает лицо для участия в СВО в добровольном или в мобилизационном порядке (ч. 9 ст. 208 УПК РФ).⁷

Согласно приведенным нормам закона, дополнительным субъектом, влияющим на процесс приостановления уголовного дела, законодатель определил командование воинской части (учреждения) от которого должно поступить ходатайство о приостановлении предварительного расследования. Данное право специального участника уголовного судопроизводства, закреплено в ч. 1.1 ст. 119 УПК РФ.

При поступлении в орган предварительного расследования упомянутого ходатайства следователь (дознатель) вправе сразу приостановить расследование уголовного дела или совершить данное действие после окончания срока предварительного расследования (ч. 4 ст. 208 УПК РФ). Как правило, указанные обстоятельства зависят от необходимости дальнейшего проведения следственных и процессуальных действий, направленных на установление всех обстоятельств совершенного деяния.

В практической деятельности возникали ситуации при которой лицо, изъявлял желание об участии в СВО когда уголовное дело находится в суде. В связи с этим возникал вопрос каким образом его приостановить?

Нормы закона, внесенные в УПК РФ и УК РФ, как и Федеральный закон № 270 таких полномочий судебным органам не предоставляли.

Исходя из анализа введенных поправок, данный порядок регламентировал исключительно стадию предварительного расследования, минуя при этом стадию судебного разбирательства.

Законодатель 23 марта 2024 г. Федеральным законом № 64-ФЗ не предусмотрел возможность участия в СВО для лиц, в отношении которых назначено судебное разбирательство или уголовное дело находится на рассмотрении суда. При таких обстоятельствах, заинтересованным

³ Пояснительная записка к проекту Федерального закона N 569651-8 «Об особенностях освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/>.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 63 - ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ, 1996. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>.

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 04.11.2022 N 419-ФЗ.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 63 - ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства РФ, 1996. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>.

⁷ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 174 -ФЗ от 18.12.2001 г. (ред. от 22.04.2024) //Собрание законодательства РФ, 2001. [Электронный ресурс] // Режим доступа:<https://www.consultant.ru/>.

участникам уголовного судопроизводства необходимо дожидаться итогового решения суда и лишь в последующем воспользоваться правом участия в СВО. На наш взгляд, данный пробел в дальнейшем должен быть законодательно устранен.

Данные правила не действовали на этапе судебного производства, когда уголовное дело направлялось в суд для рассмотрения по существу и находилось в производстве первой или апелляционной инстанции, Верховный суд России предложил дополнить механизм освобождения участников СВО от уголовной ответственности, предусмотрев возможность приостанавливать уголовные дела не только на стадии следствия, но и на стадии суда.

Верховный суд РФ разработал законопроект, который позволит на судебной стадии освобождать от уголовной ответственности призванных на военную службу или заключивших контракт в период мобилизации или в военное время, ВС предлагает дополнить статью 78.1 УК РФ указанием на аналогичные меры в отношении фигурантов, чьи дела поступили в суд для рассмотрения по существу.

Данный Законопроект был направлен на повышение уровня процессуальных гарантий для лиц, совершивших преступления, которые призваны на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации, либо заключили в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, а также проходят военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, посредством совершенствования правового механизма приостановления в отношении них производства по уголовному делу, отмены меры пресечения, освобождения их от уголовной ответственности, а также освобождения от наказания в судебных стадиях производства по делу.

В связи принятием ФЗ от 02.10.2024 № 340-ФЗ «О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» Приостанавливать уголовные дела с отменой меры пресечения может суд, куда только поступило уголовное дело, суд, уже вынесший приговор (независимо от поступления апелляционной жалобы), или суд апелляционной инстанции.

Несмотря, что указанные меры приостановление дел обеспечивают защиту прав участников СВО при том, остается вопрос о правах, компенсациях и гарантиях для потерпевших, предусмотренных законом. Приостановление дел в отношении участников СВО не должно лишать потерпевших возможности отстаивать свои интересы и на стадии приостановления производства по уголовному делу и обеспечивать в дальнейшем справедливое разрешение дела.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 174 -ФЗ от 18.12.2001 г. (ред. от 22.04.2024) //Собрание законодательства РФ, 2001. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 63 - ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 06.04.2024) //Собрание законодательства РФ, 1996. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>.
3. Федеральный закон от 24 июня 2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 26. Ст. 4678; 2024. № 13. Ст. 1684 (утратил силу).

4. Федеральный закон от 23 марта 2024 № 61-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации", статью 34 Федерального закона "О воинской обязанности и военной службе" и признании утратившим силу Федерального закона "Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции" // Собрание законодательства РФ. 2024. № 13. Ст. 1684.

5. Федеральный закон от 23.03.2024 N 64-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>.

6. Федеральный закон от 02.10.2024 N 340-ФЗ "О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>.

7. Пояснительная записка к проекту Федерального закона N 569651-8 «Об особенностях освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/>.

Current issues of suspending a criminal case involving those involved in a special operation.

Lazareva M.B.

East Siberian Branch of the Lebedev Russian State University of Justice

The article discusses current and important issues that arise during the suspension of criminal proceedings against participants in a special military operation. It is noted that the suspension of criminal proceedings is an institution of criminal procedure legislation, which consists in the temporary cessation of investigative actions for the collection, verification and evaluation of evidence, due to the presence of circumstances preventing the completion of the preliminary investigation and the conduct of investigative actions. The amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation were aimed at improving the legal regulation of exemption from criminal liability and punishment, repayment of criminal records, suspension of criminal cases and termination of criminal prosecution against persons who decided to take part in a special military operation. The provisions of legal acts regulating the procedure for suspending criminal proceedings against participants in a special military operation are insufficiently implemented regulatory and legal regulation of the procedural status of the victim in case of suspension of criminal prosecution. It is emphasized that it is necessary to be directly guided by the provisions of relevant legislation, as well as to apply the most favorable norms in the interests of a participant in a special military operation. It is pointed out that the suspension of cases against participants in a special military operation should not deprive victims of the opportunity to defend their interests even at the stage of suspending criminal proceedings and ensure a fair resolution of the case in the future.

Keywords: criminal trial, suspension of a criminal case, special military operation, accused, suspect, defendant, convicted.

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 174-FZ of 18.12.2001 (as amended on 22.04.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2001. [Electronic resource] // Access mode: <https://www.consultant.ru/>.
2. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 63 - FZ of 13.06.1996 (as amended on 06.04.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 1996. [Electronic resource] // Access mode: <https://www.consultant.ru/>.
3. Federal Law of June 24, 2023 No. 270-FZ "On the Peculiarities of Criminal Liability of Persons Involved in Participation in a Special Military Operation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2023. No. 26. Art. 4678; 2024. No. 13. Art. 1684 (no longer in effect).
4. Federal Law of March 23, 2024 No. 61-FZ "On Amendments to the Federal Law "On Mobilization Preparation and Mobilization in the Russian Federation", Article 34 of the Federal Law "On Military Duty and Military Service" and Recognizing as Invalid the Federal Law "On the Peculiarities of Criminal Liability of Persons Involved in Participation in a Special Military Operation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2024. No. 13. Art. 1684.
5. Federal Law of 23.03.2024 N 64-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" [Electronic resource] // Access mode: <https://www.consultant.ru/>.
6. Federal Law of 02.10.2024 N 340-FZ "On Amendments to Article 78.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" [Electronic resource] // Access mode: <https://www.consultant.ru/>.

Взаимодействие искусственного интеллекта с принципами судопроизводства

Толстов Алексей Станиславович

аспирант кафедры гражданского процесса, публично-правовой деятельности и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции, alex2118.tolstoff@yandex.ru,

В данной статье представлен краткий обзор влияния искусственного интеллекта на некоторые традиционные принципы правосудия. В России применение технологий подобного уровня пока находится на этапе экспериментов и теоретических споров. Однако проекты, такие как автоматизация судебных приказов, уже продемонстрировали способность значительно ускорять производственные процессы, что позволяет освободить рабочее время судей для более сложных судебных дел. Правосудие должно отвечать требованиям справедливости и обеспечивать эффективное регулирование и осуществление механизма восстановления нарушенных прав, предусматривая процедуру, которая гарантировала бы вынесение законных, обоснованных и справедливых судебных решений. В подтверждении данной позиции существует концепция, согласно которой прослеживается сходство воздействия принципов и информационных технологий – обеспечение эффективности и доступности правосудия по гражданским делам в рамках дистанционного рассмотрения дел. Полагаем, что автоматизированные системы подачи заявлений должны способствовать минимизации влияния человеческого фактора, сократить очереди и упростить доступ к юридическим услугам.

Ключевые слова: гражданский процесс, арбитражный процесс, процессуальное право, информатизация, искусственный интеллект.

Принципы гражданского и арбитражного процесса, представляя собой базис формы процессуального права от которых зависит качество внедрения новой технологической системы, осложненной искусственным интеллектом, в осуществление правосудия судами – изменение основной концепции, состоящей из совокупности идей, которые воплощаются, в сущности, норм права¹. Нормы права напрямую выполняют содержание принципов, исходя из их структуры и цели создания. Например, взыскание судебных расходов на оплату услуг представителя в разумных пределах², согласно статье 100 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подлежит в пользу истца с ответчика, исходя из оценки разумности – позиция, которой придерживаются Верховный и Конституционный суды Российской Федерации³. Именно определение разумных пределов расходов на оплату услуг представителя направлена на реализацию принципов разумности и справедливости, что подтверждает рассуждение о реализации идеи принципа через норму. В случаях, когда отсутствует подлежащая применению норма, обязательно применяется сам принцип, представляющий собой важный аспект концепции аналогии права. Следовательно, принципы позволяют создать определенную модель создания и бесперебойного функционирования процесса, отражающий природу и представляющий собой основу толкования содержания нормы права/устранения правовой коллизии или пробела в законодательстве⁴. Таким образом, влияние цифровой интеграции передовых технологических достижений в процессуальные формы правосудия определенно повлияет на трансформацию действующих принципов. Подобное явление уже вызвало обсуждение в научном сообществе, было отмечено, что принципы не препятствуют технологическому прорыву, а также способны измениться по трем разным направлениям: принцип теряет актуальность, принцип может получить новое развитие и более детальное изучение при исследовании новых обстоятельств или у принципа может возрасти уровень значимости⁵. Также учеными отмечено, что подобное изменение «юридической судьбы» принципов может привести к возникновению нового принципа и включения его в общую структуру процессуальных форм правосудия⁶.

После внедрения искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации, подвергнутся неизбежной трансформации:

- осуществление правосудия только судом: при положительном решении о передаче полномочий искусственному интеллекту по рассмотрению судебных дел в

¹ Как написать судебное решение / Е. В. Кудрявцева, Л. А. Прокудина. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 49.

² <https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zawita-chesti-dostoinstva-i-delovoj-reputacii/item/66-principy-razumnosti-i-sorazmernosti-v-rossijskoj-sudebnoj-praktike.html>

³ <https://pro-sud-123.ru/science/studentu/tezisy-lektsii-po-distipline-grazhdanskoe-protsessualnoe-pravo-printsipy-grazhdanskogo-protsessualn/>

⁴ Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / Д. Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий, С. К. Загайнова и др.; под ред. В. В. Яркова. Москва: Статут, 2021 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Луконина Ю. А. Цифровая цивилистическая процессуальная форма: теоретикоприкладные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. С. 87.

⁶ Плешанов А. Г. К вопросу о влиянии информационных технологий на принципы цивилистического процесса // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12 (216). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vliyani-i-informatsionnyh-tehnologiy-naprintsipy-tsilivisticheskogo-protsesssa> (дата обращения: 21.12.2024). С. 249.

порядке особого производства, в особенности, если в деле отсутствует спор о праве, необходимо создания новой модели вынесения решения «цифровым судьей»;

- изменение принципа состязательности неизбежно, так как возможность предоставления сторонами только электронных доказательств и их дальнейшая оценка искусственным интеллектом повлияет на важную стадию судебного разбирательства – судебные прения;

- правосубъектность искусственного интеллекта, законодательное закрепление за ним статуса помощника судьи или его, маловероятное, назначение на должность судьи – безусловно повлияет на принцип судейского руководства, который, на данный момент, не включает в себя отправление правосудия полностью в цифровом формате;

- изменение одного из важных принципов отправления правосудия- принцип независимости судей. Внедрение искусственного интеллекта может повлиять на данный принцип, потребовав его переосмысления¹. Применение искусственного интеллекта должно ограничиваться ролью консультанта при решении судебных задач, чтобы сохранить независимость судебной системы изнутри, обеспечить действие принципа прозрачности вынесения судебных решений и повысить уровень доверия сторон к новым технологиям в процессе организации судебного заседания².

Однако существует и иная точка зрения: существует риск того, что судьи могут ненамеренно полагаться только на анализ обстоятельств дела искусственным интеллектом, не принимая во внимание другие обстоятельства и собственный опыт, что может привести к вынесению несправедливого решения. Полагаем, что данная концепция ошибочна, так как выбор судьями только решения искусственного интеллекта, без учета иных обстоятельств, приведет к нарушению принципа непосредственной оценки доказательств, закрепленного в статье 10 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Именно грамотная оценка судьей-человеком всех представленных доказательств, а также наличие опыта разрешения аналогичных дел, является примером соблюдения вышеуказанного принципа. В свою очередь, самостоятельное исследование и рассмотрение дела юнитом искусственного интеллекта полностью исключает присутствия человеческого фактора при вынесении решения, что приводит нас к вопросу о том, кто будет ответственен за неправомерные действия со стороны машины.

Отсутствие морального, психологического и эмоционального аспекта у юнита искусственного интеллекта также подтверждает факт того, что принцип непосредственности не будет функционировать в полной мере, то есть, проведение судебного заседания в онлайн-формате осложнит процесс оценки доказательств на стадии судебных прений, где эмоциональный характер выступления истцов и ответчиков может иметь значение при вынесении решения. В научной литературе авторами, в частности М.А. Митрофановой, было предложено введение принципа «электронной непосредственности». Предполагаем, что возникновение нового принципа не является правильным способом решения, так как может произойти трудность в толковании схожих по смыслу принципов, к тому же термин «электронная непосредственность» не может быть законодательно закреплён до признания правового статуса у искусственного интеллекта в качестве работоспособной единицы судебного аппарата. Предлагаем, что наиболее вероятным средством решения про-

блемы несоблюдения принципа непосредственности может стать внедрение этических норм на всех этапах разработки технологии, создание четких механизмов надзора, такие как комитеты по этике или наблюдательные советы, и постоянно тестировать модели искусственного интеллекта на соответствие принципам осуществления правосудия.

Таким образом, внедрение искусственного интеллекта в судебный процесс в качестве технического помощника судьи, не может влечь нарушение основополагающих принципов судопроизводства, однако трансформация содержания их форм неизбежна, с целью обеспечения осуществления судебной деятельности, реализации государственных задач, повышения уровня доступности к правосудию. Внедрение системы искусственного интеллекта в гражданскую и арбитражную процессуальные формы правосудия еще не произошло в полном объеме. Предполагаем, что наиболее вероятное применение искусственного интеллекта, а именно выбор наиболее подходящей сферы деятельности суда- в подготовительную деятельность, а именно — в стадию возбуждения гражданских или арбитражных дел, так как на данном этапе риски нарушения прав и законных интересов сторон максимально снижены. Вместе с тем, нельзя исключить возможность развития и совершенствования систем. В случае достижения необходимого уровня развития технологий, судебная система потребует трансформации принципов судебного процесса. Модернизация всех действующих принципов гражданского и арбитражного процессов, при повсеместном использовании искусственного интеллекта, приведет к электронному правосудию – которое не представляет собой новую модель осуществления правосудия, а является альтернативной традиционной формы.

Литература

1. Карасев А. Т. Цифровизация правосудия в Российской Федерации / А. Т. Карасев, А. В. Савоскин, В. А. Мещерягина // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2021. – №2. – С. 72.
2. Кирова А.А., Лошкарёв А.В. Указ. Соч. С. 147; Носенко Л. И. Рассуждения о цифровизации судебной системы и реализации принципа гласности административного судопроизводства / Л. И. Носенко // Вестник ОмГУ. Серия. Право. – 2020. – № 2. – С. 30.
3. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства: Монография / под ред. В.В. Яркова. – Москва: Статут, 2021. – С. 98.
4. Е. В. Кудрявцева, Л. А. Прокудина// Как написать судебное решение //4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 49.
5. <https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zawitachesti-dostoinstva-i-delovoj-reputacii/item/66-principy-razumnosti-i-sorazmernosti-v-rossijskoj-sudebnoj-praktike.html>
6. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / Д. Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий, С. К. Загайнова и др.; под ред. В. В. Яркова. Москва: Статут, 2021 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Луконина Ю. А. Цифровая цивилистическая процессуальная форма: теоретикоприкладные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. С. 87.
8. Плешанов А. Г. К вопросу о влиянии информационных технологий на принципы цивилистического процесса // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12 (216), С. 249.

¹ Дрозд Д. О. Никитина М. А. Влияние цифровизации на судебный процесс // Законодательство. 2022. № 1. С. 46–54.

² https://eprints.tversu.ru/id/eprint/12960/1/208_ПРАВО_3_2024_В%20ПЕЧАТЬ-76-85.pdf

9. Дрозд Д. О. Никитина М. А. Влияние цифровизации на судебный процесс // Законодательство. 2022. № 1. С. 46–54.

Interaction of artificial intelligence with the principles of legal proceedings Tolstov A.S.

All-Russian State University of Justice

This article provides a brief overview of the impact of artificial intelligence on some traditional principles of justice. In Russia, the use of technologies of this level is still at the stage of experiments and theoretical disputes. However, projects such as the automation of court orders have already demonstrated the ability to significantly speed up production processes, freeing up judges' working hours for more complex court cases. Justice must meet the requirements of fairness and ensure effective regulation and implementation of the mechanism for restoring violated rights, providing for a procedure that would guarantee the issuance of lawful, reasonable and fair judicial decisions. In confirmation of this position, there is a concept according to which there is a similarity in the impact of principles and information technologies - ensuring the effectiveness and accessibility of justice in civil cases within the framework of remote case review. We believe that automated application systems should help minimize the impact of the human factor, reduce queues and simplify access to legal services.

Keywords: civil procedure, arbitration process, procedural law, informatization, artificial intelligence.

References

1. Karasev A. T. Digitalization of Justice in the Russian Federation / A. T. Karasev, A. V. Savoskin, V. A. Meshcheryagina // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2021. - No. 2. - P. 72.
2. Kirova A. A., Loshkarev A. V. Ibid. Works. P. 147; Nosenko L. I. Reasoning about the digitalization of the judicial system and the implementation of the principle of publicity of administrative proceedings / L. I. Nosenko // Bulletin of Omsk State University. Series. Law. - 2020. - No. 2. - P. 30.
3. Actual problems of civil and administrative proceedings: Monograph / edited by V. V. Yarkov. - Moscow: Statut, 2021. - P. 98.
4. E. V. Kudryavtseva, L. A. Prokudina // How to write a court decision // 4th ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2016. P. 49.
5. <https://pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zawita-chesti-dostoinstva-i-delovoj-reputacii/item/66-principy-razumnosti-i-sorazmernosti-v-rossijskoj-sudebnoj-praktike.html>
6. Actual problems of civil and administrative proceedings / D. B. Abushenko, K. L. Branovitsky, S. K. Zagainova et al.; edited by V. V. Yarkov. Moscow: Statut, 2021 // Access from the reference and legal system "ConsultantPlus".
7. Lukonina Yu. A. Digital civilistic procedural form: theoretical and applied aspects: dis. ... Cand. of Law. Saratov, 2023. S. 87.
8. Pleshanov A. G. On the influence of information technologies on the principles of the civilistic process // Law and state: theory and practice. 2022. No. 12 (216), S. 249.
9. Drozd D. O. Nikitina M. A. The influence of digitalization on the judicial process // Legislation. 2022. No. 1. S. 46-54.

Понятие «разумные пределы» в нормах о судебных расходах Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации

Хрипунов Александр Сергеевич

аспирант, кафедра гражданского процесса, Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются основные нормативные и доктринальные положения о «разумных пределах» в нормах института судебных расходов гражданского процессуального права России. Анализируется текст Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, рекомендации Верховного Суда Российской Федерации, судебная практика, исследования и позиции правоведов. Предлагается авторское понимание «разумных пределов» и правил их определения, как для судебных органов, так и для лиц, участвующих в деле.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право, гражданский процесс, судебные расходы, разумность в гражданском процессе, разумные пределы.

Судебные расходы в гражданском судопроизводстве можно охарактеризовать как правовой институт, устанавливаемый в соответствующей главе Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [1], посредством которого регулируются вопросы установления, взимания, платы, распределения и возмещения расходов участников гражданских процессуальных правоотношений, которые вытекают не из материально-правовых правоотношений, а из непосредственно производства дела в суде (а также расходы на производство в досудебном урегулировании).

Один из элементов данного правового института – понятие «разумных пределов», которое дважды упоминается законодателем в нормах главы 7 (судебные расходы) ГПК РФ:

- статья 99 ГПК РФ: «... Размер компенсации определяется судом в разумных пределах и с учетом конкретных обстоятельств». Речь идёт о компенсации за фактическую потерю времени;

- часть 1 статьи 100 ГПК РФ: «Стороне, в пользу которой состоялось решение суда, по ее письменному ходатайству суд присуждает с другой стороны расходы на оплату услуг представителя в разумных пределах».

Разумным пределам уделяется большое внимание в правоприменительной практике, и изучение данного понятия в контексте норм о судебных расходах гражданского процессуального права представляет высокую актуальность.

Определение разумных пределов судом есть частный случай дискреционных полномочий суда. Как отмечает А.Д. Кириллова: «При использовании дискреционных полномочий судьи, обладая известной свободой, реализуют субъективное право действовать по своему усмотрению в определенных законом границах, осуществляя мыслительную деятельность по выбору варианта действий и обоснованию такого выбора» [2]. В литературе высказываются различные определения и трактовки соотношения дискреционных полномочий суда и судейского усмотрения (см. А.Д. Татарова [3]). С нашей точки зрения, определение разумных пределов на взыскание судебных расходов – это частный случай судейского усмотрения.

Правовые нормы являются исторически-обусловленными. Для того, чтобы более детально понять, что такое разумные пределы в нормах о судебных расходах, следует изучить, как регулировались схожие правоотношения в контексте истории гражданского процесса.

С исторической точки зрения, в гражданском процессуальном праве дореволюционного периода похожие нормы отсутствовали. Устав гражданского судопроизводства от 1864 г., определяя нормы о судебных издержках в общих судебных местах (общие нормы, аналог современных судов общей юрисдикции, в «противовес» мировым судьям, существовавшим и тогда), устанавливал: «Сумма взыскания со стороны обвиненной в пользу оправданной за приглашение поверенного или вообще за ведение дела определяется сообразно таксе, установленной для присяжных поверенных» [4, ст. 867]. Более того, сторона «обвиненная» обязана была не только возместить другой стороне все судебные издержки, но и «вознаградить», а

вот размер вознаграждения уже определялся судом по его дискреции.

ГПК РСФСР от 1923 г. так же имел определенность: «Сверх пошлин и сборов, понесенных по делу, сторона, выигравшая дело, имеет право на возмещение расходов по вознаграждению своего представителя, если таковой в деле участвовал, в размере 5% той части иска, в отношении которой решение состоялось в ее пользу» [5, статья 46]. Сторону проигравшую закон, однако, аналогичным правом не наделял. ГПК РСФСР от 1964 г. сочетал в себе синтез как дореволюционных положений, так и положений ГПК РСФСР от 1923 г.: «Стороне, в пользу которой состоялось решение, суд присуждает с другой стороны расходы по оплате помощи адвоката, участвовавшего в деле, в размере до пяти процентов от удовлетворенной части исковых требований или от части исковых требований, в которой судом отказано, но не свыше установленной таксы. В случае, если в соответствии с установленным порядком помощь адвоката была оказана стороне бесплатно, суд может взыскать указанную сумму в пользу юридической консультации.» [6 статья 91]. Дискреционные полномочия так же отсутствовали.

Таким образом, можно сделать вывод, что наделение судов дискреционными полномочиями по определению сумм судебных расходов, которые могут быть взысканы с проигравшей стороны («разумные пределы»), является новшеством для отечественного права. И в дореволюционные годы, и в советскую эпоху, существовали строго обозначенные размеры того, что суд должен взыскивать в качестве возмещения судебных расходов (за исключением «вознаграждения» в дореволюционном праве, но это уже не относится непосредственно к судебным расходам, как к расходам, понесенным сторонами).

Рассматривать определение разумных пределов следует с выявления прямого лексического смысла.

Слово «разумный», согласно толковому словарю Ожегова, определяется как:

- «1. Обладающий разумом»;
- «2. Толковый (в 1 знач.), рассудительный);
- «3. Логичный, основанный на разуме, целесообразный» [7].

Согласно тому же источнику, слово «разум» толкуется как «1. Способность человека логически и творчески мыслить, обобщать результаты познания, ум (в 1 знач.), интеллект. 2. Ум (во 2 знач.), умственное развитие».

Прилагательное «разумный» является распространённым в обиходной речи словом, повсеместно используется для характеристики людей, их действий или для дачи наставлений к их действиям. Говоря о том, что «суд» что-то определяет «в разумных пределах», имеется ввиду деятельность людей – судей, по выведению юридически значимых суждений путём оперирования собственными мыслями. При том, решения о том, какие конкретно методы мышления избрать остаются за конкретным человеком – судьёй.

Анализ правоприменительной практики по вышеуказанным статьям ГПК РФ показал, что если статья 99 ГПК РФ о компенсации судебных расходов за фактическую потерю времени, в целом, практически не применяется судам (ввиду сложности доказывания юридически значимых обстоятельств, установленных данной нормой), то часть 1 статьи 100 ГПК РФ используется повсеместно, и суды отсылают к понятию «разумных пределов» при взыскании судебных расходов на оплату услуг представителей.

Так, в деле № 2-1962/2020 Кузьминский районный суд г. Москвы снизил сумму судебных расходов на представителя с 70 000 рублей до 40 000 рублей [9], оперируя нормой о разумных пределах.

Примерно следующим образом звучит абзац в решениях судов касательно снижения судебных расходов на

представителей: принимая во внимание объем и сложность дела, учитывая степень участия представителя при рассмотрении дела, а также объем и качество оказанных им услуг, а также с учетом требований разумности и справедливости, соразмерности и достаточности, соблюдая необходимый баланс процессуальных прав и обязанностей сторон, суд приходит к выводу, что заявленные расходы на оплату юридических услуг являются чрезмерными, в результате чего подлежат снижению, что в наибольшей степени соответствует объему выполненной указанной представителем работы, значимости и объему получившего защиту нарушенного права, требованиям разумности и справедливости» [10].

Между тем, суды не всегда снижают размер заявленных требований. Встречаются и решения, в которых удовлетворению подлежит вся заявленная сумма на судебные расходы (например, дело № 2-169/2024 (29 500 рублей) [11], дело № 2-170/2024 (50 000 рублей) [12], дело № 2-171/2024 (40 000 рублей) [13]). Представляется, многое зависит от конкретного размера суммы, которую требует заявитель.

Норма о разумности пределов на взыскание издержек на оплату услуг представителя содержится и в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) – ст. 112 [14].

В Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ) [15] помимо аналогичной нормы в части 2 статьи 110 АПК РФ присутствует общая норма о «чрезмерности» всех судебных расходов – части 3 статьи 111 АПК РФ (при которой, сторона должна доказать чрезмерный характер заявленных расходов).

В Уголовном процессуальном кодексе Российской Федерации и Кодексе об административных правонарушениях Российской Федерации «разумность» не упоминается применительно к нормам о процессуальных издержках (правовой институт – аналог судебных расходов в гражданском процессе). Между тем, суд наделяется правом освободить осужденного от возмещения процессуальных издержек.

В практике арбитражного судопроизводства были закреплены некоторые интересные правовые позиции касательно исследуемого понятия о разумных пределах на взыскание судебных расходов. Так, Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 9 декабря 2022 г. по делу № А60-56728/2018 было установлено, что, при пропорциональном распределении судебных издержек, нельзя взыскивать судебных расходы с истца в объеме большем, чем было присуждено истцу [16].

Что касается практики Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ), то в Определении КС РФ от 21 декабря 2004 года № 454-О отмечается, что «обязанность суда взыскивать расходы на оплату услуг представителя, понесенные лицом, в пользу которого принят судебный акт, с другого лица, участвующего в деле, в разумных пределах, является одним из предусмотренных законом правовых способов, направленных против необоснованного завышения размера оплаты услуг представителя, и тем самым - на реализацию требования статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации» [17].

В другом судебном акте КС РФ (Постановление КС РФ от 21 января 2019 года), применительно к административному судопроизводству по КАС РФ, отмечает, что действия стороны, обращающейся к услугам представителя с целью затянуть процесс, воспрепятствовать реализации другой стороне её материальных прав, в том числе, с целью, в дальнейшем, её обременить к несению судебных расходов, является признаком неразумности. То есть,

расходы на представителя должны быть вынужденными, необходимыми. Кроме того, отмечается, что необходимо установить, что сторона, требующая взыскания судебных расходов, понесла эти расходы, в действительности [18].

Таким образом, представляется, суды, определяя разумность, должны установить, действительно ли расходы на оплату услуг представителя были необходимыми, и несло ли лицо данные расходы, фактически.

Анализ постановления Пленума ВС РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» [19] позволяет установить следующее:

1. Абзацем 1 пункта 11 установлено одно из основных правил процедуры рассмотрения вопроса о взыскании судебных расходов: «суд не вправе уменьшать его [размер – прим. автора] произвольно, если другая сторона не заявляет возражения и не представляет доказательства чрезмерности взыскиваемых с нее расходов».

При том, интересно, что, так как в ГПК РФ отсутствует данная норма, суд ссылается на часть 4 статьи 1 ГПК РФ (аналогия закона), и ссылается на уже упоминавшуюся статью 111 АПК РФ, которой, как раз, уже установлено процитированное правило.

Как отмечает Т.В. Соловьёва: «В целом существование в гражданском процессуальном законодательстве аналогии закона и аналогии права свидетельствует о допустимости применения при рассмотрении и разрешении гражданских дел иных норм или общих правовых принципов при обнаружении пробела в законодательстве» [20].

Таким образом, при абстрактном толковании (см. Т.В. Соловьёва [21]) норм гражданского процессуального права, можно сделать вывод, что ВС РФ усмотрел в гражданском процессуальном праве, в части института судебных расходов, пробел в правовом регулировании, и разрешил его, путём ограничения полномочий судов в гражданском судопроизводстве большим, чем это прямо предусмотрел парламент.

Между тем, подход законодателя к невнесению данной нормы напрямую в ГПК РФ (а внесение его только в нормы АПК РФ, КАС РФ) может не быть пробелом в правовом регулировании.

2. В абзаце 2 пункта 11 устанавливается правило: «Вместе с тем, ... суд вправе уменьшить размер судебных издержек, в том числе расходов на оплату услуг представителя, если заявленная к взысканию сумма издержек, исходя из имеющихся в деле доказательств, носит явно неразумный (чрезмерный) характер».

Это означает, что явно неразумный (чрезмерный) характер заявленных судебных расходов позволяет суду преодолеть запрет на снижение требований заявителя по инициативе суда без обратного возражения с противоположной стороны (установлено ВС РФ, но не законодателем – для гражданского процесса) – и снизить судебные расходы (представляется, до разумных пределов).

При том, это может относиться ко всем судебным расходам, а не только к расходам на представителя, что прямо не предусмотрено ГПК РФ.

Здесь уже ВС РФ расширяет полномочия судов в объёме большем, чем это предусмотрел законодатель.

Таким образом, систему действий судов по оперированию понятиями разумных пределов, с учётом толкования Верховного Суда, можно алгоритмизировать следующим образом:

1) При отсутствии заявления стороны и без доказательств чрезмерности судебных расходов суд не вправе по своей инициативе снижать размер заявленных судебных расходов до уровня разумных пределов;

2) В случае, если суд усмотрит явный характер чрезмерности, он вправе снизить размер судебных расходов.

3. Пункт 13 полностью посвящен теме разумности судебных расходов на оплату услуг представителя:

«Разумными следует считать такие расходы на оплату услуг представителя, которые при сравнимых обстоятельствах обычно взимаются за аналогичные услуги. При определении разумности могут учитываться объем заявленных требований, цена иска, сложность дела, объем оказанных представителем услуг, время, необходимое на подготовку им процессуальных документов, продолжительность рассмотрения дела и другие обстоятельства.

Разумность судебных издержек на оплату услуг представителя не может быть обоснована известностью представителя лица, участвующего в деле».

Перечислим некоторые источники, которым может руководствоваться суд и участники процесса по рассмотрению вопросов о судебных расходах, в исполнение положений, установленных ВС РФ:

- установленные цены на транспортные услуги (услуги перевозчиков) в данной местности в данное время, статистика по ценам на автомобильное топливо, если участники процесса пользовались личным автотранспортом;

- использование данных из других дел (и решений) по вопросам о судебных расходах;

- прайс-листы организаций, оказывающих юридических услуги, адвокатов, адвокатских образований, в том числе, опубликованные в сети «Интернет». Например, в г. Саратов одна из компаний, оказывающая юридические услуги, на своём интернет-сайте указывает, что размер гонорара на представительство в суде по гражданским делам составляет от 30 000 рублей [22]. Между тем, многие организации, коллегии адвокатов, адвокаты удаляют информацию о стоимости своих услуг из прайс-листов на страницах в сети Интернет, в том числе, по причине того, что эта информация используется потом против их доверителей в судах по вопросу о возмещении судебных расходов (так как реальная стоимость услуг, как правило, оказывается выше, а цена, отраженная в прайс-листе, может быть маркетинговым инструментом привлечения клиентов).

В качестве итога, следует отметить, что правовые позиции ВС РФ расширяют действие разумных пределов на взыскание судебных расходов на весь одноименный правовой институт, не ограничиваясь только рамками статей 99 и 100 ГПК РФ, в которых разумные пределы упомянуты, непосредственно, законодателем. Это указывает на расширительное толкование правовых норм. Так же ВС РФ устанавливает положения о том, что при определении разумных пределов, суду следует установить необходимость несения данных судебных расходов и то, понесены ли они сторонами в действительности. ВС РФ, используя аналогию закона для гражданского процесса, устанавливает общее правило, по которому суды не могут снижать размер заявленных требований без соответствующего заявления другой стороны. В то же время, если суд установит явно неразумный (чрезмерный) характер, то предыдущее правило не применяется, и суд может снизить размер взыскиваемых судебных расходов до разумных пределов, по своей инициативе. Это относится ко всем судебным издержкам. ВС РФ так же описывает критерии разумности транспортных расходов и расходов на проживание (в ГПК РФ нет упоминания разумных пределов в отношении данных издержек). Разумные пределы на взыскание судебных расходов являются примером того, как ВС РФ может расширительно толковать правовые нормы, которые, де-факто, становятся обязательными для правоприменителей. Это необходимо учитывать как в процессе теоретического анализа, так и в области юридической практики.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (ред. от 26 октября 2024 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532; 2025. – № 14. – Ст. 1587.
2. Кириллова А.Д. Правовая позиция судьи в процессе реализации дискреционных полномочий // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 23. С. 117-123.
3. Татарова А.Д. Понятие и признаки дискреционных полномочий судей // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2014. №9. С. 110-114.
4. Устав гражданского судопроизводства. В типографии 2 отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1867. 763 с. / Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина / URL: <https://www.prlib.ru/item/372592> (Дата обращения: 20.11.2024 г.).
5. Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 года «О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1923. № 46 – 47. Ст. 478.
6. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 года (первоначальная редакция) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
7. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (Дата обращения: 15.11.2024 г.).
8. Определение Кузьминского районного суда г. Москвы от 25 марта 2021 года по гражданскому делу № 2-1962/2020. Доступ из интернет-портала судов общей юрисдикции города Москвы.
9. Решение Коптевского районного суда г. Москвы от 09 апреля 2024 года по гражданскому делу № 2-169/2024. Доступ из интернет-портала судов общей юрисдикции города Москвы.
10. Решение Таганского районного суда г. Москвы от 14 мая 2024 года по гражданскому делу № 2-169/2024. Доступ из интернет-портала судов общей юрисдикции города Москвы.
11. Решение Никулинского районного суда г. Москвы от 17 января 2024 года по гражданскому делу № 2-170/2024. Доступ из интернет-портала судов общей юрисдикции города Москвы.
12. Решение Перовского районного суда г. Москвы от 06 февраля 2024 года по гражданскому делу № 2-171/2024. Доступ из интернет-портала судов общей юрисдикции города Москвы.
13. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 года № 21-ФЗ (ред. от 08 августа 2024 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1391; 2025. – № 14. – Ст. 1587.
14. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ (ред. от 08 августа 2024 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012; 2025. – № 14. – Ст. 1587.
15. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 309-ЭС21-7888 от 09 декабря 2022 года по делу № А60-56728/2018. Доступ из картотеки арбитражных дел.
16. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 года № 454-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Траст» на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «Консультант».
17. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2019 года № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 112 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан Н.А. Баланюк, Н.В. Лаврентьева, И.В. Попова и В.А. Чернышева». Доступ из справочно-правовой системы «Консультант».
18. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 года № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – № 4. – Апрель, 2016.
19. Соловьева, Т. В. Аналогия закона и аналогия права в гражданском судопроизводстве // Гражданское право и гражданское судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 29 апреля 2022 года. – Хабаровск: Хабаровский государственный университет экономики и права, 2022. С. 90-93.
20. Соловьева, Т. В. Совершенствование ГПК РФ - функция судов общей юрисдикции // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 10-1. С. 134-140.
21. Аргументъ. Юридическое бюро. URL: <https://pravorus.com/czenyi.html> (Дата обращения: 21.11.2024 г.).

The concept of "reasonable limits" in the provisions on legal costs within the code of civil procedure of the russian federation

Khripunov A.S.

Saratov State Law Academy

This article examines the main normative and doctrinal provisions regarding "reasonable limits" within the framework of legal costs in Russian civil procedure. The text of the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, recommendations of the Supreme Court of the Russian Federation, judicial practice, research, and legal scholars' opinions are analyzed. The author's understanding of "reasonable limits" and rules for their determination are proposed, both for the courts and for the parties to a case.

Keywords: civil procedural law, civil procedure, legal costs, reasonableness in civil procedure, reasonable limits.

References

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on October 26, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 46. - Art. 4532; 2025. - No. 14. - Art. 1587.
2. Kirillova A.D. Legal position of a judge in the process of exercising discretionary powers // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2017. No. 23. P. 117-123.
3. Tatarova A.D. Concept and features of discretionary powers of judges // Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2014. No. 9. P. 110-114.
4. The Charter of Civil Procedure. In the printing house of the 2nd department of His Imperial Majesty's Chancellery. 1867. 763 p. / B.N. Yeltsin Presidential Library / URL: <https://www.prlib.ru/item/372592> (Accessed: 20.11.2024).
5. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of July 10, 1923 "On the introduction of the Civil Procedure Code of the RSFSR" (together with the "Civil Procedure Code of the RSFSR") // SU RSFSR. 1923. No. 46 - 47. Art. 478.
6. Civil Procedure Code of the RSFSR (approved by the Supreme Court of the RSFSR on June 11, 1964 (original version) // Vedomosti of the Supreme Court of the RSFSR. 1964. No. 24. Art. 407.
7. Ozhegov's Explanatory Dictionary. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (Accessed: November 15, 2024).
8. Ruling of the Kuzminsky District Court of Moscow dated March 25, 2021 in civil case No. 2-1962/2020. Access from the Internet portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow.
9. Decision of the Koptevsky District Court of Moscow dated April 9, 2024 in civil case No. 2-169/2024. Access from the Internet portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow.
10. Decision of the Tagansky District Court of Moscow dated May 14, 2024 in civil case No. 2-169/2024. Access from the Internet portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow.
11. Decision of the Nikulinsky District Court of Moscow dated January 17, 2024 in civil case No. 2-170/2024. Access from the Internet portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow.
12. Decision of the Perovsky District Court of Moscow dated February 6, 2024 in civil case No. 2-171/2024. Access from the Internet portal of the courts of general jurisdiction of the city of Moscow.
13. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated March 8, 2015 No. 21-FZ (as amended on August 8, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2015. - No. 10. - Art. 1391; 2025. - No. 14. - Art. 1587.

14. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ (as amended on August 8, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 30. – Art. 3012; 2025. – No. 14. – Art. 1587.
15. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation No. 309-ES21-7888 of December 9, 2022 in case No. A60-56728/2018. Access from the card index of arbitration cases.
16. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 21, 2004 No. 454-O "On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Limited Liability Company Trust on Violation of Constitutional Rights and Freedoms by Part 2 of Article 110 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation". Access from the reference and legal system "Consultant".
17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 21, 2019 No. 6-P "On the Case of Verifying the Constitutionality of Article 112 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizens N.A. Balanyuk, N.V. Lavrentiev, I.V. Popov and V.A. Chernyshev". Access from the reference and legal system "Consultant".
18. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 21, 2016 No. 1 "On Certain Issues of the Application of Legislation on Reimbursement of Costs Associated with the Consideration of a Case" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. - No. 4. - April, 2016.
19. Solovieva, TV Analogy of Law and Analogy of Law in Civil Proceedings // Civil Law and Civil Proceedings: Current Issues of Theory and Practice: Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference, Khabarovsk, April 29, 2022. - Khabarovsk: Khabarovsk State University of Economics and Law, 2022. Pp. 90-93.
20. Solovieva, TV Improvement of the Civil Procedure Code of the Russian Federation - the Function of Courts of General Jurisdiction // Issues of Russian and International Law. 2023. Vol. 13, No. 10-1. P. 134-140.
21. Argument. Law Office. URL: <https://pravo-rus.com/czenyi.html> (Accessed: 21.11.2024).

Проблемы определения круга субъектов мошенничества в сфере предпринимательства

Бакланов Алексей Юрьевич

аспирант, кафедра уголовно-правовых дисциплин Института государства и права Тюменского государственного университета, alex_baklanov_tmn@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемных вопросов, сопряженных с признаками субъекта и субъективной стороны составов преступлений, предусмотренных частями 5 - 7 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации. Указанные деяния являются специальными составами мошенничества, направленными на криминализацию преднамеренного неисполнения договорных обязанностей в рамках предпринимательских договоров, и в силу специального характера уголовно-правового регулирования приобретают специфические особенности, разграничивающие их от общих составов мошенничества, предусмотренных частями 1 - 4 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации. Сложившиеся в правоприменительной практике подходы подвергаются критике со стороны правоведов и исследователей в силу отсутствия системной взаимосвязанности между охранительными нормами уголовного законодательства и регулятивными нормами законодательства гражданского, то есть между вторичными и первичными нормами права. Системный анализ положений публичного и частного права в контексте установления круга субъектов предпринимательской деятельности позволяет лучше обозначить существо представленной проблемы и предложить пути разрешения, согласующиеся с юридической техникой действующего российского законодательства.

Ключевые слова: мошенничество, преднамеренное неисполнение договорных обязательств, корыстная цель, предпринимательская деятельность.

Частями 5 - 7 статьи 159 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Далее в настоящей статье упомянутая совокупность составов преступлений мы будем именовать «мошенничество в сфере предпринимательства». Указанные составы преступлений заменили собой указанные в статье 159.4 Уголовного кодекса РФ, утратившие силу в связи с внесением изменений в закон [1, ст. 2].

Всякое сознательное поведение человека есть действие мотивированное и целенаправленное, и в этом отношении мотив и цель любого преступления взаимосвязаны с категорией вины, что, в свою очередь, также коррелирует с понятием субъекта конкретного вида преступления [16, с. 65]. Приведенное обозначает ту степень важности, которую приобретают направленность умысла и субъектный состав преступного деяния для проведения надлежащей уголовно-правовой квалификации.

Именно потому представляется предметно обоснованным проведение анализа признаков цели и мотива преступлений против собственности, предусмотренных действующим уголовным законодательством РФ, а также особенности субъектного состава специального вида мошенничества (мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности - также именуемого далее в рамках настоящей статьи как мошенничество в сфере предпринимательства).

Исходя из общей дефиниции, отраженной в примечании 1 к статье 158 Уголовного кодекса РФ, под хищением понимается совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества. Ключевым признаком хищений, применимым к рассмотрению вопроса о субъекте и субъективной стороне мошенничества в сфере предпринимательства, выступает требование о наличии корыстной цели в деянии лица. Сам термин «корыстная цель», упомянутый законодателем в примечании 1 к статье 158 Уголовного кодекса РФ, получает своё детальное раскрытие в теоретической и правоприменительной сферах.

Так, Верховный Суд определил корыстную цель хищения следующим образом: «стремление изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен» [4, п. 26].

Указанное определение с достаточной степенью детализированности определяет способы и субъекты получения имущественной выгоды от совершения преступления, однако, как справедливо отмечает С.А. Елисеев: «Пленум Верховного Суда РФ, по существу, сказал о содержании корыстной цели следующее - корыстная цель как признак хищения представляет собой стремление лица совершить хищение» [19, с. 226].

Из позиции Верховного Суда РФ следует, что для признания наличия корыстной цели достаточно установить, что виновное лицо противоправно и безвозмездно обратило чужое имущество в пользу себя или иных лиц, чем

причинило ущерб владельцу такого имущества. Таким образом, признак корыстной цели хищения определяется через фактически совершенное деяние: наличие умысла презюмируется при фактическом присвоении чужого имущества, а объективная сторона априорно образует сторону субъективную [17, с. 85-95].

Описанный выше характер взаимообусловленности объективной и субъективной сторон хищения нельзя признать справедливым и обоснованным без надлежащего установления правоприменителем действительной направленности действий лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Особую важность установление действительных целей действий лица приобретает в сфере предпринимательства. Данная сфера сопряжена с рисками признания гражданско-правовых деликтов, таких как неисполнение договорного обязательства, в качестве деяния, образующего объективную сторону мошенничества.

Верховный суд последовательно излагает правовую позицию, согласно которой субъективная сторона мошенничества в сфере предпринимательства образуется при условии, что сторона договора, заключенного между субъектами предпринимательской деятельности (индивидуальными предпринимателями или коммерческими организациями), заведомо зная о невозможности исполнения обязательства и (или) заведомо не собираясь исполнять взятое на себя договорное обязательство, противоправным образом отчуждает чужое имущество [5, п. 9] [6, п. 5].

Необходимым признаком мошеннических действий (в сфере предпринимательства) является наличие умысла, направленного на хищение чужого имущества, возникшего у лица до получения чужого имущества с корыстной целью, при этом корыстная цель выражается в увеличении имущественного состояния виновного за счет чужой собственности [15, с. 117-118].

Умышленный характер преступного деяния может выражаться в отсутствии у стороны договора фактических возможностей исполнения обязательства; сокрытии информации о наличии задолженностей и обременений имущества; распоряжение денежными средствами, полученным от стороны договора, в личных целях; использование при заключении договора фиктивных уставных документов и поддельных гарантийных писем [15, с. 117-118].

При этом сама предпринимательская деятельность является рискованной по своему характеру, возможность неполучения доходов или недостижения планируемого коммерческого результата является неотъемлемым признаком такой деятельности. Само по себе неисполнение гражданско-правовых обязательств предпринимателем может быть обусловлено различными факторами, не имеющими уголовно-правового значения, но характеризующими скорее предпринимательские способности лица, нежели уровень его правовой культуры.

В контексте деяний, образующих составы мошенничества в сфере предпринимательства, следует отметить устойчивую позицию Конституционного Суда РФ, неоднократно заявлявшего о недопустимости привлечения лица к уголовной ответственности по составам мошенничества в сфере предпринимательства при недоказанности прямого умысла на завладение чужим имуществом.

В период действия статьи 159.4 Уголовного кодекса РФ (предшествующей введению составов частей 5 - 7 статьи 159 Уголовного кодекса РФ) Конституционный Суд указал следующее:

- Предусматривая в качестве единственного объективного признака, служащего специфическим критерием квалификации мошенничества по статье 159.4 УК РФ, неис-

полнение договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, федеральный законодатель вывел из-под действия данной статьи (общих составов частей 1 - 4 статьи 159 УК РФ - прим.авт.) иные виды обмана и злоупотребления доверием в качестве способа хищения чужого имущества или приобретения права на него [10, п. 4.1];

- Выделение специальных составов (мошенничества в сфере предпринимательства путем преднамеренного неисполнения договорных обязательств) обосновано намерением законодателя акцентировать внимание правоприменителя на преднамеренном характере неисполнения договорных обязательств в целях квалификации преступлений и прямо указать на преступный умысел лица как на предмет доказывания [10, п. 3.2];

- Само по себе неисполнение лицом договорных обязательств (в различных формах: неуплаты долга, невыполнения работ, неоказания услуг, непоставки товаров) не может рассматриваться в качестве достаточного основания для лица к уголовной ответственности;

- при квалификации мошенничества в сфере предпринимательской деятельности правоприменительные органы ориентируются в первую очередь на признаки состава, характеризующие субъекта преступления. Соответственно, преступные деяния, сопряженные с преднамеренным неисполнением договорных обязательств, квалифицируются в зависимости от наличия или отсутствия формального признака, относящегося к субъекту преступления, в виде его вовлеченности в осуществление предпринимательской деятельности, в частности - регистрации лица в качестве индивидуального предпринимателя или нахождения его на соответствующей должности в органе управления коммерческой организации [10, п. 3.1];

- Фактическое отсутствие договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности исключает применение специальной нормы, но не исключает - при наличии всех необходимых элементов и признаков состава преступления - применения общего состава мошенничества [8, п. 2] [9, п. 2];

Аналогичной позиции об ограниченном составе субъектов преступления при вменении специального состава мошенничества придерживается также и Верховный Суд РФ: «состав мошенничества, предусмотренного частями 5 - 7 статьи 159 УК РФ, имеет место в случае, если виновное лицо является индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организацией» [4, п. 11]. Лицо, не обладающее полномочиями для принятия самостоятельных решений, влияющих на преднамеренное неисполнение гражданско-правовых обязательств, субъектом рассматриваемых преступлений являться не может [12].

Однако в исследовательской сфере отмечается еще один аспект определенности субъектного состава мошенничества в предпринимательстве. Как известно, одной из особенностей формулирования уголовно-правовых предписаний является использование бланкетных диспозиций, требующих в процессе правоприменения обратиться к нормативным положениям иных (регуляторных) отраслей права. Таковая необходимость возникает и при определении перечня лиц, признаваемых субъектами мошенничества в сфере предпринимательства. Круг субъектов, очерченный ранее Верховным Судом РФ и описанный выше [4, п. 11], подвергается существенной критике в научной среде.

Так, А.А. Боровков отмечает несовершенство подобной правоприменительной позиции по целому ряду формально-правовых оснований, основываясь в том числе на бланкетном характере предписаний уголовного закона [14, с. 131-140]. Поскольку гражданско-правовые понятия и термины, используемые в нормах публичных отраслей

права, применяются в том значении, в каком они используются в гражданском законодательстве, то аналогичным образом и понятие субъекта предпринимательской деятельности должно - в отсутствие в уголовном законе особого толкования уже существующего частноправового института (понятия, термина) - должно определяться с учетом положений Гражданского кодекса РФ [6, п. 8].

В пункте 1 статьи 2 Гражданского кодекса РФ указано следующее: «предпринимательская деятельность является самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельностью, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. Также закон предоставляет право осуществления приносящей доход деятельности некоммерческим организациям в пределах, установленных уставами таких организаций (пункты 4 и 5 статьи 50) [3].

Не менее важным будет отметить, что гражданское законодательство требует от лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, проходить государственную регистрацию в соответствующем качестве в установленном законом порядке, исключениями служат лишь физические лица, применяющие специальные налоговые режимы (к примеру, плательщики налога на профессиональный доход).

При этом гражданское законодательство исходит из того, что в случае фактического осуществления лицом предпринимательской деятельности в нарушение требований о государственной регистрации ссылка на отсутствие соответствующей регистрации в отношении заключенных им сделок является безосновательной и сама по себе не означает, что деятельность лица не может быть квалифицирована в качестве предпринимательской [3, ст. 23] [10, п. 4.1].

Надо отметить, что судебная практика отрицает наличие признаков предпринимательской деятельности и отказывала в переквалификации деяния как мошенничества в сфере предпринимательства на том основании, что субъект преступления не имел (либо утратил) статус субъекта предпринимательства (в частности - индивидуального предпринимателя) на момент совершения преступления [13].

Указанное, при этом, в определенной степени не согласуется с позицией законодателя, указанной в части 4 статьи 23 Гражданского кодекса РФ и утверждающей, что гражданин, осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, без прохождения обязательной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, не вправе ссылаться на тот факт, что он не зарегистрирован в установленном законом порядке.

Однако на научно-теоретическом уровне представлены также и критические взгляды на частноправовое понятие предпринимательской деятельности, связанные с его несовершенством и неопределенностью отдельных составляющих данного понятия, в том числе признаков «систематического получения прибыли» [18, с. 110-111].

Таким образом, складывается негативная с точки зрения правовой неопределенности ситуация, связанная, с одной стороны, с отсутствием исчерпывающего и бесспорного понятия предпринимательской деятельности на уровне гражданского законодательства (что, возможно, и не является критическим обстоятельством в контексте обеспечения функционирования именно частноправовых отношений), а с другой - отсутствием специального понятия предпринимательской деятельности для целей применения уголовного законодательства.

На теоретическом уровне в качестве одного из вариантов преодоления правовой неопределенности предла-

гается сформулировать (специальное, отличное от представленного в гражданском законодательстве определение термина «лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность» либо комплекс устойчивых признаков, позволяющих определить перечень таких лиц [14, с. 140].

Таким образом, из взаимосвязи приведенных норм следует, что круг субъектов мошенничества в сфере предпринимательства должен определяться либо общими положениями гражданского законодательства (при условии большей детализации данных положений), либо при помощи специальной нормы, содержащейся в уголовном законе. На данный момент подобного рода специальная норма в Уголовном кодексе РФ отсутствует.

Литература

1. Федеральный закон от 03.07.2016 № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024, по сост. на 10.03.2024) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023, по сост. на 10.03.2024) // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ №41, Пленума ВАС РФ №9 от 11.06.1999 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации» // доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
8. Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2024 № 1425-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сухаревой Татьяны Викторовны на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью 2 статьи 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
9. Определение Конституционного Суда РФ от 30.11.2023 № 3275-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ляшенко Геннадия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 1, 3, 9 и 159 Уголовного кодекса Российской Федерации» // доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского город-

ского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.2012 № 34-П «По делу о проверке конституционности положения пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // доступ из Справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

12. Апелляционное постановление Тамбовского областного суда от 24.07.2024 по делу № 22-1125/2024 // Доступ из базы данных «Судакт», url: <https://sudact.ru/regular/doc/ZGQRxcZOOAVI/>.

13. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Приморского краевого суда от 25.03.2013 по делу № 22-1618/13 // Доступ из базы данных «Судакт», URL: <https://rospravosudie.com/court-primorskij-kraevoj-sud-primorskij-kraj-s/act-107302545>.

14. Боровков А.А. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (чч. 5-7 ст. 159 УК РФ): проблемы уголовно-правовой регламентации и квалификации // диссертация на соискание степени кандидата юридических наук. СибФУ. Красноярск, 2018. 240 с.

15. Розенцвайг А.И. Преступления против собственности, совершаемые путем обмана и злоупотребления доверием, в уголовном праве России: вопросы истории, теории, практики // Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. СамГУ. Самара, 2012. 238 с.

16. Эриашвили Н.Д. Присвоение и растрата чужого имущества как формы хищения (уголовно-правовой анализ) // Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

17. Квалификация преступлений против собственности: учебное пособие / [Д.А. Безбородов, Я.И. Гилинский, А.В. Зарубин, Р.М. Кравченко, Д.Ю. Краев, М.А. Любавина, А.Н. Попов, П.В. Федышина]; под общ. ред. А.Н. Попова - Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. - 220 с.

18. Оганесян Т.Г. Определение сферы предпринимательской деятельности как признака мошенничества // Вестник Московского университета. 2022. №1. С. 107-121.

19. Елисеев С. А. Дискуссионная трактовка вопросов квалификации мошенничества, присвоения и растраты в Постановлении Пленума Верховного Суда от 27 декабря 2007 г. // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III Рос сийского конгресса уголовного права, 29—30 мая 2008 г. М., 2008. С. 226.

Problems of defining the circle of subjects of fraud in the sphere of entrepreneurship

Baklanov A.Yu.

Institute of State and Law of Tyumen State University

The article is devoted to the consideration of problematic issues associated with the characteristics of the subject and the subjective side of the crimes provided for in parts 5 - 7 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation. The specified acts are special fraud offenses aimed at criminalizing the intentional failure to fulfill contractual obligations within the framework of business agreements, and due to the special nature of criminal law regulation, they acquire specific features that distinguish them from the general fraud offenses provided for in parts 1 - 4 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation. The approaches that have developed in law enforcement practice are criticized by legal scholars and researchers due to the lack of a systemic relationship between the protective norms of criminal law and the regulatory norms of civil law, that is, between secondary and primary rules of law. A systemic analysis of the provisions of public and private law in the context of establishing the circle of business entities allows us to better define the essence of the problem presented and propose solutions consistent with the legal technique of current Russian legislation.

Keywords: fraud, deliberate failure to fulfill contractual obligations, selfish intent, entrepreneurial activity.

References

1. Federal Law of 03.07.2016 No. 325-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // access from the Consultant Plus Reference and Legal System.
2. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 14.02.2024, as of 10.03.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation, 17.06.1996, No. 25, Art. 2954.
3. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on July 24, 2023, as of March 10, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation, December 5, 1994, No. 32, Art. 3301.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017 No. 48 "On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and misappropriation" // Access from the reference and legal system "Consultant Plus".
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 15, 2016 No. 48 "On the practice of applying the legislation by the courts regulating the specifics of criminal liability for crimes in the sphere of entrepreneurial and other economic activities". 6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.12.2007 No. 51 "On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and misappropriation" // Access from the reference and legal system "Consultant Plus".
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 41, Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 9 of 11.06.1999 "On certain issues related to the introduction of part one of the Tax Code of the Russian Federation" // access from the Reference and Legal System "Consultant Plus".
8. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 30.05.2024 No. 1425-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Tatyana Viktorovna Sukhareva on the violation of her constitutional rights by part four of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation and part 2 of Article 7.27 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" // access from the Consultant Plus Reference and Legal System.
9. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 30.11.2023 No. 3275-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Gennady Nikolaevich Lyashenko on the violation of his constitutional rights by Articles 1, 3, 9 and 159 of the Criminal Code of the Russian Federation" // access from the Consultant Plus Reference and Legal System.
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.12.2014 No. 32-P "On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Article 159.4 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the request of the Salekhard City Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug" // access from the Reference and Legal System "Consultant Plus".
11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 27.12.2012 No. 34-P "On the case of verifying the constitutionality of the provision of paragraph "c" of part one and part five of Article 4 of the Federal Law "On the Status of a Member of the Federation Council and the Status of a Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" in connection with the request of a group of deputies of the State Duma" // access from the Reference and Legal System "Consultant Plus". 12. Appellate ruling of the Tambov Regional Court dated July 24, 2024 in case No. 22-1125/2024 // Access from the Sudact database, url: <https://sudact.ru/regular/doc/ZGQRxcZOOAVI/>.
13. Appellate ruling of the Criminal Division of the Primorsky Regional Court dated March 25, 2013 in case No. 22-1618/13 // Access from the Sudact database, URL: <https://rospravosudie.com/court-primorskij-kraevoj-sud-primorskij-kraj-s/act-107302545>.
14. Borovkov A.A. Fraud in the Sphere of Entrepreneurial Activity (Parts 5-7 of Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation): Problems of Criminal-Law Regulation and Qualification // Dissertation for the Degree of Candidate of Law. SibFU. Krasnoyarsk, 2018. 240 p.
15. Rozenzweig A.I. Crimes against Property Committed by Deception and Abuse of Trust in the Criminal Law of Russia: Issues of History, Theory, and Practice // Dissertation for the Degree of Candidate of Law. SamSU. Samara, 2012. 238 p.
16. Eriashvili N.D. Misappropriation and Embezzlement of Someone Else's Property as Forms of Theft (Criminal-Law Analysis) // Dissertation for the Degree of Candidate of Law.
17. Qualification of Crimes against Property: Study Guide / [D.A. Bezborodov, Ya.I. Giliński, A.V. Zarubin, R.M. Kravchenko, D.Yu. Kraev, M.A. Lyubavina, A.N. Popov, P.V. Fedysina]; under the general editorship of A.N. Popov - St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2018. - 220 p.
18. Oganesyán T.G. Definition of the sphere of entrepreneurial activity as a sign of fraud // Bulletin of Moscow University. 2022. No. 1. P. 107-121.
19. Eliseev S. A. Discursive interpretation of issues of qualification of fraud, misappropriation and embezzlement in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of December 27, 2007 // Combating crime: criminal-legal, criminological and criminal-executive aspects: materials of the III Russian Congress of Criminal Law, May 29-30, 2008. Moscow, 2008. P. 226.

Разграничение уголовной и административной ответственности за хулиганство: теоретические и практические аспекты

Спирин Артём Владимирович

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, spirinartem272@gmail.com

В настоящей статье проводится комплексный анализ проблем разграничения уголовной и административной ответственности за хулиганство в современном российском праве. Актуальность исследования обусловлена наличием существенных сложностей в правоприменительной практике, связанных с квалификацией хулиганских действий и их отграничением от смежных составов правонарушений.

Основное внимание в работе сосредоточено на сравнительно-правовом анализе составов преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, и административного правонарушения по ст. 20.1 КоАП РФ. Особое значение придается исследованию критериев разграничения, включая степень общественной опасности, характер нарушения общественного порядка, наличие или отсутствие насильственных действий, а также мотивационную составляющую противоправного поведения. Сама дифференциация данных норм носит проблемный характер, который может привести к судебным ошибкам.

В статье детально рассматриваются дискуссионные вопросы, возникающие при квалификации хулиганства, а именно: проблемы толкования оценочных понятий («грубое нарушение общественного порядка», «явное неуважение к обществу»); сложность установления мотивов совершения правонарушения; критерии разграничения насильственных и ненасильственных форм хулиганства; особенности квалификации действий, совершенных с использованием оружия или предметов, его заменяющих.

Ключевые слова: хулиганство, уголовная ответственность, административная ответственность, общественный порядок, квалификация преступлений.

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью четкого разграничения уголовно наказуемого хулиганства (ст. 213 УК РФ) и административного правонарушения (ст. 20.1 КоАП РФ). Несмотря на кажущуюся простоту дифференциации, на практике возникают сложности при квалификации действий нарушителей, что приводит к судебным ошибкам и нарушению принципа справедливости.

Цель исследования – выявить системные критерии разграничения уголовного и административного хулиганства на основе анализа законодательства и судебной практики.

Задачи:

1. Определить юридическую природу хулиганства в уголовном и административном праве.
2. Проанализировать признаки составов ст. 213 УК РФ и ст. 20.1 КоАП РФ.
3. Исследовать проблемные аспекты квалификации на примерах судебной практики.
4. Предложить рекомендации по совершенствованию правоприменения.

Методология: В работе использованы сравнительно-правовой, формально-юридический и аналитический методы.

Теоретические основы разграничения уголовного и административного хулиганства

Понятие общественного порядка как объекта посягательства

Общественный порядок – это система отношений, обеспечивающая безопасность и спокойствие граждан. В уголовном праве он рассматривается как основной объект хулиганства, тогда как в административном – как второстепенный (наряду с общественной нравственностью). [4, с. 51]

Общественный порядок представляет собой сложный социально-правовой феномен, который в юридической доктрине понимается как:

- система устойчивых общественных отношений;
- совокупность правовых и моральных норм;
- состояние защищенности общественных интересов.

[5, с. 45]

В контексте уголовного права (ст. 213 УК РФ) общественный порядок выступает основным непосредственным объектом, что подтверждается местом нормы в системе Особенной части УК РФ (раздел IX), характером причиняемого вреда и судебной практикой (Постановление Пленума ВС РФ №45) [6, с. 138]

В административном праве (ст. 20.1 КоАП РФ) общественный порядок является:

- одним из элементов объекта правонарушения; [7, с. 382]
- дополнительным к общественной нравственности; [8, с. 50]
- менее значимым по степени охраны. [9, с. 118]

Эволюция законодательства о хулиганстве

Исторически хулиганство в России всегда каралось строго (от телесных наказаний до лишения свободы). В советский период (ст. 206 УК РСФСР) акцент делался на грубое нарушение порядка, а с 2003 года (ФЗ № 162) введены квалифицирующие признаки (оружие, мотивы ненависти). [10, с. 113]

Дореволюционный период:

- Впервые упоминается в Уложении о наказаниях 1845 г. как «буйство»;

- Каравшееся телесными наказаниями и ссылкой.

Советский период:

- Ст. 206 УК РСФСР 1960 г. - акцент на «особо дерзкое» нарушение порядка;

- Жесткие санкции (до 5 лет лишения свободы).

Современный период:

- Реформа 2003 г. (ФЗ №162) ввела новые квалифицирующие признаки

- Дифференциация на уголовное и административное;

- Тенденция к гуманизации за «бытовое» хулиганство.

Уголовно-правовая характеристика хулиганства (ст. 213 УК РФ)

Объективные признаки

Грубость нарушения – значительная степень дезорганизации общественной жизни (например, срыв массового мероприятия). Это качественная характеристика, оцениваемая по: [11, с. 113]

- Способу (демонстративность, циничность);

- Месту (публичность);

- Времени (ночные часы усиливают грубость);

- Последствиям (срыв мероприятий, остановка транспорта)

- Применение насилия – даже неопасное для здоровья (побои, связывание).

- Использование оружия – включая предметы-заместители (камни, палки).

Явное неуважение к обществу проявляется через открытый вызов общественным нормам, демонстративное пренебрежение к окружающим и намеренное противопоставление себя социуму.

Специфические формы совершения:

- Применение насилия (любой степени);

- Угроза насилием (реальная воспринимаемость);

- Использование оружия (включая предметы-заместители).

К факультативным признакам можно отнести мотивы ненависти (требуют специального доказывания) и транспортную специфику (особый режим охраны порядка). [12, с. 97]

Субъективные признаки

- Прямой умысел – осознание противоправности действий.

- Мотивы ненависти – расовая, религиозная, политическая вражда.

Пример из практики: В деле № 5-УД23-31-А1 Верховный Суд подтвердил, что угроза ножом в метро – это хулиганство, даже если потерпевший не пострадал.

Также можно выделить интеллектуальный момент умысла, когда совершающий преступление осознает грубость своих действий и понимает их противоправность и волевой момент, а именно желание нарушить порядок, безразличие к последствиям.

Административное хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ): особенности состава

Отличительные черты

- Отсутствие насилия – только словесные оскорбления, шумное поведение.

- Незначительность ущерба – мелкие повреждения имущества.

В качестве проблемы можно выявить неясность термина «нецензурная брань», что приводит к произвольному толкованию (Решение Мосгорсуда № 7-13835/2023).

К основным формам проявления можно отнести нецензурную брань, однако возникает новая проблема, поскольку нет легального понятия, что к этому относить, кроме как общеизвестность выражений, унижающий характер и контекст использования. [13, с. 567]

Следующей формой проявления правонарушения можно выделить оскорбительное приставание, а именно навязчивость действий, нежелательность контакта, унижительный характер, повреждение имущества, незначительность ущерба, отсутствие корыстного мотива и демонстративность действий. [14, с. 78]

Критерии разграничения: сравнительная таблица

Таблица 1

Критерии разграничения

Критерий	Уголовное хулиганство	Административное хулиганство
Объект посягательства	Общественный порядок + безопасность личности	Общественный порядок
Способ совершения	Насилие, оружие	Нецензурная лексика, мелкие нарушения
Максимальное наказание	До 8 лет лишения свободы	15 суток ареста

Проблемы правоприменения и пути их решения

Когда происходит подмена составов: перекалфикация уголовного дела в административное при наличии насилия (Дело № 16-5967/2024), где избиение было первоначально квалифицировано как мелкое хулиганство

Формальный подход к мотивам, неисследование фона конфликта, игнорирование признаков ненависти

Произвольное толкование «Общественного места», «Нецензурной брани» и «Грубости» нарушения. [15, с. 45]

Конкретные предложения по совершенствованию

К законодательным инициативам можно отнести внесение в примечание к ст. 213 УК РФ определение «грубого нарушения порядка» и дополнение ст. 20.1 КоАП РФ четким перечнем общественных мест и критериев нецензурной брани.

К практическим рекомендациям можно отнести разработку методических указаний для правоохранителей, алгоритм установления мотивов, критерии оценки степени нарушения порядка. А также в обязательном порядке проведения лингвистической и социально-психологической экспертизы.

Судебным органам рекомендуется усилить требования к мотивировочной части судебных актов. Верховному суду Российской Федерации в своих судебных актах определить ключевое значение спорных терминов.

Заключение

Проведенное исследование показало, что ключевое различие между уголовным и административным хулиганством – степень общественной опасности. Разграничение должно основываться на системном анализе объекта посягательства, степени общественной опасности и субъективной направленности деяния.

Для устранения пробелов предлагается:

- Уточнить диспозиции статей;

- Требуется унификация судебной практики;

- Оптимизация законодательных формулировок.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // СЗ РФ. 1996. №25. Ст. 2954.
 2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 №195-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // СЗ РФ. 2002. №1. Ст. 1.
 3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 №45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве...» // БВС РФ. 2008. №1.
 4. Борисов, Г. А. Разграничение мелкого хулиганства и смежных составов правонарушений / Г. А. Борисов // Законность. – 2017. – № 7. – С. 51-54.
 5. Агапов, П. В. Административная ответственность за мелкое хулиганство: вопросы квалификации и разграничения с уголовно наказуемыми деяниями / П. В. Агапов // Административное право и процесс. – 2019. – № 1. – С. 45-51.
 6. Диссертация «Административная ответственность за мелкое хулиганство: вопросы квалификации и совершенствования законодательства»/ Иванов, И.И. - Саратов, 2020. - 200 с.
 7. Стариков, Ю. Н. Административное право: в 2 ч. Ч. 1: История. Наука. Предмет. Метод. Административная законность: учебник для вузов / Ю. Н. Стариков. – 4-е изд., пересмотр. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 382 с.
 8. Павлов, Н.В. (2019). Социальные и правовые аспекты мелкого хулиганства. Социология права, 5, 50-59 с.
 9. Филиппов, А.И. (2022). Хулиганские действия: проблемы правовой квалификации и решений. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва: Российская академия наук. – 127 с.
 10. Кузнецов, Р.П. (2022). Квалификация мелкого хулиганства: современные подходы и проблемы. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва: Академия МВД России. – 113 с.
 11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: постатейный научно-практический комментарий / под ред. Б. В. Россинского. – М.: Статут, 2017. – 1039 с.
 12. Рарог А.И. Квалификация преступлений: теория и практика. – М.: Юрайт, 2024. – 567 с.
 13. Наумов А.В. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. – М.: Проспект, 2023. – 880 с.
 14. Соловьева, М.Ю. (2021). Квалификация мелкого хулиганства: история и современность. Юридический вестник, 9(1), 78-86 с.
 15. Зубарев, С. М. Мелкое хулиганство: вопросы квалификации и отграничения от смежных составов / С. М. Зубарев // Законность. – 2019. – № 10. – С. 45-49.
- Differentiation of criminal and administrative liability for hooliganism: theoretical and practical aspects**
- Spirin A.V.**
- St. Petersburg University of Management Technologies and Economics
- This article provides a comprehensive analysis of the problems of distinguishing criminal and administrative liability for hooliganism in modern Russian law. The relevance of the study is due to the presence of significant difficulties in law enforcement practice related to the qualification of hooliganism and their separation from related offenses.
- The main focus of the work is on the comparative legal analysis of the elements of a crime under Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation and an administrative offense under Article 20.1 of the Administrative Code of the Russian Federation. Particular importance is attached to the study of the criteria of differentiation, including the degree of public danger, the nature of the violation of public order, the presence or absence of violent acts, as well as the motivational component of illegal behavior. The differentiation of these norms is problematic, which can lead to judicial errors.
- The article examines in detail the controversial issues that arise in the qualification of hooliganism, namely: problems of interpretation of evaluative concepts («gross violation of public order», «obvious disrespect for society»); the difficulty of establishing motives for committing an offense; criteria for distinguishing violent and non-violent forms of hooliganism; features of the qualification of actions committed using weapons or objects, its substitutes.
- Keywords:** hooliganism, criminal responsibility, administrative responsibility, public order, qualification of crimes.
- References**
1. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 13.06.1996 (as amended on 24.04.2024) // SZ RF. 1996. No. 25. Art. 2954.
 2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 24.04.2024) // SZ RF. 2002. No1. Art. 1.
 3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 11/15/2007 No. 45 "On judicial practice in criminal cases of hooliganism ..." // BVS RF. 2008. No. 1.
 4. Borisov, G. A. Differentiation of minor hooliganism and related offenses / G. A. Borisov // Legality. - 2017. - No. 7. - pp. 51-54.
 5. Agapov, P. V. Administrative responsibility for minor hooliganism: issues of qualification and differentiation from criminally punishable acts / P. V. Agapov // Administrative law and process. - 2019. - No. 1. - pp. 45-51.
 6. Dissertation "Administrative responsibility for minor hooliganism: issues of qualification and improvement of legislation" / Ivanov, I.I. - Saratov, 2020. - 200 p.
 7. Starilov, Yu. N. Administrative law: in 2 hours, Part 1: History. Science. Subject. Method. Administrative legality: a textbook for universities / Yu. N. Starilov. - 4th ed., revised and supplemented - Moscow : Yurait Publishing House, 2019. - 382 p.
 8. Pavlov, N.V. (2019). Social and legal aspects of petty hooliganism. Sociology of Law, 5, 50-59 p.
 9. Filippov, A.I. (2022). Hooliganism: problems of legal qualification and solutions. Dissertation for the degree of Doctor of Law. Moscow: Russian Academy of Sciences, 127 p.
 10. Kuznetsov, R.P. (2022). Qualification of minor hooliganism: modern approaches and problems. Dissertation for the degree of Candidate of Law. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 113 p.
 11. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation: An article-by-article scientific and practical commentary / edited by B. V. Rossinsky. Moscow: Statute, 2017. 1039 p.
 12. Rarog A.I. Qualification of crimes: theory and practice. Moscow: Yurayt, 2024. 567 p.
 13. Naumov A.V. Criminal law of Russia. Special part: textbook. Moscow: Prospekt, 2023. - 880 p.
 14. Solovyova, M.Y. (2021). Qualification of petty hooliganism: history and modernity. Yuridicheskiy vestnik, 9(1), 78-86 p.
 15. Zubarev, S. M. Petty hooliganism: issues of qualification and differentiation from related groups / S. M. Zubarev // Legality. - 2019. - No. 10. - pp. 45-49.

Проблемы тактики допроса подозреваемого

Лоскутова Ксения Владимировна

магистрант, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Ksushasun19@gmail.com

Влезько Дмитрий Александрович

к.ю.н., доцент кафедры криминалистики, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, projects16@yandex.ru

Настоящая статья посвящена особенностям тактики проведения допроса подозреваемого, исследованию возможных способов решения основных проблем, которые возникают при его производстве. Актуальность темы определяется тем обстоятельством, что допрос подозреваемого часто происходит в ситуации конфликта, которая затрудняет получение правдивых показаний. Необходим поиск более эффективных способов преодоления конфликтных ситуаций, разработка новых подходов к использованию тактических приемов, обеспечивающих достижение целей допроса.

Ключевые слова: допрос подозреваемого, личность преступника, тактика, следственное действие, информация, расследование

Введение

От умения следователя получать достоверную информацию вербальным путем прямо зависит процесс доказывания. Допросы могут занимать до четверти от его рабочего времени. Тактические приемы связаны с оказанием психологического и эмоционального воздействия на личность, однако ряд проблем, связанных, в том числе, с этической стороной рассматриваемого следственного действия, остаются нерешенными. Важное значение имеет умелое использование приемов преодоления конфликтных ситуаций, нередко возникающих в процессе допроса.

Процессуальный статус подозреваемого существенно изменяет привычный образ жизни лица, сокращает количество социальных ролей, а также может отразиться и на психике, если речь идет об изоляции от общества. В данной связи, во избежание незаконного привлечения к уголовной ответственности, а также для изобличения виновного в совершении преступления лица, важное значение имеет грамотное проведение допроса.[1]

Материалы и методы.

Как правило, допрос включает в себя вводную стадию, установление контакта, получение информации, сопоставление полученных сведений с иными доказательными данными, а также протоколирование показаний.

Вводная стадия предусматривает необходимость доброжелательного отношения для налаживания контакта и нивелирования психологического напряжения. Требуется, чтобы следователь создал комфортную психологическую обстановку и сам был готов принять активное участие в диалоге. Налаживание психологического контакта предусматривает участие на таком уровне взаимоотношений, когда обеспечена готовность участников воспринимать информацию. Для установления контакта могут быть использованы различные приемы, например, беседа на отвлеченные темы, в ходе которой может быть налажена психологическая связь.

Результативность допроса обеспечивается путем использования приема демонстрации осведомленности об обстоятельствах жизни допрашиваемого. Это может вызвать интерес к следователю со стороны подозреваемого, отвлечь его от фактов, связанных с совершенным преступлением и не позволит сосредоточиться на выбранной конфликтной линии поведения. Если постоянно и очень быстро менять тему разговора, то подозреваемый не сможет контролировать, когда он говорит правду или неправду, он может быть застигнут врасплох. [2]

Допрос представляет собой самое распространенное следственное действие, значение которого связано с получением от допрашиваемого лица достоверных сведений о совершенном преступлении. Одновременно допрос является сложным следственным действием. Положения уголовно-процессуального законодательства предусматривают порядок производства допроса, при этом позволяют следователю самостоятельно выбирать тактические приемы, используемые в ходе допроса. Применение таких приемов позволяет получить достоверные показания об обстоятельствах уголовного дела. Полученные сведения находят свое отражение в протоколе следственного действия, а также применяются в качестве доказательства при расследовании уголовного дела и судебного разбирательства.

Проведению допроса предшествует ряд подготовительных действий. Прежде всего, следует отметить, что участниками допроса являются следователь и допрашиваемый, а допрос представляет разновидность диалога. Для допрашиваемого диалог, как правило, представляет необычное мероприятие, стрессовое, поэтому важно, чтобы следователь смог наладить психологический контакт. Это достигается путем обеспечения спокойной и благоприятной обстановки, вежливого и тактичного общения, которое должно преодолеть страх и нервное возбуждение допрашиваемого. [3]

В настоящее время известны такие методы исследования личности как изучение личных документов, которые могли быть изъяты у допрашиваемого при обыске, проведение опроса его родственников, коллег, проверка учетов органов внутренних дел, изучение сведений о судимости, проведение обыска по месту жительства, проведение судебно-психиатрической экспертизы. Кроме того, применяются такие методы как наблюдение, биографический метод, метод обобщения характеристик. Однако применение данных методов часто ограничено сроками расследования.

Так, в начале допроса следователь может провести беседу на отвлеченные темы. Целью такой беседы является создание доверительной обстановки, а также получение сведений о допрашиваемом, что в дальнейшем позволяет выстроить тактику допроса. Не следует проводить допрос в напряженной обстановке, поскольку это не позволит психологически «сблизиться» с собеседником, достигнуть целей допроса. На результаты допроса могут оказывать влияние такие факторы как самочувствие допрашиваемого. Например, он может быть в утомленном или болезненном состоянии, что негативно скажется на его показаниях. В данной связи важно правильно выбрать время и место проведения допроса. [4]

Когда допрос проводится в отношении нескольких подозреваемых, которые являются участниками преступной группы, следует использовать особенности межличностного взаимодействия, к примеру, соперничество, наличие разных интересов, отсутствие согласованности в действиях. Когда подозреваемый вовсе отказывается давать показания, то следует ему разъяснить, что он тем самым лишает себя возможности установить в отношении него смягчающие обстоятельства.

Литературный обзор

На основной стадии допроса важное значение имеет получение сведений о событии совершенного преступления. Для этого может быть использован метод косвенных вопросов, связанный с тем, что следователь задает вопросы, которые допрашиваемому могут показаться безопасными, не касающихся события преступления. На момент проведения допроса следователь может не располагать достаточным количеством доказательств, поэтому косвенные вопросы могут маскировать его неосведомленность. [14]

Допрос нередко связан с возникновением конфликтных ситуаций, при которых допрашиваемый не идет на контакт, либо сообщает ложные сведения. Это требует изменения тактики, корректировки плана допроса. Важно, чтобы в процессе допроса следователь умело воздействовал на положительные качества личности допрашиваемого, смог их активизировать, разъяснил последствия содействия расследованию, а также применял приемы, которые позволяют обнаружить ложные показания. Среди таких приемов следует отметить неожиданные вопросы, сокращение времени для подготовки ложного ответа.

Если наладить общение не удается, то следует обратиться к использованию специальных знаний. Психолог поможет снизить напряжение и создать благоприятную

атмосферу допроса. Если подозреваемый входит в преступную группу, то эффективным тактическим приемом является использование показаний соучастников, сопоставление полученных от них сведений.

Результаты.

Основная сложность допроса связана с необходимостью распознавания ложных показаний. [5]

Среди способов выявления лжи следует выделить вербальные и невербальные признаки обмана. Соответственно, следователю необходимо быть и хорошим психологом. На эмоциональное состояние допрашиваемого может быть оказано воздействие. Одновременно у следователя имеется возможность наблюдать за эмоциональной реакцией подозреваемого. Выявить признаки лжи, когда имеется монолог подозреваемого, довольно сложно, поскольку наиболее наглядно ложь проявляется в вопросно-ответной стадии, поскольку благодаря вопросам у следователя появляется возможность создать ситуацию напряженности.

Процессуальный статус подозреваемого налагает определенные особенности на тактику его допроса. У следователя может не быть достаточно изобличающих доказательств, поэтому подозреваемый стремится помешать расследованию, максимально обезопасить себя. В данной связи, в процессе допроса подозреваемого следует применять многовариантную тактику. Прежде всего, допрос подозреваемого нужно провести незамедлительно, в течение 24 часов после задержания, чтобы подозреваемый не смог детально обдумать и привести свои доводы, либо обосновать ложную версию. [6]

В процессе допроса требуется учитывать такие обстоятельства как недоверие к следователю, повышенный самоконтроль, повышенную психическую напряженность, состояние подавленности, возможную психологическую депрессию допрашиваемого, а также его большую заинтересованность в исходе дела. В процессе допроса подозреваемый может занимать оборонительную позицию по делу, уклоняться от дачи правдивых показаний. Нередко обвиняемые дают односложные ответы, поэтому следует изменять формулировки вопросов. [13]

Обсуждение.

В современном обществе имеется запрос на уважительное и справедливое отношение к подозреваемому, так как подозрение может не подтвердиться. Нередко допрос проводится в стрессовой ситуации, в которой главной задачей следователя является оказание психологического воздействия. Нередко подозреваемые отказываются от дачи показаний, либо меняют показания. Применение тактических приемов должно учитывать возрастные и индивидуальные особенности личности. Кроме того, применяемые приемы не должны противоречить этическим принципам. Форма и стиль проведения допроса должны быть основаны на нравственно-этических нормах. Кроме того, проводя подготовку к допросу, следует принимать во внимание невербальную составляющую общения. [7]

При выборе тактических приемов следователь должен принимать во внимание, что подозреваемый может быть уязвимым и излишне восприимчивым к тем или иным тактическим приемам и формам воздействия [12]. Нередко в связи с ограниченностью времени следователь не может уделить достаточно внимания изучению личности допрашиваемого. Однако применение комплексного изучения личности допрашиваемого позволяет получить полные сведения, правильно сформировать предмет допроса, устранить имеющиеся проблемы, грамотно устранить противодействие расследованию. [8]

Криминалистическая тактика находится в тесной взаимосвязи с различными отраслями психологии, прежде всего, с юридической психологией, поведенческой психологией и конфликтологией. В научной литературе приемы проведения допросов неоднократно становились предметом исследования. Прежде всего, исследователи уделяли внимание приемам изобличения лжи. Однако до настоящего времени у исследователей не сформировано единого мнения относительно того, какие именно тактико-психологические приемы являются универсальными для получения наиболее объективных, полных и достоверных показаний по делу. На практике выделяется две группы тактических приемов, которые могут быть применены в процессе допроса: традиционные и нетрадиционные. Применение нетрадиционных приемов требуется в том случае, если традиционные приемы оказались неэффективными. [11]

Так, среди нетрадиционных приемов используется распознавание лжи по лицу и положению тела в пространстве, по движениям. Помимо этого, признаком лжи являются противоречия в рассказе о том, что подозреваемый собирался делать. В данной связи необходимо основное внимание обращать на жесты, которые связаны с лицом. Такие приемы могут быть использованы на первых этапах допроса, когда требуется провести диагностику психологического состояния допрашиваемого.

Кроме того, в настоящее время накоплен большой объем знаний, связанный с возможными приемами проведения допроса. Однако нередко следователи ограничиваются только собственным опытом, который, безусловно, имеет значимость, однако нельзя оставлять без внимания проработанную теорию. [9]

Например, в зарубежных странах распространена «Тактика Рейда», которая предусматривает наличие последовательных стадий, каждая из которых переходит в другую после достижения наиболее значимой цели. Данная тактика предусматривает, что подозреваемого убеждают в том, что он обязан давать показания, что имеются неоспоримые факты его вины, а также утверждения о том, что соисполнители признались в совершении преступления. Данные приемы используются при возникновении конфронтации с допрашиваемым, чтобы заставить его дать правдивые показания.

Следует отметить, что авторы данной тактики рекомендуют применять ее только в отношении тех допрашиваемых, о виновности которых имеется достаточно доказательств. На первом этапе данная тактика предусматривает проведение интервью, когда следователь использует методику определения признаков лжи. Кроме того, данная тактика предусматривает полную изоляцию допрашиваемого, обвинение и блокирование отрицания, а также прием минимизации, когда следователь как бы оправдывает допрашиваемого в содеянном, обещая ему снисходительное отношение. Однако такая тактика не может быть применена в отечественной практике, поскольку противоречит уголовно-процессуальному законодательству. [10]

Важно, чтобы в процессе проведения допроса, при использовании тактических приемов полученные показания были признаны допустимым доказательством. Вопрос о допустимости и ее критериях становился предметом исследования в научных работах различных авторов. Например, Е.В. Ларин указывает, что допустимость доказательств предусматривает законность источника его получения. [15] А.А. Хмыров говорит, что допустимость доказательств предусматривает соответствие способов получения уголовно-процессуальному законодательству. [16] С точки зрения Ф.В. Чиркина, оценка допустимости предусматривает установление источника доказатель-

ства, порядка получения на соответствие нормам уголовно-процессуального законодательства. [17]

Заключение.

Представляется, что наличие связи между критериями допустимости доказательства и допустимостью тактического приема очевидно. Применение тактических приемов всегда предусматривает определенное психологическое воздействие на допрашиваемого. Вместе с тем, использование психологического воздействия может быть ограничено положениями законодательства, но в то же время опираться на использование этических принципов. Обязанность не нарушать закон исполняется следователем, но обязанность по соблюдению этических принципов выполняется не всегда. Такое положение связано с тем, что вопрос о том, следовать ли этическим принципам, следователь решает самостоятельно. Более того, некоторые сотрудники правоохранительных органов систематически нарушают этические требования, оправдывая это требованиями о проведении эффективного и быстрого расследования.

В качестве возможного варианта решения данной проблемы можно предложить разработку методических рекомендаций, основанных на принципах психологического воздействия. Помимо этого, в сложных случаях следует признать обязательным использование видеофиксации допроса.

Литература

1. Влезько Д.А. Личность преступника в системе элементов криминалистической характеристики убийств // Итоги научно-исследовательской работы за 2017 год: сборник статей по материалам 73-й научно-практической конференции преподавателей. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2018. – С. 649-650.
2. Влезько Д.А. К вопросу о понятии и содержании розыскной деятельности, осуществляемой следователем // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Иркутск, 2014, Вып. 5.
3. Влезько Д.А., Шацкая А.П., Мороз Е.С. Взаимодействие следователя с иными участниками, осуществляющими уголовное преследование // Пробелы в российском законодательстве. 2020. №6.
4. Тактика допроса на досудебном следствии: учеб. пособие / под ред. В.Д. Зеленского. - Краснодар : КубГАУ, 2015. - 82 с.
5. Зеленский В.Д. О современном состоянии учения об организации расследования преступлений // Криминалистические проблемы организации расследования преступлений: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2021. С. 5-6.
6. Зеленский В.Д. Теоретические вопросы организации расследования преступлений. Краснодар, 2011. С. 26-34.
7. Зеленский В.Д., Спружевников В.К. Организация первоначального этапа расследования преступлений: монография. Краснодар, 2013. 245 с.
8. Зеленский В.Д., Влезько Д.А., Головин М.В., Грицаев С.И. Основные положения следственной тактики: монография. Краснодар: КубГАУ, 2011. С.190-196.
9. Карданов Р. Р. Криминальные татуировки как частный объект криминологического исследования личности преступника // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 2 (51). С. 156 – 162.
10. Влезько Д.А. О методах преодоления противодействия расследованию // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным

участием), посвященной 20-летию кафедры криминалистики / Отв. ред. Г.М. Меретуков. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2019. – С. 232-238.

11. Рычkalova Л.А. Проблемы тактики допроса подозреваемого и обвиняемого // Общество и право. 2020. № 4 (50). С. 205–210.

12. Хайруллова Э. Т. Применение психологических приемов в тактике допроса подозреваемых и обвиняемых // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 20. № 4. С. 138–144.

13. Шаевич А. А. Обзор зарубежных методик допроса: «Тактика Рейда» // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб науч. тр. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. Т. 25. № 1. С. 255–263.

14. Шаевич А. А. Практическая направленность криминалистики: желаемое и действительное // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2021. № 1(17). С. 170–177.

15. Ларина Е.В. Признание доказательств недопустимыми в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

16. Хмыров А.А. Теория доказывания: общая часть : учеб. пособие. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2006.

17. Чирков Ф.В. Оценка доказательств в ходе окончания предварительного следствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012.

The problems of interrogation tactics of the suspect

Loskutova K.V., Vlezko D.A.

I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University

This article is devoted to the peculiarities of tactics of interrogation of a suspect, the study of possible ways to solve the main problems that arise during his production. The relevance of the topic is determined by the fact that the interrogation of a suspect often takes place in a conflict situation, which makes it difficult to obtain truthful testimony. It is necessary to search for more effective ways to overcome conflict situations, to develop new approaches to the use of tactics that ensure the achievement of interrogation goals.

Keywords: interrogation of the suspect, identity of the criminal, tactics, investigative action, information, investigation

References

1. Vlezko D.A. The identity of the criminal in the system of elements of criminalistic characteristics of murders // Results of research work for 2017: a collection of articles based on the materials of the 73rd scientific and practical conference of teachers. Krasnodar: I.T. Trubilin Kuban State Agrarian University, 2018. pp. 649-650.
2. Vlezko D.A. On the concept and content of investigative activities carried out by an investigator // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow: collection of scientific papers Irkutsk, 2014, Issue 5.
3. Vlezko D.A., Shatskaya A.P., Moroz E.S. Interaction of the investigator with other participants in criminal prosecution // Gaps in Russian legislation. 2020. No. 6.
4. Tactics of interrogation during the pre-trial investigation: textbook. the manual / edited by V.D. Zelensky. Krasnodar : KubGAU Publ., 2015. 82 p.
5. Zelensky V.D. On the current state of the doctrine of the organization of the investigation of crimes // Criminalistic problems of the organization of the investigation of crimes: Materials of the All-Russian scientific and practical conference. Krasnodar, 2021. pp. 5-6.
6. Zelensky V.D. Theoretical issues of the organization of crime investigation. Krasnodar, 2011. pp. 26-34.
7. Zelensky V.D., Spruzhebnikov V.K. Organization of the initial stage of crime investigation: monograph. Krasnodar, 2013. 245 p.
8. Zelensky V.D., Vlezko D.A., Golovin M.V., Gritsaev S.I. Basic provisions of investigative tactics: monograph. Krasnodar: KubGAU, 2011. pp.190-196.
9. Kardanov R. R. Criminal tattoos as a private object of criminological research of the criminal's personality // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (51). pp. 156-162.
10. Vlezko D.A. On methods of overcoming counteraction to the investigation // Modern problems of domestic criminalistics and prospects for its development: A collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation) dedicated to the 20th anniversary of the Department of Criminalistics / Ed. by G.M. Meretukov. Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after I.T. Trublin, 2019. pp. 232-238.
11. Ryckalova L.A. Problems of tactics of interrogation of the suspect and the accused // Society and law. 2020. No. 4 (50). pp. 205-210.
12. Khairullova E. T. The use of psychological techniques in the tactics of interrogation of suspects and accused // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow. 2021. Vol. 20. No. 4. pp. 138-144.
13. Shaevich A. A. Review of foreign interrogation techniques: "Raid tactics" // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow: collection of scientific tr. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 25. No. 1. pp. 255-263.
14. Shaevich A. A. Practical orientation of criminalistics: desired and actual // Criminalistics: yesterday, today, tomorrow: collection of scientific tr. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 1(17). pp. 170-177.
15. Larina E.V. Recognition of evidence as inadmissible in Russian criminal proceedings : abstract of the dissertation. ... kand. jurid. M., 2005.
16. Khmyrov A.A. Theory of proof: general part : textbook. stipend. Krasnodar : Kuban State University, 2006.
17. Chirkov F.V. Evaluation of evidence during the end of the preliminary investigation : abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences'. Krasnodar, 2012.